

ЧАК ПАЛАНИК



*Помощи ждать неоткуда...
Выживает сильнейший!*

18+

NEOCLASSIC

ПРИЗРАКИ

РОМАН

Annotation

Невероятная, страшная и смешная история, которую каждый рассказывает по-своему. Двадцать три «человека искусства», которые приняли заманчивое предложение на три месяца отрешиться от мирской суеты и создать шедевры – а попали в ад! Полуразрушенный подземный готический театр, в котором нет ни электричества, ни отопления... Еда на исходе... Помощи ждать неоткуда... Выживает сильнейший!

- [Чак Паланик](#)
 - [Подопытные кролики](#)
 - [1](#)
 - [Достопримечательности](#)
 - [Кишки](#)
 - [2](#)
 - [Под прикрытием](#)
 - [Дела ножные](#)
 - [3](#)
 - [Усовершенствование продукта](#)
 - [Гримерка](#)
 - [4](#)
 - [Врачебный консилиум](#)
 - [По трущобам](#)
 - [5](#)
 - [Коммерческая тайна](#)
 - [Лебединая песня](#)
 - [6](#)
 - [Эрозия](#)
 - [Собачий век](#)
 - [7](#)
 - [По найму](#)
 - [Честолюбивые замыслы](#)
 - [8](#)
 - [Глядя в прошлое](#)
 - [На завершающем этапе](#)
 - [9](#)
 - [Должностные обязанности](#)

- [Исход](#)
- [10](#)
- [Вавилонское столпотворение](#)
- [Пришибленные](#)
- [11](#)
- [Консультант](#)
- [Ритуал](#)
- [12](#)
- [Ящик с кошмарами](#)
- [13](#)
- [Под присягой](#)
- [Гражданские сумерки](#)
- [14](#)
- [Запасной вариант](#)
- [Верность марке](#)
- [15](#)
- [Начеку](#)
- [Выскажи свои обиды](#)
- [16](#)
- [Отпуск по – американски](#)
- [Калека](#)
- [17](#)
- [Эволюция](#)
- [Диссертация](#)
- [18](#)
- [Пропавший ребенок](#)
- [19](#)
- [Близорукие](#)
- [Всему есть предел\[6\]](#)
- [20](#)
- [Отпущение грехов](#)
- [Кипящие ключи](#)
- [21](#)
- [Кассандра](#)
- [22](#)
- [На все случаи жизни](#)
- [Злые духи](#)
- [23](#)
- [Доказательство](#)

- [Старомодный подход](#)
 - [24](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Чак Паланик

Призраки

Многое здесь было красиво, многое – безнравственно, многое – bizarre,иное наводило ужас, а часто встречалось и такое, что вызывало невольное отвращение.

Эдгар Аллан По «Маска Красной Смерти»

Подопытные кролики

Предполагалось, что это будет убежище для писателей. Предполагалось, что там нам ничто не грозит.

Уединенная писательская колония, где можно спокойно работать, под патронатом старого, умирающего человека по имени Уиттиер, но оказалось, что все не так.

Предполагалось, что мы будем писать стихи. Замечательные стихи.

Вся наша компания, его одаренные ученики.

На три месяца, под замком, вдали от повседневной рутины.

Мы называли друг друга Хваткий Сват. Или

Недостающее Звено.

Или вот: Мать-Природа. Глупые ярлыки. Имена на ассоциациях.

Точно так же – когда вы были маленькими – вы придумывали имена для растений и животных в окружающем мире. Пионы – липкие от нектара и кишачие муравьями – вы называли «муравьиным цветком». Всех колли вы называли: *Лесси*.

Да и сейчас, точно так же, вы зовете кого-то «этот мужик без ноги».

Или: «ну знаете, та черномазая...»

Мы называли друг друга:

Граф Клеветник

Или Сестра Виджиланте.^[1]

Имена, которые мы заслужили своими рассказами. Которые мы дали друг другу по жизни, не по родству:

Леди Бомж

Агент Краснобай

Имена, присужденные по грехам нашим, не по делам:

Святой Без-Кишок

И Герцог Вандальский.

По нашим промахам и преступлениям. Как у супергероев, только с точностью до наоборот.

Глупые имена для настоящих людей. Вроде распорол тряпичную куклу, а внутри:

Настоящие потроха, настоящие легкие, живое сердце и кровь. Много горячей и липкой крови.

Предполагалось еще, что мы будем писать рассказы. Забавные коротенькие рассказы.

Вся наша компания, вдали от повседневной рутины – на всю весну, лето, зиму, осень – на целых три месяца, в том году.

Что мы за люди, для старого мистера Уиттиера это не важно.

Но сразу он этого не сказал.

Для мистера Уиттиера мы были подопытными животными. Для его эксперимента.

Но мы об этом не знали.

Нет, это был просто писательский семинар – пока не стало уже слишком поздно, пока у нас не осталось другого пути, кроме как быть его жертвами.

Когда автобус подъезжает к месту, где должна ждать Товарищ Злыдня, она уже стоит на углу, в армейском бронежилете – темно-оливкового цвета – мешковатых камуфляжных штанах, закатанных снизу, чтобы были видны пехотные ботинки. С каждого боку – по чемодану. В своем черном берете, натянутом до бровей, она может быть кем угодно.

– Вообще-то, по правилам... – говорит Святой Без-Кишок в микрофон у себя над рулем.

И Товарищ Злыдня говорит:

– Хорошо.

Наклоняется, отстегивает багажную бирку с одного из чемоданов. Товарищ Злыдня прячет багажную бирку в свой оливково-зеленый карман, берет второй чемодан и заходит в автобус. Оставив один чемодан на улице, брошенный, осиротевший и одинокий, Товарищ Злыдня садится на место и говорит:

– Ладно.

Она говорит:

– Ну, поехали.

Мы все оставляли записки, в то утро. Еще до рассвета. Спускались на цыпочках по темным лестницам, каждый со своим чемоданом, потом проходили крадучись по темным улицам в компании только мусорных машин. Мы уже не увидели, как встало солнце.

Рядом с Товарищем Злыдней сидит Граф Клеветник. Что-то пишет в маленьком блокноте. Его взгляд мечется между нею и ручкой.

Товарищ Злыдня заглядывает в блокнот и говорит:

– Глаза у меня *зеленые*, а не *карие*, и это мой естественный цвет волос, *золотисто-каштановый*. – Она наблюдает за тем, как он пишет *зеленые*, а потом говорит: – И еще у меня татуировка на заднице, маленькая красная роза. – Ее взгляд останавливается на серебристом диктофоне, что торчит у него из нагрудного кармана, на выпуклой сеточке микрофона, и она говорит: – Не пиши *крашенные*. Женщины не красят волосы, а *подкрашивают* или *подцвечивают*.

Рядом с ними сидит мистер Уиттиер. Его дрожащие, в старческих пятнах руки вцепились в хромированный каркас инвалидной коляски. Рядом с ним – миссис Кларк, со своим необъятным бюстом, который почти что лежит у нее на коленях.

Глядя на них, Товарищ Злыдня наклоняется к серому фланелевому рукаву Графа Клеветника. Она говорит:

– Чисто декоративные, надо думать. Безо всякой питательной ценности...

Это был день, когда мы пропустили наш последний рассвет.

На следующей темной улице, где на углу стоит-ждет сестра Виджиланте, она приподнимает руку с массивными черными часами и говорит:

– Мы договаривались на 4:35. – Она стучит пальцем по циферблату. – А сейчас уже 4:39...

У Сестры Виджиланте с собой портфель из искусственной кожи, с ручкой-ремешком и защелкой на клапане, чтобы защитить Библию, что внутри. Специальная сумка, чтобы таскать с собой Слово Божье.

По всему городу, мы ждали автобуса. На углах улиц или на автобусных остановках. Ждали, пока не подъедет Святой Без-Кишок. Мистер Уиттиер сидел впереди, вместе с миссис Кларк. Граф Клеветник. Товарищ Злыдня и Сестра Виджиланте.

Святой Без-Кишок тянет рычаг, дверь открывается, и на обочине стоит маленькая Мисс Апчхи. Рукава ее свитера оттопырены снизу из-за запиханных внутрь грязных салфеток. Она поднимает свой чемодан, и он громко трещит, как попкорн в микроволновке. С каждым ее шагом по лестнице чемодан громко трещит, как далекая пулеметная очередь, и Мисс Апчхи смотрит на нас и говорит:

– Мои таблетки. – Она встряхивает чемодан и говорит: – Запас на три месяца...

Вот почему нас ограничили с багажом. Чтобы мы все уместились.

Единственное условие: по одной сумке на человека, но мистер Уиттиер не уточнил, какого размера и вида она должна быть.

Леди Бомж заходит в автобус, у нее на руке перстень с бриллиантом размером с зернышко попкорна, а в руке – ремешок. Ремешок тянет кожаный чемодан на колесиках.

Взмахнув рукой, чтобы камень искрился, Леди Бомж говорит:

– Это мой покойный супруг, кремированный и превращенный в бриллиант в три карата...

На этом месте Товарищ Злыдня наклоняется над блокнотом, в котором пишет Граф Клеветник, и говорит:

– *Подтяжка лица*, через «ж».

Еще через пару кварталов, несколько светофоров и поворотов, ждет Повар Убийца с алюминиевым чемоданом, где внутри – все его белые

эластичные трусы, футболки и носки, сложенные, на манер оригами, в компактные квадратики. Плюс набор поварских ножей. Под бельем и ножами его алюминиевый чемодан плотно набит пачками денег, перехваченными резинками, все купюры – стодолларовые. Все это весит немало, так что ему пришлось поднимать чемодан в автобус обеими руками.

По очередной улице, под мостом, обогнув дальнюю сторону парка, автобус подъехал к обочине, где никто вроде бы и не ждал. Человек, которого мы окрестили Недостаяющим Звеном, выбрался из кустов рядом с дорогой. Скатанный в шар, у него в руках – черный мешок для мусора, рванный и как будто подтекающий клетчатыми фланелевыми рубашками.

Глядя на Недостаяющее Звено, но обращаясь к Графу Клеветнику, Товарищ Злыдня говорит:

– Ну и *бородица*, прямо Хемингуэй...

Спящий мир: они бы решили, что мы придурки. Эти люди, которые сейчас спят у себя в постелях, они будут спать еще час, потом встанут, умоются, сполоснут у себя подмышками и между ног и пойдут на ту же работу, на которую ходят каждый божий день. Живя той же жизнью, каждый божий день.

Эти люди заплачут, когда узнают, что мы ушли, но они бы заплакали и в том случае, если бы мы садились на корабль, чтобы начать новую жизнь где-нибудь за океаном. Иммигранты. Пионеры.

В это утро мы были космонавтами. Исследователями. Уже на ногах, пока все остальные спят.

Эти люди поплачут, а потом вернутся к своим делам: обслуживать столики, красить дома, писать компьютерные программы.

На следующей остановке Святой Без-Кишок открыл двери, и вверх по ступенькам взлетел кошка, и побежал по проходу между сиденьями. Вслед за котом в автобус вошла Директриса Отказ со словами:

– Его зовут Кора. – Кота звали Кора Рейнольдс. – Это не я его так назвала, – сказала Директриса Отказ, ее твидовый блейзер и юбка были покрыты, как инеем, кошачьей шерстью. Один лацкан оттопыривался на груди.

– Наплечная кобура, – говорит Товарищ Злыдня, наклонившись к диктофону в кармане у Графа Клеветника.

Все это – шепоты в темноте, оставленные записки, секретность, – это было наше приключение.

Если ты собираешься провести целых три месяца на необитаемом острове, что ты возьмешь с собой?

Скажем, едой и водой тебя обеспечат, то есть ты так считаешь.

Скажем, с собой можно взять только один чемодан, потому что вас будет много, а автобус на необитаемый остров, который вас всех повезет, все-таки не резиновый.

Что ты положишь в свой чемодан?

Святой Без-Кишок набрал коробок беконовых чипсов и сырных подушечек, его пальцы и подбородок присыпаны оранжевой соляной пылью. Одна костлявая рука держит руль, вторая подносит ко рту коробки – наклоняет их и вытряхивает закуски в его худое лицо.

Сестра Виджиланте взяла большой магазинный пакет с одеждой и еще с чем-то сверху, в другом пакете.

Перегнувшись через свой необъятный бюст, держа его, как ребенка в руках, миссис Кларк спросила, что там в пакете, уж не человеческая ли голова?

Сестра Виджиланте приоткрыла верхний пакет, чтобы были видны три дырки в черном шаре для боулинга.

– Мое хобби...

Товарищ Злыдня смотрит на Графа Клеветника, что-то строчащего у себя в блокноте, потом переводит взгляд на заплетенные в тугую косу черные волосы Сестры Виджиланте. Ни одна прядка не выбивается из-под заколок.

– Вот *это*, – говорит Товарищ Злыдня, – *подкрашенные волосы*.

На следующей остановке стоял Агент Краснобай, держал у глаза видеокамеру и снимал автобус, как тот подъезжает к обочине. Он захватил с собой целую пачку визиток и раздал их нам в качестве подтверждения, что он – частный детектив. Он снимал нас на камеру, которая была, как маска, закрывавшая поллица, снимал, проходя по проходу к свободному месту сзади, ослепляя всех своей подсветкой.

Еще через квартал в автобус зашел Хваткий Сват, наследив лошадиным навозом со своих ковбойских сапог. С соломенной ковбойской шляпой в руках и матерчатой сумкой через плечо, он уселся на место, открыл окно и выплюнул сгусток коричневой от табака слюны прямо на вычищенный бок автобуса.

Вот что мы взяли с собой на три месяца вне мира. Агент Краснобай – свою видеокамеру. Сестра Виджиланте – шар для боулинга. Леди Бомж – перстень с бриллиантом. Вот что нам необходимо, чтобы писать свои произведения. Мисс Апчхи – ее таблетки и одноразовые носовые платки. Святому Без-Кишок – его закуски. Графу Клеветнику – блокнот и диктофон.

Повару Убийце – его ножи.

В тускло освещенном автобусе мы все украдкой поглядывали на мистера Уиттиера, организатора этого семинара. Нашего наставника. На сияющий купол его лысины в старческих пятнах, под несколькими седыми волосками, зачесанными на сторону. На стоячий воротничок его рубашки, который был как накрахмалено-белая изгородь вокруг его тощей пятнистой шеи.

– Эти люди, от которых вы собираетесь скрыться, сбежав украдкой из дома, – объяснит вам мистер Уиттиер, – они не хотят, чтобы вас просветили. Они хотят знать, чего ожидать.

Мистер Уиттиер вам все растолкует:

– Человек, которого они знают, и та великая, выдающаяся личность, какой вы стремитесь стать – для них это несовместимо. То есть абсолютно.

Люди, которые любят нас по-настоящему, сказал мистер Уиттиер, они бы упрашивали нас поехать. Чтобы сбылась наша мечта. Чтобы мы отточили свое мастерство. И когда мы вернемся, нас будут любить.

Через три месяца.

Кусочек жизни – наша ставка в игре.

Мы рискнем.

За это время мы испытаем свою способность создать шедевр. Рассказ или стихотворение, или киносценарий, или мемуары, которые придадут смысл нашей жизни. Шедевр, который выкупит нам свободу – от мужа, родителей или фирмы. Освободит нас от рабства.

Вот мы, едем в автобусе по пустынным улицам в темноте, Мисс Апчи выуживает из рукава свитера влажную, скомканную салфетку и сморкается. Шмыгает носом и говорит:

– Когда я вот так украдкой сбежала из дома, мне было так страшно, что меня поймают. – Убирая салфетку обратно в манжету, она говорит: – Я себя чувствую... Анной Франк.

Товарищ Злыдня достает из кармана багажную бирку, напоминание о брошенном чемодане. О ее брошенной жизни. По-прежнему глядя на бирку, которую вертит в руках, товарищ Злыдня говорит:

– А, по-моему... – Она говорит: – Анна Франк очень даже неплохо устроилась.

И Святой Без-Кишок, с полным ртом кукурузных чипсов, наблюдая за нами в зеркало заднего вида, жуя соль и жир, он говорит:

– То есть как?

Директриса Отказ гладит своего кота. Миссис Кларк гладит свой бюст. Мистер Уиттиер – свое инвалидное кресло.

Впереди, под фонарем на углу – темный силуэт еще одного будущего писателя. Ждет.

– Анне Франк хотя бы не пришлось, – говорит Товарищ Злыдня, – ездить со своей книгой по книжным турам...

И Святой Без-Кишок жмет на тормоз и подруливает к обочине.

Достопримечательности

Стихи о Святом Без-Кишок

– Вот работа, которую я забросил, чтобы попасть сюда, – говорит Святой. – И жизнь, с которой я порвал.

Он водил экскурсионный автобус.

Святой Без-Кишок на сцене, руки скрещены на груди – такой тощей, что его руки соприкасаются пальцами за спиной.

Вот стоит Святой Без-Кишок, только кости да кожа в один тонкий слой.

Ключицы выпирают над грудью, как ручки-петли для захвата.

Ребра торчат сквозь белую футболку, джинсы держатся на ремне, а не на полном задуге.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма: разноцветные пятна домов и тротуаров, дорожных знаков и стоящих машин проносятся по его лицу. Маска из плотного уличного движения.

Микроавтобусы и грузовики.

Он говорит:

– Эта работа, водить экскурсионный автобус...

Сплошные японцы, немцы, корейцы, все, для кого английский – второй язык, с разговорниками, зажатыми в руках, они кивали и улыбались всему, что он говорил в микрофон, пока автобус сворачивал за углы и катился по улицам, мимо домов кинозвезд или особо кровавых убийств, домов, где рок-звезды умерли от передоза.

Каждый день – тот же маршрут, та же мантра из убийств, кинозвезд и несчастных случайностей.

Места, где подписывались мирные договоры. Где ночевали президенты.

Но однажды Святой Без-Кишок останавливается у домика типа ранчо, обнесенного штакетником: небольшое отклонение от маршрута, просто чтобы проверить, на месте ли старенький «бьюик» его родителей, ну, если они все еще здесь живут, и там по дворику ходит мужчина с газонокосилкой.

И Святой говорит в микрофон своему грузу под включенным

кондиционером:

– Обратите внимание, вот святой Мел.

Его отец с подозрением косится на стену автобусных окон из тонированного стекла.

– Покровитель Стыда и Злости, – говорит Без-Кишок.

Теперь, ежедневно, в программе экскурсии: «Церковь святых Мела и Бетти».

Святая Бетти – заступница всех Прилюдно Униженных.

Остановившись напротив многоквартирной высотки сестры, Святой Без-Кишок тычет пальцем куда-то в район самых верхних этажей. Там наверху – храм святой Уэнди.

– Покровительницы Терапевтических Абортов.

Остановившись напротив собственного дома, он говорит в микрофон:

– А это церковь Святого Без-Кишок. – С этими хрупкими плечиками, с губами, похожими на полоски резинового жгута, в мешковатой рубашке, в зеркале заднего вида сам Святой кажется еще меньше, чем есть.

– Покровителя Мастурбации.

И весь автобус кивает и тянет шеи, каждый хочет увидеть божественное.

Кишки

Рассказ Святого Без-Кишок

Вдохните глубже.

Наберите побольше воздуха.

Эта история должна занять столько времени, на сколько вы сможете задержать дыхание, а потом еще чуточку дольше. Так что слушайте быстрее.

Один мой приятель, когда ему было тринадцать, услышал про «пеггинг». Это когда парня трахают в задницу искусственным членом. Говорят, что при достаточно жесткой стимуляции предстательной железы, можно словить совершенно взрывной оргазм в режиме «свободные руки». В тринадцать лет этот мой друг – просто маленький сексуальный маньяк. Только и думает, как бы получше спустить. Он идет в магазин – прикупить морковку и вазелин. Планирует провести небольшой интимный эксперимент. И тут он представляет, как это будет смотреться на движущейся ленте у кассы в супермаркете: одинокая морковка и баночка с вазелином. Покупатели в очереди – все смотрят. И всем сразу ясно, какие у него грандиозные планы на вечер.

И вот мой приятель покупает молоко, яйца, сахар и морковь, все ингредиенты для морковного пирога. И вазелин.

Как будто он собирается запихать себе в задницу целый морковный пирог.

Дома он обстругивает морковку в тупой инструмент. Густо намазывает вазелином и вгоняет себе в зад. А потом – ничего. Никакого оргазма. Вообще ничего, только больно.

А потом мать зовет его ужинать, этого парня. Кричит: спускайся сейчас же.

Он кое-как вынимает морковку из задницы и прячет вонючую, скользкую дуру в ворохе грязной одежды у себя под кроватью.

После ужина он возвращается к себе в комнату, ищет морковку, но ее нет. Нет и грязной одежды: пока он ел, мать забрала все в стирку. И она не могла не заметить морковку, аккуратно обструганную ножом, все еще блестящую от вазелина и вонючую.

Этот мой друг, он несколько месяцев ждет грозы. Ждет, что предки поинтересуются, спросят. Но они так и не спрашивают. Вообще. Даже

теперь, когда он уже взрослый, эта невидимая морковка нависает над каждым рождественским ужином, над каждым семейным праздником. Каждую Пасху, когда он со своими детьми, внуками его родителей, ищет пасхальные яйца, призрак той злополучной морковки реет над ними над всеми.

Та самая мерзость, у которой даже нет названия.

У французов есть поговорка: «Умный на лестнице». По-французски: *Esprit d'Escalier*. Это значит, что человек крепок задним умом: то есть ответ он находит, но слишком поздно. Скажем, приходишь на вечеринку, и кто-то тебя оскорбляет. Надо что-то ответить. Но под нажимом, когда все смотрят, ты выдаешь что-то совсем идиотское. Зато когда ты уходишь...

Идешь вниз по лестнице, и вдруг – словно по волшебству. Находишь те самые правильные слова, которые надо было сказать. Гениальный ответ, чтобы опустить того дятла.

Вот что такое «умный на лестнице».

Беда в том, что даже у французов нет определения тем идиотским вещам, которые ты произносишь, когда надо сказать что-то умное. Тем идиотским поступкам, которые ты совершаешь в отчаянии. Тем глупым мыслям, что лезут в голову.

Существуют поступки настолько гадкие, что их нельзя даже назвать. О них вообще не говорят.

Теперь, по прошествии времени, школьные психологи говорят, что во время последнего всплеска подростковых самоубийств, большая часть смертей приходилась на тех детишек, кто пытался слегка придушить себя, пока дрочил. Родители находили их, мертвых, с полотенцем, обернутым вокруг шеи, с полотенцем, привязанным одним концом к палке для вешалок в шкафу, в спальне. Повсюду – остывшая сперма. Понятное дело, родители прибирались. Надевали на ребенка штаны. Делали все, чтобы это смотрелось... получше. Хотя бы как что-то преднамеренное. Обычное подростковое самоубийство.

Еще один мой приятель, из школы. Его старший брат, который служил во флоте, рассказывал, что на Ближнем Востоке парни дробят по-другому, не как у нас. Как-то они заходили в порт в какой-то «верблюжьей» стране, где на базаре продаются такие забавные штуки типа ножей для бумаг. Тонкие палочки из серебра или меди, длиной где-то с кисть руки, с пимпочкой на конце: это либо большой металлический шар, либо что-то похожее на резную рукоять меча. Этот брат, который во флоте, говорит, что арабы возбуждают себя до эрекции, а потом вводят в член эту самую металлическую шутовину. Они дробят с этим штырьком внутри, и

ощущения, когда кончаешь, совсем другие. Лучше и ярче. Острее.

Этот брат моего школьного друга путешествует по всему миру. Он-то и шлет нам все эти французские выраженьица. Русские поговорки. Полезные дровичильные советы.

И вот после этого младший брат... однажды он не приходит в школу. А вечером звонит мне и просит, чтобы я брал для него домашние задания. Ближайшие пару недель. Потому что его положили в больницу.

В палату со стариками, у которых в брюхе уже ничего не работает без медицинской помощи. Он говорит, что у них там на всех один телевизор. Все на виду. Уединиться можно лишь за занавеской. Папа с мамой к нему не приходят. Он говорит, по телефону, что теперь его предки, наверное, прибьют его старшего братца, который во флоте.

По телефону, этот парень рассказывает, как – вчера вечером – он чуток обкурился. Валялся в кровати, дома, у себя в комнате. Жег свечку, просматривал старые порножурналы – готовился обстоятельно подрочить. Уже после того, как получил то письмо от брата. С полезным советом, как дrouchат арабы. Парень смотрит, чего бы такого взять, чтобы тоже попробовать. Шариковая ручка – слишком толстая. Карандаш – тоже толстый и недостаточно гладкий. Но сбоку, на свечке, натек тонкий и ровный гребешок воска. Вполне подходящий. Мой друг подцепляет его ногтем и скovyривает со свечки. Катает в ладонях, чтобы тот стал еще более гладким. Длинным, гладким и тонким.

Обкуренный и возбудившийся, он сует этот восковой стерженек себе в член, все глубже и глубже, в отверстие, через которое писают. Не до конца, так что сверху еще остается немалый кусок. И он начинает дrouchить, с этой штукой, торчащей из члена.

Даже теперь он говорит, что арабы – ребята чертовски толковые. Они заново изобрели дrouchилово. Мой друг лежит на спине, на кровати, и ему так хорошо, что он уже не следит за воском. До того как спустить, остается один рывок, и вдруг – воск уже не торчит наружу.

Тонкий восковой стерженек, он соскользнул внутрь. Прямо туда, до конца. Глубоко-глубоко, так что парень даже не чувствует, где он там у него, в мочеиспускательном канале.

Мать кричит снизу, что пора ужинать. Говорит: сейчас же иди за стол. Эти ребята, который со свечкой и который с морковкой, они разные люди, но жизнь у всех более или менее одинаковая.

И вот после ужина у парня начинаются боли. Это воск, и он рассуждает так: воск расплавится там, внутри, и выйдет вместе с мочой. А потом начинает болеть спина. Почки. Он уже не может разогнуться.

Он звонит из больничной палаты, на заднем плане слышен звон колокольчиков, крики людей. Какая-то телеигра.

Рентген выявил правду: что-то длинное и тонкое, согнутое пополам у него в мочевом пузыре. Эта длинная тонкая V у него внутри, она собирает все минеральные вещества, содержащиеся в моче. Становится больше, грубее. Покрытая кристаллами кальция, эта штука мотается в мочевом пузыре, царапает его мягкие стенки и не дает выходить моче. Его почки засорены. То немного, что вытекает у него из конца, красно от крови.

Этот парень, и его предки, все семейство, они смотрят на снимок, и врач, и медсестры, все смотрят на эту здоровую белую V из воска, так что парню приходится сказать правду. Про то, как дрочат арабы. Как написал ему брат, который служит во флоте.

По телефону, прямо сейчас, он плачет.

За операцию заплатили из денег, отложенных ему на колледж. Одна дурацкая ошибка, и адвокатом ему уже никогда не бывать.

Пихать в себя что ни попадя. Соваться куда ни попадя. Свечка в члене или голова в петле, мы знали, что это закончится очень плачевно.

Меня лично к такому концу привело то, что я называл ловлей жемчуга. Это когда ты дронишь под водой, в бассейне в родительском доме, сидя на дне на глубине. Сделав глубокий вдох, я опускался на самое дно, снимал плавки. И сидел там, под водой, по две, три, четыре минуты.

Вот так, чтобы дронить, я развил легкие. Когда никого не было дома, я занимался этим делом с обеда до вечера. Когда я наконец спускался, моя сперма – она расплывалась под водой большими, толстыми, молочными плюхами.

Потом я снова нырял, чтобы все это собрать. Отловить все комочки и втереть их в полотенце. Отсюда и «ловля жемчуга». Пусть даже там была хлорка, я все равно переживал за сестру. И, Господи всемогущий, за маму.

Вот чего я боялся больше всего на свете: моя девственница-сестра думает, что она просто толстеет, а потом рождает ребеночка, дебила с двумя головами. И обе его головы – прямо вылитый я. Я – и папа, и дядя.

Но в итоге тебя пришибает совсем не то, чего ты боялся.

Что мне нравилось больше всего в ловле жемчуга, так это впускное отверстие фильтра бассейна и циркуляционный насос. Самый кайф: сесть на него голый жопой.

Как скажут французы: кому же не понравится, чтобы ему обсосали задницу?

И все же: вот ты просто мальчишка, затеявший подрошить... и вдруг, раз и все – адвокатом тебе уже не бывать.

Вот я сижу на дне бассейна, и небо волнуется – бледно-голубое сквозь восемь футов воды у меня над головой. Вокруг тихо-тихо, только в ушах шумит кровь. Мои желтые полосатые плавки обернуты вокруг шеи – для сохранности, на тот случай, если кто-нибудь из друзей, или соседей, ну или вообще кто-нибудь забежит узнать, почему я пропустил футбольную тренировку. Спускное отверстие фильтра присосалось сзади, и я трусь об него своей тощей, белой задницей для полноты ощущений.

Вот я сижу, набрав воздуха в легкие, со своим членом в руке. Предки еще на работе, сестра – в балетном кружке. Дома никого нет и не будет еще сколько-то часов.

Рука хорошо поработала: я уже готов кончить, но я останавливаюсь. Всплываю, чтобы набрать еще воздуха. Ныряю, усаживаюсь на дно.

Снова и снова.

Наверное, поэтому девушки любят, когда их там вылизывают и обсасывают. Это всасывающее ощущение – как будто садишься посрать, и процесс продолжается бесконечно. Член стоит, отверстие фильтра всосалось в задницу, мне даже не нужно дышать. В ушах колотится пульс, я сижу под водой, пока у меня перед глазами не начинают плясать яркие искорки света. Ноги вытянуты вперед, кожа на сгибе коленей трется о бетонное дно, обдирается до ссадин. Пальцы на ногах уже начинают синеть, пальцы на ногах и руках – все сморщенные оттого, что так долго пробыли в воде.

А потом я разрешаю, чтобы это свершилось. Большие белые плюхи извергаются наружу. Жемчужины.

Теперь мне нужен воздух. Я пытаюсь оттолкнуться ногами от дна, но у меня ничего не выходит. Я не могу поджать ноги. Задница присосалась намертво.

Врачи «скорой помощи» знают, что каждый год примерно 150 человек застревают вот так, в бассейне, когда их засасывает циркуляционный насос. Длинные волосы или задница попадают в струю – и ты тонешь. Ежегодно так погибает более ста человек. Большинство – во Флориде.

Просто об этом не говорят. Даже французы говорят далеко не обо ВСЕМ.

Я приподнимаю одно колено, поджимаю под себя ногу, приподнимаюсь в полустоячее положение и чувствую, как что-то дергает меня за задницу. Поджимаю под себя другую ногу, отталкиваюсь от дна. Бью ногами по воде, уже не касаясь дна, но и не выныриваю на поверхность.

Бью по воде ногами и руками, я уже на полпути к поверхности, но

выше – никак. Шум крови в ушах становится громче, пульс – чаще.

В глазах рассыпаются яркие искры, я оборачиваюсь и вижу... что еще за ерунда. Толстенная веревка, что-то вроде змеи, синевато-белая и оплетенная венами вытянулась из сливного отверстия и держит меня за задницу. Некоторые из вен подтекают кровью, красной кровью, которая под водой кажется черной, она сочится из мелких разрывов на бледной коже этой змеюки. Кровь расплывается тонкими струйками, растворяясь в воде, а внутри у змеи, под этой тоненькой, синевато-белой кожей, видны комочки какой-то полупереваренной еды.

Вот единственное разумное объяснение. Какое-то жуткое морское чудовище, морской змей, тварь, которая никогда не видела света солнца, пряталась в темных глубинах сливного отверстия и поджидала меня, чтобы съесть.

Короче... пинаю ее ногой, по ее скользкой, резиновой, узловатой коже и венам, и она вроде как еще больше высовывается из слива. Теперь она уже длиной с мою ногу, но держит по-прежнему крепко, прямо за дырку в заднице. Еще пинок – и я на дюйм ближе к тому, чтобы сделать вдох. Я все еще чувствую, как змея тянет меня за задницу, но я на дюйм ближе к спасению.

Комки у змеюки внутри – видно, что это арахис и кукуруза. Виден какой-то вытянутый шарик, ярко-оранжевый. Похоже на те витамины, которые отец заставляет меня принимать лошадиными дозами, чтобы я набирал вес. Чтобы заниматься в футбольной секции. С дополнительным содержанием железа и жирных кислот Омега-3.

Я вижу эту таблетку, и это спасает мне жизнь.

Это не змея. Это моя толстая кишка, моя собственная кишка, которую вытянуло из меня. Врачи называют это выпадением, пролапсом. Это мои кишки, которые засосало в сливное отверстие.

Врачи «скорой помощи» знают, что циркуляционный насос в бассейне прокачивает за минуту 80 галлонов воды. В пересчете на силу давления – это примерно 400 фунтов. Проблема в том, что наши внутренности все связаны. Задница – это просто дальняя оконечность рта. Если я ничего не сделаю, насос так и будет работать – вытягивая из меня кишки, – пока не доберется до языка. Представьте себе: вы садитесь посрать, и из вас вываливается какашка весом 400 фунтов, – и вы поймете, что это такое, когда тебя выворачивает наизнанку.

Могут сказать, что кишкам не особенно больно. Не так, как бывает коже. Переваренная пища, врачи называют это фекальными массами. А выше – химус, жидкая кашица, утыканная кукурузными зернами, арахисом

и зеленым горошком.

И весь этот супчик из крови и кукурузы, говна и спермы расплывается вокруг меня. Но даже при том, что из меня вываливаются кишки, прямо из задницы, и мне так хочется сохранить то небольшое, что осталось, при всем при этом моя первоочередная задача – как бы натянуть плавки.

Не дай бог, папа с мамой увидят мой член.

Одной рукой я сжимаю кишку у задницы, другой хватаю свои желтые полосатые плавки и стягиваю их с шеи. Только их все равно не надеть.

Если хотите узнать, каковы ваши кишки на ощупь, купите пачку естественных презервативов из кожи, которые делают из слепой кишки ягнят. Достаньте один, разверните. Набейте его арахисовым маслом. Намажьте вазелином и подержите под водой. Потом попробуйте его разорвать. Растянуть так, чтобы он порвался. Он слишком плотный, резиновый. И такой скользкий, что его просто нельзя ухватить.

Естественные презервативы из кожи – это те же кишки.

Теперь вам понятно, как я попал.

На секунду отпустишь, и тебя выпотрошит.

Рванешься к поверхности, чтобы вдохнуть, и тебя выпотрошит.

Не рванешься к поверхности, и ты утонешь.

Вот такой выбор: умереть прямо сейчас или минутой позже.

Вот что увидят родители, когда вернутся с работы: большой голый зародыш, свернувшийся в клубочек. Качающийся в мутной воде, в их бассейне на заднем дворе. Прикрепленный ко дну толстой веревкой из вен и скрученных кишок. Прямая противоположность ребенку, который случайно повесился, пока дрочил. Тот самый малыш, которого они привезли из роддома тринадцать лет назад. Тот самый ребенок, который, как они очень надеялись, станет звездой школьной футбольной команды и получит степень магистра делового администрирования. И будет заботиться о них в старости. Вот они, все их мечты и надежды. В мутной воде, голые и мертвые. В окружении молочных жемчужин растраченной спермы.

Либо так, либо предки найдут меня где-нибудь на полдороге от бассейна к телефону на кухне, завернутого в окровавленное полотенце, с обрывком кишок, свисающим из штанины моих желтых в полоску плавков.

То, о чем не стали бы говорить даже французы.

Тот старший брат моего школьного друга, тот, который служил во флоте, научил нас еще одной замечательной поговорке. Русской. В том же смысле, в каком мы говорим: «Мне это надо, как дырку в башке...», – русские говорят: «Мне это надо, как зубы в заднице...»

Mnye etoh nadoh kahk zoobee v zadnetze.

Все эти истории о том, как животные перегрызают себе лапу, чтобы выбраться из капкана... любой койот знает, что пара укусов – это спасение от верной смерти.

Черт... даже если ты русский, иногда эти самые зубы могут прийти очень кстати.

В противном случае приходится делать вот что: оборачиваешься назад. Просовываешь локоть под колено и подтягиваешь эту ногу к лицу. Грызешь и кусаешь собственную задницу. Тебе уже не хватает воздуха, и ты разгрызешь что угодно, лишь бы вдохнуть еще раз.

Это не то, о чем стоит рассказывать девушке на первом свидании. Если рассчитываешь поцеловать ее на прощание – лучше не надо.

Если я расскажу, как это было на вкус, вы никогда больше не будете есть кальмаров.

Сложно сказать, что родителям было противнее: как я вляпался в это дело или как спасся. После больницы мама сказала:

– Ты сам не знал, что творишь, солнышко. Ты был в шоке.

И она научилась варить яйца-пашот.

Все эти люди, которым противно или которым меня жалко...

Мне это надо, как зубы в заднице.

Теперь мне все говорят, что я слишком худой. Хозяева в доме, где званый обед, как-то вдруг затихают и обижаются, что я не ем их тушеное мясо. Тушеное мясо меня убивает. Запеченный окорок. Все, что задерживается в кишечнике больше, чем на пару часов, выходит такой же едой. Лимская фасоль «по-домашнему» или кусочки тунца – я встаю с унитаза, и вот они, плавают там в толчке.

После радикальной резекции кишечника процесс пищеварения проходит не так хорошо, как надо. У вас длина толстой кишки – пять футов. А мне еще повезло, что у меня есть хотя бы шесть дюймов. Так что я так и не стал звездой школьной футбольной команды. И не получил степень магистра делового администрирования. Эти мои друзья – и тот, который со свечкой, и тот, который с морковкой, – они выросли, стали большими, а я с тринадцати лет не набрал больше ни фунта.

Была еще одна очень большая проблема: родители заплатили за этот бассейн немалые деньги. В итоге папа сказал тому парню, который чистил бассейн, что это собака. Наша собака свалилась в бассейн и утонула. Даже когда этот парень открыл заглушку на фильтре и выудил резиновую трубку, моток бледных кишок с большой оранжевой витаминкой внутри, отец все равно сказал:

– Этот пес был какой-то придурочный.

Даже из моей комнаты наверху было слышно, как отец говорит:

– Нельзя было оставить его без присмотра ни на секунду...

А потом у сестры случилась задержка.

Даже после того, как в бассейне сменили всю воду, как предки продали дом, и мы переехали в другой штат, после того, как сестрица сделала аборт, даже тогда папа с мамой больше ни разу не упоминали об этом.

Ни разу.

Это наша невидимая морковка.

А теперь можете и вдохнуть, полной грудью.

Я до сих пор не могу.

Под следующим фонарем стоит Преподобный Безбожник, рядом с ним – квадратный чемодан. Утро по-прежнему раннее, так что из всех цветов есть только черный и серый. И вот черная ткань чемодана покрыта серебристыми шрамами «молний», разбегающимися во всех направлениях: черный швейцарский сыр из многочисленных отделений, кармашков и прорезей. Преподобный Безбожник с лицом, как кусок мяса – сырое красное мясо вокруг носа и глаз, бифштекс из кусочков, сшитых нитками и рубцами, – и распухшими, покоробившимися ушами. Брови сбриты. И нарисованы заново черным карандашом: две удивленные дуги поднимаются чуть ли не до самых волос.

Наблюдая за тем, как он заходит в автобус, Товарищ Злыдня расстегивает пуговицу у себя на жилете. Застегивая пуговицу, она наклоняется к диктофону, торчащему из кармана Графа Клеветника.

Товарищ Злыдня говорит в маленький красненький огонечек ЗАПИСЬ: на Преподобном Безбожнике – белая блузка. Женская блузка. С застежкой налево.

Его пуговицы из горного хрусталя искрятся в тусклом свете фонарей.

Чуть дальше по улице, за следующим поворотом, под фонарем, в сумраке за пределами круга света, ждет Обмороженная Баронесса.

Сперва в открытых дверях автобуса появляется ее рука, вполне нормальная рука, с пальцами, желтыми от никотина. Без обручального кольца. Рука ставит на верхнюю ступеньку пластиковый чемоданчик для косметики. Потом появляется колено, выпуклость груди. Пояс на талии, плащ. А потом все отводят глаза.

Мы смотрим на часы. Или – в окна, на припаркованные машины и газетные киоски. На пожарные гидранты.

Она набрала гигиенической помады, сказала Обмороженная Баронесса, чтобы смягчать уголки губ. Потому что на холоде они трескаются и кровоточат. Ее рот – просто дыра жирного блеска, которая раскрывается и смыкается, когда она говорит. Ее рот – просто складка, обозначенная розовой помадой, на нижней половине лица.

Навалившись на Графа Клеветника, Товарищ Злыдня шепчет в его диктофон:

– О Господи...

Когда Обмороженная Баронесса садится на место, на нее смотрит

только Агент Краснобай, из безопасного укрытия за объективом камеры.

На следующей остановке ждет Мисс Америка со своим тренажером-колесом, розовым пластиковым колесом размером с обеденную тарелку, с черными резиновыми ручками, торчащими из оси с двух сторон. Берешься за ручки, встаешь на колени. Наклоняешься, удерживая колесо в прямом положении, и катишь его вперед. Потом – назад. И так и катаешь вперед-назад. Укрепляет мышцы живота. Мисс Америка взяла с собой тренажер, розовые лосины, краску для волос «медовый блондин» и тест на беременность.

Проходя по проходу в центре – улыбаясь мистеру Уиттиеру с его инвалидной коляской, не улыбаясь Недостояющему Звену – при каждом шаге Мисс Америка ставит одну стопу прямо впереди другой, по прямой линии, так что ее бедра кажутся тоньше, а та нога, которая впереди, всегда закрывает ту, которая сзади.

«Шаткий шаг манекенщицы», как называет это Товарищ Злыдня. Она наклоняется над блокнотом Графа Клеветника и говорит:

– У женщин это называется: *чуть обесцветить волосы*.

Мисс Америка написала помадой на зеркале в ванной, для своего бойфренда, в номере мотеля, чтобы он прочитал до своего появления в утреннем телеэфире: «Я не толстая».

Мы все оставили какую-нибудь записку.

Директриса Отказ, глядя кота, сказала нам, что написала записки всему своему агентству: «Найди себе что-то свое, чтобы его отыметь». Эти записки она разложила на каждом столе, вчера вечером, чтобы сотрудники фирмы нашли их сегодня с утра.

Даже Мисс Апчхи написала записку, хотя у нее нет никого, кто бы ее прочитал. Красной краской из баллончика, на скамейке у автобусной остановки, она написала: «Позвоните мне, если найдете лекарство».

Хваткий Сват сложил свою записку вдвое и поставил на кухонный стол, чтобы жена непременно заметила. В записке сказано: «Я отболел этой простудой уже три с половиной месяца назад, а ты до сих пор ни разу меня не поцеловала». Он написал: «Этим летом ты доишь коров».

Графиня Предвидящая оставила записку офицеру полиции, надзирающему за условно-досрочно освобожденными, что с ней можно связаться по телефону 1-800-ОТЪЕ-БИСЬ.

Завернутая в кружевную шаль, с чалмой на голове, Графиня Предвидящая выходит из сумрака. Плывая по проходу, она на мгновение останавливается рядом с Товарищем Злыдней.

– Поскольку вам любопытно, – говорит графиня и вяло покачивает

рукой с пластмассовым браслетом, болтающимся на запястье. Она говорит: – Это датчик системы глобального спутникового слежения. Условие моего досрочного освобождения...

Один, два, три шага мимо Товарища с Графом, которые так и сидят с малость отвисшими челюстями, Графиня Предвидящая говорит, не оглядываясь:

– Да.

Она прикасается к своей чалме и говорит:

– Да, я прочла ваши мысли...

За следующим поворотом, мимо очередного торгового центра, очередного мотеля, за очередной закусочной, Мать-Природа сидит на бордюре в безупречной позе лотоса, ее руки, лежащие на коленях, разрисованы вьющимися узорами темной хны. На шее позвякивает ожерелье из медных храмовых колокольчиков.

Мать-Природа заносит в автобус картонную коробку. В коробке – пузырьки с ароматическими маслами, завернутые для сохранности в одежду. Свечи. Коробка пахнет сосновыми иглами. Костром и сосновой смолой. Салатной заправкой с базиликом и кориандром. Сандалом. Длинная бахрома украшает подол ее сари.

Товарищ Злыдня закатывает глаза, так что видны только белки, и обмахивается своим черным фетровым беретом. Говорит:

– Пачули...

В нашей писательской колонии, на нашем необитаемом острове, будет кондиционер и центральное отопление, во всяком случае, нам так говорили. Каждому предоставят отдельную комнату. Будет где уединиться, так что не надо брать много одежды. То есть так нам сказали.

У нас нет причин ждать чего-то другого.

Нанятый автобус потом найдется, а мы – нет. На целых три месяца мы выпадаем из мира. Эти три месяца мы посвятим написанию и чтению своих работ. Будем оттачивать наши рассказы, чтобы довести их до совершенства.

Самым последним, еще через квартал и тоннель, мы подбираем Герцога Вандальского. Его пальцы – все в разноцветных разводах от пастельных мелков и угольных карандашей. Его руки – в пятнах чернил для ткани. Одежда сделалась жесткой от высохшей краски. Все эти цвета – по-прежнему только серый и черный. Герцог Вандальский сидит-ждет автобуса на металлическом ящике для инструментов, набитом тюбиками масляной краски, кисточками, акварелью и акрилом.

Он поднимается, и мы все ждем, пока он не откинет со лба свои

светлые волосы и не завяжет их в хвост красной банданой. По-прежнему стоя в дверях автобуса, Герцог Вандальский смотрит на всех и говорит под пристальным объективом видеокамеры Агента Краснобая:

– Ну, наконец-то...

Нет, мы не идиоты. Мы бы в жизни не согласились, чтобы нас отрезали от мира, если бы знали, что нас и вправду отрежут. Этот глупый, посредственный, бледненький мир еще не прискучил нам так, чтобы мы сами подписались на смерть. Кто угодно, но только не мы.

Всякое в жизни бывает, и мы, понятное дело, рассчитывали, что всегда сможем вызвать «скорую»: если кто-то вдруг свалится с лестницы, или чей-то аппендикс решит разорваться.

Так что нам нужно было решить только одно: что взять с собой из вещей.

Предполагалось, что на этом писательском семинаре будет водопровод с горячей и холодной водой. Мыло. Туалетная бумага. «Тампаксы». Зубная паста.

Герцог Вандальский оставил записку своему домовладельцу: «На хуй ваш договор об аренде».

Гораздо важнее: чего мы не взяли. Герцог Вандальский не взял сигареты, его рот постоянно в движении – он жует никотиновую жвачку. Святой Без-Кишок не взял порнографию. Графиня Предвидящая с Хватким Сватом – свои обручальные кольца.

Как сказал бы мистер Уиттиер:

– То, что мешает вам во внешнем мире, будет мешать вам и здесь.

Все остальное – не наша вина. Ну, что все обернулось так плохо. С чего бы кому-то из нас пришлось в голову взять с собой бензопилу. Или кувалду, или палочку динамита. Или пистолет.

Нет, на этом необитаемом острове, мы будем в полной безопасности.

Еще до рассвета, еще до начала нового дня, который мы даже и не увидим.

Так нам сказали, и мы поверили. Может быть, слишком поспешно.

И поэтому мы не взяли с собой ничего, что могло бы нас спасти.

Еще один поворот, по скоростной магистрали, по наклонному съезду, пока мистер Уиттиер не сказал:

– Поверни здесь.

Держась за хромированный каркас своего инвалидного кресла, он указал пальцем, похожим на кусок вяленого мяса. Кожа вся сморщенная, скукоженная, ноготь – желтый, как кость.

Товарищ Злыдня шмыгнула носом, прикрыла его рукой и сказала:

– И что, мне все три месяца так и придется вдыхать эту вонь от пачулей?

Мисс Апчхи кашлянула в кулак.

Святой Без-Кишок свернул на узкую, темную аллею. Дома подступали к дороге так близко, что коричневая слюна Хваткого Свата отскакивала от стен, табачные брызги покрыли весь перед его комбинезона, похожего на детские ползунки. Так близко, что стены сдирали кожу с волосатого локтя Недостающего Звена, которым тот опирался о подоконник у открытого окна.

А потом автобус останавливается, двери открываются, и там, снаружи – еще одна дверь. Стальная дверь в бетонной стене. Улочка такая узкая, что вообще не видать, что там спереди и сзади. Миссис Кларк поднимается с места, спускается по ступенькам и открывает висячий замок.

Потом она заходит внутрь, и двери автобуса смотрят в проем из сплошного ничто. Одна чернота. Проем очень узкий, но протиснуться можно. Изнутри вырывается едкий запах мышиной мочи. К нему примешивается еще один запах, какой бывает, когда открываешь старую, отсыревшую книгу, наполовину изъеденную чешуйницей. И еще – запах пыли.

И оттуда, из темноты, голос миссис Кларк говорит:

– Заходите. Быстрее.

Святой Без-Кишок присоединится к нам позже, когда отгонит автобус куда-нибудь, где его потом обнаружит полиция.

Так, чтобы замести следы. За несколько кварталов или, может быть, миль отсюда. Где его потом найдут, но не смогут проследить его путь обратно до этой стальной двери в бетоне и темноте. До нашего нового дома. Нашего необитаемого острова.

Все мы сгруппировались в этот миг между автобусом и крошечной тьмой. В этот последний миг снаружи Агент Краснобай говорит нам:

– Улыбочку.

Мистер Уиттиер назвал бы это камерой, скрытой за камерой, скрытой за камерой.

В этот первый миг нашей новой тайной жизни луч прожектора бьет прямо в нас, такой быстрый и яркий, что после него остается одна темнота – чернота, что чернее самой черноты. В этот миг мы хватаем друг друга за локти и за рукава, чтобы удержаться на ногах, моргаем, ослепленные, но доверчивые, пока голос миссис Кларк ведет нас сквозь этот стальной проем.

Это мгновение на видео: правда о правде.

– Запах – это очень важно, – говорит Мать-Природа. Волоча за собой картонную коробку, под звон колокольчиков на ожерелье, хватаясь за темноту, она говорит: – Только не смейтесь, но в ароматерапии нельзя зажигать сандаловые свечи вместе с маслом восковницы...

Под прикрытием

Стихи о Матери-Природе

– Я пыталась уйти в монастырь, – говорит Мать-Природа. – Мне надо было исчезнуть.

Она не учла тест на наркотики.

Мать-Природа на сцене. Ее руки обвиты сетью запутанных линий из красной хны – от кончиков пальцев до бретелек холщовой сорочки всех цветов радуги.

Ожерелье из медных храмовых колокольчиков окрасило кожу на шее в зеленый цвет. Ее кожа лоснится от масла пачули.

– Кто же знал? – говорит Мать-Природа. – И там не только анализ мочи.

Она говорит:

– Они берут образцы волос и ногтей.

Она говорит:

– И вообще проверяют по всем статьям.

Моральные принципы. Биография. Банковский счет. Предпочтения в стиле одежды.

Мать-Природа стоит на сцене, босая, на лице – ни печали, ни радости, вместо луча прожектора – фрагменты из фильма: ночное звездное небо.

Галактика из сияющих лун.

Ее губы подкрашены свекольным соком. Веки густо намазаны желтой шафрановой пудрой.

Лицо – подвижная маска розовых туманностей. Кольца медленно кружат вокруг планет, испещренных дырами кратеров.

Мать-Природа говорит:

– Им нужны бесконечные письменные рекомендации.

И еще – тест на детекторе лжи. И четыре удостоверения личности.

– Четыре, и с фотографиями, – говорит Мать-Природа и приподнимает руку в узорах хны.

Ее браслеты из медной проволоки и потускневшего серебра мелодично позвякивают на запястье, как колокольчики «поющего ветра».

Она говорит:

– Ни у кого не бывает четырех *удостоверенийсфото*.

Чтобы попасть в монастырь, говорит она, надо сдать вступительный экзамен.

Один, но хуже общеобразовательного и специального вместе взятых.

Со всякими заковыристыми вопросами типа:

«Сколько ангелов помещается на головке булавки?» И все это, говорит Мать-Природа, исключительно для того, чтобы выяснить:

«Не решила ли ты стать невестой Христовой из-за несчастной любви».

Пряди ее длинных волос аккуратно забраны назад и заплетены в косу.

Мать-Природа говорит:

– Разумеется, я не прошла. И не только тест на наркотики – я все завалила, что можно.

И не только монастырский экзамен, а почти всю свою жизнь...

Она пожимает плечами в веснушках, под бретельками пестрой сорочки.

– Так что, вот.

Созвездия плывут у нее на лице, и Мать-Природа говорит:

– Мне все еще надо где-то укрыться.

Дела ножные

Рассказ Матери-Природы

Нет, вы не смейтесь, но на курсах ароматерапии вас специально предупреждают, что нельзя зажигать свечу с ароматом лимона и корицы одновременно с гвоздичной свечой и свечой с ароматом кедрового масла и мускатного ореха. Только не говорят почему...

Специалисты фэн-шуй об этом не распространяются, но чтобы убить человека, достаточно просто поставить кровать не в то место, и концентрация энергии чи будет смертельной. Только с помощью акупунктуры можно вызвать аборт на поздних сроках. Работой с кристаллами или аурой можно вызвать у человека рак кожи.

Только не смейтесь, но любой элемент нью-эйджа можно так или иначе превратить в орудие убийства.

В последнюю неделю курсов массажа вам объясняют, что на пятке есть зона перекрестных рефлексов, которую ни в коем случае нельзя массировать. Нельзя массировать также свод левой стопы. И особенно – внешнюю левую сторону. Но не говорят почему. В этом и состоит разница между «светлым» и «темным» аспектом массажного дела.

Ты поступаешь на курсы рефлексологии. Это наука о стимуляции точек на стопе, посредством которой можно лечить болезни и обеспечивать правильную работу определенных органов. В основе рефлексологии лежит идея, что человеческое тело делится на десять энергетических меридианов. Например, большой палец ноги напрямую связан с головой. Чтобы вылечить перхоть, нужно массировать точку сразу за ногтем на большом пальце ноги. Если болит горло, надо массировать средний сустав большого пальца. В услуги по медицинской страховке все это не входит. Рефлексолог – это вроде как врач, только без заработка. Люди, которые хотят, чтобы для излечения рака мозга им растирали места между пальцами – обычно у них не бывает денег. Только не смейтесь, но даже если ты – специалист с многолетним стажем, ты все равно зарабатываешь гроши и занимаешься тем, что трешь ноги людям, для которых иметь много денег – не самое главное в жизни.

Не смейтесь, но вот однажды идешь по улице и встречаешь девчонку, с которой вы вместе ходили на курсы массажа. Эта девчонка, вы с ней ровесницы. Вы обе носили на шее бусы из определенных камней. Плели

косички из сухого шалфея и жгли их, чтобы очистить свои энергетические поля. Вы заплетали волосы в косы, ходили босыми и были достаточно юными, чтобы считать, что вы занимаетесь благородным делом, растирая грязные ноги бомжей на практических занятиях в бесплатной клинике.

Это было давным-давно.

Ты по-прежнему бедная. У тебя уже волосы выпадают. То ли от плохого питания, то ли под действием силы тяжести, но людям кажется, будто ты хмуришься, даже когда ты не хмуришься.

А эта девчонка, с которой вы вместе ходили на курсы, она выходит из шикарной гостиницы, и швейцар держит ей дверь. Она вся в каких-то невозможных мехах и на высоченных шпильках, которые не наденет ни один рефлексолог.

Пока швейцар ловит для нее такси, ты подходишь к ней и говоришь:

– Лентил?

Женщина оборачивается, и да – это она. На шее сверкают бриллианты, настоящие бриллианты. Длинные волосы отливают блеском, густые роскошные волосы, волны рыжего и каштанового. От нее вкусно пахнет: лилиями и розами. У нее совершенно потрясная шуба. На руках – кожаные перчатки. Такие гладкие, ровные – лучше, чем кожа у тебя на лице. Женщина оборачивается и сдвигает на лоб свои темные очки. Она смотрит на тебя в упор и говорит:

– Я вас знаю?

Вы вместе ходили на курсы массажа. Когда были молодыми... моложе.

Швейцар придерживает открытую дверцу такси.

И женщина говорит: ну конечно, она тебя помнит. Она смотрит на часы у себя на руке, искрящиеся бриллиантовой россыпью, и говорит, что через двадцать минут ей надо быть на другом конце города. Она спрашивает у тебя: может, поедem со мной?

Вы садитесь в такси, на заднее сиденье, и женщина дает швейцару двадцатку. Он берет под козырек и говорит, что всегда рад ее видеть.

Женщина называет таксисту адрес, какое-то место в престижном районе, и мы отъезжаем.

Только не смейтесь, но эта женщина – Лентил, твоя старая подруга, – она снимает с руки свою сумочку, с мехового пушистого рукава, открывает ее, и внутри лежат деньги. Сумочка буквально набита деньгами. Банкнотами по пятьдесят и сто долларов. Затянутой в перчатку рукой она роется в сумочке, в этом богатстве, и достает сотовый телефон.

Тебе она говорит:

– Это буквально на полминуты.

Рядом с ней твоя хлопчатобумажная индийская юбка, пластиковые сандалии и ожерелье из медных колокольчиков выглядят уже не шикарно и не этнически. Ты, со своими глазами, густо подведенными тушью, и поблекшими узорами, нарисованными хной на руках – как будто ты никогда в жизни не мылась. Рядом с ее бриллиантовыми сережками-гвоздиками, твои любимые серебряные «висюльки» похожи на елочные украшения из магазина подержанных товаров.

Она говорит в трубку:

– Я уже еду. – Она говорит: – В три часа не могу, вернее, могу, но только на полчаса. – Она говорит: – пока. – И отключается.

Она прикасается к твоей руке мягкой, гладкой перчаткой и говорит, что ты очень даже неплохо выглядишь. Интересуется, чем ты теперь занимаешься.

Да тем же самым. Массажем ног. При неплохом, кстати, списке постоянных клиентов.

Лентил закусывает губу, смотрит на тебя и говорит:

– То есть ты по-прежнему в рефлексологии?

И ты говоришь: ага. Старость, конечно, не обеспечишь, но на жизнь хватает.

Целый квартал она смотрит на тебя, не говоря ни слова. Потом спрашивает, какие у тебя планы на ближайший час. Говорит, что если ты свободна и хочешь заработать хорошие деньги, наличкой, можно устроить массаж в четыре руки ее следующему клиенту. Одну ногу – ей, одну ногу – тебе.

Ты говоришь, что ни разу не делала рефлексологию с кем-то на пару.

– Всего час работы, – говорит она, – и нам платят две тысячи долларов.

Ты: а это легально?

И Лентил говорит:

– Две тысячи. Каждой.

Ты: просто за массаж ног?

– И вот еще что, – говорит она. – Не называй меня Лентил. – Она говорит: – Там, куда мы едем, меня зовут Анжелика.

Только не смейтесь, но это правда. Темная сторона рефлексологии. Конечно, мы кое-что знали. Мы знали, как вызвать у человека запор, воздействуя на подошвенную сторону большого пальца. Или как вызвать понос, массируя лодыжку ближе к стопе. Воздействие на внутреннюю поверхность пятки делает мужчину импотентом, также оно вызывает мигрени, только на всем этом денег не сделаешь, так что зачем забивать себе голову?

Такси подъезжает к нагромождению резных камней, посольству какой-то нефтяной державы с Ближнего Востока. Охранник в форменной куртке открывает дверцу, и Лентил выходит из машины. Ты тоже выходишь. Другой охранник, в фойе, проверяет вас металлодетектором: ищет ножи, пистолеты, чего там еще. Третий охранник – тот, который сидит за столом со столешницей из гладкого белого камня, – звонит кому-то по телефону. Четвертый заглядывает к Лентил в сумочку, разгребает бумажные деньги, но кроме них в сумочке нет ничего.

Открывается дверь лифта, и еще один охранник машет вам: заходите. Лентил говорит:

– Просто делай, как я. – Она говорит: – Вот увидишь: такого у тебя еще не было, чтобы так легко заработать деньги.

Только не смейтесь, но там, на курсах массажа, ходили слухи. Как сманить на «темную сторону» хорошего рефлексолога. Чтобы работать с определенными точками удовольствия на подошве стопы. Давать людям то, о чем они только шепчутся. То, что они называют, хихикая, «заделать ноги».

Лифт открывается. Длинный пустой коридор. В самом конце – двойная дверь. Других дверей нет. Стены отделаны полированным белым камнем. Пол тоже каменный. Двойная дверь из матового стекла открывается в комнату, где за белым столом сидит человек. Они с Лентил целуются в щечку.

Человек за столом: он смотрит на тебя, но разговаривает только с Лентил. Называет ее Анжеликой. У него за спиной – очередная двойная дверь. В спальню. Человек делает вам двоим знак, чтобы вы проходили туда. Но сам не заходит. Он запирает дверь. Запирает вас внутри.

В спальне, на огромной круглой кровати, застеленной белым шелком, лежит человек. Лежит на животе. На нем шелковая пижама – блестящий синий шелк. Босые ноги свешиваются с края кровати. Анжелика снимает перчатку. Она снимает вторую перчатку. Вы обе опускаетесь на колени на мягкий ковер, и каждая берет по ноге.

Вместо лица вам виден только затылок, черные волосы, густо намазанные гелем, и здоровенные уши, из которых торчат пуки черных волос. Все остальное утонуло в белой шелковой подушке.

Только не смейтесь, но это не просто слухи. Анжелика надавливает на пятку с подошвенной стороны, где располагается зона генитальной рефлексии, и мужчина в пижаме стонет, уткнувшись лицом в подушку. У тебя еще руки толком не устали, а мужик уже глухо рычит, весь в поту, его шелковая пижама прилипла к спине и ногам. Когда он умолкает, даже

трудно понять, дышит он или нет. Анжелика шепчет, что пора на выход.

Мужчина за белым столом дает вам по две штуки долларов. Каждой. Наличными.

Охранник на улице ловит Анжелике такси.

Садясь в такси, Анжелика сует тебе в руки визитную карточку. На ней – телефон какой-то комплексно-оздоровительной клиники. Снизу приписано от руки: «Спросить Ленни».

Мягкая кожа ее перчаток, ее духи с запахом роз, звук ее голоса, все говорит: «Обязательно позвони мне».

Есть много причин, почему люди уходят в «заделку ног». Лишние деньги – они никогда не лишние. Хочется как-то порадовать папу с мамой, обеспечить им старость. Купить им машину. Или квартиру у моря, где-нибудь во Флориде.

День, когда ты вручила им ключ от этой квартиры, – это был самый счастливый день в твоей жизни. В тот день они оба расплакались и признались, что никогда и не думали, что их дочь сможет так хорошо зарабатывать, растирая чужие вонючие ноги.

За этот день тебе придется расплачиваться всю оставшуюся жизнь.

Только не смейтесь, но это вполне легально. Ты просто делаешь массаж ног. Никакого интима не происходит, но клиент получает оргазм, так что потом пару дней лежит в лежку, не в силах ходить. Мужчина, женщина – это не важно. Ты обрабатываешь определенные точки у них на ногах, и они кончают, как будто в припадке. Так что потом надо проветривать комнату, потому что у них происходит непроизвольное опорожнение кишечника. Так, что они только смотрят на тебя, пуская слюни, и тычут дрожащим пальцем в пачку стодолларовых банкнот на тумбочке у кровати или на журнальном столике, чтобы ты их взяла.

Ленни звонит из клиники, и ты летишь в Лондон на самолете, который прислали специально за тобой. Тебе звонят из клиники, и ты мчишься в Гонконг. Клиника – это, собственно, только Ленни, парень с русским акцентом, который живет в многокомнатном номере в отеле «Парк Хэмптон» и которому ты отдаешь половину выручки. Голос с русским акцентом говорит тебе по телефону, каким рейсом лететь и куда, в каком отеле или на каком частном острове тебя ждет следующий клиент.

Только не смейтесь, но у тебя совершенно нет времени бегать по магазинам и тратить деньги. Деньги просто накапливаются. Твоя форменная одежда – дорогая шуба. Чтобы соответствовать этому новому миру, нужно носить золотые и платиновые украшения. Следить за собой. Чтобы волосы всегда были чистыми и блестящими. Иной раз в холле «Ритц

Карлтон» ты встречаешь ребят и девчонок, с которыми вы вместе ходили на курсы рефлексологии. Теперь они носят костюмы от Армани и коктейльные платья от Шанель. Бывшие строгие вегетарианцы, которые ездили только на велосипедах, теперь разъезжают на лимузинах. Обедают-ужинают в одиночестве за маленьким столиками в ресторанах при дорогих отелях. Пьют коктейли в барах в частных аэропортах в ожидании следующего специально зафрахтованного самолета.

Бывшие мечтатели-идеалисты, соблазненные профессиональной «заделкой ног».

Эти девчонки с хипповскими дредами, воплощения Матери-Природы, эти мальчики-неформалы с тонкими эспаньолками, теперь они говорят по мобилам со своими биржевыми маклерами, распоряжаясь, что покупать, что продавать. Хранят деньги на оффшорных счетах и в депозитных сейфах швейцарских банков. Скупают неограненные бриллианты и крюгерранды.

Мальчики, которых когда-то звали Форель, Пони, Ящерка или Устрица, теперь они все стали Дирками. Девочки, бывшие Лютики, теперь они все – Доминики.

Столько народу занято на «заделке ног». Понятно, что цены падают. Очень скоро с миллионеров от программного обеспечения и нефтяных шейхов ты опускаешься до гостиничных баров, где, одетая в платье из прошлогодней коллекции «Прада», исполняешь легкую стимуляцию стоп за двадцать баксов за раз. Лезешь под столики в ресторанах, чтобы заделать ноги участникам съезда. Выскакиваешь из огромных тортов к дню рождения и «делаешь ноги» целой футбольной команде, или выкладываешься на мальчишнике, просто чтобы хватало денег платить за родительскую квартиру.

И уже дело времени, когда какой-нибудь неизлечимый ножной грибок заберется под твой французский маникюр с покрытием из жидкого шелка.

И это все для того, чтобы погасить только проценты по долгу, по тем деньгам, которыми тебя ссудил Ленни со своей русской мафией. Чтобы ты вложила их в акции, которые прогорели. В акции, рекомендованные тебе Ленни. Чтобы ты купила себе украшения и туфли, без которых, по утверждению Ленни, просто нельзя обходиться при твоей работе.

Ты сидишь в баре в отеле «Парк Хэмптон» и пытаешься уговорить пьяного бизнесмена, чтобы он заплатил тебе десять долларов за эротическую стимуляцию стоп в мужском туалете. И вдруг видишь ее, Анжелику. Она идет через фойе, в сторону лифтов. Ее волосы отливают блеском. Меха волочатся по ковру следом за высоченными каблуками. Анжелика по-прежнему выглядит потрясающе. Ваши взгляды встречаются,

и она машет тебе рукой, затянутой в кожаную перчатку.

Когда лифт подъезжает, она говорит, что идет к Ленни, в пентхаус. В клинику.

Она смотрит на твои сбитые каблуки, на твои страшные ногти и говорит:

– Пойдем посмотрим, какие у нас перспективы развития...

Лифт останавливается на последнем этаже. Ленни занимает целый пентхаус. У дверей стоят-охраняют два полосатых костюма, сплошь набитые мышцами. Именно этим гориллам ты отдаешь долю Ленни, половину всего, что зарабатываешь. Один из охранников называет ваши имена в микрофон, пришпиленный к лацкану, и дверь открывается с громким жужжанием.

Внутри только ты, Анжелика и Ленни.

Только не смейтесь, но твоя одинокая жизнь, где сплошные чужие ноги – у Ленни все еще хуже. Запертый здесь, наверху, он целый день ходит в махровом купальном халате, считает деньги и говорит по телефону. Всей мебели – только стул с заляпанным грязным сиденьем. У стеклянной стены с видом на город лежит одинокий матрас. На экране компьютера безостановочно ползут цифры: цены на акции.

Ленни подходит к вам, халат не завязан, под халатом – мятые полосатые боксеры. Белые носки давно пожелтели. Ленни тянет руки к лицу Анжелики и говорит:

– Мой ангел, мое сокровище. – Он берет ее лицо в ладони и говорит: – Как ты, солнце мое?

На своих высоченных шпильках она чуть ли не на голову выше него. Она улыбается и говорит:

– Ленни...

И Ленни бьет ее по лицу, сильно, с размаху, и говорит:

– Ты же обманываешь меня. – Он замахивается, готовый ударить еще раз. – Берешь клиентов у меня за спиной, да?

Анжелика подносит руку в перчатке к лицу, закрывает красный отпечаток Ленниной ладони и говорит:

– Малыш, нет...

И Ленни опускает руку. Поворачивается к Анжелике спиной. Подходит к окну, смотрит на город, распростертый как раз под его матрасом.

– Малыш, – говорит Анжелика. – Дай я тебе покажу что-то новенькое.

Анжелика смотрит на меня.

Потом подходит к нему, встает у него за спиной, кладет руки в перчатках ему на плечи. Она говорит:

– Сейчас ты увидишь, как мамочка любит своего малыша...

Она мягко давит ему на плечи, чтобы он сел на матрас. Потом – лег. Она снимает с него пожелтевшие носки.

– Давай, малыш, – говорит она. Снимает перчатки и говорит: – Ты знаешь, как я умею заделать ноги...

А потом она делает то, чего я в жизни не видела. Никогда. Она опускается на колени. Открывает рот. Губы растянуты широко-широко, в тонкую линию. Она проводит языком по всей подошве его стопы. Анжелика обхватывает губами Ленину пятку, и Ленни стонет.

Только не смейтесь, но есть работа, которая хуже самой поганой из всех поганных работ. Медиамагнат, у которого в жизни не поднималось давление, умирает от сердечного приступа в номере «Четырех сезонов». Рок-звезда, абсолютно здоровый лось, умирает от почечной недостаточности после массажа ног в «Шато Мармот».

У нас есть доступ к ногам президентов и султанов. Директоров крупных компаний и кинозвезд. Королей и королев. Мы знаем, как сделать, чтобы заказное убийство смотрелось как смерть по естественной причине.

Об этом тебе и рассказывает Анжелика, когда вы едете вниз на лифте. Уже после того, как Ленни стонал и бился, словно в припадке. Уже после того, как Анжелика вылизывала его ногу до тех пор, пока он не сел на матрасе, схватившись руками за сердце, и хватая ртом воздух, и глядя на Анжелику, которая продолжала сосать его пятку. Когда его сердце остановилось, Анжелика прикрыла его простыней, до самого подбородка. Вытерла помаду с его ноги, подкрасила губы. Она отключила его телефоны и сказала охранникам, что Ленни решил вздремнуть.

Когда вы едете вниз на лифте, Анжелика говорит, что она больше не будет «заделывать ноги». Это был ее последний раз. Лени ей заказало конкурирующее агентство. Эта «заделка» стоила миллион долларов, налом. И теперь Анжелика «отходит от дел», навсегда.

Анжелике нужно чего-нибудь выпить, чтобы отбить вкус ноги Лени. В баре отеля вы берете себе по коктейлю. Последняя выпивка, на прощание. А потом Анжелика тебе говорит: посмотри вокруг. Видишь, в холле. Эти мужчины в костюмах. Женщины в дорогих мехах. Они все – убийцы от рольфинга. Убийцы от рэйки.^[2] Убийцы от глубоких очистительных клизм.

Анжелика говорит, что в гемматерапии есть особые приемы: если, скажем, положить кристалл кварца кому-то на сердце, потом – аметист на печень и бирюзу на лоб, человек впадет в кому, и так и умрет. Если знающий фэн-шуист заберется по-тихому к тебе в спальню и чуть сдвинет

мебель, у тебя разовьется неизлечимая болезнь почек.

– Прижиганием, – говорит Анжелика, имея в виду метод, основанный на возжигании ароматических конусов на точках акупунктуры, – можно убить. И шиатсу тоже.

Она допивает коктейль и снимает свое жемчужное ожерелье.

Все эти лекарства, которые, по утверждению производителей, сделаны только из натуральных компонентов, а значит, полностью безопасны – Анжелика смеется. Говорит, цианид – натуральный компонент. И мышьяк тоже.

Она отдает ожерелье тебе и говорит:

– Теперь я снова Лентил.

Такой ты хочешь запомнить ее, Анжелику, а не такой, какой она была на фотографии в газете на следующий день, когда ее тело в промокшей норковой шубе выудили из реки. Убийцы забрали ее сережки и часы с бриллиантами, чтобы это выглядело как ограбление. Она умерла не от умелой «заделки ног», ее умертвили вполне традиционным способом: пулей в затылок, прямо в ее безупречную французскую косу. Предупреждение всем Диркам и Доминикам, которым захочется «отойти от дел».

Звонят из клиники. Не Ленни, кто-то другой, тоже с русским акцентом. Хотят направить тебя к клиентам, но ты им не доверяешь. Охранники видели тебя с Лентил. Там, в пентхаусе. Вполне вероятно, тебя тоже ждет пуля в затылок.

Родители звонят из Флориды и говорят, что их постоянно преследует черный автомобиль, и еще им звонили и спрашивали, где тебя можно найти. А ты теперь постоянно переезжаешь из одной ночлежки в другую и «делаешь ноги» прямо на улице, чтобы у тебя были деньги на жизнь.

Ты говоришь папе с мамой: вы там осторожнее. Говоришь, чтобы они не давали делать себе массаж никому, кого они не знают. Ты звонишь им с телефона-автомата и говоришь, чтобы они не связывались с ароматерапией. Аурами. Рэйки. Только не смейтесь, но теперь тебе постоянно придется срываться с места на место. Может быть, всю оставшуюся жизнь.

Нет, объяснить ты не можешь. У тебя уже не осталось четвертаков, и ты говоришь папе с мамой: ну ладно, пока.

В первую неделю мы ели мясо под соусом «Веллингтон», а Мисс Америка обходила все двери и, встав на колени, ковырялась в замках мастихином, позаимствованным у Герцога Вандальского.

Мы ели морского окуня, а Мисс Апчхи глотала пилюльки и капсулы из гремящих пузырьков у нее в чемодане. Кашляла в кулачок и вытирала нос рукавом свитера.

Мы едим тетраzzини с индейкой, а Леди Бомж играет своим кольцом с бриллиантом, оправленным в платину. Она перевернула его на пальце и разговаривает с ним вслух, словно держа огромный бриллиант в ладони.

– Пакер? – говорит она. – Это совсем не то, чего я ожидала. – Леди Бомж говорит: – Как я могу написать что-то достойное, когда окружение... не соответствует?

Разумеется, Агент Краснобай снимает ее на видео. Граф Клеветник достает свой диктофон, ловит каждое слово.

Там кхе-кхе. Тут кхе-кхе. Ворчание. Нытье. Все недовольны, все жалуются. Мисс Апчхи говорит, что здешний воздух буквально забит токсичными спорами плесени.

Там кхе-кхе. Тут так-так. Никто не работает. Никто не написал ни строчки.

Худющий Святой Без-Кишок, словно голодный птенец с вечно раззявленным ртом и запрокинутой головой, вливал в себя картофельную запеканку с мясом, или яблочный пирог, или острые пирожки с чили из серебристых шуршащих пакетов из майларовой фольги. Заглатывал чуть теплую массу, даже не пережевывая. Его острый кадык ходил вверх-вниз при каждом глотке.

Хваткий Сват выплюнул табачную жвачку на грязный ковер и сказал, что это промозглое здание, сумрачное и унылое, совсем не похоже на писательскую колонию, как он ее себе представлял: люди пишут на свежем воздухе, зеленые лужайки услаждают взор; у каждого – свой отдельный коттедж; по утрам им приносят завтрак в коробке. Цветущий сад, абрикосовые деревья в белой метели лепестков. Послеобеденный сон под каштанами. Крокет.

Мисс Америка даже еще не бралась за конспект своего киносценария, своего будущего шедевра, а уже заявила, что у нее ничего не выходит. Грудь болит – невозможно писать. Руки какие-то вялые. От одного только запаха

сегодняшних котлет из телятины ее немного стошнило вчерашними крабовыми лепешками.

У нее почти на неделю задерживается менструация.

– Это синдром нездорового здания, – сказала ей мисс Апчхи. Ее красный нос уже свернулся на сторону оттого, что она постоянно вытирает его рукавом.

Леди Бомж провела пальцами по перилам, по резным спинкам кресел и показала нам пыль.

– Видишь, – сказала она бриллианту в своей ладони, – Пакер? Пакер, это же неприемлемо.

В первую неделю затворничества Мисс Апчхи постоянно кашляла и дышала со свистом, глухим и низким, как стоны волынки.

Мисс Америка пыталась взломать замки на дверях. Рывком раздвигала зеленые бархатные занавески в холле, обставленном в стиле итальянского ренессанса, но все окна были заложены кирпичами. Рукояткой своего розового колеса-тренажера она разбила витражное окно в готической курительной комнате и увидела лишь бетонную стену с горящими лампочками, создающими имитацию дневного света.

Диваны и кресла в холле Людовика XV обтянуты васильковым бархатом, стены украшены замысловатой лепниной в виде позолоченных завитков, Мисс Америка встала посреди комнаты в своем спортивном купальнике из ярко-розового спандекса и потребовала ключ. Ее светлые волосы были как белое море, бушующее у нее за спиной. Она сказала, что ей нужен ключ, чтобы выйти наружу, буквально на пару дней.

– Вы пишете романы? – спросил мистер Уиттиер. Его руки, даже когда лежали неподвижно на хромированных подлокотниках инвалидного кресла, все равно будто бы отбивали невидимую телеграмму. Под сморщенной кожей в оплетке из выступающих вен его кости произвольно дрожали.

– Киносценарии, – сказала Мисс Америка, уперев кулаки в бедра, обтянутые розовым спандексом.

Глядя на нее, высокую, стройную, гибкую, мистер Уиттиер сказал:

– Да, конечно. Ну, так напишите сценарий о том, что такое усталость.

Нет, Мисс Америке нужно сходить к гинекологу. Ей нужно сдать кровь на анализ. Ей нужны предродовые витамины.

– Мне нужно кое с кем встретиться, – сказала она.

С ее парнем.

И мистер Уиттиер сказал:

– Вот поэтому Моисей и увел племена Израилевы в пустыню...

Потому что они столько лет прожили в рабстве. Поколение за поколением, они учились, как быть беспомощными.

Чтобы создать расу хозяев из расы рабов, сказал мистер Уиттиер, чтобы научить забитых, смиренных людей самим управлять своей жизнью, Моисею приходилось быть сволочью.

Мисс Америки сидела на краешке василькового кресла и кивала блондинистой головой. Ее волосы взметались и падали. Она все понимает. Она понимает. А потом она сказала:

– Ключ?

И мистер Уиттиер сказал ей:

– Нет.

Он держал на коленях серебристый майларовый пакет с курицей в винном соусе. Потертый синий ковер у него под ногами был липким от темной плесени. Каждое влажное пятно – словно тень с руками и ногами. Словно заплесневелый призрак. Зачерпнув ложкой курицу в винном соусе, мистер Уиттиер говорит:

– Пока вы не научитесь не обращать внимания на внешние обстоятельства и делать то, что вам надо делать, не зависимо ни от чего, – он говорит, – вас так и будут держать под контролем.

– А это как называется? – говорит Мисс Америка, разгоня рукой пыльный воздух.

И мистер Уиттиер говорит, в первый раз, и потом повторит это неоднократно:

– Я всего лишь хочу, чтобы вы выполнили обещание. – И добавляет: – То, что не дает вам развернуться всю жизнь, сдерживает вас и здесь.

То в воздухе что-то такое носится. То вам нездоровится, то давит усталость. Отец снова напился. Жена к вам охладела. Всегда найдется какое-то оправдание, чтобы не жить собственной жизнью.

– А если что-то случится? Если у нас вдруг закончится вся еда? – говорит Мисс Америка. – Тогда вы откроете дверь, ведь откроете?

– Но у нас ее много, еды, – говорит мистер Уиттиер с полным ртом пережеванной курицы с каперсами. – И она не закончится.

Да, тогда еще – нет.

В первую неделю в том доме мы ели овощное карри с рисом. Лосося, замаринованного в терияки. И все – замороженные полуфабрикаты.

Мы ели зеленую фасоль, запаянную в майларовые пакеты, которые не разорвешь руками. «Гарантированная защита от паразитов и грызунов» было оттиснуто черной краской на каждом серебристом пакете. Мы ели зеленую фасоль, гарантированно защищенную от паразитов и грызунов, и

тушеную курицу, и вареную сладкую кукурузу. В пакетах что-то гремело: палочки, камушки и песок. Они были похожи на серебряные подушечки, потому что их закачали азотом, чтобы содержимое не «ожило» и не испортилось. Лазанья с мясным соусом или равиоли с сыром.

Невзирая на гарантированную защиту, наше Недостающее Звено разрывал эти пакеты голыми руками, до неприличия волосатыми лапищами.

Чтобы приготовить обед, надо разрезать пакет ножницами или ножом. Потом надо вытащить маленький бумажный пакетик с окисью железа – его кладут для того, чтобы абсорбировать кислород. Вынимаешь пакетик с окисью железа и заливаешь содержимое указанным количеством кипящей воды. У нас была микроволновка. Пластмассовые вилки и ложки. Бумажные тарелки. И водопровод.

Не успеешь прочесть и десяти страниц какого-нибудь вампирского романа, и обед готов. Вместо палочек-камушков и горячей воды получаешь серебряную подушку с бефстрогановом или мясным рулетом «подомашнему».

Мы сидели на синем ковре на лестнице в холле, на перекатах этого синего водопада. Лестница была очень широкой: можно было усесться всем на одну ступеньку, даже не соприкасаясь локтями. Мы ели тот же бефстроганов, который будет есть президент у себя в бункере во время ядерной войны. От того же производителя.

На серебристых пакетах было написано по трафарету: «Шоколадный торт „Чертик“ и „Банановый фостер“. Картофельное пюре. Макароны с сыром. Замороженный картофель-фри.

Такая удобная еда.

И до боли знакомая.

На каждом пакете стоит срок годности, который закончится только тогда, когда мы все умрем. Когда умрут наши дети.

Клубничные кексы со столетним сроком годности.

Мы ели замороженную говядину с замороженным мятным желе, а Леди Бомж осознавала всем сердцем, что она действительно любила своего покойного мужа. Я любила его, кричала она в сложенные чашечкой ладони. Сотрясалась рыданиями, сгорбившись под своей норковой шубой. Держа огромный бриллиант на ладони, она говорила, что ей надо выйти отсюда и похоронить своего дорогого супруга в три карата на семейном участке.

Мы ели денверский омлет, а Герцог Вандальский жевал свою никотиновую жвачку, пытался выдувать из нее пузыри и сокрушался, что выбрал не самое подходящее время для того, чтобы бросить курить. А у

Святого Без-Кишок онемела левая рука – в результате повторяющихся однообразных движений при попытках кончить без визуальной поддержки.

Кот Директрисы Отказ, кот по имени Кора Рейнольдс, доедал остатки морского окуня, а Графиня Предвидящая и Преподобный Безбожник все переживали, что здесь недостаточно безопасно. Мы сами забрались в ловушку. Они боялись, что нас найдут, и... Они сказали мистеру Уиттиеру, что им нельзя долго сидеть в одном месте, им надо бежать, надо скрываться.

Преподобный Безбожник, сжимая в руках альбом Барбры Стрейзанд, читал слова песен из вложенной книжечки, беззвучно шевеля губами, похожими на две кровавые колбаски. Он сказал в диктофон Графа Клеветника:

– Я даже не сомневался, что тут будет стереосистема.

В видеоискателе камеры Агента Краснобая, Повар Убийца поднес ко рту полную ложку суфле из шпината, с которого капал зеленый сок, и сказал:

– Я профессиональный повар. Я не критик продуктов питания, но я не выдержу целых три месяца на *растворимом* кофе...

Разумеется, все говорили, что они непременно напишут свои романы, стихи и рассказы. Обязательно сотворят свой шедевр. Только не здесь. Не сейчас. Потом, где-нибудь в другом месте. Снаружи.

В первую неделю мы вообще ничего не делали. Только жаловались и возмущались.

– Это не оправдание, – сказала Мисс Америка, поддерживая свой плоский живот обеими руками. – Это человеческая жизнь.

Мисс Апчхи кашлянула в кулак. Шмыгнула носом, выпучила красные слезящиеся глаза и сказала:

– Я тут не выживу. Я тут умру.

Сунула руку в карман, достала очередную таблетку.

И конечно же, мистер Уиттиер покачал головой:

– Не умрете.

Сидя в кресле, обтянутом синим бархатом, в окружении золоченой лепнины и бархата, мистер Уиттиер зачерпнул ложкой суп из моллюсков из майларового пакета и сказал:

– Расскажите мне про отца ребенка. – Он сказал, обращаясь к Мисс Америке. – Опишите мне сцену, как вы познакомились.

И камера Агента Краснобая взяла лицо Мисс Америки крупным планом.

Усовершенствование продукта

Стихи о Мисс Америке

– Я постоянно высматриваю, – говорит Мисс Америка, – что мне НЕ нравится.

Каждый раз, когда она смотрится в зеркало.

Мисс Америка на сцене, ее светлые волосы вьются пышными кольцами и вздымаются волнами, чтобы зрительно уменьшить лицо.

Высоченные шпильки. Одна нога выставлена чуть вперед, чтобы зрительно сузить бедра.

Она стоит полубоком, лицо и плечи развернуты вполоборота к зрителям в зале.

Так стоять неудобно, но зато талия кажется тоньше.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма:

Лицо Мисс Америки скрыто вуалью из кадров, нарезанных из видеокурсов «Как улучшить фигуру».

Губы, глаза, все лицо – под макияжем из женских ног в обжигающе-розовых леггинсах и термоколготках.

Кожа пестрит скачущими и танцующими фигурами.

Каждая из этих женщин наблюдает за своим отражением в зеркале.

Фильм: тень отражения иллюзии миража.

Она говорит:

– Каждый раз, когда я смотрюсь в зеркало – это тайное маркетинговое исследование.

Она – сама себе тестовая аудитория.

Ее внешняя привлекательность оценивается по десятибалльной шкале.

Ежедневный бета-тестинг обновленной, исправленной и улучшенной версии себя любимой.

Тонкая перенастройка в соответствии с рыночными тенденциями.

Платье плотно облегает фигуру, как купальник, как обтягивающий спортивный костюм.

На колготках – проекции женщин, крутящих педали, едущих в никуда со скоростью тысяча калорий в час.

– В разделе «Особые хитрости» своей программы, – говорит она, – я научу вас отглатывать.

Будь то огромная порция персикового мороженого, Хеллоуинский набор миниатюрных шоколадных батончиков, шесть пончиков в глазури или пара двойных чизбургеров.

В общем, обычная пища.

И иногда – сперма.

У нее на лице мелькают кадры из видеокурсов по аэробике, ее краткосрочная цель – преодолеть первоначальную сопротивляемость потребителя.

Ее долгосрочная цель – обеспечить постоянный приток инвестиций.

В себя – как в долговечный и качественный продукт.

Гримерка

Рассказ Мисс Америки

Когда взрываются бомбы, в этом нет ничего личного. Или когда вооруженный псих берет заложников на стадионе. Когда на новостном мониторе высвечивается боевая готовность, то есть «экстренный выпуск», все местные станции прерывают свои передачи и переключаются на выпуск новостей центрального телевидения.

Сперва шеф-редактор и режиссер выводят вставку в формате «экран пополам». Сплит-скрин, как это у них называется. Потом местный ведущий говорит что-то вроде: «Мы прерываем программу, чтобы передать экстренный выпуск новостей. Океанский лайнер терпит бедствие в открытом море. С места событий – специальный корреспондент Такой-то, в прямом эфире из Нью-Йорка». Это у них называется «прямое включение».

Потом дают новостной выпуск центрального телевидения, а работники местных студий сидят, дергаются и ждут, пока не придет сигнал к окончанию прямого включения.

И никому не приходит в голову объяснить все это начинающим телекоммивояжерам, которых бросают в эфир рекламировать и продавать видеокурсы из серии «Помоги себе сам», книги или ножи для очистки моркови.

Так что, сидя в гримерке, в ожидании приглашения на программу «Просыпайся, Чаттануга!», молодой человек с волосами, зализанными назад, учит жизни молоденькую блондинку.

Она слишком блондинистая, объясняет он. Режиссеры-постановщики очень не любят таких выбеленных блондинок, потому что при свете прожекторов они начинают «гореть». Бликовать на картинке. Кажется, будто вся голова у блондинки объята пламенем.

– Если у тебя есть какие-то записи, – учит блондинку зализанный молодой человек, – не смотри в них в эфире, иначе в кадр попадет только макушка.

Редакторы по гостям, говорит он, ненавидят, когда участники передачи приходят с бумажками. Они ненавидят гостей, которые не пытаются говорить сами. Тогда редактор говорит тебе: «Не навязывай свой товар. Представь, что ты – это он».

Тем более что этот же редактор называет тебя «Колесо для фитнеса»,

потому что так обозначен твой блок в разблюдовке, то есть в верстке программы. Время зализанного молодого человека обозначено как «Видеокурсы». Пожилого мужчины – «Пятновыводитель».

Блондинка и зализанный молодой человек сидят на старом, затертом кожаном диване в гримерке, бумажные чашки с остывшим кофе забыты на столике, два монитора мерцают под потолком, в двух углах. На одном мониторе диктор центрального телевидения рассказывает о тонущем лайнере, потом картинка сменяется видеорядом: корабль вверх днищем и россыпь оранжевых спасательных жилетов на воде. На втором мониторе что-то совсем уже грустное. Еще хуже, чем тонущий лайнер.

Пожилой дядька из Блока А, аккуратно причесанный старичок, который остановился в «Мотеле 6» и встал в пять утра, чтобы приехать на студию и расхвалить свое изобретение: специальную щетку для удаления пятен. Бедный старый пердун. Ему повесят петличку и пустят в эфир из студийной «гостиной», где целые джунгли искусственных растений. Сейчас он сидит-потеет под жаркими прожекторами, пока ведущая приветствует телезрителей.

Декорации гостиной отличаются от «кухни» и «главной студии» тем, что там больше искусственной зелени и разбросанных подушек.

Этот пожилой дядька уверен, что у него есть целых десять минут, потому что первый рекламный блок пойдет не раньше, чем через десять минут после начала. На большинстве каналов на рекламу уходят через восемь или девять минут. Таким образом мы не даем зрителям заскучать, чтобы они не скакали с канала на канал, и обеспечиваем программе высокий рейтинг на целых пятнадцать минут.

– Не то чтобы очень, – говорит нашей блондинке зализанный молодой человек и быстро крестится, как хороший католик, – но лучше пусть он, чем кто-то из нас.

Буквально через долю секунды после начала демонстрации его чудо-щеточки Блок А прерывается прямым включением на обреченный океанский лайнер.

Сидя в этой гримерке, на затертом кожаном диване, в какой-то двузначной ЗПВ, зализанный молодой человек говорит, что у него будет, наверное, семь минут, чтобы привнести в мир учение мисс Бойд.

ЗПВ означает: зона прямого влияния. Бостон, к примеру, это третья ЗПВ в стране, потому что у них третий по величине потребительский рынок СМИ. Нью-Йорк – первая ЗПВ. Лос-Анджелес – вторая. Даллас – седьмая.

Этот город, где они сейчас, он стоит где-то ближе к концу первой

сотни в списке ЗПВ. «Рассвет в Линкольне» или «С добрым утром, Талса». Потребительский рынок СМИ, состоящий из «никого» с демографической точки зрения.

Еще один добрый совет: не надевай ничего белого. Или черного с белым, потому что такой узор «рябит», или «стробит» в кадре. И тебе непременно надо похудеть.

– Только чтобы поддерживать этот вес, – говорит наша блондинка зализанному молодому человеку, – надо столько работать.

Ведущая в эфире, диктор местного телевидения, говорит зализанный молодой человек, она как сквозная труба. Что скажут ей в «ухо», то она и произносит в эфире своими красными накрашенными губами. Например, сюжет слишком затягивается, и надо его сократить, и режиссер говорит ведущей: «Мы в перебое. Давай, короти. Переключаемся на собачий приют, а потом сразу идем на рекламу...», и она говорит, как ей сказали.

В общем, сквозная сливная труба.

Наша блондинка внимательно слушает. Она не смеется. Даже не улыбается.

Зализанный молодой человек говорит ей, что однажды он видел, как одна спецкорша, передававшая репортаж с места событий, стоя на фоне горящего склада, зарылась рукой себе в волосы и, глядя прямо в основную камеру, в прямом эфире, сказала: «Повторите вопрос. У меня отошла затычка...»

Спецкорша имела в виду, что у нее выпало «ухо», наушник обратной связи, поясняет зализанный молодой человек. Он указывает на ведущую, которую только что завели на монитор, и говорит, что у ведущих и корреспондентов всегда такие прически, чтобы волосы закрывали хотя бы одно ухо. Потому что в ухе у них – крошечный наушник, чтобы слушать подсказки и распоряжения режиссера. Если сюжет получается слишком затянутым, или нужно немедленно переключиться на аварию ядерного реактора.

Эта блондинка, она продает что-то вроде колеса-тренажера, которое надо катать, чтобы сбросить вес. На ней розовый спортивный купальник и малиновые колготки.

Да, она стройная и блондинистая, но чем больше выступов и углублений у тебя на лице, поучает ее зализанный молодой человек, тем лучше ты смотришься в кадре.

– Вот поэтому я и храню свою фотографию до, – говорит она. Потом подается вперед, наклоняется низко-низко, так что грудь прижимается к коленями, и роется в спортивной сумке, стоящей на полу. Она говорит: –

Это единственное доказательство, что я не просто очередная блондинка с изящными формами. – Она вынимает из сумки какую-то бумажку, держа ее за уголок двумя пальцами. Это фотография, и блондинка говорит зализанному молодому человеку: – Пока люди ее не видят, они думают, что я такая и родилась. Они даже и не догадываются, что я сама себя сделала.

Чуть-чуть жирка на лице, говорит ей зализанный молодой человек, и ты совершенно не смотришься в кадре. Ты – никто. Маска. Луна в полнолуние. Большой ноль, совершенно не запоминающийся зрителям.

– Вот каким я была пузырем, но мне удалось сбросить вес, и это единственное, что я сделала *героического* в жизни, – говорит она. – Если я наберу его снова, то получится, что я вроде как и не жила.

Понимаешь, говорит ей зализанный молодой человек, телекамера берет трехмерный объект – тебя, – и превращает его в двухмерное изображение. Вот почему в кадре ты смотришься толстым. Толстым и плоским.

Держа фотографию двумя ногтями, глядя на себя прежнюю, наша блондинка говорит:

– Не хочу быть просто очередной худышкой.

Насчет ее «воспламеняющихся» волос зализанный молодой человек говорит:

– Поэтому в порнографии и не снимают рыжих. При студийном освещении рыжие волосы смотрятся неестественно.

Вот кем ему хочется быть, этому парню с зализанными волосами: камерой за камерой, что за камерой, выдающей истину в последней инстанции.

Каждому хочется, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним. Каждому хочется поучать других, что хорошо, а что плохо. Как правильно и как неправильно.

Зализанный молодой человек объясняет нашей слишком блондинке, которая будет «бликовать» в кадре, что эти программы на местных студиях делятся на шесть блоков с рекламой в промежутках. Блок А, Блок В, Блок С и т. д. Эти программы, типа «Проснись и пой, Фарго» или «Новый день в Седоне», они уже вымирают. Для того чтобы заполнить эфирную сетку, дешевле купить права на показ готового ток-шоу с центральных каналов, чем снимать передачи самим.

Вот такие промоушн-туры – это как будто гастроли эстрадных артистов. Переезжаешь из города в город, из отеля в отель, даешь единственное представление по местному телевидению или по радио. Продаешь свои щипцы для волос принципиально новой конструкции, или

пятновыводитель, или тренажер-колесо для спортивных занятий.

У тебя есть семь минут, чтобы разрекламировать свой продукт. Это если тебя не впихнули в блок F – последнюю часть программы, когда половина ЗПВ уже переключилась на другие каналы, потому что предыдущие сюжеты были слишком затянутыми и нудными. А бывает и так, что тебя «срезают» вообще, потому что другие герои программы выступают настолько смешно и забавно, что их «держат» и после рекламы, с заходом на следующий блок. Или происходит прямое включение на тонущий лайнер.

Вот почему первый блок – самый лучший. Начинается передача, ведущая начитывает приветствие, и ты в эфире.

Все эти знания и хитрости мастерства, добытые тяжким трудом, очень скоро они будут вообще никому не нужны.

Быть может, поэтому зализанный молодой человек поучает нашу блондинку бесплатно. На самом деле, говорит он, ему надо было бы написать книгу. Воплощение Американской мечты: превратить свою жизнь в товар, который можно продать.

По-прежнему глядя на свою фотографию, где она еще толстая, блондинка говорит:

– Глупо, конечно, но эта фотка, где я корова коровой, – для меня это самое дорогое. – Она говорит: – Раньше я очень расстраивалась, когда на нее смотрела, но теперь это – единственное, что меня радует.

Она протягивает руку вперед и говорит:

– Я пью столько рыбьего жира, что от меня пахнет рыбой. – Она машет фоткой перед носом зализанного молодого человека. – Вот, понюхайте мою руку.

Рука пахнет рукой, кожей, мылом и бесцветным лаком для ногтей.

Он нюхает ее руку и берет фотографию. Там, на бумаге – плоское двухмерное изображение толстой коровы в джинсах с заниженной талией и коротеньком маленьком топике. Ее прежние волосы – совершенно обычные, среднестатистические каштановые.

Зализанный молодой человек одет безупречно: бледно-розовая рубашка, васильковый галстук, синий спортивный пиджак. Розовый оживляет цвет лица. Синий очень подходит к глазам. Еще до того, как ты начнешь говорить, объясняет он, ты должен быть презентабельным. Презентабельным, аккуратным и ухоженным гостем, которого не стыдно пустить в эфир. Придешь в мятой рубашке, в заляпанном галстуке – и тебя точно «зарезжут», если понадобится сократить сюжет, потому что они не укладываются в формат.

Гость программы должен быть обаятельным, привлекательным и ухоженным. Радостным и энергичным. Телегеничным. Таким, про кого говорят: «Камера его любит». Приятная внешность – залог успеха, потому что пятновыводитель или колесо-тренажер не умеют говорить.

Пожилой дядечка на мониторе – кожа, свисающая с подбородка, закрывает край накрахмаленного воротничка. А когда он глотает, она еще больше вываливается наружу, сморщенными складками – как жирный живот нашей блондинки на фотографии до вываливается из джинсов.

На той фотографии она вообще на себя не похожа. Как будто это другой человек. Скорее всего потому, что на фотографии она улыбается.

Глядя на монитор в гримерке, зализанный молодой человек объясняет, что если камера «держит» только ведущую и гостя и никогда не показывает общий план, то есть зрителей в студии, это значит, что там сидят только старухи с плохими зубами. Гостевой администратор – человек, отвечающий за набор зрителей для съемок в студии, – наверное, заключил сделку. Он набрал старых кошелок, чтобы заполнить студию в семь утра, а телеканал, в свою очередь, обещал дать рекламу Ярмарки ремесел «наших пенсионеров». Собственно, так они и набирают массовку для съемок. На Хеллоуин в студии сидят молодые люди, а канал рекламирует их акцию по сбору денег на охрану домов с привидениями. На Рождество в студию набиваются старики и старухи, которым нужно привлечь внимание к своим благотворительным базарам. Фальшивые аплодисменты в обмен на дармовую рекламу.

На мониторе в гримерке экстренный выпуск новостей центрального телевидения снова сменяется местным вещанием. Ведущая предлагает посмотреть анонс завтрашней передачи «Прическа и макияж: полное преображение», потом идет отбивка: очень красивая картинка с дождем, металлический звон – и пошла реклама.

Судно затонуло. Несколько сотен погибших. Художественный фильм – в одиннадцать.

Зализанный молодой человек мысленно переписывает свою речь о пользе видеокурсов по инвестициям, чтобы включить туда форс-мажорные обстоятельства. Непредвиденные катастрофы. И как это важно для тех людей, которые зависят от вас, чтобы у вас был хороший, солидный инвестиционный план. Он сам – свой продукт. Он не пользуется никакими записями.

Он: камера за камерой.

Лайнер тонул на экране достаточно долго, так что наша блондинка, похоже, уже не вписывается в формат.

Еще до конца рекламы, до того, как пойдет репортаж о ситуации на дорогах, с крупными планами сверху и закадровым голосом диктора, шеф-редактор проводит щетку для удаления пятен обратно в гримерку. Повесит петличку видеокурсам по инвестициям. А колесу-тренажеру скажет: «Спасибо, что вы пришли, но мы тут задержались с прямым включением и уже не вписываемся в формат... нам действительно очень жаль».

И охранник проводит блондинку до выхода.

И все для того, чтобы ровно в десять переключиться на эфирную сетку центральных каналов: мыльные оперы и ток-шоу со знаменитостями.

Старый прыщ на мониторе: у него точно такие же рубашка и галстук, как у зализанного молодого человека. Точно такие же голубые глаза. Он все делает правильно. Просто сегодня явно не его день.

– Сделаю вам одолжение, – говорит нашей блондинке зализанный молодой человек. Он по-прежнему держит в руке ее «толстую» фотографию до. – Вы примете добрый совет?

Она говорит: да, конечно, – и берет бумажную чашку с остывшим кофе и со следами помады на краешке, точно такого же розового оттенка, как у нее на губах.

Эта блондинка с ее бликующими волосами, сейчас она личная ЗПВ зализанного молодого человека.

Главное, говорит он, не давай всем этим Ромео с утренних ток-шоу затащить тебя в постель. Он не имеет в виду эфирных ведущих. Он имеет в виду гостей, приглашенных на передачи: разъездных продавцов с их чудошвабрами и брошюрками «Как стать богатым». С которыми ты сталкиваешься в гримерках в ЗПВ по всей стране. Вы мотаетесь из города в город, вам так одиноко. Целый день на ногах, а по вечерам – одинокий гостиничный номер.

Судя по личному опыту: эти романы в гримерках – они ни к чему не приводят.

– Помнишь ту девушку, что продавала колготки «Надень и худей»? – спрашивает он.

И блондинка кивает: да.

– Это моя мама, – говорит зализанный молодой человек. Они познакомились с его отцом на таких вот «торговых турах». Они постоянно встречались в гримерках. Но он на ней не женился. Бросил ее, как только узнал, что она забеременела. А она потеряла работу, потому что компании не нужна беременная продавщица колготок для похудения. В детстве зализанный молодой человек только и делал, что смотрел передачи типа «С добрым утром, Болдер» и «Пора вставать, Тампа», пытаюсь понять, который

из этих улыбчивых, говорливых дяденек – его папа.

– Я поэтому и пошел в телекоммивояжеры, – говорит он нашей блондинке.

Потому что дело есть дело, вот его главный принцип.

Блондинка говорит:

– Ваша мама, она очень красивая...

Его мама... Он говорит: эти колготки, «Надень и худей», в них, наверное, содержался асбест. У нее потом был рак кожи.

– Она была такой страшной, когда умерла, – говорит он.

В любую секунду может открыться дверь, и в гримерку войдет редактор по гостям и скажет, что ей очень жаль, но программа уже не укладывается во время и кого-то из приглашенных придется «выкинуть». Она посмотрит на нашу блондинку с волосами, которые «воспламятся» в кадре. Посмотрит на синий спортивный пиджак зализанного молодого человека.

Блок F выпал сразу, как только они переключились на тонуций лайнер. Блок E – консультант-колорист, как написано в верстке, – отпал, когда стало понятно, что они в глубоком перебое. А потом они вычеркнули и Блок D: детские книги.

Вот печальная правда: даже если ты выкрасишь волосы в правильный цвет, не «бликующий» на картинке, и сумеешь изобразить жизнерадостную улыбку, и прямо-таки изольешься весельем, все равно может так получиться, что какой-нибудь террорист с резакон для картона «перебьет» твои законные семь минут. Да, по идее, тебя могли бы отснять уже после программы и пустить твой сюжет в записи в завтрашней передаче, но так не бывает. Все передачи у них расписаны на неделю вперед, и если завтра тебя дадут в записи, это значит, что им придется выкидывать кого-то другого...

В эту последнюю минуту наедине, пока в гримерке нет никого, кроме них двоих, зализанный молодой человек спрашивает у нашей блондинки, как она смотрит на то, чтобы он сделал ей еще одно одолжение.

– Хотите отдать мне свой блок? – спрашивает она. И улыбается, точно как на фотографии. И у нее очень даже неплохие зубы.

– Нет, говорит он. – Но когда кто-то пытается с тобой общаться... быть с тобой обходительным и любезным... когда кто-то хочет тебя рассмешить... – говорит зализанный молодой человек и рвет ее страшненькую фотографию на две половинки. Потом складывает их вместе и рвет еще пополам. И еще. И еще. На кусочки. На конфетти. Он говорит: – Если ты хочешь иметь успех на телевидении, постарайся хотя бы

изобразить улыбку.

Хотя бы сделай вид, что люди тебе не противны.

Там, в гримерке, у блондинки отвисает челюсть. Она хлопает ртом в ярко-розой помаде: раз, другой, третий – как рыба, которую вытащили из воды, и говорит:

– Ах ты сволочь ...

И в это мгновение входит редактор с этим пожилым дядькой, который для удаления пятен.

Редактор говорит:

– Так, ладно. У нас есть всего один блок. Думаю, пустим видеокурсы...

Старый Прыщ смотрит на зализанного молодого человека, как смотрят на покупателя в универмаге, который заказывает товаров на полмиллиона, и говорит:

– Томас...

Блондинка просто сидит, держа свою чашку с остывшим кофе.

Редактор снимает маленький радиомикрофон с ремня пожилого дядьки и отдает его зализанному молодому человеку.

А он говорит пожилому:

– Доброе утро, папа.

Старый Прыщ хватается его за руку, трясет ее и говорит:

– А как твоя мама?

Девушка, что продавала колготки «Надень и худей». Девушка, которую ты бросил.

Наша мисс Блондинка встает. Поднимается на ноги, чтобы уйти восвояси, сдаться, признать свое поражение.

Зализанный молодой человек проверяет выключатель на микрофоне и говорит:

– Она умерла.

Умерла, ее похоронили, а где, он не скажет. А если скажет, то назовет не тот город.

И вдруг – брызги и плеск.

Его волосы и лицо – холодные и мокрые.

Он весь в кофе. В холодном кофе. Рубашка и галстук испорчены. Волосы, прежде зализанные назад, облепили лицо.

Наша блондинка забирает у него микрофон и говорит:

– Спасибо за добрый совет. – Она говорит: – Видимо, следующей пойду я ...

Но что хуже всего, хуже слишком светлых волос, «бликующих» в

кадре, хуже его испорченной прически и залитой кофе рубашки: наша изящная стройная девочка влюбилась в него до беспамятства. Вот такая херня.

В холле, обтянутом синим бархатом, что-то с грохотом катится вниз по лестнице – из сумрака на балконах первого яруса. Ступенька за ступенькой, грохот все громче. Вот он уже обретает зримую форму чего-то черного и круглого. Оно катится вниз, со второго этажа. Это шар для боулинга. С глухими ударами – вниз по ступеням широкой лестницы. Черный, беззвучный, шар Сестры Виджиланте пересекает холл, выстланный синим ковром, – мимо Коры Рейнольдс, который сидит, лижет лапу, мимо мистера Уиттиера в инвалидной коляске, который пьет растворимый кофе, мимо Леди Бомж с ее бриллиантовым мужем – потом ударяется в двойные двери, черный, тяжелый, и исчезает в зрительном зале.

– Пакер, – говорит Леди Бомж своему бриллианту. – Мы здесь не одни, в этом доме. Здесь есть что-то еще. – Понизив голос до шепота, она спрашивает у бриллианта: – Это *ты*?

Этот маленький стеклянный квадратик, который надо разбить только в случае пожара, – Мисс Америка уже его расколотила. Она обходит все эти маленькие окошки в красных металлических рамках, рядом с которыми на цепочке висят молотки; разбивает стекло, дергает рычажок. Сначала в холле. Потом – в галерее, отделанной в стиле китайского ресторана: сплошной красный лак и гипсовые Будды. Потом – в вестибюле в подвале, в «храме майя», под плотоядными взглядами резных индейских воинов.

Потом – в галерее «Тысяча и одной ночи», что идет вдоль балконов второго яруса. Потом – в аппаратной под самой крышей.

И ничего не происходит. Сирены не включаются. Никто не пытается проломиться сквозь запертые пожарные двери, чтобы спасти ее. Чтобы спасти всех нас.

Как ничего не происходило, так ничего и не происходит.

Мистер Уиттиер сидит в холле, на диване, обтянутом синим бархатом, под стеклянными листьями огромной люстры, что нависает над ним серым искрящимся облаком.

Хваткий Сват уже называет все люстры «деревьями». Ряды больших люстр, по центру каждого зала, каждой галереи, каждого холла. Он называет их стеклянным садом, выросшим из потолка на цепях-стеблях, обернутых бархатом.

В одних и тех же огромных залах каждому видится своя собственная реальность.

Граф Клеветник пишет в блокноте. Агент Краснобай снимает на видео. Графиня Предвидящая носит чалму. Святой Без-Кишок ест.

Директриса Отказ занята метанием игрушечной мышки. Кидает ее с размаху, и мышка летит, и падает где-то на полпути к дверям в зрительный зал. Пока Директриса Отказ растирает плечо после броска, кот по имени Кора Рейнольдс приносит мышку обратно, взбивая лапами клубы кипящей пыли.

Миссис Кларк наблюдает за ними: одна рука лежит поперек груди, поддерживает бюст снизу, другая запрокинута за голову, растирает шею. Она наблюдает за ними и говорит:

– На вилле Диодати было пять кошек.

Святой Без-Кишок ест «Блинчики с вишней» быстрого приготовления, прямо из майларового пакета, пластмассовой ложкой.

Подпиливая ногти мягкой наждачной пилочкой, Леди Бомж наблюдает за тем, как каждая ложка сочной розовой массы исчезает у него во рту. Она говорит:

– Как это вообще можно есть?

И больше ничего не происходит. И дальше – опять ничего.

Пока Мисс Америка не встает в центре комнаты и не заявляет, обращаясь ко всем присутствующим:

– Это незаконно.

То, что сделал мистер Уиттиер, это похищение. Он держит людей против воли, а это уже уголовное преступление.

– Чем быстрее вы возьметесь за выполнение своих обещаний, – говорит мистер Уиттиер, – тем быстрее пролетят эти три месяца.

Швыряя игрушечную мышку, Директриса Отказ говорит:

– А что это за вилла Диодати?

– Дом на озере Комо, – говорит Леди Бомж своему бриллианту.

– На Женевском озере, – говорит миссис Кларк.

Мистер Уиттиер стоял на том, что мы всегда правы.

– Вопрос не в том, прав кто-то или неправ, – говорил он.

На самом деле мы не бываем неправы. В своем понимании.

В своей реальности.

Мы никогда не бываем неправы.

Мы все делаем *правильно*.

И все *правильно* говорим.

В своем понимании ты всегда прав. Все, что ты делаешь – все, что ты говоришь, как ты себя преподносишь, – в момент совершения любого действия, это действие автоматически становится правильным.

Мистер Уиттиер подносит чашку к губам. Его руки трясутся. Он говорит:

– Даже если ты вдруг решил, что сегодня ты будешь пить кофе *неправильно* ... из грязного ботинка... все равно это будет правильно, потому что ты сам это выбрал. И сам так решил.

Потому что ты просто не можешь сделать что-то неправильно. Ты всегда прав.

Даже когда ты говоришь: «Ну, я и дурак. Признаю, был неправ...» Ты все равно прав. Прав в том, что когда-то ты был неправ. Даже когда ты ведешь себя как последний кретин, ты все равно прав.

– Даже самая глупая мысль, – говорил мистер Уиттиер, – все равно она правильная, потому что – твоя.

– Женевское озеро? – говорит Леди Бомж с закрытыми глазами. Обхватив голову одной рукой, она растирает виски большим и указательным пальцами и говорит: – Вилла Диодати – это, где лорд Байрон изнасиловал Мэри Шелли...

И миссис Кларк говорит:

– Он ее не насиловал.

Каждый из нас обречен на то, чтобы всегда быть правым. Обо всем и во всем.

В этом подвижном текучем мире, где каждый по-своему прав, и каждая мысль, с момента ее воплощения – тоже правильная, скажет вам мистер Уиттиер, есть единственная постоянная величина: то, что мы обещаем.

– Три месяца, вы обещали, – говорит мистер Уиттиер сквозь пар от кофе.

И вот тогда кое-что происходит, но так – по мелочи.

Смотришь – все вроде нормально, но уже в следующую секунду все внутри обрывается. Жопа сжимается. Рука сама подлетает ко рту.

Мисс Америка держит в руке нож. Свободной рукой хватается мистера Уиттиера за узел галстука и тянет его к себе. Мистер Уиттиер роняет чашку, обжигающе горячий кофе разливается по полу. Его руки безвольно обвисли. Они трясутся, слабо взбивая пыльный воздух.

Серебристый пакет Святого Без-Кишок падает на пол, блинчики быстрого приготовления вываливаются на васильковый ковер: липкие вишни и восстановленные взбитые сливки.

Кот набрасывается на вкусное.

И Мисс Америка говорит, глядя прямо в глаза мистера Уиттиера с расстояния в полдюйма:

– То есть я буду права, если я вас убью?

Нож – один из набора, который привез с собой Повар Убийца в своем алюминиевом чемоданчике.

И мистер Уиттиер тоже смотрит ей прямо в глаза. Они так близко друг к другу, что их ресницы соприкасаются, когда он моргает.

– Но все равно вы отсюда не выйдете, – говорит он. Немногочисленные седые волосинки свисают с макушки. Голос – полузадушенный хрип, из-за галстука, давящего на шею.

Мисс Америка тычет ножом в сторону миссис Кларк и говорит:

– А она? У нее что, нет ключа?

И миссис Кларк трясет головой: нет. Ее глаза широко распахнуты, но силиконово-пухлые кукольные губки по-прежнему сжаты.

Нет, ключ спрятан где-то в здании. И только мистер Уиттиер знает, где именно.

И все-таки она будет права, даже если убьет его.

Если она подожжет здание в надежде, что пожарные увидят дым и спасут ее раньше, чем мы все задохнемся – она опять же будет права.

Если она выковыряет ножом молочно-белый от катаракты глаз мистера Уиттиера и бросит его коту вместо мячика – она будет права.

– В свете чего, – говорит мистер Уиттиер, чей галстук зажат в кулаке Мисс Америки, чье лицо сделалось темно-красным, а голос стал сдавленным шепотом, – давайте начнем с того, что выполним свои обещания.

Три месяца. Напишите свои шедевры. Конец.

Мисс Америка разжимает кулак. Мистер Уиттиер тяжело падает в инвалидное кресло, так что оно запрокидывается назад, отрываясь передними колесиками от пола. Потом колесики опускаются на место. В воздух вздымается облако пыли. Мистер Уиттиер хватается за воротник обеими руками, распускает галстук. Потом наклоняется, поднимает с пола чашку из-под кофе. Немногочисленные волосинки свисают седой бахромой с лысого черепа в старческих пятнах.

Кора Рейнольдс продолжает есть вишню и сливки с пыльного ковра у кресла Святого Без-Кишок.

Мисс Америка говорит:

– Это еще *не все* ... – и замахивается ножом, как будто целясь в собравшихся. Один быстрый замах, одно движение руки – и нож вонзается в спинку дворцового кресла в дальнем конце холла. Лезвие утоплено в синем бархате, рукоятка еще дрожит.

Агент Краснобай говорит из-за своей видеокамеры:

– *Снято.*

Кора Рейнольдс продолжает облизывать липкий ковер своим розовым замшевым язычком.

Граф Клеветник что-то пишет в блокноте.

– Так что там на вилле Диодати, миссис Кларк? – говорит Леди Бомж.

– Там было *пять* кошек, – говорит мистер Уиттиер.

– Пять кошек и восемь больших собак, – говорит миссис Кларк, – три обезьянки, орел, ворон и сокол.

Это было в 1816 году. Компания молодых людей приехала летом на виллу у озера. Почти все время они просидели дома – из-за непрекращающегося дождя. Женатые и неженатые. Мужчины и женщины. Они читали друг другу истории о привидениях, но все книги, которые были на вилле, были откровенно плохими. И молодые люди решили, что надо самим что-нибудь написать. Страшные истории. Чтобы развлечь друг друга.

– Как на «Круглом столе в „Алгонкине“? – спрашивает Леди Бомж у бриллианта у себя на пальце.

Просто компания друзей, которые пытаются напугать друг друга.

– И что они написали? – говорит мисс Апчхи.

Эти заскучавшие люди из среднего класса, просто пытавшиеся убить время. Запертые все вместе в сыром летнем доме.

– Да так, ничего особенного, – говорит мистер Уиттиер. – Всего-навсего «Франкенштейна».

– И «Дракулу», – говорит миссис Кларк.

Сестра Виджиланте спускается по лестнице со второго этажа. Проходит через холл, заглядывает под столы и за кресла.

– Он *там*, – говорит мистер Уиттиер, указывая размытым трясущимся пальцем на дверь в зрительный зал.

Леди Бомж смотрит туда же, на большую двойную дверь в зал, за которой скрылись и Мисс Америка, и шар для боулинга.

– Мы с мужем были мастерами по скуке, – говорит Леди Бомж и заставляет нас ждать: идет через холл – три, четыре, пять шагов, – чтобы вытащить нож из спинки кресла.

Держа нож в руках, она смотрит на лезвие, проверяет его пальцем, какое оно острое, и говорит:

– Уж я-то знаю, как заскучавшие богатые люди убивают время...

Врачебный консилиум

Стихи о Леди Бомж

– Для того чтобы ты исчез, – говорит Леди Бомж, – нужно не больше трех докторов.

Исчез до конца своих дней.

Леди Бомж на сцене. Ноги гладкие – без единого волоска.

Ресницы густо накрашены черной тушью.

Зубы отбелены до жемчужного блеска. Кожа выровнена массажем.

Бриллиант на кольце горит, как маяк.

Новый льняной костюм, претерпевший не одну примерку, подкройку, подшивку, подогнан до миллиметра исключительно под нее.

Она вся – живое воплощение неподвижности – сидит, даже не шелохнется, пока целый штат опытных специалистов занимается ею – и только ею, – за большие деньги.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма:

Как вуаль на лице, сотканная из женщин в мехах. Легкое дуновение шелка.

Кадры сменяют друг друга: доспехи из золотых и платиновых украшений, предупреждающие сигналы.

Красные вспышки рубинов, канареечно-желтый отблеск сапфиров.

– Когда у тебя отец – гений, это невесело, – говорит Леди Бомж.

Или мать, или муж, или жена... спросите любого.

Из тех, кто богат.

Но всего-то и нужно, что трое врачей...

Врачебный консилиум по вопросу о принудительном лечении.

– По-настоящему неординарные люди, – говорит она, – по-настоящему счастливы только тогда, когда полностью посвящают себя своему занятию.

Если бы Томас Эдисон был жив.

Мадам Кюри, Альберт Эйнштейн.

Их жены, мужья, дочери и сыновья, не раздумывая, подписали бы все необходимые документы.

Незамедлительно.

– Чтобы защитить свой доход, – говорит Леди Бомж.

Нескончаемый поток денег, поступающий с гонораров и отчислений за использование изобретений и патентов.

Вуаль, сотканная из терапевтических процедур и сеансов маникюра, из благотворительных приемов и театральных лож, струится по разглаженной коже лица Леди Бомж.

Она говорит:

– И мой отец не исключение. Но все это делалось для его же блага.

– Он начал... чудить, – говорит она. – Встречался с молоденькой женщиной.

Прикрывал лысину волосяной накладкой.

Перестал делиться доходом с запатентованных им изделий.

Забросил работу.

Так что, после беседы с тремя докторами, он оказался там, где оказался.

Вместе с остальными гениальными изобретателями.

Под замком.

Без телефонов.

До конца своих дней.

Из-под вуали частых островов, коннозаводческих выставок и земельных аукционов Леди Бомж говорит:

– Правильно говорят: яблоко от яблони недалеко падает.

Она говорит:

– Каждый из нас – тоже гений.

Только каждый по-своему.

По трущобам

Рассказ Леди Бомж

Когда прекращаешь смотреть телевизор и читать газеты, самое тяжкое – пережить эту первую утреннюю чашку кофе. В первый час после сна очень хочется быть в курсе всего, что творится в мире. Но ее новое правило: никакого радио. Никакого телевизора. Никаких газет. Глухая завязка.

Покажите ей свеженький номер «Vogue», и миссис Кейс все равно не соблазнится.

Газеты приходят, но она просто выкидывает их в мусор. Даже не разворачивая. Мало ли, какой там может быть заголовок:

«Убийца продолжает охоту на бездомных»

Или: «Зверски убита очередная бомжиха»

Как правило, утром за завтраком миссис Кейс листает каталоги. Вот так закажешь однажды по телефону какую-нибудь чудо-подставку для обуви, и тебе до конца твоих дней будут слать каталоги: еженедельно, целые горы каталогов. Предметы домашнего обихода. Для дома и сада. Для экономии времени. Для экономии места. Всякие хитрые приспособления и технические новинки.

Там, где раньше стоял телевизор, на кухонной стойке, она поставила аквариум с ящерицей, которая меняет окраску под цвет обстановки. Тут ты тоже нажимаешь на кнопку, чтобы включить лампу обогрева, но аквариум не сообщит тебе в новостях, что в городе застрелили еще одного забулдыгу, а тело сбросили в реку, и что это была пятнадцатая жертва охоты на местных бомжей, которых находят заколотыми, застреленными и сожженными; городские бездомные в панике, и, несмотря на недавнюю вспышку туберкулеза, чуть ли не дерутся за места в ночлежках – лишь бы не ночевать на улицах. Товарные вагоны уходящих из города поездов под завязку набиты бомжами. Защитники прав неимущих утверждают, что эти нападки на нищих инициированы городскими властями. Как бы ты ни ограждал себя от информации, все равно что-то просачивается. Достаточно просто пройти мимо газетного киоска. Или проехать в такси с включенным радио.

Покупаешь стеклянный аквариум, ставишь его вместо телевизора, и у тебя есть только ящерица – создание настолько тупое, что каждый раз,

когда домработница передвигает в аквариуме камешек, эта зверюга считает, что очутилась в каком-то другом, незнакомом месте.

Это называется «спрятаться в кокон», когда мир сжимается для тебя до размеров квартиры.

Мистер и миссис Кейс – Пакер и Эвелин – они не всегда были такими. Раньше ни один дельфин, запутавшийся в рыболовных сетях, не мог умереть без того, чтобы они не бросались выписывать чек. Или устраивать благотворительную вечеринку. Банкет в память погибших, разорванных в клочья фугасами. Танцевальный вечер в помощь пострадавшим от тяжелых травм головы. Жертвам фибромиалгии. Булимии. Коктейль и тихий аукцион в пользу больных, страдающих синдромом повышенной раздражимости толстой кишки.

У каждого вечера была своя тема:

«Мир во всем мире»

Или: «В надежде на наше еще не рожденное будущее»

Представьте, что каждая ночь в вашей жизни – как выпускной бал. Только зал каждый вечер оформлен по-разному: живые цветы из Южной Америки и миллиарды мерцающих огоньков. Ледяные скульптуры, фонтан с шампанским, и музыканты во фраках играют что-нибудь из Коула Портера. Зал оформлен вполне соответствующим образом, чтобы принять отпрысков арабских королевских семей и чудо-мальчиков интернета. Всех этих людей, которые стремительно разбогатели на вложении капитала с риском. Людей, которые не задерживаются в одном месте дольше, чем нужно, чтобы заправить их личный самолет. Людей при полном отсутствии воображения, которые просто тыкают пальцем в каталог недвижимости и говорят:

– Хочу вот это.

На этих благотворительных мероприятиях в помощь детям, подвергающимся жестокому обращению, все гости передвигались на двух ногах и ели крем-брюле целыми, неразбитыми ртами с пластикой губ, накачанных теми же самыми биосовместимыми наполнителями. Смотрели на те же часы «Картье»: одно и то же время в окружении одних и тех же бриллиантов. Одни и те же кольца от Гарри Уинстона облегали одинаково лебединые шейки, «выделки» хатха-йоги.

Все ездили на одинаковых «лексусах», только разных цветов.

Никого ничем было не удивить. Каждый вечер – это был роскошный и донельзя великосветский тупик. Глухая стена.

Лучшая подруга миссис Кейс, Элизабет Этбридж Фальтон Уэльпс по прозвищу Инки, Чернилка, любила повторять, что у всего есть свое «самое

лучшее», и это самое лучшее – всегда то же самое. Однажды Инки сказала:

– Когда каждый может позволить себе самое лучшее, это самое лучшее начинает казаться слегка... заурядным.

От прежнего высшего света уже ничего не осталось. Чем больше новоиспеченных медиабаронов появляется на балах и приемах, тем меньше там будет потомственной аристократии из старых железнодорожных магнатов и владельцев круизных лайнеров.

Инки всегда говорила, что отсутствие – теперь это новая разновидность присутствия.

И вот как-то раз, после очередного приема с коктейлем в поддержку жертв вооруженного насилия, Кейсы выходят на улицу. Пакер с Эвелин спускаются по ступенькам художественного музея – и там, как всегда, длинная очередь из ничтожеств в дорогих мехах, дожидаящихся, пока мальчики со стоянки не подгонят их автомобили. А тут же, поблизости, на автобусной остановке: на скамейке сидят двое. Пьяный бомж и бомжиха, которых все очень стараются не замечать.

И не обонять.

Эти двое: оба уже не молоды. Оба одеты в тряпье с помойки. Все швы разошлись, ткань в подтеках и пятнах затвердела от грязи. На бомжихе – теннисные туфли без шнурков. Ее настоящие волосы, грязные и свалявшиеся, выбиваются из-под парика из грубых искусственных пластиковых волос, серых и жестких, как металлическая мочалка.

На бомже – бурая вязаная шапка, натянутая до бровей. Он лапает свою подругу, запустив одну руку под пояс ее брюк, а вторую – под свитер. Бомжиха стонет и вся извивается под одеждой, облизывая приоткрытые губы.

Эта бомжиха: живот под задравшимся свитером – плоский и крепкий. Кожа – розовая и гладкая, как после долгих сеансов массажа.

Бомж: его мешковатые спортивные брюки топорщатся спереди от эрекции. В верхней точке этого возвышения темнеет пятнышко просочившейся влаги.

Пакер с Эвелин, наверное, единственные, кто наблюдает, как обжимаются эти двое. Мальчики со стоянки подгоняют машины и несутся обратно в гараж. Нувориши следят за движением секундной стрелки на своих бриллиантовых часах.

Алкаш тянет бомжиху вниз, прижимает ее лицо к бугорку у себя в штанах. Ее губы обхватывают влажное пятно, расплывающееся по ткани.

Губы бомжихи, говорит Эвелин Пакеру, она узнает эти губы.

Раздается тонкая тихая трель. И все, кто ждет в длинной очереди за

машинами, сразу лезут в карманы роскошных шуб, чтобы проверить, не их ли это мобильник.

О Господи, говорит миссис Кейс. Она говорит Пакеру: эта бомжиха, которую тискают нищий пропойца, – кажется, это Инки. Элизабет Этбридж Фальтон Уэльпс.

Вновь раздается пронзительное *трррынь*. Бомжиха тянется вниз и задирает штанину своих бежевых кримпленовых брюк. Нога под штаниной обмотана грязным эластичным бинтом. Не отнимая губ от промежности своего кавалера, она выуживает из-под бинта что-то маленькое и черное.

Снова – звонкое *трррынь*.

Последнее, что Эвелин слышала про Инки: что та владеет каким-то журналом. Может быть, даже «Vogue». Она по полгода жила во Франции, обдумывая фасоны на следующий сезон. Сидела в первых рядах на миланских показах и делала репортажи о моде для какого-то кабельного канала. Стояла на красных ковровых дорожках и рассказывала о том, кто в чем был на последнем вручении «Оскара».

Эта бомжиха на автобусной остановке: она подносит черную штучку к уху, скрытому под серым пластиковым париком, что-то там нажимает и говорит:

– Алло?

Она отрывается от влажного вздутия в штанах бомжа и говорит:

– Ты записываешь? – Она говорит. – Цвет лайма – это теперь самый «писк». Новая разновидность розового.

Голос этой бомжихи, говорит миссис Кейс мужу – она узнает этот голос.

Она говорит:

– Инки?

Бомжиха сует телефон обратно под бинт у себя на ноге.

– А этот вонючий алкаш, – говорит Пакер, – президент «Global Airlines».

И тут бомжиха поднимает глаза и говорит:

– Маффи? Пакер? – Рука бомжа по-прежнему шарит у нее в брюках спереди. Она похлопывает по скамейке рядом с собой и говорит: – Какой приятный сюрприз.

Алкаш вынимает руку у нее из брюк. Пальцы влажно поблескивают в свете уличного фонаря. Он говорит:

– Пакер! Привет, старик.

Ну, конечно. Пакер всегда прав.

Бедность, говорит Инки, теперь это новая разновидность богатства.

Анонимность – новая разновидность известности.

– Катиться вниз по общественной лестнице, – говорит Инки, – теперь это новая разновидность успеха.

Люди из высшего общества, говорит Инки, вот кто истинные бездомные. У нас может быть дюжина собственных домов – в разных городах, – но постоянного места жительства у нас нет, потому что мы вечно мотаемся с места на место. Вся жизнь – сплошные реактивные перелеты.

Да, теперь ситуация проясняется. А то Пакер с Эвелин всегда узнают обо всем последними. Весь сезон они только и делали, что разъезжали по открытиям галерей, выставкам лошадей и аукционам, и недоумевали, куда подевалась великосветская «старая гвардия» – наверное, лечится в полном составе в клиниках для алкоголиков и наркоманов, или отходит после пластических операций.

Инки говорит:

– У кого-то – тележка из магазина, у кого-то – личный самолет «Gulfstream G550», но людьми движет тот же инстинкт. Не быть привязанным к одному месту. Всегда находиться в движении.

Сейчас, говорит она, если ты при деньгах, ты заседаешь в руководящем комитете оперного театра. Делаешь крупное денежное пожертвование – и тебе обеспечено место в правлении какого-нибудь музея.

Выписываешь чек – и ты уже знаменитость.

Тебя убивают в каком-нибудь модном фильме – и про тебя знают все.

Иными словами: ты связан по рукам и ногам.

Инки говорит:

– Когда ты никто – теперь это новая разновидность известности.

Алкаш из «Global Airlines»: у него в руках бутылка вина, спрятанная в коричневый бумажный пакет. Это вино, объясняет он, смесь в равных пропорциях ополаскивателя для рта, сиропа от кашля и одеколона «Old Spice». Отпив по глоточку, все четверо идут гулять в темноте – в парк, куда ночью никто не ходит.

Что должно быть особенно привлекательно в запойном пьянстве: что каждый глоток – это решение, окончательное и бесповоротное. Ты пускаешься во все тяжкие, но все-таки контролируешь ситуацию. То же самое и с таблетками, успокоительными и обезболивающими. Каждая доза – это всегда первый шаг по какой-то дороге.

Инки говорит:

– Жизнь на публике – теперь это новая разновидность уединения.

Она говорит: даже если ты остановишься в самом роскошном «закрытом» отеле – из тех, где в ванной из белого мрамора висят белые

банные халаты, а рядом с биде подрагивают трепетные орхидеи, – все равно есть вероятность, что за тобой наблюдает глазок скрытой камеры. Она говорит, что теперь для нормальных занятий сексом подходят только общественные места. На тротуаре. В подземке. Людям хочется подглядывать за другими, только когда они думают, что подсмотреть невозможно.

К тому же, говорит она, стиль жизни «шампанское с икрой» уже утратил свой шик. Сбежать слишком просто: на самолете отсюда до Рима – всего шесть часов. Мир сделался маленьким, выдохшимся, истощенным. Путешествия по миру – это просто еще один способ сдохнуть от скуки, только – в разных местах и гораздо быстрее. Скучный завтрак в Бали. Предсказуемый обед в Париже. Утомительный ужин в Нью-Йорке, а потом ты забываешься пьяным сном во время очередного минета в Лос-Анджелесе.

Слишком много «незабываемых» впечатлений, слишком близко одно к другому.

– Как в Музее Гетти, – говорит Инки.

– Намылить, смыть, повторить еще раз, – говорит алкаш из «Global Airlines».

В этом донельзя скучном новом мире сплошного верхнего среднего класса, говорит Инки, ты оценишь всю прелесть биде, только если полдня будешь *пи сать* на улице. Не мойся, пока не начнешь вонять, и обычный горячий душ станет, как будто поездка в Соному на предмет очистительных грязевых клизм.

– Воспринимай это как шербет бедности, – говорит Инки.

Славный маленький интервал нищеты, который помогает тебе не терять вкус к жизни.

– Присоединяйтесь, – говорит Инки. У нее вокруг рта размазан клейкий зеленый сироп от кашля, к нему липнут пряди ее пластикового парика. Она говорит: – В следующую пятницу, вечером.

Выглядеть плохо, говорит она, теперь это новая разновидность понятия «выглядеть хорошо».

Она говорит, что там соберутся все лучшие люди. Старая гвардия. Самые сливки общества. В десять вечера, под мостом, с западной стороны.

Мы не можем, говорит Эвелин. В среду вечером они с Пакером идут на благотворительный бал в помощь голодающим Латинской Америки. В четверг – на банкет в поддержку нуждающихся аборигенов. В пятницу вечером – на тихий аукцион в помощь несовершеннолетним работницам секс-индустрии. Все эти мероприятия, с их блестящими акриловыми

трофеями, заставляют тебя пожалеть о тех днях, когда самым сильным страхом американцев был страх выступать перед публикой.

– Просто снимаешь номер в «Шератоне», – говорит Инки.

Эвелин, должно быть, морщит нос, потому что Инки говорит ей:

– Расслабься.

Она говорит:

– Понятно, что мы там *не останавливаемся*. В «Шератоне». Мы там только переодеваемся.

В пятницу, говорит Инки, в любое время после десяти вечера. Под мостом.

Пакер и Эвелин Кейсы. Самая главная их проблема: что надеть. Для мужчины все просто. Надеваешь обычные брюки и смокинг – наизнанку. Правый ботинок – на левую ногу, левый – на правую. Вот и все: вид совершенно убогий. И совершенно безумный.

– Безумие, – сказала бы Инки, – теперь это новая разновидность здравого ума.

В среду, после «голодного» бала, Пакер с Эвелин выходят из бального зала в отеле, и кто-то на улице распевает «О, Амхерст, храбрый Амхерст». Там, на улице Френсис Данлоп Колгейт Нельсон, она же Фризи, Завиток, дует из банки какой-то дешевый солодовый напиток в компании с Шустером Фрейзером по прозвищу Туфля и Вивером Пулманом, который Костяшка. Все трое сидят, закатав грязные брюки и опустив ноги в фонтан. Лифчик у Фризи надет поверх блузки.

Одеваться во что попало, говорит Инки, теперь это новая разновидность понятия «одеваться шикарно».

Дома Эвелин примеряет, наверное, дюжину мешков для мусора, зеленых и черных мешков для мусора, в каждый из которых можно впихать целую гору хлама, но в них она выглядит толстой. Чтобы выглядеть хорошо, она выбирает узкий белый пакет для кухонного мусора. В нем она выглядит почти элегантно. Облегающий наряд наподобие платьев с запахом от Дайен фон Фюрстенберг, с ярким, ярко-оранжевым аксессуаром – пояском из оплывшего электрического провода со штепсельной вилкой, болтающейся на конце.

В этом сезоне, говорит Инки, парики носят задом наперед. В моде разные туфли: на одной ноге – такая, на другой – другая. Берешь старое грязное одеяло, говорит она, вырезаешь в центре дырку для головы, надеваешь его, как пончо, – и ты готова для ночных развлекательных мероприятий на улице.

В тот вечер, когда они снимают номер в «Шератоне», Эвелин берет с

собой три чемодана тряпья. На всякий случай. Пожелтевшие, вытянутые лифчики. Свитера со свалевшимся ворсом. У нее с собой целая банка косметической глины для лица – чтобы запачкать их еще больше. Они с мужем выбирают из отеля по черной лестнице: четырнадцать пролетов до двери, что открывается в переулок, – и вот, они на свободе. Они – никто. Два анонима. Не обремененные ответственностью ни за что.

Никто не смотрит на них, не просит у них денег, не пытается им что-то продать.

Они шагают к мосту, они – невидимки. Надежно защищенные собственной бедностью.

Пакер немного прихрамывает: он надел правый ботинок на левую ногу, а левый – на правую, и ему неудобно. Эвелин открывает рот. И плюет на тротуар. Да, хорошая девочка, которую учили, что неприлично чесаться, где чешется, на людях, теперь плюется на улице. Пакер спотыкается, натывается на нее, и она хватает его за руку. Он разворачивает ее к себе лицом, и они целуются – просто два влажных рта, и город вокруг исчезает.

В тот первый вечер на улице Инки приходит с потрескавшейся лакированной черной сумкой, в которой лежит что-то очень вонючее. Такой запах бывает на море, в жаркий день при отливе. Запах, говорит Инки, это новый антисоциальный символ. В сумке – картонная коробка, в каких в «Chez Heloise» упаковывают еду на вынос. В коробке – большой кусок рыбы размером с кулак.

– Красный берикс четырехдневной давности, – говорит Инки. – Если что, просто помашешь сумочкой. Если хочешь, чтобы от тебя держались подальше, запах – лучший телохранитель.

Вонь – новый способ защитить свое личное пространство. Устрашение посредством запаха.

К любому запаху можно привыкнуть, говорит Инки, даже к самому противному.

Она говорит:

– Ведь ты же привыкла к «Eternity» Кальвина Клейна?..

Инки с Эвелин отходят в сторонку, чтобы немного остыть от шумной вечеринки. Заворачивают за угол. Там, чуть дальше по улице, свита какой-то красотишки, обряженной в мини-юбку, вываливается из лимузина. Худые, стройные люди с хедсетами, соединяющими рот и ухо. Каждый из них занят беседой с кем-то другим, кто сейчас далеко-далеко. Инки с Эвелин проходят мимо. Инки спотыкается, машет сумкой с протухшей рыбой, задевает ею рукава кожаных и меховых пальто. Телохранителей в темных костюмах. Личных секретарей в черной одежде от лучших модельных

домов.

Свита сбивается в кучку, отходит подальше, все тихо стонут и закрывают носы и рты наманикюренными руками.

Инки, как ни в чем не бывало, идет вперед. Она говорит:

– Обожаю так делать.

Со всеми этими нуворишами, говорит Инки, пора менять правила. Она говорит:

– Бедность – теперь эта новая разновидность аристократии.

Впереди – небольшая толпа из миллионеров от интернета и арабских нефтяных шейхов. Стоят – курят у входа в художественную галерею. Инки говорит:

– Давай будем их доставать: просить денег...

Это – их отдых от жизни Пакера и Маффи Хадсон, генерального директора текстильной корпорации и наследницы табачной империи. Бегство на все выходные в безопасную зону.

Алкаш из «Global Airlines» – это, так на минуточку, Вебстер Баннерс, по прозвищу Скаут. Они с Инки и Маффи встречаются на улице Скини (Сквалыгу) и Фризи. Потом к ним присоединяются Пакер и Боутер. Потом – Туфля и Костяшка. Они все пьяные, играют в шарады. В какой-то момент Пакер выкрикивает:

– А тут есть кто-нибудь, под мостом, кто стоил бы *меньше* сорока миллионов долларов?

И, конечно, в ответ – только грохот машин, проезжающих по мосту.

Чуть позже они гуляют, толкая перед собой магазинные тележки, по какой-то *промышленной* зоне. Инки с Маффи идут впереди, с одной тележкой на двоих. Пакер и Скаут отстали. Инки говорит:

– Знаешь, раньше я думала, что хуже несчастной любви бывает только любовь счастливая... – Она говорит: – Я так безумно любила Скаута, еще со школы, но ты сама знаешь, как это бывает... сперва все волшебное, а потом начинаются сплошные разочарования.

На руках Инки и Маффи – перчатки без пальцев, чтобы было удобнее разбирать пустые жестянки. Инки говорит:

– Раньше я думала, что счастливый конец – это когда вовремя опускаешь занавес. Чтобы закончить в момент наивысшего счастья, потому что потом все опять будет плохо.

Эти люди, которые стремятся попасть в высшее общество, они постоянно переживают, что сделают что-то не так – боятся взять не ту вилку, впадают в панику, когда за обедом приносят чаши для омовения пальцев, – но у бездомных гораздо больше поводов для беспокойства.

Ботулизм. Обморожение. И надо все время следить, чтобы случайно не выдать себя. Отбеленными зубами. Дуновением «Шанель № 5».

Тебя может выдать любая мелочь.

Они превратились в «великосветских бомжей-оборотней», как это называет Инки.

Она говорит:

– А теперь? Теперь я люблю Скаута. Люблю, как будто мы с ним не женаты. – Здесь, на улицах, они ощущают себя пионерами, начинающими новую жизнь в диком краю. Но вместо волков и медведей им следует опасаться, говорит Инки, пожимая плечами, наркоторговцев и стрельбы из проезжающих мимо машин.

– И все равно, это – лучшее, что есть у меня в жизни, – говорит она, – хотя я понимаю, что вечно так продолжаться не может.

Новый календарь общественной жизни уже заполняется под завязку. Все эти мероприятия «на дне». Вечер вторника занят: она собирается рыться на свалке вместе с Малявкой и Гепардом. Потом Пакер со Скаутом планируют выйти на сбор алюминиевых банок. А после этого они всей толпой отправляются в бесплатную клинику, где какой-нибудь молодой, темноглазый доктор с вампирским акцентом будет рассматривать их ноги.

Пакер говорит, что алюминиевая банка – это крюгерранд улиц.

Стоя на эстакаде, где машины съезжают с шоссе, Инки говорит:

– Думай об этом как о *Высокой концепции*. Представь, что снимаешь авторский документальный фильм для какого-нибудь телеканала.

На листе коричневого картона Инки пишет черным маркером: Мать-одиночка. Десять детей. Рак груди.

– Если все сделаешь правильно, – говорит она, – люди *сами* дадут тебе денег...

Маффи пишет: Инвалид, ветеран войны во Вьетнаме. Умираю от голода. Хочу добраться домой.

И Инки говорит:

– То, что надо. – Она говорит: – Прямо «Холодная гора».

Это их маленький городской лагерь.

Место, где можно спрятаться у всех на виду.

Бомжей никто не замечает. Будь ты Джейн Фонда или Роберт Редфорд, но если ты бродишь по улицам среди бела дня с магазинной тележкой, одетый в три слоя грязных лохмотьев, и бормочешь себе под нос матерные слова, – тебя никто не заметит.

Этим можно заниматься всю жизнь. Скаут с Инки планируют встать в очередь на получение дешевой квартиры для неимущих. Им нравится

высиживать длинные очереди в стоматологических клиниках, чтобы молодые и привлекательные студенты на практике бесплатно лечили им зубы. Они могли бы подать прошение на бесплатный метадон, а потом «дорости» и до героина. Образовательные курсы для взрослых. Жареные гамбургеры. Можно еще посещать автошколу и ходить в бесплатную прачечную, и так они постепенно пробьются в низший средний класс.

По вечерам Пакер с Эвелин обнимаются, лежа под мостом или на картонке, разложенной поверх исходящего паром люка горячего водопровода. Он шарит рукой у нее под одеждой и доводит ее до оргазма на глазах у прохожих. Эти двое, они никогда не любили друг друга так сильно, как любят теперь.

Но Инки права. Вечно так продолжаться не может. Конец наступает внезапно. Все происходит так быстро, что они понимают, что произошло, только на следующий день, когда об этом уже написали в газетах.

Они спят у входа в какой-то склад. Так хорошо и уютно им не бывало еще нигде: ни в Банфф, ни в Гонконге. Теперь их одеяла пахнут совсем одинаково. Их одежда – их тела – по ощущениям, это и есть настоящий дом. Спать в объятиях мужа – это не хуже, чем спать в двухэтажной квартире на Парк-авеню. Или на вилле на Крите.

Именно в эту ночь у обочины резко тормозит черный автомобиль: то есть сначала виляет в сторону, а потом тормозит и ударяется о бордюр, так что одно колесо даже выскакивает на тротуар. Фары, два круга яркого сияния, светят прямо на мистера и миссис Кейс, так что те просыпаются. Открывается задняя дверца, и из салона доносятся крики. Головой вперед, молотя руками-ногами в воздухе, с заднего сиденья вылетает голая девушка и падает на тротуар. Длинные черные волосы закрывают лицо. Девушка поднимается на четвереньки и пытается отползти прочь от машины.

Пакер с Эвелин лежат, зарывшись в свой домик из старых тряпок и сырых одеял. Голая девушка ползет прямо к ним.

У нее за спиной из открытой дверцы машины показывается нога в мужском черном ботинке. Нога встает на тротуар. Нога в черной брючине. Из машины выходит мужчина в черных кожаных перчатках. Девушка встает на ноги и истошно кричит. Кричит: пожалуйста. Помогите. Она стоит совсем близко, так что видны одно... два... три золотых колечка у нее в ухе. Второе ухо – его просто нет.

Эта полоска, похожая на тоненькую косичку: на самом деле, это темная струйка крови, стекающая по шее. Там, где раньше было ухо, осталась лишь окровавленная дыра.

Девушка бросается к Кейсам, зарывшимся в одеяла, так что видны

только глаза.

Девушка хватается за их тряпки, когда мужчина хватается за волосы и тащит обратно в машину. Она брыкается и скулит, не выпуская из рук одеяло. Одеяло сползает, и вот они: Пакер и Эвелин. Все еще сонные, моргают в ярком свете фар.

Мужчина их видел, наверняка. И тот, кто сидит за рулем, тоже видел.

Девушка кричит:

– Пожалуйста.

Она кричит:

– Запомните номер... – и ее втаскивают в машину. Дверца захлопывается, шины визжат. Автомобиль уезжает, оставив лишь пятна крови и следы черной резины на темном асфальте. В сточной канаве, среди смятых бумажных стаканчиков, лежит оторванное бледное ухо, то ли выпавшее, то ли выброшенное из машины во время схватки. В ухе поблескивают два золотых колечка.

Уже после завтрака в номере «Шератона» – омлет со склизкими грибами, английские булочки, чуть теплый кофе и остывший бекон, – им попадает эта газета. В разделе местных новостей: похищена дочка владельца одной бразильской нефтяной компании. Там же ее фотография. Это та самая голая девушка с длинными темными волосами, которую они видели ночью, только на снимке она улыбается и держит в руках кубок с крошечным золотым теннисистом сверху.

В статье написано, что у полиции нет никаких зацепок.

И ни одного свидетеля.

Кейсы, конечно, могли бы сообщить, куда следует. Но они же не видели ничьих лиц. Они не видели номер машины. Они видели только девушку. И кровь. Пакер с Эвелин – реальной помощи от них никакой. Обратиться в полицию – значит, только унижить себя, и все. Уже можно представить себе заголовки в газетах:

«Пара из высшего общества разгуливает по трущобам в поисках острых ощущений»

Или: «Миллионеры играют в бедных».

И упаси Господи упомянуть Инки и Скаута, Скинни, Туфлю и Костяшку.

Если Пакер с Эвелин выставят себя на посмешище, они все равно не спасут эту девушку. Их страдания не облегчат ее участи.

В газетах на следующей неделе: найдено тело похищенной девушки.

Но Инки не переживала. Бедным, оборванным, грязным бомжам нечего опасаться на улицах. Девушка, которую убили, – она была молодой.

Чистенькой, симпатичной и очень богатой.

– Когда тебе нечего терять, – сказала Инки, – теперь это новая разновидность богатства.

А Пакер сказал:

– Намылить, смыть, повторить еще раз.

Нет, Инки не собиралась отказываться от своего счастья и возвращаться к унылой жизни богатой и знаменитой великосветской дамы. И Пакер все чаще и чаще выходил на улицу вместе с ней. Говорит: чтобы ее защищать. И вот как-то вечером, когда Эвелин была на благотворительном вечере в помощь больным раком толстой кишки, у нее зазвонил мобильный. Это Инки. На заднем плане слышны громкие вопли. Кричит мужчина. Голосом Пакера. Инки тяжело дышит в трубку. Она говорит:

– Маффи, пожалуйста. Маффи, нас кто-то преследует. – Она говорит: – Мы пытались звонить в полицию, но... – и тут все обрывается.

Как будто Инки вбежала в тоннель. В подземный переход.

Заголовки в газетах на следующий день:

«Известный издатель и генеральный директор текстильной корпорации зверски зарезаны прямо на улице».

И теперь, почти каждое утро, она боится увидеть в газетах новые заголовки:

«Зверски убита бомжиха»

Или: «Убийца продолжает охоту на бездомных».

Где-то в городе, каждую ночь, черный автомобиль выезжает на поиски миссис Кейс, единственной свидетельницы преступления. Кто-то убивает бездомных на улицах: всех без разбору – потому что она может быть среди них. Всех, одетых в лохмотья и спящих под грудой одеял.

После этого Эвелин и уходит в глухую завязку. Она не читает газет. Она выбрасывает телевизор и покупает стеклянный аквариум с ящерицей, которая меняет окраску под цвет обоев.

Сейчас миссис Кейс – полная противоположность бездомной бродяжки. У нее слишком много дома. Она буквально обременена домом. Погребена в своем доме. Она читает каталоги торговых фирм. Рассматривает глянцевые фотографии ухоженных садов. Бриллиант, сплавленный из кремированных останков любимого человека.

Конечно, ей не хватает друзей. И мужа. Но, как сказала бы Инки: отсутствие – теперь это новая разновидность присутствия.

Она по-прежнему покупает билеты на благотворительные мероприятия. Тихие аукционы и танцевальные вечера. Ей важно знать, что она что-то делает, чтобы мир стал чуточку лучше. Еще немного – и она

начнет плавать с исчезающими серыми китами.

Спать на деревьях в сокращающихся тропических лесах.

Фотографировать каких-нибудь вымирающих зебр.

Бродить по трущобам от экологии.

Потому что это действительно важно: осознавать ответственность. Ей по-прежнему хочется изменить мир.

В то лето на вилле Диодати, говорит миссис Кларк, собрались пятеро человек:

Поэт, лорд Байрон.

Перси Биши Шелли со своей любовницей, Мэри Годвин.

Сводная сестра Мэри, Джейн Клермон, беременная от Байрона.

И врач Байрона, Джон Полидори.

Мы слушаем, сидя у электрического камина в курительной комнате на втором этаже. В готической курительной комнате. Кто-то – в кресле, обтянутом желтой кожей. Кто-то – на низком диване, застеленном вязаным покрывалом, или на гобеленовом диванчике «на двоих», которые мы притащили сюда из других помещений. Их резные острые ножки оставили взъерошенные следы на пыльных, свалявшихся коврах.

Собрались все, кроме Леди Бомж, которая легла спать пораньше. И Мисс Америки, которая бродит по дому и ковыряется в замках.

Электрический камин – просто вращающийся светильник внутри емкости из склеенных вместе кусочков красного и желтого стекла. Просто свет без тепла. Все висячие деревья из хрусталя сейчас выключены, и красно-желтый свет пляшет на наших лицах; фигуры из красно-желтого света движутся по стенам и по выложенному каменной плиткой полу.

Эти пятеро, говорит миссис Кларк, умирали от скуки, вынужденные сидеть дома из-за непрекращающегося дождя. Шелли и компания. Они по очереди читали друг другу рассказы из немецкого сборника страшных историй под названием «Фантасмагориана».

– Лорд Байрон, – говорит миссис Кларк, – терпеть не мог эту книгу.

Байрон сказал, что у них в комнате собралось больше талантов, чем во всей этой книжонке. Сказал, что любой из них мог бы сочинить страшилку получше. И надо бы этим заняться. Каждому. Написать свой рассказ.

Это было почти за столетие до «Дракулы» Брема Стокера, но в то лето доктор Джон Полидори написал своего «Вампира», и так родилось наше современное представление о демонах, пьющих кровь.

В одну из дождливых ночей, когда над Женевским озером сверкали молнии и грохотал гром, восемнадцатилетней Мэри Годвин приснился сон, который впоследствии превратится в легенду о Франкенштейне. И оба чудовища станут основой для бесчисленных книг и фильмов.

Но и сами собравшиеся на вилле стали местной легендой. Владельцы

отелей и пансионатов на берегах Женевского озера выставляли подзорные трубы у окон, выходящих на озеро, чтобы постояльцы могли наблюдать за тем, что все называли кровосмесительной оргией на вилле. Скучающие туристы из среднего класса, они селили под крышей Байронского дома свои самые худшие страхи. На вилле собрались самые обыкновенные молодые люди, которым просто хотелось жить так, как хочется, не подчиняясь миллиону правил, навязанных им обществом, а отдыхающие подсматривали за ними в подзорные трубы, ожидая увидеть чудовищ.

А мы – современная вариация собрания на вилле Диодати.

Современная версия «Круглого стола в „Алгонкине“».

Просто люди, которые рассказывают друг другу истории.

Люди в поисках идеи, отголоски которой будут звучать до конца времен. В книгах, в фильмах, в пьесах и песнях, на телевидении, на футболках, в денежном эквиваленте.

В тот день в кофейне, когда мы впервые встретились лично, вокруг были все те же лица – только тогда нас было в три раза больше... почти толпа. Мы: те, кто прошел последний отбор. Уже тогда Графиня Предвидящая пришла в своей знаковой чалме. Герцог Вандальский, со своими светлыми волосами, собранными в хвост. Недостающее Звено, со своим длинным носом и нечесаной бородой.

Как сейчас люди болтают всякие небылицы о вилле Диодати, точно так же со временем станут болтать и о той кофейне. Люди, которые в глаза не видели объявления, будут божиться, что были там. Но им хватило ума не поехать на семинар. А то бы они сейчас были уже мертвы. Или очень богаты. Эта кофейня с ее стойкой с бесплатной прессой и доской объявлений с прищипленными визитками, предлагающими промывание кишечника и консультации по содержанию домашних животных – можно подумать, что это был многотысячный стадион, а не маленькая кофейня, а иначе там просто бы не поместились все люди, которые со временем начнут утверждать, что они были там в тот вечер.

Тот вечер станет легендой.

Мифом о Нас.

Обкуренные наркоманы, поэты, домохозяйки и мы, пившие кофе из бумажных стаканчиков. Мы стояли и слушали миссис Кларк. Кое-кто украдкой хихикал, глядя на ее выдающийся бюст и силиконово-пухлые губки. А когда кто-то спросил, а там есть телефон, в этом убежище для писателей, ну, чтобы им могли позвонить из «большого мира», миссис Кларк ответила, да. И назвала номер:

– 1-800-ОТЪЕ-БИСЬ.

После этого кое-кто сразу ушел.

В том смысле, что нет. Никаких телефонов, никаких контактов с внешним миром. Ни радио, ни телевизора, ни интернета. Только вы сами и то, что вы привезете с собой: что поместится в один чемодан.

Кто-то ушел после этого.

Эти люди, которые сразу ушли – уцелевшие на первом круге. Умные люди, которые расскажут свои собственные истории. Они – как камера, скрытая за камерой, скрытой за камерой, как сказал бы мистер Уиттиер. У них своя правда – но только насчет того вечера.

Эти кретины, которые сами себя обманули.

Мы все видели объявление, просто каждый – по-своему. На досках объявлений по всему городу:

Писательский семинар в полном уединении:

Оставь привычную жизнь на три месяца.

Просто исчезни. Отбрось все, что мешает тебе создать твой шедевр.

Дом, работу, семью, все свои обязательства – все, что тебя отвлекает, все, что не дает развернуться – отложи это все на *тримесяца*. Оно подождет. А ты пока поживешь среди единомышленников, в условиях, максимально благоприятных для погружения в творчество. Отбор на конкурсной основе. Всем, кто пройдет: питание и проживание бесплатно. Рискуй тремя месяцами своей жизни ради шанса создать себе новое будущее в качестве профессионального поэта, прозаика, сценариста. Пока не поздно, воплоти свою мечту. Внимание: количество мест ограничено.

Объявление было отпечатано на маленькой карточке. Типа учетной. Типа карточки для рецептов. Текст помещался в рамке из пунктирной линии, как на отрывных купонах. А внизу – телефонный номер. Номер миссис Кларк, припиленный к пробковой доске объявлений в вестибюле в библиотеке. Рядом с общественным туалетом в супермаркете. В прачечной-автомате. Это объявление на маленькой карточке, одну неделю оно было повсюду. А уже в следующую – пропало.

Все карточки разом исчезли.

Люди, которые видели объявление: если они звонили по указанному там номеру, то попадали на автоответчик. Голосом миссис Кларк им сообщали, где и когда будет встреча. В такой-то кофейне, в такое-то время, в такой-то день.

Сидя в желто-красном мерцании искусственного камина, мы уже представляли себе, как все будет: как мы станем рассказывать людям, что мы решили устроить себе маленькое приключение, и попали в заложники к сумасшедшему старику, который держал нас три месяца взаперти, в старом

заброшенном театре. Мы уже усугубляем, сгущаем краски. Чтобы все было уже совсем плохо. Мы скажем, что тут у нас был жуткий холод. И водопровод был отключен. И еды было мало, так что нам приходилось ее нормировать.

Все это неправда, но так история получится лучше. Да, мы намеренно искажем правду. Раздуем из мухи слона. Для пущего эффекта.

Мы сотворим свою собственную кровосмесительную оргию с участием людей и животных, чтобы о нас говорили все.

Когда мы будем рассказывать о гримерке за сценой, мы населим ее ядовитыми пауками. Голодными крысами. Здесь у нас будет не только шерсть кота Кору Рейнольдс, которой облеплено все, что можно.

Привидение. Мы поселим здесь призрак, чтобы закрутить сюжет. Не забудем и про спецэффекты. О, мы сами будем как призраки в этом огромном доме с привидениями, мы набьем его под завязку потерянными душами.

Мы превратим нашу жизнь в по-настоящему жуткое приключение. В страшный рассказ «из жизни» со счастливым концом. В испытание, в котором мы все-таки выживем, чтобы рассказать об этом другим.

Нам всем хочется большего. Всем, кроме Леди Бомж с ее горсткой праха, оставшейся от покойного мужа. И Мисс Америки с ее утробным плодом, который растет наподобие снежного кома, клетка за клеткой у нее внутри. И Мисс Апчхи с ее аллергией на плесень. Нам всем хотелось еще больше боли, еще больших мучений. Чтобы потом было, о чем говорить на телевизионных ток-шоу на центральных каналах. О которых рассказывала Мисс Америка. Даже если мы никогда не родим ни одной более или менее пристойной мысли, если мы никогда не напишем свой шедевральный роман, этих трех месяцев все равно хватит на целую книгу воспоминаний. На сценарий для фильма. На всю оставшуюся жизнь. И можно будет вообще не работать. А просто быть знаменитостью.

Это будет история, которую можно продать.

И сейчас, сидя у стеклянного очага, мы мысленно отмечаем детали, которые нужно запомнить, чтобы потом воссоздать эту сцену на съемках фильма, который, конечно, пойдет по центральному телевидению. Чтобы консультировать режиссера прямо на съемочной площадке – чтобы кино получилось «аутентичным». История о том, как нас похитили и держали в заложниках, и с каждым днем Мисс Апчхи становилось все хуже, а в животе Мисс Америки рос ребенок.

Никто не скажет от этом вслух, но смерть Мисс Апчхи стала бы замечательной кульминацией в третьем акте. Наиболее мрачным моментом

во всем сценарии.

Вот вариант идеальной концовки: срок аренды закончился, и домовладелец идет сюда, и как раз успевает спасти обессиленную Мисс Америку. И спятившую Леди Бомж. Мы выйдем, прихрамывая, на улицу. Плача и щурясь на солнечный свет. Те немногие, кто еще сможет ходить. Остальных вынесут на носилках, погрузят в «скорую» и повезут в больницу под рев сирены. В фильме можно будет перескочить чуть вперед и показать, как мы все стоим у постели рожавшей Мисс Америки. А потом показать нас на похоронах Мисс Апчхи. Бедная-бедная Мисс Апчхи, принесенная в жертву, чтобы оживить сюжет. Еще один призрак.

Камера Агента Красная обеспечит нас документальными видеоматериалами. Для озвучки можно будет использовать аудиозаписи Графа Клеветника.

А потом – завершающий штрих – Мисс Америка назовет своего ребенка «Мисс Апчхи», или как там ее настоящее имя. Это будет символично. Жизнь продолжается, и все такое. Бедная, хворая Мисс Апчхи.

В нашей истории для фильма, книг и футболок мы все очень любим Мисс Апчхи... мы восхищаемся ее мужеством... ее солнечным юмором.

Тяжкий вздох.

Нет, если только кто-нибудь из нас не родит новенького Франкенштейна или Дракулу, наша собственная история – чтобы она продавалась – должна быть значительно драматичнее. Пока все не закончилось, надо, чтобы все было плохо, то есть так, чтобы уже хуже некуда.

Лучше не парить себе мозги и сразу оставить идею создать что-то оригинальное. Какой смысл измышлять очередную фантазию в манере «давайте представим себе...». Денег за это не выручишь, а если и выручишь, то их явно не хватит, чтобы оправдать затраченные усилия.

Тем более если их разделить на семнадцать частей. Авторские гонорары и отчисления в процентах. Ну, на шестнадцать частей, за вычетом обреченной Мисс Апчхи.

Мы все молчим, но мысленно побуждаем ее: *Давай кашляй.*

Давай умирай уже, побыстрее.

Нет, когда все расходились после той встречи в кофейне, мы были самыми умными. Да, мы понимали, что это выглядит как рискованная и безумная авантюра, которая обязательно обернется крупными неприятностями, но, с другой стороны... *это выглядело как рискованная и безумная авантюра, которая может обернуться большими деньгами.*

Мы все сидим молча, но мысленно приказываем Мисс Апчхи: *Кашляй.*

Нам нужна ее помощь, нам всем хочется стать знаменитыми.

Вот почему Преподобный Безбожник испортил электропроводку пожарной сигнализации. В первый же час нашего пребывания в этом доме. Во всяком случае, так он сказал Хваткому Свату. Он был электромонтером в армии и разбирается в проводах. А Недостоящее Звено ему помогал: держал фонарик. Плюс к тому, они прошлись по всем телефонным линиям. Работала единственная розетка. Недостоящее Звено вырвал ее из стены – голыми, а вернее, волосатыми руками.

Вот почему Графиня Предвидящая запихала во все замки отломанные зубцы пластиковых вилок. Теперь их уже не откроешь ключом. На тот случай, если ее отследят по браслету с датчиком. Нет, нам не нужно, чтобы нас спасали – пока не нужно.

У нас у каждого есть свои тайны. Сцены, которые не войдут в фильм. Все это будет смотреться делишками мистера Уиттиера. Злобного садиста мистера Уиттиера.

Мы уже формируем команду против команды мистера Уиттиера и миссис Кларк.

Мисс Америка и Мисс Апчхи уже превратились в кульминационные точки сюжета. Обреченные. Наши намеченные жертвы.

В дрожащих красных и желтых отблесках электрического камина, на фоне резных деревянных панелей в готической курительной комнате, утопая в огромном кожаном кресле, сидит миссис Кларк. Ее подбородок клонится все ниже и ниже, и почти утыкается в ложбинку между грудей. Она спрашивает: а Сестра Виджиланте нашла свой шар для боулинга?

И Сестра Виджиланте трясет головой: нет, не нашла. Она стучит пальцем по циферблату часов у себя на руке и говорит:

– Гражданские сумерки наступают через 45... 44 минуты.

Мисс Апчхи кашляет – долгим, раскатистым, мокрым, насадным кашлем, – и все, что мы можем сделать, это воздержаться от одобрительных возгласов. Она лезет в карман за таблеткой, за капсулой, но когда вынимает руку, в руке ничего нет.

Сестра Виджиланте встает, извиняется и идет вниз, в фойе. К себе в комнату. Шаг за шагом, она исчезает, уменьшается в росте, пока мы не теряем из виду ее макушку, пока ее черные волосы окончательно не растворяются в темноте.

Наша Мисс Америка где-то ходит, стоит на коленях перед какой-нибудь дверью, ковыряет замок. Или дергает рычажок пожарной сигнализации, которая, как мы знаем, уже не работает.

Стараниями Преподобного Безбожника.

На диктофоне Графа Клеветника горит красная лампочка. Агент Краснобай переносит свою видеокамеру к другому глазу.

А потом снизу доносится крик. Протяжный, жалобный вопль. Голос Сестры Виджиланте. Она кричит, чтобы мы все шли туда, вниз. Она обо что-то споткнулась.

Леди Бомж. Новое пятно. В одной руке – нож. Вокруг нее – озерцо ее собственной крови впитывается в синий ковер.

Тонкая длинная прядка темных волос, как будто скрученных в косичку, вьется с одной стороны лица и исчезает под воротником ее меховой шубки. Но на последней ступеньке, когда мы видим ее в натуральную величину, эта косичка из темных волос превращается в струйку крови. Под безупречной скульптурной прической, с той стороны, где кровь – у нее нет уха. Она лежит на ковре и протягивает нам руку с чем-то красным и розовым, похожим на развороченную устрицу, в центре которой сверкает жемчужная сережка, ловя отблески света искусственного камина. И тут же, рядом с розовым ухом, у нее на ладони поблескивает бриллиант. Ее покойный муж.

Мы застыли на лестнице, смотрим. Леди Бомж улыбается нам. Ее голова перекачивается на бок. Она смотрит на нас снизу вверх и говорит:

– Я истекаю кровью... ее так много... – За ее бледным лицом и руками, струйка крови, кажется, тянется в бесконечность. Пальцы разжимаются, нож выпадает на ковер. Она говорит: – Теперь, мистер Уиттиер, вы должны отпустить меня домой...

Пихая локтем Графа Клеветника, Товарищ Злыдня говорит:

– Что я тебе говорила? Смотри. – Она указывает кивком на верхнюю точку кровавой косички и говорит: – Видишь шрам от подтяжки лица?

И Леди Бомж – мертва. Сестра Виджиланте объявляет об этом. Держа палец у нее на шее. Палец испачкан в крови.

В это мгновение наше будущее обретает определенность. Теперь мы себя обеспечили на всю жизнь: мы будем рассказывать людям, как стали свидетелями смерти невинного существа, доведенного до самоубийства. И плюс к тому можно добавить историю об уличных приключениях Леди Бомж. О трагической гибели ее мужа. О похищенной дочке бразильского нефтяного магната. Вымышленные чудовища идут в жопу. Всего-то и нужно: оглядеться по сторонам. Обратить внимание.

Агент Краснобай перематывает кассету у себя в камере и просматривает кусок, как Леди Бомж рассказывает на сцене свою историю. Снова и снова.

Наша кукла в кукольном театре. Наше сюжетное событие.

Граф Клеветник перематывает кассету у себя в диктофоне, и мы опять слышим крики Сестры Виджиланте. Снова и снова.

Наш говорящий попугай.

И в красных с желтым отблесках стеклянного пламени мистер Уиттиер говорит:

– Ну вот, началось...

– Мистер Уиттиер? – говорит миссис Кларк.

Мистер Уиттиер, наш главный злодей, наш хозяин, наш дьявол, которого мы обожаем за то, что он нас истязает, – мистер Уиттиер вздыхает. Смотрит на мертвое тело Леди Бомж. Подносит дрожащую, трепещущую, трясущуюся руку ко рту и зевает.

Глядя на мертвое тело, Директриса Отказ гладит кота у себя на руках. Рыжая с подпалинами кошачья шерсть носится в воздухе и оседает на все, что можно.

Обмороженная баронесса и Графиня Предвидящая опускаются на колени рядом с бездыханным телом. Они не плачут, но глаза у обеих распахнуты так широко, что белки видны снизу и сверху от радужки. Так смотрят на выигрышный лотерейный билет.

Глядя на тело, Святой Без-Кишок поглощает холодные спагетти из серебряного пакета. Кошачья шерсть – в каждой ложке, сочащейся красным.

Это мы – мы против нас, против самих себя на ближайшие три месяца.

Мистер Уиттиер наблюдает с верхней площадки лестницы, сидя в своем инвалидном кресле. Рядом с ним Граф Клеветник что-то пишет в своем блокноте.

Мистер Уиттиер тычет в него пальцем в старческих пятнах и говорит:

– Ты все это записываешь?

Граф кивает, не отрываясь от своей версии правды: ага.

– Тогда давай расскажи нам историю, – говорит мистер Уиттиер. – Вернемся к камину, – говорит он, подергав дрожащей рукой. – Пожалуйста.

И Граф Клеветник улыбается. Переворачивает страницу, надевает на ручку колпачок. Поднимает глаза, говорит:

– Кто-нибудь помнит старый телесериал, «Дэнни, который живет по соседству»? – Он говорит очень медленно, низким раскатистым голосом. – Как-то раз... – говорит он, – как-то раз моя собака сожрала какую-то гадость, завернутую в алюминиевую фольгу...

Коммерческая тайна

Стихи о Графе Клеветнике

– Эти люди в очереди за билетами, – говорит граф, – за неделю до премьеры нового фильма...

Им платят за то, что они стоят в очереди.

Граф Клеветник на сцене – держит перед собой лист бумаги в вытянутой руке.

Неисписанный чистый лист закрывает лицо.

Видны только синий костюм, красный галстук. Коричневые ботинки.

На запястье – золотые часы с гравировкой – «Прими поздравления».

На сцене вместо луча прожектора, вместо лица, На листочке бумаги – крупным шрифтом проекция газетного заголовка:

«Репортер местной газеты получает Пулитцеровскую премию»

Из-за проекции заголовка граф говорит:

– Эти люди всю жизнь проводят в очередях.

Живут от премьеры к премьере, от одного блокбастера до другого.

Этих якобы рьяных фанатов-подростков возят из города в город на студийных автобусах.

Отсматривать фильмы: от научной фантастики до фантазий про супергероев.

Каждую неделю: новый город, новый мотель, новый фильм с возрастными ограничениями до 13 лет, от которого они якобы без ума.

Эти наряды из фольги и картона – такая явная, трогательная кустарщина.

Их готовят художники по костюмам и заблаговременно отправляют по намеченному маршруту.

Все эти ухищрения нужны для того, чтобы обмануть местную прессу и телевидение: чтобы они сделали репортажи с места событий, обеспечили фильму бесплатную дополнительную рекламу и настроили потенциального зрителя, что эта картина будет иметь грандиозный успех.

Студия не зря тратит время и деньги.

Акции подобного рода принято называть «культивированием аудитории».

В нагрудном кармане рубашки мигает красный индикатор компактного диктофона, который фиксирует каждое слово.

И Граф задает вопрос:

– И кто из них больше дурак?

Репортер, который отказывается выдумывать смысл жизни?

Или читатель, который так хочет смысла?

И с готовностью принимает его от любого, кто потрудится облечь этот смысл в слова?

Граф Клеветник – голос из-за листа бумаги – говорит:

– У журналиста есть право...

...и он просто обязан уничтожать золотых тельцов, которых он сам же и помогает творить.

Лебединая песня

Рассказ Графа Клеветника

Как-то раз моя собака сожрала какую-то гадость, завернутую в алюминиевую фольгу, и пришлось выложить штуку баксов, чтобы сделать ей рентген. У нас на заднем дворе все завалено мусором и битым стеклом. Лужицы антифриза на автостоянке – отравы для собак и кошек.

Ветеринар, даже при том, что весь лысый, все равно очень похож на одного моего старого друга. На мальчишку, с которым мы вместе росли. Эта улыбка – я помню ее с детства. Эту ямочку на подбородке, и каждую веснушку у него на носу. Я их знаю. Эта щель между двумя передними зубами – он так классно через нее свистел.

Здесь и сейчас: он что-то колет моей собаке. Стоя у серебристого стального стола, в холодной комнате, отделанной белым кафелем, придерживая моего пса за шкуру, он что-то такое рассказывает о сердечных глистах.

Когда я листал телефонный справочник в поисках ветеринара, я был буквально ослепшим от слез, потому что боялся, что мой пес умрет. И все-таки я разобрал: Кеннет Уилкоккс, доктор ветеринарии. Мне почему-то понравилось это имя. Имя моего спасителя.

Сейчас, рассматривая уши моей собаки, он что-то такое рассказывает о чумке. На нагрудном кармане его халата вышито: «Доктор Кен».

Даже звук его голоса – как эхо из прошлого. Я помню, как он выпевал: «С днем рождения тебя». И кричал: «Первый страйк!» – на бейсбольном поле.

Это он, мой старый друг. Только, конечно, он вырос и изменился. Под глазами – мешки и темные круги. Двойной подбородок. Желтые зубы. И голубые глаза уже не такие яркие, какими были когда-то. Он говорит:

– А она симпатичная.

Кто? – говорю.

– Ваша собака.

Я все смотрю на него, на его лысую голову и голубые глаза, и спрашиваю:

– А вы в какой школе учились?

Он называет какой-то колледж в Калифорнии. Я даже не знаю, что это за место. В первый раз слышу.

Когда я был маленьким, он тоже был маленьким. И мы выросли вместе. У него была собака по кличке Скип, Прыг-скок. Он все лето ходил босиком, целыми днями рыбачил и строил дома на деревьях. Я смотрю на него и как будто воочию вижу, как он лепит того замечательного, идеального снеговика, а его бабушка наблюдает за ним из окна кухни. Я говорю:

– Дэнни?

И он смеется.

На той же неделе я приношу редактору статью. Про него. Про то, как я совершенно случайно встретил маленького Кенни Уилкокса, который когда-то, сто лет назад, играл мальчика Дэнни в телесериале «Дэнни, который живет по соседству». Малыш Дэнни, с которым мы все росли вместе, теперь он стал ветеринаром. Живет в предместье, в собственном доме с участком. Постригает свою лужайку. Да, это он: лысый дядечка средних лет, располневший и всеми забытый.

Поблекшая звезда. Он вполне счастлив. У него собственный дом на две спальни. У него в уголках глаз – морщинки от смеха. Он принимает таблетки, чтобы регулировать уровень холестерина. Он признается, что после всех этих лет, когда он был центром внимания, сейчас ему чуточку одиноко. Но он все равно счастлив.

И что самое главное: доктор Кен согласился дать интервью. Для нашей газеты. Для раздела «Воскресные развлечения».

Мой редактор со скучающим видом ковыряется ручкой в ухе.

Он говорит, что читателям не нужна история про очаровательного и талантливого ребенка, который снимался на телевидении, сделал на этом большие деньги, а потом жил долго и счастливо, и до сих пор живет долго и счастливо.

Людям не нужен счастливый конец.

Людям хочется читать про Расти Хаммера, мальчика из «Освободи место для папы», который потом застрелился. Или про Трента Льюмена, симпатичного малыша из «Нянюшки и профессора», который повесился на заборе у детской площадки. Про маленькую Анису Джонс, которая играла Баффи в «Делах семейных» – помните, она все время ходила в обнимку с куклой по имени миссис Бисли, – а потом проглотила убойную дозу барбитуратов. Пожалуй, самую крупную дозу за всю историю округа Лос-Анджелес.

Вот чего хочется людям. Того же, ради чего мы смотрим автогонки: а вдруг кто-нибудь разобьется. Не зря же немцы говорят: «Die reinste Freude ist die Schadenfreude». «Самая чистая радость – злорадство». И

действительно: мы всегда радуемся, если с теми, кому мы завидуем, случается что-то плохое. Это самая чистая радость – и самая искренняя. Радость при виде дорожущего лимузина, повернувшего не в ту сторону на улице с односторонним движением.

Или когда Джея Смита, «Маленького шалопая» по прозвищу Мизинчик, находят мертвого, с множеством ножевых ран, в пустыне под Лас-Вегасом.

Или когда Дана Плато, девочка из «Других ласк», попадает под арест, снимается голой для «Плейбоя» и умирает, наевшись снотворного.

Люди стоят в очередях в супермаркетах, собирают купоны на скидки, стареют. И чтобы они покупали газету, нужно печатать правильные материалы.

Большинству этих людей хочется прочитать о том, как Лени О’Грэди, симпатичную дочку из «Восьми достаточно», нашли мертвой в каком-то трейлере, с желудком, буквально набитом прозаком и викадином. Нет трагедии, нет срыва, говорит мой редактор, нет и истории.

Счастливым Кенни Уилкоксом с морщинками от смеха продаваться не будет.

Редактор мне говорит:

– Дай мне Уилкокса с детской порнографией в компьютере. Дай мне сколько-то трупов, закопанных у него под крыльцом. Вот тогда это будет история.

Редактор говорит:

– А еще лучше, дай мне все вышесказанное, и пусть он сам будет мертвым.

На следующей неделе моя собака напивается антифриза из лужи. Моего пса зовут Скип, в честь собаки из «Дэнни, который живет по соседству», собаки мальчика Дэнни. Мой Скип – белый с черными пятнами. И с красным ошейником, точно как в сериале.

Единственное спасение от антифриза – промывание желудка. Потом – ударная доза активированного угля. Капельница с этанолом. Чистый этиловый спирт, чтобы промыть почки. Чтобы спасти моего малыша, моего песика, нужно вкачать в него просто убойную дозу спиртяги. Это значит, что мне опять надо везти его к доктору Кену. И тот говорит: да, конечно. На следующей неделе он обязательно выберет время, чтобы дать мне интервью. Только он сразу предупреждает: у него не такая уж и интересная жизнь.

Я говорю ему: положитесь на меня. Что такое хорошая история? Когда ты берешь самые обыкновенные факты и подаешь их сочно и вкусно, почти

сексапильно. Вы не волнуйтесь, говорю я ему. Ваша история – это моя работа.

Хорошая история мне сейчас не мешает. Я уже несколько лет работаю внештатным корреспондентом в разных изданиях. С тех пор, как меня с треском поперли из раздела кино и развлечений. Там очень даже неплохо платили, да и работа была приятственная: набираешь цитат под выход очередного шедевра, минут десять беседуешь с какой-нибудь кинозвездой, которую делишь еще с десятком журналистов, причем все они очень стараются не зевать от скуки.

Премьеры фильмов. Выпуски новых альбомов. Выходы книг. Не работа, а просто лафа. Но стоит раз написать что-то не то – и все, до свидания. Киностудия грозитя снять все свои акцидентные объявления, и – абракадабра – твое имя под публикацией исчезает, словно по волшебству.

Меня сгубила собственная честность. Один-единственный раз я попытался честно предупредить людей. Написал про одно кинцо, что на него денег тратить не стоит, а лучше потратить их на что-нибудь другое, и с тех пор я внесен в черный список. Один посредственный слэшер-ужастик и большие люди, за ним стоявшие – и теперь я слезно выпрашиваю, чтобы мне дали написать некролог. Придумать подпись под снимком. Все, что угодно.

Все – наглый обман. Вот ты напрягаешься, строишь карточный домик, и вроде бы имеешь полное право его разрушить – но кто ж тебе даст? А ты все стараешься, создаешь иллюзии, творишь нечто из ничего. Превращаешь людей в кинозвезд. И ждешь этого сладкого мига, когда можно будет взмахнуть рукой и сломать карточный домик. Раскрыть читателям правду: что известный красавец-мужчина, любимец женщин, развлекается с хомяками, которых запихивает себе в задницу. А соседская девочка ворует в магазинах и накачивается колесами. А богиня лупцует своих детей проволоочной вешалкой.

Редактор прав. И Кен Уилкоккс тоже прав. Его жизнь – такая, как в интервью – продаваться не будет.

Я начинаю готовиться к интервью за неделю. Зарываюсь в интернет. Загружаю картинки с сайтов бывшего СССР. Там свои малолетние звезды экрана: российские школьники, еще без волос на лобке, отсасывают у оплывших жирных стариканов. Чешские девочки, у которых еще даже не начались месячные, совокупляются с обезьянами самым противоестественным способом. Все эти файлы умещаются на одном компакт-диске.

В другой день, ближе к ночи, я беру Скипа с собой и выхожу на

рискованную прогулку по микрорайону. Возвращаюсь домой с карманами, набитыми целлофановыми пакетиками для сэндвичей и крошечными бумажными конвертиками. Квадратиками из сложенной фольги. Перкоданом. Оксикондином. Викодином. Стеклянными бутылечками с крэком и героином.

Я записываю интервью на четырнадцать тысяч слов еще до того, как Кен Уилкокс говорит хоть слово. Еще до того, как мы садимся беседовать.

Но чтобы сохранить видимость, я беру диктофон. Беру блокнот и делаю вид, что записываю – высохшей ручкой. Выставляю на стол бутылку красного вина, «обогащенного» викодином и прозаком.

Можно было бы предположить, что в его маленьком доме в предместье будет целый музей его детства. Стеклянные витрины, набитые пыльными трофеями, глянцевыми фотографиями, различного рода наградами. Но ничего этого нет. Все его деньги хранятся в банке, приносят доход. Его дом – просто коричневые ковры и покрашенные стены. Полосатые занавески на окнах. Розовая плитка в ванной.

Я наливаю ему вина и просто даю ему высказаться. Прошу сделать паузу, притворяюсь, что все аккуратно записываю.

И да, он прав. Его жизнь – это даже скучнее, чем летний ретроспективный показ древних, еще черно-белых фильмов.

С другой стороны, та история, которую я уже сделал, она замечательная. Моя версия – это подробное описание, как маленький Кенни скатился из-под звездного света прожекторов на стол для вскрытия в морге. Как он потерял невинность, ублажая продюсеров по списку – чтобы получить роль Дэнни. Как его сдавали «в аренду» спонсорам в качестве сексуальной игрушки. Он принимал наркотики, чтобы не толстеть. Чтобы оттянуть начало полового созревания. Чтобы не спать по ночам, снимая эпизод за эпизодом. Никто, даже из близких друзей и родных, не знал, как он крепко подсел на наркотики. Никто не знал, как сильна в нем извращенная тяга быть в центре внимания. Даже после того, как закончилась его карьера на телевидении. Он и ветеринаром-то стал исключительно для того, чтобы иметь доступ к наркотикам и без помех заниматься сексом с мелкими животными.

Чем больше Кен Уилкокс выпивает вина, тем настойчивее он говорит о том, что его жизнь началась уже после того, как перестали снимать «Дэнни, который живет по соседству». Восемь сезонов историй о маленьком Дэнни Брайте – воспоминания об этом не более реальны, чем воспоминания о младшей школе. Просто какие-то смутные эпизоды, никак не связанные между собой. Каждый день съемок, каждая реплика диалогов – это было,

как билеты к экзамену. Учишь, сдаешь, а потом сразу же забываешь. Симпатичная ферма в Хатленде, Родном уголке, штат Айова – это были просто студийные декорации. Декоративный фасад. За окошками в кружевных занавесках была только грязь и окурки. Актриса, игравшая бабушку Робби, когда говорила, брызгала слюной. Стерилизованной слюной: почти чистым джином.

Попивая красное вино, Кен Уилкоккс говорит, что теперь в его жизни есть смысл. И это гораздо важнее. Лечить животных. Спасать собак. С каждым глотком его речь замедляется, распадается на отдельные слова, и паузы между словами становятся все длиннее и длиннее. Перед тем как глаза у него закрываются, он еще успевает спросить, как там Скип.

Скип, моя собака.

И я говорю: хорошо. У Скипа все замечательно.

И Кенни Уилкоккс говорит:

– Хорошо. Рад это слышать...

И он засыпает с улыбкой.

И когда я сую пистолет ему в рот, он спит все с той же счастливой улыбкой.

Но «счастье», оно никому не на пользу.

Пистолет ни на кого не зарегистрирован. У меня на руке перчатка. Пистолет у него во рту, его палец – на спусковом крючке. Маленький Кенни лежит на диване, голый. Его член густо намазан кулинарным жиром, в видеомагнитофоне стоит кассета с записью его старого сериала. И самое главное: детская порнография на винте у него в компьютере. Стены в спальне оклеены распечатанными фотографиями детишек, которых сношают куда только можно.

Под кроватью – пакеты, набитые успокоительными таблетками. В кухне, в коробке для сахара – героин и крэк.

Теперь все изменится в одиночасье. Люди, которые обожали Кенни Уилкоккса, возненавидят его. Маленький Дэнни, который живет по соседству, превратится из кумира их детства в отвратительное чудовище.

В моей версии этого последнего вечера Кеннет Уилкоккс размахивал пистолетом, кричал, что его все забыли, что всем на него наплевать; что его использовали, а потом выбросили за ненадобностью. Весь вечер он пил, и глотал колеса, и говорил, что ему не страшно умирать. В моей версии он покончил с собой сразу после того, как я уехал домой.

На следующей неделе я продал свою историю. Последнее интервью с бывшим «звездным мальчиком», которого обожали миллионы людей по всему миру. Интервью, взятое буквально за час до того, как сосед нашел

его мертвым. В тот самый вечер, когда он покончил с собой.

Еще через неделю меня номинируют на Пулитцеровскую премию.

А еще через пару недель премию присуждают мне. Всего-то две тысячи долларов, но настоящая награда – она в перспективе. Теперь я уже не ищу работу: я отказываюсь от многочисленных предложений, которые мне передает мой агент. Нет, я берусь только за самые интересные репортажи, по самым высоким расценкам. Главные материалы номера. В крупных, солидных журналах. В центральных изданиях.

Теперь мое имя означает Качество. Моя подпись под статьей означает Правда.

Загляните в мою телефонную книжку: там сплошь – имена, которые вы знаете по киноафишам. Рок-звезды. Известные авторы бестселлеров. Все, к чему я прикасаюсь, превращается в Славу. Именно так, с большой буквы. Я переезжаю из своей квартирки в собственный дом с огромным участком, чтобы Скипу было где бегать. У нас есть сад и бассейн. Теннисный корт. Кабельное телевидение. Мы давно расплатились с клиникой за рентген и активированный уголь: тысяча с чем-то баксов.

По кабельным каналам до сих пор иногда показывают Дэнни, маленького мальчика, которым когда-то был Кеннет Уилкоккс – который насвистывал и играл в бейсбол, до того, как превратиться в чудовище с лицом, забрызганным слюной из джина. Маленький Дэнни идет босиком по Хатленду, штат Айова, а рядом бежит его пес. Этот призрак из прошлого, иной раз всплывающий на экранах, оживляет мою историю, создает контраст. Людям нравится моя правда про этого славного мальчугана, который казался таким счастливым.

«Die reinste Freude ist die Schadenfreude».

На этой неделе моя собака выкапывает какую-то луковицу и съедает ее.

Я обзваниваю ветеринаров, пытаюсь найти кого-то, кто спасет моего Скипа. Деньги теперь не проблема. Сколько мне скажут, столько я и заплачу.

Мы с моим псом, мы так счастливы. Мы замечательно живем. Я все обзваниваю номера по справочнику, и тут мой Скип, мой малыш... он уже не дышит.

– Давайте начнем с конца, – говорит мистер Уиттиер.

Он говорит:

– Давайте сразу раскроем развязку.

Смысл жизни. Единую теорию поля. Первопричину: почему.

Мы собираемся в галерее «Тысяча и одной ночи», рассказываемся по-турецки на шелковых подушках в пятнах плесени. На диванах и креслах, которые, когда ты на них садишься, отдают прелым душком нестираного белья. Под высоким потолком, где каждый звук отдается эхом, под сводом, раскрашенным в цвета самоцветов, которые никогда не поблекнут в отсутствие солнечного света. Среди медных светильников с красными, синими и оранжевыми лампочками, сияющими сквозь резные узоры на меди, мистер Уиттиер сидит и жует что-то сушеное и хрустящее – горстями из майларового пакета.

Он говорит:

– Давайте раскроем самую страшную тайну. Сразу испортим сюрприз.

Земля, говорит мистер Уиттиер, это просто большая машина. Огромный завод. Фабрика. Вот он – великий ответ. Самая главная правда.

Представьте себе полировочный барабан, который крутится без остановки, 24 часа в сутки, семь дней в неделю. Внутри – вода, камни и гравий. И он это все перемалывает. Крутится, крутится. Полирует самые обыкновенные камни, превращая их в драгоценности. Вот что такое Земля. Почему она вертится. А мы – эти камни. И все, что с нами случается – все драматические события, боль и радость, война и болезни, победы и обиды, – это просто вода и песок, которые нас разрушают. Перемалывают, полируют. Превращают в сверкающие самоцветы.

Вот что скажет вам мистер Уиттиер.

Гладкий, как стекло – вот он, наш мистер Уиттиер. Отшлифованный болью. Отполированный и сияющий.

Поэтому мы и любим конфликты, говорит он. Ненависть – наша любовь. Чтобы остановить войну, мы объявляем войну ей самой. Искореняем бедность. Боремся с голодом. Открываем фронты, призываем к ответу, бросаем вызов, громим и уничтожаем.

Мы люди, и наша первая заповедь:

Нужно, чтобы что-то случилось.

Мистер Уиттиер даже не догадывался, насколько он прав.

Миссис Кларк все рассказывала и рассказывала, а мы уже понимали, что наш семинар – это вовсе не вилла Диодати, и никогда таковой не станет. Девочка, написавшая «Франкенштейна», она была дочерью двух писателей: профессоров, авторов умных книг «Политическая справедливость» и «Защита прав женщин». У них в доме постоянно бывали известные люди, философы и мыслители.

Куда уж нам до компании начитанных интеллектуалов на летнем отдыхе.

Нет, лучшее, что мы вынесем из этого здания, – это просто история о том, как мы выжили. Как сумасшедшая Леди Бомж умирала у нас на руках, и мы все рыдали над ней. Но это должна быть хорошая история. Достаточно волнующая и захватывающая. Достаточно страшная и зловещая. И уж мы позаботимся, чтобы оно так и было.

Мистер Уиттиер и миссис Кларк только и делали, что бубнили. А нам было нужно, чтобы они измывались над нами. Для нашей истории было нужно, чтобы они били нас смертным боем.

А не морили смертельной скукой.

– Любые призывы к миру во всем мире, – говорит мистер Уиттиер, – это все ложь. Красивая ложь, высокие слова.

Просто еще один повод для драки.

Нет, мы любим войну.

Война. Голод. Чума. Они подгоняют нас к просвещению.

– Стремление навести в мире порядок, – любил повторять мистер Уиттиер, – есть признак очень незрелой души. Такие стремления свойственны лишь молодым: спасти всех и каждого от их порции страданий.

Мы любим войну, и всегда любили. Мы рождаемся с этим знанием: что мы родились для войны. Мы любим болезни. Мы любим рак. Любим землетрясения. В этой комнате смеха, в этом большом луна-парке, который мы называем планетой Земля, говорит мистер Уиттиер, мы обожаем лесные пожары. Разлития нефти. Серийных убийц.

Мы любим диктаторов. Террористов. Угонщиков самолетов. Педофилов.

Господи, как же мы любим новости по телевизору. Кадры, где люди стоят на краю длинной общей могилы перед взводом солдат, в ожидании расстрела. Красочные фотографии в глянцевых журналах: окровавленные ошметки тел невинных людей, разорванных на куски бомбами террористов-смертников. Радиосводки об автомобильных авариях. Грязевые оползни. Тонущие корабли.

Отбивая в воздухе невидимые телеграммы своими трясущимися руками, мистер Уиттиер скажет вам так:

– Мы любим авиакатастрофы.

Мы обожаем загрязнение воздуха. Кислотные дожди. Глобальное потепление. Голод.

Нет, мистер Уиттиер даже и не догадывался...

Герцог Вандальский «собрал» все до единого пакеты, где в составе присутствовала свекла. Серебристые майларовые подушечки, в которых гремели ломтики свеклы, сухие, как фишки для покера.

Святой Без-Кишок проткнул все до единого пакеты с говядиной, курицей и свининой. Мясо он не переваривает – в прямом смысле слова.

Все майларовые пакеты, закачанные азотом, они были разобраны по видам продуктов и лежали в больших коробках из коричневого гофрированного картона. В коробках, маркированных как «Десерт», были пакетики с сухим печеньем и булочками, которые гремели, как семечки в сушеной тыкве. В коробках, маркированных как «Закуски», замороженные куриные крылышки стучали, как старые кости.

Мисс Америка, так боявшаяся растолстеть, нашла все коробки, подписанные как «Десерт», и проткнула все пакеты ножом, позаимствованным у Повара Убийцы.

Просто, чтобы придать ускорения нашим страданиям. Подтолкнуть к просвещению.

Одна дырочка – и азот выйдет наружу. Бактерии и воздух проникнут внутрь. Все споры плесенного грибка, что разносились во влажном и теплом воздухе и убивали Мисс Апчхи, просочатся в серебряные пакеты и будут там размножаться, питаясь свининой в кисло-сладком соусе, палтусом, жареным в сухарях, и салатом с макаронами.

Агент Краснобай потихоньку пробрался в холл и испортил все блинчики с ягодами и фруктами, предварительно убедившись, что поблизости никого нет.

Графиня Предвидящая проскользнула в холл и проткнула все пакеты, в которых содержалось хоть что-то с кинзой, предварительно убедившись, что Агент Краснобай ушел.

Каждый из нас приложил к этому руку.

Но мы портили только то, что не любим.

Сидя по-турецки, на расшитых подушках, в галерее «Тысячи и одной ночи», среди гипсовых колонн в виде слонов, стоящих на задних ногах, а передними как бы поддерживающих потолок, мистер Уиттиер скажет вам, хрустя очередной горстью сухих палочек и камней:

– В глубине души мы все болееем против «своей» команды.

Против человечности. Это мы – против нас. Ты сам – жертва собственной ненависти.

Мы любим войну, потому что это единственный способ завершить нашу работу. Отшлифовать наши души. Здесь, на Земле: на огромном заводе. В полировочном барабане. Через боль, ярость, конфликты. Это – единственный путь. Куда? Мы не знаем.

– Когда мы рождаемся, мы столько всего забываем, – говорит мистер Уиттиер.

Когда мы рождаемся, мы как будто заходим в здание. И запираемся в нем, в этом здании без окон, и не видим, что происходит снаружи. Если ты там пробудешь достаточно долго, ты забудешь, как выглядит то, что снаружи. Без зеркала, забывается даже собственное лицо.

Он как будто и не замечал, что в галерее всегда не хватало кого-то из нас. Нет, мистер Уиттиер все говорил и говорил, пока кто-то один потихонечку ускользал вниз и методично уничтожал все майларовые пакеты, в которых содержался, ну скажем, зеленый перец.

Вот так все и вышло. Никому даже в голову не приходило, что у других может родиться такой же план. Просто каждый из нас хотел слегка поднять ставки. Нам же не нужно, чтобы люди, которые нас спасут, обнаружили нас в окружении запасов сытной и калорийной еды, страдающих только от скуки и от подагры. Чтобы каждый из пострадавших, кто выжил, поправился здесь фунтов на пятьдесят.

Конечно, мы все хотели, чтобы еды оставалось достаточно; чтобы продержаться *почти* до конца – до того, когда нас спасут. Эти последние несколько дней, когда мы действительно будем поститься, голодать и страдать – потом их можно будет растянуть до пары недель.

Для книги. Фильма. Телевизионного мини-сериала.

Мы бы поголодали совсем немножко, только чтобы у нас появились «скулы узника концлагеря», как это называет Товарищ Злыдня. Вот и Мисс Америка говорит, что чем больше выступов и углублений у тебя на лице, тем лучше ты смотришься в кадре.

Эти пакеты с гарантированной защитой от грызунов – они были такие плотные, что нам всем приходилось просить ножи у Повара Убийцы. Из его замечательного набора. Ножи для мяса, ножи для хлеба, для филетирования, для овощей. Кухонные ножницы. Всем, кроме Недостающего Звена: с его челюстью, как медвежий капкан, ему хватало и собственных зубов.

– Вы – вечные, да. А вот жизнь не вечна, – скажет вам мистер

Уиттиер. – Когда вы приходите в луна-парк, вы же не ждете, что вам разрешат поселиться там навсегда.

Нет, мы только приходим на время, и мистер Уиттиер это знает. Мы рождены для страданий.

– Если вы сможете это принять, – говорит он, – тогда вы примете все.

Но ирония в том, что если ты это примешь, ты больше не будешь страдать, никогда.

Ты будешь сам искать муки. Получать наслаждение от боли.

Мистер Уиттиер даже и не догадывался, насколько он прав.

В какой-то момент, в тот вечер, Повар Убийца вошел в салон, даже не потрудившись спрятать обвалочный нож, который держал в руке. Глядя на мистера Уиттиера, он сказал:

– Стиральная машина сломалась. Теперь вам придется нас отпустить...

Мистер Уиттиер поднял глаза и сказал, не переставая жевать сухие тетразини с индейкой:

– А что там с машиной?

И Повар Убийца показал ему что-то, что держал во второй руке. Не нож. Что-то длинное и болтающееся. Он сказал:

– Один повар, отчаявшийся заложник, перерезал электрический шнур...

Эта штука раскачивалась у него в руке.

Так мы лишились стиральной машины. Еще одно сюжетное событие, которое будет пользоваться спросом.

И тут мистер Уиттиер стонет и сует руку под пояс брюк, внутрь. Он говорит:

– Миссис Кларк?

Прижав руку к низу живота, он сказал:

– Ой, как болит...

Глядя на мистера Уиттиера, вертя в пальцах обрезок шнура, Повар Убийца сказал:

– Надеюсь, что это рак.

По-прежнему держа руку в штанах, утопая в арабских подушках, мистер Уиттиер сгибается пополам, так что его голова оказывается между расставленных колен.

Миссис Кларк делает шаг к нему и говорит:

– Брендон?

И мистер Уиттиер соскальзывает на пол и стонет, подтянув колени к груди.

У нас у каждого в голове – для эпизода в будущем фильме, – эта сцена

видится только с участием какой-нибудь кинозвезды, который корчится от наигранной боли на красно-синем восточном ковре. Каждый из нас делает мысленную заметку: «Брендон!»

Миссис Кларк присаживается на корточки и поднимает пустой майларовый пакет, оброненный мистером Уиттиером на шелковые подушки. Ее глаза пробегают по надписи на пакете, и она говорит:

– О, Брендон.

Мы все пытаемся стать камерой, скрытой за камерой, скрытой за камерой.

Последний штрих. Момент истины.

Вариант этой сцены в будущем фильме и телевизионном мини-сериале – непременно с участием известной актрисы из королев красоты. Мысленно мы диктуем ей реплику: «О Господи, Брендон! Иисус милосердный!»

Миссис Кларк подносит пакет к лицу мистера Уиттиера и говорит:

– Ты съел целый пакет. Это же десять порций... – Она говорит: – Зачем? Почему?

И мистер Уиттиер стонет.

– Потому что, – говорит он, – я все еще мальчик, и я расту...

В будущей постановке королева красоты рыдает:

– Тебя же сейчас разорвет изнутри! Ты взорвешься, как лопнувший аппендикс!

В версии для кинофильма, мистер Уиттиер истошно кричит, рубашка натягивается туго-туго на раздувающимся животе, он пытается судорожно расстегнуть пуговицы. И вот тогда натянутая кожа начинает рваться, наподобие того, как расходится зацепка на нейлоновом чулке. Алая кровь бьет струей прямо вверх, как вода из дыхала кита. Фонтан крови. Вскрики в зрительном зале.

На самом деле, в реальности, его рубашка лишь чуть натянулась. Его руки тянутся к поясу на брюках, расстегивают пряжку. Верхнюю пуговицу на ширинке. Мистер Уиттиер громко пердит.

Миссис Кларк протягивает ему стакан воды:

– На, Брендон. Выпей чего-нибудь.

И Святой Без-Кишок говорит:

– Нет, не надо воды. А то он еще больше раздуется.

Мистер Уиттиер корчится на красно-синем ковре и наконец растягивается на животе. Он дышит часто и тяжело, как запыхавшийся пес.

– Это его диафрагма, – говорит Святой Без-Кишок. – Пища у него в желудке уже абсорбирует жидкость и разбухает, перекрывая

двенадцатиперстную кишку снизу. Десять порций тетраззини увеличиваются в объеме, давят вверх и сжимают его диафрагму, так что легкие не могут вдохнуть достаточно воздуха.

Излагая все это, Святой Без-Кишок по-прежнему поедает горстями сухое чего-то там из своего собственного пакета. И говорит с набитым ртом, не переставая жевать.

А еще это чревато разрывом желудка, когда все его содержимое – кровь, желчь, разбухающие кусочки индейки – изливается в брюшную полость. Туда же проникают бактерии из тонкой кишки, что ведет к перитониту, говорит Святой Без-Кишок, воспалению брюшины.

В нашей киноверсии Святой Без-Кишок – высокий, статный мужчина с прямым носом и в очках в толстой оправе. С лохматой гривой густых волос. У него на шее висит стетоскоп, и он говорит *двенадцатиперстная кишка и брюшина*. Говорит *не с набитым* ртом. В фильме он вытягивает руку ладонью вверх и требует:

– Скальпель!

В этой версии на-основе-подлинных-событий мы кипятим воду. Вливаем в мистера Уиттиера порцию бренди и даем ему в зубы палку, чтобы он не прикусил язык. Промокаем лоб Святого Без-Кишок маленькой губкой, а часы за кадром отстукивают тик-так, тик-так, тик-так, – громко-громко.

Благородные жертвы, спасающие своего мучителя. Так же, как мы утешали бедную Леди Бомж.

На самом деле, в реальности, мы просто стоим и смотрим. Отмахиваясь от вонючей после его пердежа. Может быть, мы пытаемся предугадать, как Уиттиер сыграет этот эпизод: выживет он или умрет. Нам действительно нужен режиссер. Кто-то, кто дал бы нам четкие указания, как ведут себя наши персонажи.

Мистер Уиттиер просто стонет, держась за бока.

Миссис Кларк просто стоит, наклонившись к нему. Ее грудь нависает над ним. Она говорит:

– Кто-нибудь, помогите мне отнести его в комнату...

Но никто не бросается помогать. Нам нужно, чтобы он умер. На роль злодея у нас есть еще миссис Кларк.

И вот тогда Мисс Америка говорит сакраментальную фразу. Она выходит вперед и глядит сверху вниз на мистера Уиттиера с его раздувшимся животом, с его рубашкой, выбившейся из брюк. Брюки слегка приспустились, так что видна резинка от трусов. Мисс Америка выходит вперед и – хрямс! – пинает мистера Уиттиера ногой в бок. А потом говорит:

– Ну и где этот чертов ключ?

И миссис Кларк отпихивает ее локтем, подальше от тела. Миссис Кларк говорит:

– Да, Брендон. Тебе нужно в больницу.

В каком-то смысле мистер Уиттиер сделал то, о чем его просили. Отдал нам ключ. У него разорвало желудок, брюшная полость наполнилась кровью и кусочками сушеной индейки, которые все еще разбухают, впитывают в себя кровь, желчь и воду, и набивают его изнутри, пока у него не распирает живот, так что кажется, будто он беременный. Пока пупок не выскакивает наружу – прямой и жесткий, как выставленный вверх мизинец.

И все это происходит под объективом видеокамеры Агента Краснобая. Запись идет поверх смерти Леди Бомж. Замена вчерашней трагической сцены на сегодняшнюю.

Граф Клеветник держит свой диктофон поближе к главным участникам действия. Пишет на ту же кассету, уверенный, что этот последний ужас будет ужаснее предыдущего.

Эта сцена... мы и мечтать не могли о таком повороте сюжета. При такой кульминации первого акта стоимость нашей истории существенно возрастет. Мистера Уиттиера разрывает на части: событие, свидетели которого – в нашем лице – сразу же сделаются знаменитыми. Как и ухо Леди Бомж, разорвавшееся брюхо мистера Уиттиера – это наш счастливый билет. Чек на предъявителя без обозначения суммы. Купон на бесплатный проезд.

Мы впитывали в себя все детали. Поглощали происходящее. Переваривали увиденное, превращая его в историю. В сценарий. Во что-то такое, что можно продать.

Как его живот, похожий на тыкву, слегка опал, когда давление расплющило диафрагму. Мы пристально изучали его лицо, растянутый рот, зубы, как будто кусавшие воздух, которого не хватало. Уже не хватало.

– Паховая грыжа, – сказал Святой Без-Кишок. И мы все потихонечку проговорили эти два слова себе под нос, чтобы лучше запомнить.

– На сцену... – говорит мистер Уиттиер, уткнувшись лицом в пыльный ковер. Он говорит: – Я готов выступить...

Паховая грыжа ... повторяем мы про себя. Из того, что мы имеем на данный момент, хорошей истории не выйдет. Все эти придурки, которых заманили в ловушку. Коварный злодей обжирается, и мы благополучно спасаемся. Нет, так НЕ ПОЙДЕТ.

Мать-природа уже подумывает о том, чтобы снять свое ожерелье из

медных колокольчиков и потихонечку принести ему воды.

Директриса Отказ собирается прогулять Кору Рейнольдс мимо двери в его комнату и под шумок протащить туда большой кувшин с водой.

Недостающее Звено уже представляет, как он будет всю ночь бегать на цыпочках в комнату мистера Уиттиера и вливать ему в горло воду, пока тот не лопнет: ба-бах.

– Тесс, пожалуйста, – говорит мистер Уиттиер. – Поможешь мне лечь в постель?

И мы все делаем мысленную заметку: *Тесс и Брендон, наши тюремщики.*

– Быстрее, на сцену... мне холодно, – говорит мистер Уиттиер, пока Мать-Природа помогает ему встать на ноги.

– Вероятно, шок, – говорит Святой Без-Кишок.

В версии, которую мы продадим за большие деньги, он уже не жилец. Главный злодей умрет, и вторая злодейка примется нас истязать в слепой ярости. Госпожа Тесс, которая держит нас в плену. Морит нас голодом. Заставляет носить грязные тряпки. Нас, ее невинных жертв.

Святой Без-Кишок встает и приобнимает мистера Уиттиера за талию. Мать-Природа ему помогает. Миссис Кларк идет следом за ними со стаканом воды. Граф Клеветник – со своим диктофоном. Агент Краснобай – с видеокамерой.

– Уж вы мне поверьте, – говорит Святой Без-Кишок. – Я кое-что знаю о человеческих внутренностях. Ну, так получилось.

Мисс Апчхи чихает в кулачок, как будто нам все еще нужно, чтобы она умерла. Мисс Апчхи – будущее привидение в этом доме. Вытерев брызги с руки, Товарищ Злыдня говорит:

– Ну и гадость. – Она говорит: – Ты что, росла в пластиковом пузыре? Или что?

И Мисс Апчхи говорит:

– Да, что-то типа того.

Хваткий Сват говорит, что устал, и ему надо поспать. И незаметно прокрадывается в подвал, чтобы испортить печку.

Он пока что об этом не знает, но Герцог Вандальский его уже опередил.

А мы так и сидим под расписным сводом «Тысячи и одной ночи», на шелковых подушках, подернутых плесенью. Пустой пакет из-под тетразини с индейкой валяется на ковре. Резные слоны поддерживают потолок.

Мы все повторяем про себя: *Я кое-что знаю о человеческих*

внутренностях. Ну, так получилось...

И больше ничего не происходит. И дальше – опять ничего.

А потом мы все встаем, стряхиваем пыль с одежды и идем в зрительный зал, скрестив пальцы, что нам все же удастся услышать последние слова мистера Уиттиера.

Эрозия

Стихи о мистере Уиттиере

– Мы совершаем все те же ошибки, – говорит мистер Уиттиер, – которые совершали еще пещерные люди.

Так, может быть, это наше призвание: воевать, ненавидеть и мучить друг друга...

Мистер Уиттиер подкатывает свое кресло к самому краю сцены.

Руки в старческих пятнах, лысая голова.

Под большими глазами на выкате, мутными, водянистыми.

Лицо как будто провисло складками дряблой кожи.

В ноздре – колечко.

Дужка наушников плеера.

Тонет в складках морщин за ушами и врежется в кожу на вялой шее.

На сцене вместо луча прожектора – фрагмент черно-белого фильма:

Почти лысый череп мистера Уиттиера покрыт кадрами хроник военных парадов.

Его рот и глаза едва различимы среди марширующих ног; по щекам, извиваясь, ползут пики штыков.

Он говорит:

– Может быть, страдания и муки – это и есть смысл жизни.

Представьте себе, что Земля – это большая технологическая установка, перерабатывающее предприятие.

Представьте себе барабан для шлифовки камней:

Вращающийся цилиндр, наполненный песком и водой.

Представьте, что ваша душа – угловатый бесформенный камень, который бросили внутрь.

Кусок сырья, природный ресурс: нефть-сырец или минеральная руда.

А боль и вражда – это только шлифовочный материал, который нас полирует, натирает до блеска души, очищает их, учит и совершенствует от перевоплощения к перевоплощению.

А теперь представьте, что вы сами, по собственному желанию, бросаетесь в барабан – вновь и вновь.

Вполне сознавая, что ваше земное предназначение – это страдать и страдать.

Мистер Уиттиер на сцене: узкий маленький рот, в котором, кажется, не

помещаются зубы.

Брови – как мертвые сорняки, уши торчат в обе стороны, словно крылья летучей мыши.

Он говорит:

– Другого нам не дано. В противном случае выходит, что мы все – дремучие идиоты.

Мы воюем. Боремся за мир. Сражаемся с голодом.

Мы не можем без драки.

Мы воюем, воюем, воюем... оружием, словом, деньгами.

Но все остается по-прежнему: мир не становится лучше.

Мистер Уиттиер весь подается вперед, вцепившись руками в ручки своей инвалидной коляски.

По лицу маршируют колонны солдат – ожившие татуировки.

Пулеметов, артиллеристских орудий и танков.

Он говорит:

– Может быть, мы живем именно так, как нам и написано на роду.

Может быть, наша дробилка-Земля делает с нашими душами все... как надо.

Собачий век

Рассказ Брендона Уиттиера

Эти ангелы, они считают себя очень хорошими. Эти посредницы милосердия.

В общем и целом, они даже лучше, чем их задумал Господь. С их богатыми мужьями, хорошей наследственностью, ортодонтией и дерматологией. Эти матери, сидящие дома, когда их дети-подростки уходят в школу. Дома, но не в домашних заботах. Не домохозяйки.

Образованные, безусловно. Но не из этих, которые шибко умные.

Для домашней работы у них есть помощники. Наемные специалисты. Потому что, если возьмешь не тот чистящий порошок, можно испортить гранитную столешницу или плитку из известняка. Не то удобрение – и можно сгубить весь сад. Не ту краску – и все их усилия, все их вложения пойдут прахом. Дети в школе, Бог на работе – и ангелам нужно как-то убить целый день.

Вот они и идут в волонтеры.

Выполнять всякие мелкие поручения. Ничего важного – чтобы вдруг чего не напортачить. Развозить по палатам книги в отделении для пожилых пациентов. Между йогой и дамским читательским кружком. Развешивать украшения для Хеллоуина в доме престарелых. Они есть в любой богадельне, эти ангелы скуки.

Ангелы в туфельках без каблучков, в итальянской обуви ручной работы. С их благими намерениями, дипломами по истории искусства и кучей свободного времени, которое нужно как-то убивать, пока у детей не закончатся занятия в футбольной секции или балетном кружке после школы. Эти ангелы, такие хорошенькие в своих цветастых сарафанах, с чисто вымытыми волосами, убранными с лица. Они всегда улыбаются. Всегда. Когда ты на них ни помотришь, они улыбаются.

У них есть доброе слово для каждого пациента. Они непременно заметят, как хорошо ты расставил на тумбочке свою коллекцию открыток с пожеланиями скорейшего выздоровления. Какие миленькие фиалки ты вырастил в горшках у себя на подоконнике.

Мистер Уиттиер любит этих ангелов в женском обличе.

Они всегда говорят ему, лысому дряхлому старику из палаты в конце коридора, какие милые постеры с рок-концертов висят у него на стене над

кроватью. Какой яркий и славный скейтборд стоит у него за дверью.

Старый мистер Уиттиер, пучеглазый карлик мистер Уиттиер, спрашивает у них:

– Ну как оно, дамочки, все чики-пыки?

И ангелы, они смеются.

Над этим стариком, который ведет себя, как мальчишка. Это так мило и трогательно: он так молод душой.

Славный, глупенький мистер Уиттиер с его интернетом и журналами по сноуборду. С его хип-хопом на компакт-дисках. В бейсболке, козырьком назад. Как носят мальчишки.

Он такой же, как их дети-школьники. Только старый. И они начинают ему подыгрывать – просто не могут удержаться. Ведь он такой милый, он так им нравится: с этой его бейсболкой, повернутой козырьком назад, с этой музыкой у него в наушниках – такой громкой, что ее слышно даже тому, кто стоит рядом.

Мистер Уиттиер в коридоре, в своем инвалидном кресле. Он поднимает руку, выставляет ладонь, растопылив пальцы, и говорит:

– Дай пять...

И все дамы из волонтеров, проходящие мимо, хлопают его по ладони.

Да, пожалуйста. Ангелам тоже хотелось бы быть такими в 90 лет: современными, молодыми душой. В курсе всех новых веяний. А не окаменелыми ископаемыми, какими они себя чувствуют уже сейчас...

Мистер Уиттиер, древний старик – он во многом моложе всех этих дам-волонтеров, которым всего-то за тридцать или за сорок. Этих ангелов средних лет, которые моложе его в два-три раза.

Мистер Уиттиер с ногтями, покрашенными черным лаком. С серебряным колечком в старческой ноздре. С татуировкой – в виде браслета из колючей проволоки – на лодыжке.

С тяжелым перстнем-черепом, болтающимся на костлявом пальце.

Мистер Уиттиер, который моргает глазами, затянутыми мутной пленкой катаракты, и говорит:

– Пойдешь со мной на выпускной бал?

Ангелы хихикают и заливаются краской. Смеются над старым проказником, таким забавным и безобидным. Садятся к нему на колени – к старику в инвалидном кресле. Его острые старческие коленки врезаются в их подтянутые, всегда в тонусе бедра, наработанные с личным тренером.

Вполне естественно, что в какой-то момент ангела прорывает. И она изливает свои восторги старшей медсестре или кому-то из санитарок: какой замечательный мистер Уиттиер. Он по-прежнему молод душой. Полон

жизни.

А медсестра смотрит не мигая, приоткрывает рот, на секунду задумывается, а потом говорит:

– Конечно, он ведет себя, как мальчишка...

И ангел говорит:

– Мы все должны оставаться такими, как он.

Не терять вкуса к жизни. Сохранить этот юношеский восторг. Бодрость духа.

Мистер Уиттиер, он такой молодец. Они всегда это говорят.

Эти ангелы милосердия. Эти ангелы благотворительности.

Бедные глупенькие ангелы.

А медсестра или нянечка скажет:

– Мы все были такими же... бодрыми. – Уходя прочь, она скажет: – В его возрасте.

Он вовсе не старый.

Вот так правда всегда выплывает наружу.

У мистера Уиттиера прогерия. На самом деле ему восемнадцать лет. Это подросток, который скоро умрет от старости.

Один из восьми миллионов детей страдает синдромом Хадчинсона-Гилфорда. Эту болезнь называют еще прогерией, или детской старостью. Генетическая мутация в белке Ламин А вызывает ускоренное старение организма. Человек стареет в семь раз быстрее. И молоденький мистер Уиттиер – с его зубами, как будто не помещающимися во рту, большими оттопыренными ушами, выпученными глазами и разбухшими венами на лысом черепе – превращается в стошестнадцатилетнего старика.

– Можно сказать... – как он всегда говорит этим ангелам, отмахиваясь морщинистой рукой от их заботливого сочувствия, – что у меня не человеческий век, а собачий. Живу и старею по собачьему летоисчислению.

Через год он умрет от сердечного приступа. Просто от старости, когда ему еще не исполнится и двадцати.

После этого ангел вообще пропадает, на время. Просто все это слишком печально. Мальчик, который, может быть, младше твоего собственного ребенка, умирает один, в больнице. Этот ребенок, с такой жадной жизни, он так отчаянно хочет, чтобы ему помогли; так тянется к людям, которые рядом – к ней, – пока еще не поздно.

Это так тяжело.

Лучше этого не видеть.

И все же на каждом занятии по йоге, на всех заседаниях родительского комитета, всякий раз, когда она видит подростка, ей хочется плакать.

И ангел решает: она должна что-то сделать.

И она возвращается, чуть притушив яркость своей лучезарной улыбки. Она говорит ему:

– Я все понимаю.

Она украдкой проносит ему пиццу. Новую видеоигру. Она говорит:

– Загадай желание, и я сделаю, чтобы оно исполнилось.

Этот ангел, она вывозит его в инвалидной коляске через пожарный выход, и они едут в парк покататься на русских горках. Или гуляют по торговому центру. Этот старый подросток и красивая женщина, годящаяся ему в матери. Она поддается ему в пейнтболе и дает застрелить себя, хотя у нее вся прическа – в краске. И его инвалидное кресло тоже. Она играет с ним в «Laser tag». В один жаркий солнечный день она чуть ли не на руках таскает его морщинистую полуголую тушку наверх, на водяную горку – раз за разом, полдня.

Он никогда не раскуривался, и поэтому ангел ворует траву из тайника своего ребенка и учит мистера Уиттиера курить бонг – специальный кальян для дури. Они разговаривают. Едят картофельные чипсы.

Ангел, она говорит, что ее муж весь ушел в карьеру. Дети растут, отдаляются от нее. Каждый – сам по себе. Семья разваливается на части.

Мистер У. говорит, что его предки не выдержали и сломались. Им надо заботиться о других детях: у них еще четверо, кроме него. Если бы они не отдали его под опеку суда, они бы никогда не сумели устроить его в больницу. Они еще ходят его навещать, но все реже и реже, а скоро и вовсе не будут ходить.

И когда он заканчивает свой рассказ, под звуки тихой гитарной баллады, он начинает плакать.

Больше всего на свете ему бы хотелось кого-нибудь полюбить. То есть заняться любовью, по-настоящему. Ему так не хочется умирать девственником.

Вот тогда он и скажет сквозь слезы, льющиеся из красных с укурки глаз:

– Пожалуйста...

Этот морщинистый старый ребенок шмыгнет носом и скажет:

– Пожалуйста, не называйте меня *мистером*.

Он скажет ангелу, которая гладит его по лысой голове в темных старческих пятнах:

– Меня зовут Брендон.

Он подождет.

И она это скажет:

– Брендон.

И, конечно же, после этого они трахнутся.

Она – нежная и терпеливая. Мадонна и шлюха. Ее длинные, стройные ноги, подтянутые на йоге, раскинутся для этого голого, сморщенного гоблина.

Она – алтарь и жертва.

Красивая, как никогда: рядом с его старым телом в пятнах и выступающих венах. Никогда прежде она не чувствовала в себе столько силы, как в эти мгновения, когда он дрожал над ней и пускал слюну.

И черт побери – как дорвавшийся девственник, он возьмет все по полной программе. Он начнет в миссионерской позе, а потом отведет ее ногу высоко вверх. Сперва – одну, а потом – обе. Держа ее за лодыжки, так что его задыхающееся лицо окажется между ее коленями.

Хорошо, что она занимается йогой.

С мощной эрекцией, как от виагры, он наяривал ее сзади, поставив раком, и прервался лишь на секунду, чтобы заправить ей в задний проход, и продолжил долбиться, пока она не сказала ему: так не надо. У нее все болело, она была в полном отрубе, и когда он согнул ей ноги, заводя их ей за голову, ее лицо вновь озарилось лучезарной, фальшивой ангельской улыбкой.

После этого он кончил. Ей в глаза. Ей на волосы. Попросил сигарету, которой у нее не было. Поднял с пола бонг, валявшийся у кровати, раскурил очередную порцию и не предложил ей затянуться.

Ангел, она оделась и спрятала под пальто бонг, тайком позаимствованный у своего же чада. Повязала на голову шарф, чтобы прикрыть липкие волосы, и собралась уходить.

У нее за спиной, когда она открывала дверь, мистер Уиттиер сказал:

– Знаешь, мне никогда не делали минет...

Когда она выходила из его палаты, он смеялся. Смеялся.

Потом, по дороге домой, у нее зазвонит мобильный. Это будет Уиттиер с предложениями садо-мазо, минета, тяжелых наркотиков. И когда она скажет ему:

– Я не могу...

Он скажет:

– Брендон. Меня зовут Брендон.

Брендон, скажет она. Больше мы не увидимся, никогда.

Вот тогда он и скажет ей, что соврал. Про свой возраст.

Она спросит по телефону:

– У тебя не прогерия?

И Брендон Уиттиер ответит:

– Мне еще нет восемнадцати.

Ему еще нет восемнадцати. И у него есть подтверждение: свидетельство о рождении. Ему тринадцать. Так что она только что совратила малолетнего.

Но, за энную сумму наличными, он не заявит в полицию. Десять штук баксов, и она избавит себя от проблем. Скандальное судебное разбирательство. Некрасивые заголовки на первых полосах газет. Вся ее жизнь из добрых дел и добровольных пожертвований превратится в ничто. И все это – из-за быстрого перепихона с несовершеннолетним мальчиком. Даже хуже, чем просто в ничто – теперь ей, педофилке и половой преступнице, до конца дней предстоит регистрироваться в полиции всякий раз, когда ей нужно будет куда-то поехать. Может быть, муж потребует развода, и она потеряет детей. По закону, половая связь с лицом, не достигшим совершеннолетия, карается тюремным заключением сроком до пяти лет.

С другой стороны, через год он умрет от старости. Десять тысяч – это не так уж и много за спокойную жизнь.

Десять тысяч и, может быть, легкий минет, по старой памяти...

И, конечно, она заплатила. Они все заплатили. Все волонтеры. Ангелы.

Больше никто из них не возвращался в тот дом престарелых, так что они не встречались друг с другом. Каждый из ангелов думал, что она такая одна. Но их было дюжина, если не больше.

А деньги? Они просто копились. Пока мистер Уиттиер не стал совсем старым, и ему не наскучило просто трахаться.

– Посмотрите на эти пятна, на ковре в холле, – сказал он. – Посмотрите, у них как будто есть руки и ноги.

Точно так же, как этих дам-волонтеров, нас обманул мальчишка в теле старика. Заманил нас в ловушку. Тринадцатилетний ребенок, умирающий от старости. Насчет родителей он не соврал: они действительно его бросили. Но Брендон Уиттиер больше не умирал в одиночестве, всеми брошенный и забытый.

И точно так же, как он паялил ангелов одну за другой, наш семинар был не первым. Мы были не первой партией его подопытных кроликов. И скорее всего не последней, сказал он нам – будут еще и другие, пока какое-то из этих пятен с ковра не явится к нему привидением и не призовет к ответу.

Утро начинается с воплей. Женским голосом. Это Сестра Виджиланте. Между криками слышны удары кулака, бьющегося о дерево. Слышно, как деревянная дверь содрогается в раме. А потом – снова крик.

Сестра Виджиланте орет:

– Эй, Уиттиер! – Сестра Виджиланте кричит: – Ты, бля, запаздываешь с рассветом!..

Потом – удар кулаком о дверь.

В коридоре, куда выходят двери наших комнат, наших гримерок за сценой – темно. На сцене и в зрительном зале – темно. И только *призрачий* огонек еле теплится посреди сцены.

Мы встаем, кое-как одеваемся, неуверенные, сколько мы спали: один час или целую ночь.

Призрачий огонек – единственная голая лампочка на столбе в центре сцены. По старинной театральной традиции ночью на сцене всегда оставляют свет – отпугивать привидений, чтобы они не пробрались в пустой театр.

До изобретения электричества, скажет вам мистер Уиттиер, эти *призрачие* огоньки действовали как клапаны сброса давления. Они вспыхивали и горели ярче, если случалась утечка газа: чтобы театр не взорвался.

Так или иначе, *призрачий* огонек всегда означал защиту.

До сегодняшнего утра.

Сначала – истошные вопли, которые перебудили всех. А потом – запах.

Сладковатый запах перегнивших отходов, который, наверное, вдыхала леди Бомж, роясь в помойке. Запах из липкой вонючей пасти мусорной машины. Запах собачьих какашек и гнилого мяса. Пережеванных, проглоченных и утрамбованных в кузове мусоровоза. Запах старых картофелин, растекающихся черной лужей под раковиной на кухне.

Задерживая дыхание, стараясь не вдыхать носом, мы выходим на ощупь из комнат и пробираемся в темноте – туда, откуда доносятся крики.

День и ночь – здесь понятия относительные. До этой минуты мы просто условились, что доверимся мистеру Уиттиеру. А без него не поймешь – утро сейчас или вечер. Свет снаружи сюда не проходит. Сюда вообще ничего не проникает снаружи. Ни телефонных звонков. Ни единого звука.

По-прежнему стуча кулаками в дверь, Сестра Виджиланте кричит:
– Восход был восемь минут назад!

Нет, театр и строили как раз для того, чтобы отгородиться от внешнего мира и позволить актерам творить свою собственную реальность. Двойные бетонные стены с прослойкой опилок. Чтобы никакие полицейские сирены, никакое гроыхание подземки не разрушили чары чьей-нибудь невсамделишной смерти на сцене. Чтобы никакие гудки автотранспорта, никакие отбойные молотки не превратили романтический поцелуй в неудержимый смех.

Закат наступает тогда, когда мистер Уиттиер смотрит на часы у себя на руке и говорит: доброй ночи. Он поднимается в аппаратную и отключает свет во всем театре: в вестибюле и в холлах, в салонах, комнатах отдыха и галереях. Темнота сгоняет нас в зрительный зал. Эти сумерки, они наступают постепенно – свет гаснет от комнаты к комнате и остается, в конце концов, только в гримерках за сценой. В наших комнатах, где мы спим. В каждой – одна кровать и одна ванная с душем и туалетом. Места хватает только на одного человека с его единственным чемоданом. Или плетеной корзиной. Или картонной коробкой.

Утро, это когда мистер Уиттиер кричит в коридоре: доброе утро. Новый день наступает, когда вновь зажигается свет.

До сегодняшнего утра.

Сестра Виджиланте кричит:

– Ты нарушаешь законы природы ...

Здесь, без окон и дневного света, как говорит Герцог Вандальский, с тем же успехом мы могли бы сейчас находиться и на космической станции в стиле итальянского ренессанса. Или же глубоко под водой, на подводной лодке в эстетике древних майя. Или в заваленной угольной шахте, или в бомбоубежище Людовика XV, как это определяет Герцог.

Здесь, посреди какого-то города, буквально в нескольких дюймах от миллионов людей, которые ходят по улицам, сидят на работе, едят хотдоги, мы отрезаны от всего.

Все, что похоже на окна, здесь занавешено бархатом и гобеленом, или забрано витражным стеклом. Но это обманные окна. Это зеркала. А тусклый солнечный свет за витражным окном – это свет крошечных электрических лампочек, непреходящие сумерки за высокими узкими окнами готической курительной комнаты.

Мы по-прежнему ищем пути наружу. Стоим у запертых дверей и зовем на помощь. Просто не слишком настойчиво и не то, чтобы громко. Пока еще – нет. Пока из нашей истории не получится по-настоящему классный

фильм. Пока каждый из нас не превратится в достаточно стройного персонажа, чтобы его могли сыграть звездные киноактеры.

История, которая спасет нас от всех историй из нашего прошлого.

В коридоре, у гримерной мистера Уиттиера, Сестра Виджиланте бьет кулаком в дверь и кричит:

– Эй, Уиттиер! Тебе придется ответить за это утро, – и видно, как с каждым словом у нее изо рта вырываются облачка пара.

Солнце не взошло.

У нас тут холодно и воняет.

Еды не осталось.

И мы все говорим ей, Сестре Виджиланте, все дружно: тише, тише. А то *снаружи* услышат и придут нас спасать.

Замок щелкает, дверь открывается, и на пороге стоит миссис Кларк в своем махровом халате, натянутом на груди. Глаза у нее красные и припухшие. Она выходит в коридор и закрывает за собой дверь.

– Послушайте, дамочка, – говорит Сестра Виджиланте. – Так нельзя обращаться с заложниками.

Герцог Вандальский стоит рядом с ней. Тот самый Герцог Вандальский, который вчера ночью спустился в подвал с хлебным ножом и перерезал все провода, ведущие к отопительному котлу.

Миссис Кларк трет глаза.

Агент Краснобай говорит из-за видеокамеры:

– Вы хоть знаете, сколько сейчас времени?

Товарищ Злыдня говорит в диктофон Графа Клеветника:

– А вы знаете, что у нас нет горячей воды?

Товарищ Злыдня, которая отследила, куда идут медные трубы на потолке в подвале, добралась до бойлерной и отключила подачу газа к котлу для нагрева воды. Уж она должна знать. Она собственноручно свинтила вентиль с газового клапана и спустила его в водосток.

– Мы объявляем забастовку, – говорит щупленький Святой Без-Кишок. – Никто ничего не напишет. Никаких потрясающих «Франкенштейнов» и иже с ними, пока тут не будет тепло.

Сегодня утром: Ни тепла. Ни горячей воды. Ни еды.

– Послушайте, дамочка, – говорит Недостоящее Звено. В узеньком коридоре, куда выходят двери гримерных, он стоит вплотную к миссис Кларк, так что его бородаща едва не трется о ее лоб. Одной рукой он хватает ее за грудки и сгребает в кулак ткань халата. Подтянув ее вплотную к себе, так что ее необъятный бюст расплющивается о его грудь, он приподнимает ее над полом.

Вцепившись в волосатую руку, которая держит ее навесу, миссис Кларк дрыгает ногами, таращит глаза, запрокидывает голову назад и ударяется затылком в закрытую дверь. Ударяется, судя по звуку, неслабо.

Недостающее Звено трясет ее и говорит:

– Скажите старику Уиттиеру: пусть он сделает что-нибудь, чтобы у нас тут была еда. И чтобы отопление работало. Или пусть выпустит нас отсюда, вот прямо сейчас.

Мы: невинные жертвы заспавшегося, злобного психопата, похищающего людей.

В синем бархатном холле сегодня на завтрак не будет вообще ничего.

Пакетики, в которых было хоть что-то с печенкой, проткнуты раз по десять – пятнадцать каждый. У нас никто не любил печенку.

Серебристые майларовые подушечки там, в холле, они все сдулись. Все до единой. Надо же было такому случиться, чтобы всех нас посетила одна и та же мысль.

Даже при том, что отопление не работает, и уже стало холодно, еда успела испортиться.

– Надо во что-то его завернуть, – говорит миссис Кларк. Завернуть тело и отнести в дальний угол подвала, к Леди Бомж.

– Этот запах, – говорит она, – это не продукты.

Мы не спрашиваем о подробностях, как он умер.

Даже лучше, что мистер Уиттиер умер за сценой. Так мы сами сможем придумать наиболее страшный сценарий его кончины. Вот он лежит ночью в постели и с ужасом наблюдает за тем, как раздувается его брюхо. Все больше и больше. Вот он уже не видит своих ног. Потом что-то рвется внутри, и он чувствует, как поток теплой еды оmyвает легкие. Печень и сердце. Потом его пробивает озноб. Это шок. Серые волоски на груди буквально полощутся в холодном поту. Пот ручьями течет по лицу. Руки и ноги дрожат. Первые признаки комы.

Миссис Кларк может рассказывать все, что угодно. Все равно ей никто не поверит. Потому что теперь она – новый главный злодей. Теперь она будет нас мучить. Злобная мегера.

Да, мы сами поставим этот эпизод. Он будет истошно кричать и бредить. Закрывая лицо руками, прячась за растопыренными пальцами, белый как мел, мистер Уиттиер будет вопить, что за ним пришел дьявол. Будет кричать: помогите!

А потом впадет в кому. И умрет.

Святой Без-Кишок с его мудреными словами – брюшина, двенадцатиперстная кишка, пищевод, – он знает, как все это правильно

называется.

В нашей версии мы все стоим на коленях у постели Уиттиера и молимся за него. Бедные-бедные мы, невинные жертвы, запертые в заброшенном театре, умирающие от голода, мы все равно молимся за бессмертную душу нашего мучителя. Потом – постепенное мягкое затемнение. И пошла реклама.

Вот сцена из фильма, которому суждено стать хитом. Сцена, которая так и просится на премию «Эмми».

– Что хорошо в мертвецах, – говорит Обмороженная Баронесса, нанося очередной слой помады на свои несуществующие губы. – Они не могут тебя поправить.

Тем не менее хорошая история означает отсутствие отопления. Медленное умирание от голода означает, что мы остаемся без завтрака. Ходим в грязном. Может быть, мы не такие талантливые, как лорд Байрон и Мэри Шелли, но мы все же способны вытерпеть неудобства, чтобы наша история стала работать на нас.

Мистер Уиттиер, наше старое мертвое чудовище.

Миссис Кларк, наше новое чудовище.

– Сегодня, – говорит Хваткий Сват, – будет длинный день. Длинный-длинный.

И Сестра Виджиланте поднимает руку, и часы у нее на запястье отсвечивают зеленым в сумрачном коридоре. Сестра Виджиланте встряхивает часы, чтобы все видели, как они светятся, и говорит:

– Сегодня день будет такой, *какой я скажу* ...

Она говорит миссис Кларк:

– А теперь покажи, где включать этот чертов свет.

И Недостажущее Звено ставит ее на пол.

Кларк и Сестра Виджиланте на ощупь пробираются в темноте, держась за сырые стены, к мутному серому свету *призрачьего* огонька на сцене.

Мистер Уиттиер, наш новый призрак.

Даже у Святого Без-Кишок урчит в животе.

Некоторые женщины, говорит Мисс Америка, пьют уксус, чтобы уменьшить желудок. А голодные боли – это действительно очень больно.

– Расскажите мне что-нибудь, – говорит Мать-Природа. Она зажгла ароматическую свечу, яблоко с корицей, со следами зубов на воске. – Кто-нибудь, – говорит она. – Расскажите мне такую историю, чтобы мне уже никогда не хотелось есть...

Директриса Отказ говорит, прижимая к груди своего кота:

– История, может быть, и отобьет аппетит у *тебя*, но Корато все равно голодный.

И Мисс Америка говорит:

– Скажи своему коту, что еще через пару дней он и сам перейдет в категорию еды. – Ее ярко-розовый спортивный купальник уже смотрится чуточку великоватым.

И Святой Без-Кишок говорит:

– Пожалуйста. Кто-нибудь. Отвлеките меня, пожалуйста, чтобы я не думал про свой желудок. – У него совсем другой голос, суховатый и мягкий. В первый раз он говорит не с набитым ртом.

Вонь – густая и плотная, как туман. Никто не хочет дышать таким воздухом.

И направляясь к сцене, к пятну света вокруг *призрачного* огонька, Герцог Вандальский говорит:

– До того, как я продал первую картину... – Он оглядывается, чтобы убедиться, что мы идем следом, и говорит: – Я был антиподом вора, который специализируется на предметах искусства.

А солнце уже начинает вставать – постепенно, от комнаты к комнате.

И мы все делаем мысленную заметку: *Я был антиподом вора, который специализируется на предметах искусства.*

По найму

Стихи о Герцоге Вандальском

– Микеланджело не называют ватиканской продажной девкой, – говорит Герцог Вандальский, – За то, что он умолял папу Юлия дать ему работу.

Герцог на сцене: небритый, блеклая щетина – как будто наждачка.

Челюсть жерновом ходит по кругу, месит и перемалывает комок никотиновой жвачки.

Серый свитер и холщовые брюки усыпаны засохшим изюмом краски: красной, бордовой, желтой, синей, зеленой, коричневой, черной и белой.

Волосы на затылке взъерошены – моток спутанной медной проволоки, потускневшей от масла и припудренной липкими чешуйками перхоти.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты слайд-шоу:

Вереница портретов и аллегорий, пейзажей и натюрмортов.

На лице, на груди, на сандалиях, надетых на босу ногу, как на стене галереи.

Творения старых мастеров.

Герцог Вандальский говорит:

– Моцарта не называют корпоративной шлюхой.

За то, что тот служил у архиепископа Зальцбургского.

А потом написал «Волшебную флейту» и «Eine Kleine Nachtmusik» – «Маленькую ночную серенаду» – за скромные вознаграждения, проистекшие из денежного мешка шелковой империи Джузеппе Бриди.

Леонардо да Винчи не называют ренегатом искусства, или продажной дешевкой, за то, что в обмен за свою работу он не брезговал золотом папы Льва X и Лоренцо Медичи.

– Нет, – говорит Герцог Вандальский. – Мы любимся «Тайной Вечерей» и «Моной Лизой», не думая, кто оплатил заказ.

Он говорит: имеет значение только то, какое наследие оставил творец, что он сделал.

А не то, где он брал деньги на жизнь.

Честолюбивые замыслы

Рассказ Герцога Вандальского

Один судья назвал это «злоумышленно причиненным вредом». Другой – «умышленной порчей общественного имущества».

В Нью-Йорке, когда его поймали в Музее современного искусства, судья низвел его дело до оскорбительного «и не надо мусорить в общественном месте». После Музея Гетти в Лос-Анджелесе, Терри Флетчера осудили за граффити.

В Гетти, в музее Фрика, в Национальной галерее – Терри везде делал одно и то же. Просто люди никак не могли прийти к общему мнению, как это назвать.

Никого из названных выше судей не следует путать с уважаемым Лестером Дж. Майерсом из Лос-Анджелесского окружного суда, коллекционером предметов искусства и человеком, приятным во всех отношениях. Художественный критик – это ни в коем случае не Таннити Бревстер, писатель и знаток всего, связанного с культурой. И успокойтесь: галерейщик – это не Деннис Бредшоу, владелец печально известной галереи «Пелл-Мелл», где людям стреляют в спину. Время от времени. Исключительно по совпадению.

Нет, всякое сходство персонажей с реальными лицами, ныне здравствующими или покойными, является чисто случайным.

Все описанные события – вымышленные. Равно как и герои, за исключением мистера Терри Флетчера.

Просто имейте в виду, что это – всего лишь история. Ничего этого не было на самом деле.

Сама идея пришла из Англии. Тамошние студенты художественных колледжей набирают на почте бесплатные адресные наклейки. В каждом почтовом отделении всегда лежит целая стопка таких наклеек, размером с ладонь с вытянутыми, но плотно сжатыми пальцами. Их легко спрятать в ладони. Клеящаяся сторона защищена воощной бумажкой. Отдираешь бумажку, лепишь наклейку, куда тебе нужно, и она прилипает намертво. На века.

Собственно, это последнее качество и привлекало студентов. Молодые художники, по сути – никто, рисовали на этих наклейках симпатичные миниатюры красками. Или закрашивали их белым и рисовали по ним

углем.

А потом лепили наклейку где-нибудь в общественном месте: устраивали свою персональную мини-выставку. В пабах. В вагонах подземки. В такси. И их работы «висели» там долго – дольше, чем можно представить.

Почтовые адресные наклейки делают из дешевой бумаги: они клеятся так, что их уже не отдерешь. Нет, отодрать-то, конечно, можно: мелкими заусенцами по краю листа, – но клей останется. Комковатый и желтый, как сопли, он будет собирать пыль и сигаретный дым, пока не превратится в черный замшелый прямоугольник. Люди быстро сообразили, что лучше оставить картинки, как есть. Любой рисунок – это все-таки лучше, чем уродское клеевое пятно.

Так что никто не сдирает наклейки. Они так и висят в лифтах и туалетных кабинках. В церковных исповедальнях и примерочных в магазинах. В таких местах, где немного художества явно не помешает. А художники рады, что их работы хоть кто-то видит. Намертво. На века.

Но любую идею можно довести до абсурда – чем, собственно, и страдают американцы.

Грандиозная идея пришла к Терри Флетчеру, когда он стоял в очереди, чтобы посмотреть на «Мону Лизу». Он подходил ближе, но картина не становилась больше. У него были альбомы по искусству и то больших размеров. Он пришел посмотреть на самую знаменитую в мире картину, а она была меньше диванной подушки.

Не будь здесь столько народу, ее можно было бы запросто сунуть под пальто и унести. Украсть.

Он подходил ближе, но в картине по-прежнему не было ничего особенного. Да, это была мастерская работа великого Леонардо да Винчи, но не такое уж дивное диво, чтобы убивать на него целый день в длинной очереди в Париже, во Франции.

Точно так же он разочаровался, когда увидел тот древний петроглиф, изображавший танцующего флейтиста, Кокопелли,^[3] уже после того, как сто раз видел его на рисунках на галстуках и глазурованных керамических мисках для собачьей еды. На ковриках для ванной и крышках для унитаза. Когда же он, наконец, добрался до Нью-Мексико и увидел оригинал, выбитый в скале и раскрашенный разноцветными красками – первое, что он подумал: *Как это избито ...*

Все эти невзрачнейшие шедевры древних мастеров с их незаслуженно раздутыми репутациями, и картинки на британских почтовых наклейках... подумав, он пришел к выводу, что может сделать гораздо лучше. Он может

нарисовать лучше и пронести свою работу в музей, спрятанную под пальто: уже в рамке – все, как положено. Что-нибудь небольшое. Сзади можно прилепить двустороннюю монтажную клейкую ленту, и потом, улучив подходящий момент... просто приклеить картину к стене. Вот здесь, между Рубенсом и Пикассо, чтобы все видели, все... подлинник Терри Флетчера.

В галерее Тейт, рядом с тернеровским «Переходом Ганнибала через Альпы», будет Террина мама. (Смотрит с улыбкой, вытирая руки красно-белым полосатым кухонным полотенцем.) В музее Прадо, прямо напротив портрета инфанты Веласкеса, будет его девушка, Руди. Или его пес, Прикол.

Да, это будут его работы, с его подписью. Но не для того, чтобы прославиться самому, а чтобы прославить любимых людей.

Жалко только, что большинство из его работ не продвинется дальше музейных общественных туалетов. Это – единственное место, где нет охраны и камер наблюдения. В часы затишья можно даже попробовать проскользнуть в женский туалет и повесить картину и там.

Далеко не каждый посетитель музея обходит все залы, какие есть. Но в туалет ходят все.

Было даже не важно, что изображено на картине и как она сделана. Принадлежность к большому искусству, к шедеврам, похоже, определяется тем, где она выставлена, картина... насколько у нее богатая рама... и какие полотна ее окружают. Если все правильно рассчитать, найти подходящую антикварную раму и повесить картину на стену, где уже висит много картин, она пробудет там несколько дней, может быть, даже недель, пока к нему не придут из музея. Или из полиции.

А потом начались обвинения: злоумышленно причиненный вред, порча общественного имущества, граффити.

Судья обозвал его искусство «мусором» и приговорил Терри к штрафу и лишению свободы до завтра.

Терри Флетчера отвели в камеру. Все, кто сидел там до него, тоже были художниками. Они разрисовали все стены, соскоблив с них зеленую краску. И подписали свои работы. Петроглифы, более оригинальные, чем Коккопелли. И Мона Лиза. И они были подписаны именами отнюдь не Пабло Пикассо. В ту ночь, глядя на эти рисунки, Терри почти решился бросить свою затею.

Почти.

На следующий день к нему в студию пришел человек. В студию, где черные мухи кружили над вазой с фруктами, которые Терри пытался выписать на холсте, когда его арестовали. Это был известный

художественный критик, печатавшийся в различных периодических изданиях. Оказалось, что этот критик был другом судьи со вчерашнего разбирательства, и он сказал, что история Терри – это и вправду забавно. Замечательный материал для его авторской колонки про мир искусства. Не обращая внимания на сладкий запах гниющих фруктов и на жужжание мух, он сказал Терри, что хотел бы увидеть его работы.

– Хорошо, – сказал критик, разглядывая холсты, все – достаточно небольшие, так чтобы их можно было спрятать под пальто. – Очень хорошо.

Мухи кружили над вазой с фруктами, садились на яблоки в пятнах гнили и почерневшие бананы, жужжали над головами мужчин.

Критик носил очки с линзами, толстыми, как корабельные иллюминаторы. При разговоре с ним хотелось кричать, как мы кричим с улицы человеку в окне на верхнем этаже большого дома, когда он не спускается отпереть нам дверь.

И все-таки это был – определенно, неопровержимо, вне всяких сомнений – не Таннити Бревстер.

Это не самые лучшие произведения, сказал ему Терри. Самые лучшие так и лежат в полиции. Это будут вещественные доказательства для последующих судебных процессов.

Но критик сказал, что это не важно. На следующий день он привел в студию Терри одного галерейщика и одну коллекционершу, больших людей в мире искусства, знаменитых своими авторитетными высказываниями, периодически появляющимися в центральных журналах. Они рассмотрели работы Терри. При этом они то и дело поминали одного художника, прославленного своими безнравственными портретами мертвых знаменитостей, который подписывал свои работы огромными размашистыми буквами из баллончика с красной краской.

Опять же, упомянутый галерейщик – это не Деннис Бредшоу. Коллекционерша говорила с явным техасским акцентом. У нее были рыжие волосы, того же бьющего по глазам апельсинового оттенка, что и ее загорелы плечи и шея, но это была не Брет Хиллари Билс.

Это полностью вымышленный персонаж. И все же, глядя на работы Терри, она несколько раз повторила фразу: «очень даже коммерчески привлекательно».

Да, у нее на лодыжке имелась крошечная татуировка: слово «сладкая» изящным, похожим на кружево шрифтом, – но это была не мисс Брет Хиллари Билс. Ни в коем случае. Абсолютно. Ни разу.

Нет, эти вымышленные персонажи, существующие исключительно в

воображении автора: критик, коллекционерша и галерейщик, – они заявили нашему художнику: у нас есть предложение. Они вложили несколько миллионов в работы того художника с мертвыми знаменитостями, но в последнее время его изделия буквально наводнили рынок. Да, он делает деньги масштабно, но эти масштабы снижают ценность его ранних работ. Ценность их собственных капиталовложений.

И вот какое у них предложение: если Терри Флетчер убьет вышеупомянутого художника, тогда критик, галерейщик и коллекционерша сделают из Терри настоящую знаменитость. Превратят его произведения в выгодные инвестиции. Каждая его работа будет стоить целое состояние. Портреты его мамы и девушки, его собаки и хомячка, получают лучшие отзывы – все необходимое для того, чтобы стать классикой наряду с «Моной Лизой» и Кокопелли, этим богом-проказником у индейцев хопи.

В этой студии, где черные мухи по-прежнему кружат над гниющими яблоками и бананами.

Эти ценители искусства, они говорят Флетчеру, что если это его утешит, то художник, которого ему надо убить, стал знаменитым лишь потому, что убил одного ленивого скульптора, который в свою очередь прикончил нахала-художника, который до этого «разобрался» с одним предателем-коллажистом.

Все эти люди уже мертвы, но их работы по-прежнему выставляются в крупнейших музеях. Это как банковский счет, который прирастает с каждой минутой. И не важно, что краски блекнут и выцветают, как подсолнух Ван Гога, а лак трескается и желтеет – все равно эти произведения лишь дорожают. Люди стоят в длинных очередях, чтобы это увидеть, пусть даже увиденное ну никак не тянет на шедевр.

Рынок произведений искусства функционирует таким образом уже много веков, сказал критик. Если Терри откажется, если он не возьмется за свой первый настоящий «заказ» – нет проблем. Но у него впереди еще столько судебных разбирательств и незакрытых дел. Они, люди искусства, могли бы решить эту проблему одним телефонным звонком. С другой стороны, они ведь могут и усугубить ее. Даже если Терри Флетчер не сделал ничего плохого, его все равно могут упечь в тюрьму – и надолго. В камеру с разрисованными стенами.

Да, когда-нибудь его выпустят. Но кто поверит словам бывшего зека?

И Терри Флетчер, он говорит: Да.

Слегка утешает то, что он не знаком с художником лично. Галерейщик дает ему пистолет и советует надеть на голову нейлоновый чулок. Пистолет – маленький, размером с ладонь с вытянутыми, но плотно сжатыми

пальцами. Его легко спрятать в ладони. Он всего-то размером с адресную наклейку, но выполняет свое назначение так же намертво. На века. Плодовитый художник будет сидеть в галерее до закрытия. Потом пойдет домой.

В ту ночь Терри Флетчер трижды стреляет ему в спину – паф-паф-паф. По времени это выходит быстрее, чем прилепить пса Прикола на стену в музее Гуггенхайма.

Через месяц у Флетчера открывается его первая персональная выставка в модной галерее.

Только *не* в галерее «Пелл-Мелл». Да, там точно такая же «шахматная» черно-белая плитка по полу, и подходящий по цвету полосатый навес над входом, и туда тоже приходят толковые люди, чтобы вложить деньги в искусство, но это другая, вымышленная, «понарошковая» галерея. Где толпятся *придуманные* инвесторы.

А потом у Терри начинаются сложности. Наверное, он выполнил свою работу слишком хорошо, потому что критик посылает его в Германию, убить одного зарвавшегося художника-концептуалиста. Перфомансиста из Сан-Франциско. Скульптора-кинетиста из Барселоны. Все считают, что Энди Уорхол умер после неудачной операции по удалению желчного пузыря. Жан-Мишель Баския – от героинового передоза. Кейт Херинг и Роберт Мэпплторп – от СПИДа.

На самом деле... каждый думает то, что ему подспудно навязывают другие.

И каждый раз критик грозит Флетчеру, что если тот пойдет на попятную, люди искусства сами же его и подставят. И он загремит за убийство – за то, самое первое. Или еще того хуже.

Терри спрашивает: хуже – это как?

Но они не говорят.

Любую идею можно довести до абсурда – чем, собственно, и страдают американцы.

В перерывах между убийствами всех ленивых, нахальных, зарвавшихся художников у Терри Флетчера просто нет времени, чтобы нормально заняться творчеством. Даже портреты Руди и мамы выходят какими-то спешными и неряшливыми, как будто ему все равно, что получится. Все чаще и чаще он обращается к танцующему Кокопелли с дудкой, в самых разных его вариациях. Он увеличивает фотографии «Моны Лизы», так чтобы они получались размером во всю стену, и раскрашивает их цветами, модными в этом сезоне для отделки домов и квартир. Но если там есть его подпись, люди все равно покупают. Музеи покупают.

Прошел уже год, как он стал знаменитым. И вот...

Он в галерее, разговаривает с владельцем. С тем же самым, который вручил ему пистолет год назад. Который *не* Деннис Бредшоу. На улице уже темно. Часы показывают одиннадцать. Галерейщик говорит, что пора закрываться, ему надо домой. Что стало с тем пистолетом, Терри не знает.

Галерейщик открывает входную дверь. Снаружи – темно. Черный с розовым полосатый навес. Долгая дорога домой.

Там, снаружи, на столбах уличных фонарей наклеены крошечные картинки художников, чьих имен вы никогда не узнаете. Улица облеплена их неподписанными работами, произведениями искусства. Вот она, долгая дорога домой в темноте, которая обязательно будет – если не сегодня, то в какую-то другую ночь. Вот он, тот самый шаг, с которого каждая ночь превращается в путь по миру, где каждый художник ждет своего шанса стать знаменитым.

Мы в фойе майя, где стены покрыты гипсовой лепниной под застывшую лаву. Из этой поддельной лавы вырезаны фигуры воинов в набедренных повязках и головных уборах из перьев. На воинах – пятнистые плащи вроде как из шкур леопардов. Все помещение как будто рассказывает историю, которую хочет выдать за правду.

Хвосты у резных гипсовых попугаев раскрашены радугами оранжевого и красного.

Из обманных трещин и раскрошенных участков на гипсовом камне – такой задел под глубокую древность – высоко под потолком прорастают гирлянды мясистых пурпурных орхидей, сделанных из бумаги.

– Мистер Уиттиер был прав, – говорит миссис Кларк, глядя по сторонам. – Мы действительно сами выдумываем трагедию, чтобы как-то заполнить пустую жизнь.

Вот только пыль притупляет яркость оранжевых перьев и пурпурных цветов. Диваны из какого-то темного дерева обтянуты искусственным мехом в пятнах под леопарда. Эти диваны, и зловещие лица индейских воинов, и поддельная лава – все крепко-накрепко связано вместе серыми нитями паутины.

Миссис Кларк говорит: иногда начинает казаться, что первую половину жизни мы проводим в поисках какой-нибудь большой беды, – и опускает глаза на свой выдающийся бюст; вроде как хочет его рассмотреть, что едва ли возможно при ее хирургически усовершенствованных губах. В юности, говорит она, мы хотим, чтобы нас что-то затормозило и удержало на одном месте достаточно долго, чтобы мы заглянули под поверхность мира. Большая беда – это автокатастрофа или война. Она нужна, чтобы мы не дергались, а сидели на месте. Это может быть рак или нежелательная беременность. Самое главное, чтобы это смотрелось, как будто беда застает нас врасплох. Эта беда не дает нам прожить нашу жизнь так, как мы мечтали об этом в детстве – жизнь, состоящую из сплошной беготни.

– Мы и дальше придумываем себе беды и боль, без которых нам не обойтись, – говорит миссис Кларк. – Но эта первая беда – она как прививка, как инокуляция.

Всю свою жизнь, говорит она, вы ищете беды – вы их репетируете, – чтобы быть хорошо подготовленными, когда нагрянет последняя, окончательная беда.

– Когда придет смерть, – говорит миссис Кларк.

Здесь, в фойе майя, резные диваны и кресла сделаны в виде алтарей на вершинах пирамид, куда приводили людей, предназначенных в жертву, и вырывали у них сердца.

На ковре выткан какой-то лунный календарь, круги внутри кругов – черные на оранжевом фоне. Липкие от пролитого лимонада. У нас под ногами распростерлось заплесневелое пятно с раскинутыми руками и ногами.

От поддельного меха диванов и кресел все еще пахнет попкорном.

Это теория миссис Кларк. Ее собственное расширение теории мистера Уиттиера.

В мире есть боль, ненависть, радость, любовь и война, потому что нам хочется, чтобы они были. Нам нужна эта трагедия, чтобы подготовиться к испытанию встречей со смертью, когда-нибудь.

Мать-Природа сидит, вытянув руки перед собой, как лунатик. Растопылив пальцы, она изучает размазанный узор, нарисованный хной у нее на коже. Водит пальцем вокруг основания каждого пальца на другой руке. Щупает кости, какие они в толщину. Она говорит:

– Как вы думаете, Леди Бомж была готова? А мистер Уиттиер?

И миссис Кларк пожимает плечами. Она говорит:

– Разве это имеет значение?

Сидя на поддельных мехах рядом с Матерью-Природой, Директриса Отказ обмотала себе запястье нейлоновым чулком. Правой рукой она затягивает чулок еще туже, так что пальцы на левой руке белеют. Они становятся белыми-белыми, так что даже бледная кошачья шерсть смотрится темной на фоне этой синюшной белизны. Пальцы теряют чувствительность, и понижают, и вяло свисают с кисти.

Святой Без-Кишок сжимает левой рукой большой палец на правой. Ощупывает его весь: снизу вверх, сверху вниз – чтобы запомнить каждую впадинку, каждую выпуклость, каждую выпирающую костяшку. На потом. Когда пальца уже не будет.

Мы все сидим, наблюдаем друг за другом. Ждем, пока не появится следующий поворотный момент сюжета, пока не прозвучит диалог, который можно словить и припрятать для нашей коммерчески выгодной версии правды.

Агент Краснобай переводит видеоискатель камеры с одного лица на другое. Сетчатый микрофон диктофона выглядывает из нагрудного кармана графа Клеветника.

Это мгновение – предвестие. Сейчас будет подлинный ужас. Оно уже

пишется поверх смерти мистера Уиттиера, записанного поверх смерти Леди Бомж, записанного поверх Мисс Америки, держащей нож у горла мистера Уиттиера.

Мать-Природа обращается к миссис Кларк:

– Так за что вы его любили?

– Я пришла сюда не потому, что любила *его*, – говорит миссис Кларк. Она говорит, повернувшись к Агенту Краснобаю: – И *не надо* меня снимать. На видео я выгляжу просто кошмарно... – И все же она улыбается, миссис Кларк, под жарким прожектором видеокамеры. Улыбается, стиснув зубы. Ее закачанные силиконом губы растягиваются в клоунской улыбке. Она говорит: – Я пришла потому, что увидела объявление...

И она доверилась этому человеку, о котором вообще ничего не знала? Пошла за ним, стала ему помогать? Даже зная о том, что он заманит ее в ловушку? Как-то это сомнительно.

Преподобный Безбожник с его лицом, словно сшитым из кусочков сырого мяса, с его сбритыми бровями, с его ногтями, такими длинными, что он даже не может сжать руку в кулак, говорит:

– Но вы плакали...

– Каждый апостол или ученик, – говорит миссис Кларк, – который бежит за своим спасителем, он в то же время бежит от чего-то другого.

Под злобными взглядами гипсовых воинов, под бумажными орхидеями, выкрашенными и сложенными на манер настоящих, миссис Кларк говорит, что у нее была дочь. И муж.

– Касси было пятнадцать, – говорит она.

Она говорит:

– Ее звали Кассандра.

Миссис Кларк говорит, иногда, когда полиция находит тело жертвы убийства, в неглубокой могиле или просто где-нибудь под кустом, там устанавливают микрофон. Это стандартная процедура.

Она кивает на Графа Клеветника, на диктофон у него в кармане.

Полицейские прячутся где-нибудь неподалеку и слушают. На протяжении нескольких дней или даже недель. Потому что убийца почти всегда возвращается к своей жертве, чтобы поговорить. Почти всегда. Нам всем нужен кто-то, кому можно было бы рассказать историю своей жизни, а свое преступление убийца может обсудить только с тем человеком, который точно его не накажет. Со своей жертвой.

Даже убийце нужно с кем-нибудь поговорить, рассказать о себе, и эта потребность так велика, что он непременно придет на могилу или к телу, которое уже начало разлагаться, сядет рядом и заведет бу-бу-бу на

несколько часов. Пока его собственные слова не наполнятся для него смыслом. Пока убийца сам не поверит в историю о своей новой реальности. В которой его преступление было правильным.

Вот почему полиция ждет.

По-прежнему улыбаясь, миссис Кларк говорит:

– Вот почему я пришла сюда. – Она говорит: – Как и всем вам, мне просто хотелось рассказать свою историю...

В теплом круге света видеокамеры, миссис Кларк говорит:

– Я вас очень прошу. Пожалуйста. – Она закрывает лицо руками и говорит сквозь плотно сжатые пальцы: – Именно видеокамера и погубила мой брак...

Глядя в прошлое

Стихи о миссис Кларк

– Вы готовите для себя преемника, – говорит миссис Кларк, – чтобы он занял ваш опостылевший за долгие годы пост.

Когда растите и воспитываете ребенка.

Миссис Кларк на сцене, руки скрещены под грудью, так чтобы локти лежали в ладонях – чтобы поддержать бюст, на который отважилась та, другая женщина, которая была смелее.

Та, которую было труднее сломить.

Эта грудь – напоминание об ошибках, которые, как она очень надеялась, станут ее спасением.

Ее веки обведены ярко-оранжевым: самый писк моды для перманентного макияжа лет двадцать назад; губы, закачанные силиконом до размеров и формы больших присосок.

Выкрашены в перманентный, давно забытый оттенок заиндевело персика.

Ее прическа и стиль одежды застыли на той отметке из прошлого.

Когда она потеряла уверенность и отказалась от дальнейших рискованных экспериментов.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма:

кадры семейной хроники.

Девчушка в бумажном колпаке, с резиной под подбородком, задует пять свечек на торте.

– Прежде, чем тебя спишут в утиль, – говорит миссис Кларк, – ты учишь этого маленького человечка:

Не трогай! Там горячо!

Убери ноги с дивана!

И еще: ни в коем случае не покупай вещи с пластмассовой молнией.

Делая подобные замечания, ты волей-неволей оглядываешься назад, на каждый сделанный тобой выбор.

На каждое звено в длинной цепи уроков за всю свою жизнь.

И глядя в прошлое, вспоминая прожитые годы, ты начинаешь осознавать, как мало ты знаешь, как скуден твой жизненный опыт, как ограничена твоя жизнь.

Жизнь, где все было мелким:

и присутствие духа, и любопытство.

Не говоря уже о стремлениях.

Миссис Кларк на сцене, от вздоха вздымаются груди, огромные, как горы суфле, или большие буханки хлеба, а потом опускаются, оседают, ложатся на место.

Она говорит, что, наверное, лучший совет, который ты можешь ей дать, – это то, что нельзя говорить своим детям:

Не потеряй убеждения, что ты пуп Земли,

Не слушай ничьих идиотских советов,

Ты сама знаешь, что делать,

Ты – непогрешимая,

Ты – всеведущая.

Ныне, и присно, и во веки веков, каждый день:

Пользуйся контрацептивами.

На завершающем этапе

Рассказ миссис Кларк

Тесс и Нельсон Кларк. Первые пару дней они еще жили, как будто ничего не случилось. Это значит, что утром они вставали, собирались на работу, садились в машину. Ехали в офис. По вечерам молча сидели на кухне. Что-то ели.

И что с того?

Им звонили из проката, просили вернуть видеооборудование.

Нельсон был дома, с Тесс, или его не было.

На третий день она встала с постели, только чтобы сходить в туалет. Даже не потрудилась позвонить на работу и сказать, что заболела. Ее сердце все билось и билось, что бы она ни делала. Это не значит, что она что-то делала.

Не стоило тратить усилий на то, чтобы начинать пить или высчитывать длину шланга, чтобы он дотянулся от выхлопной трубы до окна у водительского сиденья. И уж конечно, не стоило тратить усилий на то, чтобы идти на прием к врачу и выдумывать правдоподобную ложь, чтобы он выписал ей рецепт на хорошее, сильное снотворное. А все остальное, что она могла сделать: скажем, взять бритву и перерезать себе вены, – это казалось очередным глупым планом, который все равно не решит все проблемы.

Камера и прожекторы так и стояли вокруг кровати.

Самоубийство – это был просто очередной радикальный план, чтобы исправить жизнь. Если включить прожекторы и камеру, ее смерть запишется на пленку. Снафф-фильм в двух сериях. Минисериал. Еще один Грандиозный Проект. Если она решится покончить с собой, это будет всего лишь: Тесс Кларк слишком рьяно взялась за работу. Еще одно начало, середина и конец.

Ходить на работу казалось безумием. Заставить себя что-то съесть, и даже не прямо сейчас, а вообще – это так же бессмысленно, как сажать тюльпаны под сенью падающей атомной бомбы.

Теперь все это – воспоминания, ретроспективные эпизоды, но именно Нельсон следил за состоянием их сберегательного счета. Именно Нельсон сказал, что единственный способ скопить достаточно денег, чтобы можно было завести ребенка – это снять видео для взрослых.

– Однажды это случится, – говорит миссис Кларк, – и тогда, буквально в одно мгновение, на тебя вдруг навалится такая тяжесть, как будто ты прожил на свете лет на сто больше, чем нужно...

Четыре дня они просто лежали в постели, и на пятый день уже были готовы поклясться, что живут целую вечность. Когда ты просто лежишь в постели, изо дня в день, и вообще ничего не делаешь, тебе начинает казаться, что ты понимаешь, как должны себя чувствовать вампиры. Представьте, что вы живете на свете уже несколько тысяч лет и продолжаете совершать все те же глупые ошибки. Уже несколько тысяч лет вы почти каждый вечер ходите в бары и клубы и вполне искренне полагаете, что замечательно проводите время. Вам представляется, что вы – центр внимания. У вас есть муж, на ваш взгляд – настоящий красавец. Вы уверены, что вы оба – крутые донельзя.

Кларки были уверены, что многие пары разбогатели на производстве фильмов для взрослых. Домашнее видео популярно лишь потому, что порновидео создало спрос. Все пары – все, кроме них – уже давно «подрабатывают» в свободное время. Другие женатые пары не тратят секс зря; а зря растраченный секс – это секс, неувиденный и неоцененный по достоинству посторонними. Они возьмут на прокат камеру и видеомонтажный пульт. Потом найдут дистрибьютора для фильма. Нельсон сказал, что поскольку они женаты, это даже не будет грехом.

Сейчас уже нет никакого смысла вставать с постели и стирать запись на пленке. Это было бы все равно что разбить зеркало – за то, что оно показывает тебе правду. Все равно что убить посланца, который доставил дурную весть.

– Когда ты просто лежишь в постели, изо дня в день, – говорит миссис Кларк, – ты понимаешь, что вампиров убивают не деревянные колья. Их убивает эмоциональный багаж, все эти неоправдавшиеся ожидания, которые они носят с собой век за веком.

Каждому хочется думать, что он умнеет с годами. Становится интереснее и мудрее. Пока ты прикладываешь усилия, ты на пути к своей Великой победе. Наверное, что-то похожее чувствуют и вампиры, в первые пару сотен лет. А потом выясняется, что у тебя нет вообще ничего, кроме все тех же неудачно сложившихся отношений, помноженных на двести.

И что с того?

Беда с вечной молодостью заключается в том, что ты начинаешь откладывать все на потом. Тянешь время. Кларки принялись изучать всякие тонкости, как снимать порновидео. В том числе: Нельсон сбрил волосы вокруг основания члена, чтобы тот зрительно увеличился. Тесс сделала

операцию по увеличению груди – насколько мог выдержать позвоночник. Буквально за пару часов ей заделали грудь, какая бывает только в порнухе. Ей переделали губы, закачали их мягким пенистым наполнителем, придав им «рабочую припухлость минетчицы» на всю жизнь. Оба Кларка ходили в солярий: по двадцать минут, два раза в день. Они читали друг другу по очереди – как каждый кадр отмечают специальным тайм-кодом, чтобы потом по нему монтировать фильм.

Каждому мгновению на пленке дается код, состоящий из часа, минуты, секунды и точного номера кадра. Код 01:34:14:25 означает: первый час, тридцать четвертая минута, четырнадцатая секунда, двадцать пятый кадр. Даже когда монтируешь порно, ты создаешь притворную реальность. Тебе надо составить единое действие, расположив эпизоды в определенном порядке. Сложить такую последовательность, которая переводила бы зрителя от одного акта к другому. Создать иллюзию непрерывности. Чтобы фильм был не просто набором бессмысленных эпизодов.

Орального секса они отсняли до 10:22:19:02.

Различного генитального материала – до 25:44:15:17.

Немного околоанального и околоставляющего – до 31:25:21:09.

И закончили съемки анальным сексом – ровно на 46:34:07:15.

Поскольку все эти фильмы всегда кончаются одинаково, весь сюжет строится исключительно на одном: достижение Большого оргазма – вот что самое главное. Оргазм, просто формальность. Стандартная концовка.

Что еще нужно иметь в виду: средняя продолжительность каждого плана в фильмах для взрослых – от восьми до пятнадцати секунд. Тесс и Нельсон должны заниматься друг другом примерно двадцать секунд за раз. Потом надо встать и нажать кнопку «ПАУЗА». Поставить камеру под новым углом и вновь отснять тот же фрагмент. Еще двадцать секунд. Они не так долго прожили в браке, и секс по-прежнему был для них удовольствием, но после первого дня съемки, единственное, что заставляло их продолжать – это мысли о деньгах. О деньгах и о ребенке.

– Мы были как те дрессированные собаки, – говорит миссис Кларк, – которые танцуют за угощение.

Тесс и Нельсон, когда они делали этот фильм, оба выглядели потрясюще. Как никогда. И это было хуже всего. Почти неделю они каждый день возвращались в спальню. Пусть и кусками по двадцать секунд, они занимались сексом в общей сложности почти двое суток. Горячий свет прожекторов вытягивал пот из их загорелых тел.

Для того чтобы поддерживать возбуждение, они поставили за кадром телевизор и сами смотрели порно во время съемки. Это был их телесуфлер.

Визуальные подсказки, которые можно было скопировать. Так же, как и сами Кларки, люди, снимавшиеся в этих фильмах, всегда как будто смотрели куда-то в сторону, на телевизор за кадром. Эта цепочка вуайеризма: Кларки наблюдают за кем-то, наблюдающими за кем-то, наблюдающими за кем-то, – это было волнующее ощущение. Видео, которое смотрели Тесс с Нельсоном, снимали лет пять назад, если не больше. У мужчин были длинные бачки, у женщин – сережки-висюльки и синие тени на глазах. Можно было только догадываться, сколько лет было фильмам, которые смотрели *те люди*, но Тесс и Нельсону было легче от мысли, что они не одни такие, что существует какая-то связь времен.

Эти люди на видео, на экране им было примерно столько же лет, сколько Кларкам, но теперь, надо думать, они уже приближаются к среднему возрасту. На экране они были крепкими и молодыми, с подтянутыми телами, с мускулистыми, стройными ногами, но они делали все слишком быстро, словно за кадром стояли часы, с которыми они постоянно сверялись.

Чтобы не забыть, как улыбаться, Тесс и Нельсон по очереди говорили друг другу, что они сделают со своими деньгами.

Купят дом.

Съездят в Мексику.

Станут снимать настоящие фильмы. Художественное кино. У них будет собственная независимая киностудия, и они больше уже никогда не будут работать на чужого дядю, никогда в жизни.

Если у них будет дочка, они назовут ее Касси.

Если сын – Бакстер. Когда придет время, вместо старого видеофильма про роды, они покажут своему ребенку, как мама с папой его зачинали. Бакстер увидит, какими чувственными, раскрепощенными и современными были его родители. Им казалось, что это очень прогрессивный подход.

И после этого им уже никогда не придется заниматься сексом, никогда в жизни.

Дальше – больше. Когда стало уже совсем плохо, их надежды на будущее сделались еще радужнее. Им приходилось выдумывать для себя все грядущие блага жизни, чтобы терпеть эту боль, которая с каждым разом была все сильнее: боль от прикосновений к саднящей коже, боль, когда ты ложишься на холодный, пропитанный потом матрас. Их лица болели от улыбок. Покрасневшая кожа горела от ласк. Марафон продолжался, и их награда должна была быть запредельной.

А потом все закончилось – быстрее, чем врач сообщит пациенту о том, что его болезнь неизлечима, быстрее, чем судья зачитает смертный

приговор.

Кларки сделали друг с другом все, что можно было вообразить. Осталось только смонтировать пленку.

Предполагалось, что это будет забавно.

Разница между тем, как человек выглядит на самом деле и каким он себя представляет, может быть просто убийственной.

Может быть, вампиры живут вечно, потому что не могут увидеть себя в зеркалах или на фотографиях.

– Сразу стало понятно, что нас не спасет никакой монтаж, – говорит миссис Кларк.

Никакие активные занятия аэробикой, никакая пластическая хирургия никогда не сделают их такими, какими они представляли себя до того, как увидели эту пленку. Там, на пленке, двое почти безволосых животных, с голой розовой кожей, и совершенно не теми пропорциями, как это часто бывает с дворняжками: короткие ножки, длинная шея и туловище, как бочонок, без четко выраженной талии, – то и дело украдкой поглядывали в камеру, чтобы убедиться, что кто-то еще обращает на них внимание. Они улыбались друг другу, только это была не улыбка, а какой-то звериный оскал. Они втягивали животы.

Но больше всего их добило даже не собственное будничное уродство, а это наглядное доказательство, что они оба уже стареют. Их тонкие губы лепились друг к другу наподобие присосок, кожа висела мешковатыми складками, и вокруг всех отверстий казалась какой-то скомканной. Их насаженные друг на друга тела двигались, словно какой-то старый, кошмарного вида автомат, запущенный на предельной скорости – чтобы работал на полную мощность, пока не развалится.

Эрегированный член Нельсона казался каким-то корявым и грязным, как будто его достали из мусорного бака за китайской бакалейной лавкой. Огромная грудь и большие губы Тесс смотрелись как реквизит для второсортного порно, красные шрамы по-прежнему выделялись на коже.

И что с того?

Тесс Кларк плакала, глядя на себя с мужем в разных позах, под разным углом. Вся их анатомия, от стоп до макушек, потайные местечки у них между ног, волосы, спрятанные в подмышках, – они смотрели на это все, пока не кончилась пленка, и они не остались сидеть в темноте.

Это были они. Точно такие, какие есть.

После этого не помогли даже слезы. Всякое проявление чувств казалось глупым и бессмысленным. Они все видели сами. От правды уже не уйдешь. Всякое действие было бы просто началом очередных идиотских

мечтаний, обреченных на провал.

Да, можно было бы снять еще один фильм. Основать собственную киностудию. Только теперь они знали: что бы они ни делали, это все ненастоящее. Никогда им не быть такими, какими они себя представляли.

Как ни старайся, сколько денег ни сделай, все равно они оба умрут.

За двое суток под взятой напрокат видеокамерой они полностью исчерпали свою норму интереса друг к другу, отпущенную им на всю жизнь. В них не осталось уже ничего загадочного друг для друга.

Им продолжали звонить из проката, просили вернуть камеру и прожекторы. Кларки задолжали прокатной компании такую сумму, которой у них даже не было на счету.

В тот день, когда Нельсон Кларк встал с постели и упаковал камеру и прожекторы, чтобы отвезти их обратно в прокат, – в тот день он уже не вернулся домой.

Муж не пришел. А еще через неделю у миссис Кларк не пришли месячные.

– Эта огромная грудь, – говорит миссис Кларк, – предполагалось, что это будет удержание налога.

Просто видимость чего-то большого и по-матерински уютного. А теперь оказалось, что у нее будет ребенок.

Нельсон Кларк так и не вернулся домой. В таком большом городе это не редкость. Мужья уходят. Дети сбегают из дома. Жены бросают мужей. Люди пропадают. Сотнями. Каждый год.

И что с того?

Тесс Кларк сожгла пленку, но стоит только закрыть глаза, и запись включается в голове. Каждый раз. Даже теперь, шестнадцать лет спустя. Когда ее дочь родилась, выросла и умерла. Этот ребенок, которого Тесс назвала: Кассандра.

Миссис Кларк находит Директрису Отказ в холле, обставленном в стиле итальянского ренессанса. Директриса лежит на массивном столе из какого-то темного дерева. Кровь капает на пол со всех четырех сторон. Липкая кровь, уже припорошенная кошачьей шерстью. Запястье Директрисы Отказ перетянута скрученным нейлоновым чулком. Мясницкий нож воткнут в столешницу. Кисть Директрисы над жгутом из нейлонового чулка – такая бледная на темно-красном фоне.

На полу под столом Кора Рейнольдс жует отрезанный указательный палец.

– О Господи, – говорит миссис Кларк, глядя на окровавленный обрубок, который Директриса заматывает куском желтого шелка. Кровь проступает сквозь желтую ткань. Миссис Кларк подходит – хочет помочь, затянуть шелк потуже. Она говорит. – Это кто же вас так?

Директриса Отказ еще туже затягивает свой нейлоновый жгут и говорит миссис Кларк:

– Вы.

В этот момент каждый думает, что ему сотворить над собой.

Нам всем хочется подчеркнуть свою роль. Чтобы, когда нас спасут, именно наш персонаж вышел на первый план.

Плюс к тому, это решение проблемы, чем кормить кота.

Тот, кто вытерпит больше страданий, предъявит больше рубцов и шрамов, тот и выйдет на первое место в сознании публики. Если нас спасут прямо сейчас, Директриса Отказ станет самой великой жертвой – с обрубками пальцев, выставленными напоказ, она без труда завоюет симпатии зрителей. Получит ведущую роль. Блок А на любом теле-шоу.

А мы будем просто командой поддержки.

Нам достанутся роли второго плана.

Не желая, чтобы его обошли, тощий Святой Без-Кишок попросил нож у Повара Убийцы и отрубил себе большой палец на правой руке. Радикальная пальце-эктомия.

Не желая оставаться на вторых ролях, Преподобный Безбожник попросил нож и отрезал себе мизинцы на обеих ногах.

– Чтобы прославиться, – сказал он, – и носить потом по-настоящему узкие туфли.

Зеленые обои и шелковые занавески в холле, обставленном в стиле

итальянского ренессанса, все забрызганы кровью, которая в электрическом свете отливает черным. Пол такой липкий, что кажется: ты сейчас сделаешь шаг, и ботинок останется на полу, на ковре.

Недостающее Звено говорит, что потеря пальца – отличное средство отвлечься от мыслей о еде. Недостающее Звено – в полном епископском облачении. Черные волосы выбиваются из-под белого парчового воротника, обшитого по краям золотой нитью. Из-за напудренного парика его квадратная голова и всклокоченная борода кажутся еще больше.

Герцог Вандальский, с собранными в хвост волосами, жует свою никотиновую жвачку. На нем – штаны и рубаха из оленьей кожи. Все швы отделаны длинной бахромой. Мать-Природа ковыляет по комнате, в сандалиях на высоченных каблуках, демонстрирующих, что у нее тоже отрезаны пальцы на ногах. Ожерелье из колокольчиков позвякивает при каждом неловком шаге. Она ходит по комнате и обедает ароматерапевтическую свечу с ароматом гвоздики и мускатного ореха.

Чтобы не мерзнуть, мы надеваем романтические рубахи с оборками, в стиле лорда Байрона. Или длинные платья а-ля Мэри Шелли, с бесчисленными нижними юбками. Плащи а-ля Дракула, с красной атласной подкладкой. Тяжелые франкенштейновские ботинки.

Примерно на этом этапе Святой Без-Кишок спрашивает: а можно я буду героем, который влюбился?

В каждой истории непременно должна быть любовная сюжетная линия, говорит он, поддерживая штаны рукой. Для того чтобы история хорошо продавалась, нам нужны парень и девушка, которые любят друг друга безумно, отчаянно – но жестокий злодей не дает им быть вместе.

Святой Без-Кишок и Мисс Апчхи, они сидят – разговаривают друг с другом, в этом холле, отделанном в стиле итальянского ренессанса, с его украшенными вышивкой креслами и драпировками зеленого шелка между высокими окнами из зеркал. Весьма подходящее место для зарождения большой любви.

– Я думал влюбиться в Товарища Злыдню, – говорит Святой Без-Кишок.

Рядом с ними – огромный мясницкий нож, воткнутый в стол: призрак мистера Уиттиера ждет следующей жертвы.

Мисс Апчхи вытирает нос пальцем и спрашивает у святого – а он говорил с самой Злыдней насчет того, что у них будет большая любовь? Потому что, когда нас спасут, в ходе маркетинговой и рекламной раскрутки, этим двоим, которые так отчаянно боролись за то, чтобы быть вместе, надо будет хотя бы изобразить, что они влюблены. Что они делают здесь – это

никого не волнует, но когда двери откроются, им надо будет целоваться и обниматься всякий раз, когда на них смотрит камера. Люди будут ждать свадьбы. Может быть, даже детей.

Моргая своими красными глазами, Мисс Апчхи говорит:

– Выбери девушку, с которой ты сможешь изображать, что влюблен, до конца жизни...

Святой Без-Кишок говорит:

– Как насчет Графини Предвидящей?

Как это видится самому Святому, выйти за него замуж – это будет покруче, чем рубить себе пальцы. Любая из присутствующих здесь женщин должна немедленно ухватиться за такой шанс.

И улыбаясь ему, придвигаясь к нему близко-близко, Мисс Апчхи говорит:

– А как насчет *меня*?

Святой Без-Кишок говорит:

– Как насчет Обмороженной Баронессы?

– Но у нее же нет губ, – говорит Мисс Апчхи. – То есть *действительно* нет.

– Как насчет Мисс Америки?

– У нее уже есть, чем прославиться: своей беременностью, – говорит Мисс Апчхи. – А я не беременная, и у *меня есть губы* ...

Директриса Отказ уже отрубила себе пальцы. И Сестра Виджиланте – на руке и на ногах. Тем же самым ножом, который Леди Бомж брала у Повара Убийцы, чтобы отрезать себе ухо. Понятно, зачем это нужно: когда нас спасут, они поведают миру о том, как мистер Уиттиер измывался над ними, отрезая по маленькому кусочку каждый день, когда они не могли предоставить ему литературный шедевр. Или жертву кромсала миссис Кларк, а мистер Уиттиер держал несчастную, пока та кричала и билась на длинном столе из какого-то темного дерева, в холле, отделанном в стиле итальянского ренессанса.

Стол уже весь в порезах после натренированных ловких ударов, нервных ударов и успешных ударов мясницким ножом из набора Повара Убийцы.

– Ладно, – говорит Святой Без-Кишок. – Как насчет Матери-Природы?

Понятно, чего ему хочется: чтобы ему «заделали ноги». Еще один способ в коллекцию, как бы получше спустить. Новый метод усовершенствованного рукоблудия «без рук». Гораздо лучше морковки, свечного воска и бассейна за домом. Не столько любовная линия сюжета, сколько сексуальная потребность.

Уже лучше, говорит Мисс Апчхи. Она говорит:

– Кстати, ты знаешь, что Мать-Природа сделала со своим носом?

Бедная Мисс Апчхи, она по-прежнему страшно кашляет от спор плесенного грибка, которые ей приходится вдыхать, но ее страдания – ничто по сравнению с тем, что придумала Мать-Природа: позаимствовала филетировочный нож у Повара Убийцы и разрежала себе ноздри, до переносицы. Медные колокольчики у нее на ожерелье звенят, и струпья запекшейся крови летят во все стороны всякий раз, когда ей надо рассмеяться.

И все-таки нам была необходима любовная линия сюжета. Любая любовная линия.

На самом деле, это мистер Уиттиер изуродовал Мать-Природу.

– Но он мертв, – говорит миссис Кларк.

А еще до того, как умер, говорит Недостающее Звено. Раз пошло это массовое отрезание ушей и пальцев, никто не выйдет отсюда без хорошего шрама. Без обрубка, который потом можно будет показывать телезрителям крупным планом. Мистер Уиттиер разрежал нос Матери-Природе, чтобы разлучить ее со Святым Без-Кишок. Чтобы наказать их за то, что они полюбили друг друга.

В нашей версии того, что случилось, все отрезанные пальцы были съедены злодеями, которым все равно никто не поверит.

Хваткий Сват опросил всех и каждого, пытаясь найти кого-то, кто согласится отрубить ему пенис. Потому что такая пытка очень здорово подошла бы к одной старой семейной шутке.

Один взмах ножом, говорит он, и все проблемы решены. Просто отрезанный пенис в грязи.

– К тому же я все равно им не пользуюсь, – говорит Хваткий Сват и улыбается. И подмигивает.

Пока что добровольцев не нашлось. И не потому, что это противно, кошмарно и мерзко. Просто иначе он сразу же выйдет на первый план. Отрезанный пенис – это беспроектный вариант. И его никому из нас не превзойти.

И все-таки если он сделает это – и умрет от потери крови, – это значит, что гонорар распределится уже лишь на пятнадцать частей. На четырнадцать, если Мисс Апчхи поторопится и задохнется от плесени. На тринадцать, если Мисс Америка подумает о других и умрет при родах.

Кора Рейнольдс – откормленный и довольный. Все его кормят кусочками от себя.

– Если ты все-таки соберешься отрезать член, – говорит Директриса

Отказ, – не корми им kota.

Она говорит:

– А то мне будет не очень приятно, когда Кора станет облизывать мне лицо...

Мы нашли эти костюмы, когда искали бинты. Мы искали какие-нибудь чистые тряпочки, чтобы разорвать их на полоски, и обнаружили целые залежи старых опереточных и водевильных костюмов. Завернутые в шуршащую бумагу, переложенные шариками от моли, в сундуках и специальных пакетах для хранения одежды, там были платья с кринолинами и древнеримские тоги. Кимоно и килты. Сапоги, парики и доспехи.

Благодаря миссис Кларк, перерезавший провод стиральной машины, вся наша одежда, которую мы взяли с собой, давно провоняла грязью и потом. Благодаря мистеру Уиттиеру, который вывел из строя печку, с каждым днем в здании становилось все холоднее. И мы принялись одеваться в эти туники, саронги и жилеты. В бархат, атлас и парчу. Шляпы отцов-пилигримов с серебряными пряжками. Длинные, до локтя, перчатки из белой кожи.

– Эти комнаты... – говорит Графиня Предвидящая в своей неизменной чалме, Графиня Предвидящая, которая рубит себе пальцы на ногах, но не срезает браслет с датчиком спутникового слежения. – Эти костюмы... вся эта кровь... – Она говорит: – У меня ощущение, словно я попала в какую-то очень страшную сказку братьев Гримм.

Мы ходили в меховых палантинах, сделанных из шкурок маленьких зверьков, кусающих друг друга за задницу. Норки, хорьки и горностаи. Мертвые звери с зубами, по-прежнему острыми.

Здесь, в холле, обставленном в стиле итальянского ренессанса, стоя на коленях перед Матерью-Природой, держа ее руку, которая вся в крови, и глядя на ее разрезанный нос, Святой Без-Кишок сказал:

– Ты бы смогла притворяться, что любишь меня, до конца своих дней?

Стоя перед ней на коленях, он надел ей на палец кольцо с бриллиантом в три карата, красное липкое кольцо, которое он снял с отрубленного пальца Леди Бомж. Святой Без-Кишок надел сверкающего покойного Лорда Бомжа ей на палец, разрисованный красной хной.

И у него в животе заурчало.

И она рассмеялась. Кровь и струпья – повсюду.

Теперь даже эти шелковые рубахи сделались жесткими от запекшейся крови. Пустые пальцы перчаток безвольно свисают. Ботинки и туфли набиты скомканными носками, вместо недостающих пальцев.

Меховые накидки, горностаи с хорьками, мягкие, как кошачий мех.

– Давайте кормите кота, – говорит Мисс Америка. – Это будет наша индейка ко Дню благодарения.

– Никогда так не шути, – говорит Директриса Отказ, почесывая толстое пузо кота. – Малыш Кора, он *мой ребенок* ...

Мисс Америка с ее обесцвеченными волосами, которые уже отросли, так что видны темные корни – своего рода мерный шест, отмеряющий время нашего заточения, – Мисс Америка наблюдает за тем, как кот объедает мясо с очередного пальца. Она говорит, обращаясь к Директрисе Отказ:

– Если это ты взяла мое колесо-тренажер, я бы хотела, чтобы ты мне его отдала. – Мисс Америка разводит ладони на небольшое расстояние и говорит: – Оно примерно *такого* размера, розовое, пластмассовое. Ну, ты помнишь.

Счищая кошачью шерсть со своей липкой повязки из желтого шелка, Директриса Отказ говорит:

– А как же твой будущий ребенок?

И Мисс Америка говорит, гладя свой небольшой животик:

– Если Хваткий Сват все же решится, пусть скормит свой пенис *мне*. – Она говорит: – Я тут *не ем* за двоих...

Должностные обязанности

Поэма о Директрисе Отказ

– Полицейский, – говорит Директриса Отказ, – обязан защищать сатанистов.

Быть особо разборчивым здесь не приходится.

Директриса Отказ на сцене, в твидовом блейзере, прячет руки за спиной.

Пальцы сцеплены на пояснице – так стоят на расстреле перед шеренгой солдат.

Волосы с проседью, короткая стрижка придает ей вид ошкетинившегося ежа.

Но так и задумано.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма:

Запись камеры наблюдения, зернистое черно-белое изображение: подозреваемые на опознании, выстроены в линейку перед свидетелем.

Подозреваемые, извивающиеся в наручниках, или с закинутыми на голову лапами верхней одежды – чтобы скрыть лицо, – когда их конвоируют в зал суда.

Директриса Отказ на сцене, один лацкан на блейзере чуть приподнят.

Выпирает наплечная кобура.

Она в длинной твидовой юбке и белых кроссовках со шнурками на двойном узле.

Она говорит:

– Сотрудник полиции обязан пожертвовать жизнью почти за любого.

За живодеров.

За наркоманов. За коммунистов. За лютеран.

Исполняя свой долг, ты погибаешь за богатеньких сопляков с огромным наследством.

За растлителей малолетних. За порнографов. За проституток.

Если следующую пулю судьба уготовила для тебя.

У нее на лице черно-белой картинкой теснятся преступники, жертвы.

Директриса Отказ говорит:

– Ты можешь отдать свою жизнь за процветающих педиков...

Или за трансвеститов.

За людей, которые тебя ненавидят, или за тех, кто назовет тебя героем.

Выбирать не приходится, если пришел твой час.

– И если ты беспросветно тупой, – говорит Директриса Отказ, – ты умираешь с надеждой.

Что ты сделал мир чуточку лучше.

А еще, может быть – вряд ли, конечно, – но вдруг твоя смерть станет последней.

Исход

Рассказ Директрисы Отказ

Только поймите правильно.

Никто не пытается защитить Кору.

Это случилось, ну, скажем, два года назад. Весной и осенью все сотрудники управления проходят обязательную переподготовку по оказанию первой медицинской помощи. Повторительный курс. Искусственное дыхание рот в рот. Сердечно-легочная реанимация. Каждая группа собирается в комнате здоровья и практикуется в непрямом массаже сердца на специальном манекене-тренажере. Участники разбиваются на пары, начальник отдела давит кукле на грудь, а кто-то еще, встав на колени, зажимает ей нос и вдует в рот воздух. Манекен называется «Бетти, дыши». Это такая модель: только торс с головой. Без рук и ног. Синие резиновые губы. Шаблонные распахнутые глаза. Зеленые. И все-таки производители, ну, кто там делает эти куклы, приклеили ей ресницы. И еще – волосы. Рыжий парик, такой мягкий, что ты даже не чувствуешь, как твои пальцы рассеянно перебирают пряди, пока кто-то не скажет: «Эй, ты чего?..»

Стоя на коленях перед манекеном, держа у него на груди руку с ярко-красными ногтями, начальник отдела, директор Седлак, сказала, что лица всех манекенов модели «Бетти» делают по шаблону посмертной маски одной молодой француженки.

– Это подлинная история, – сказала она.

Это лицо на полу, это лицо одной девушки-самоубийцы, тело которой выловили из реки больше века назад. Те же синие губы. Те же распахнутые глаза, тот же застывший взгляд. У всех кукол Бетти лицо реальной молодой женщины, которая однажды решила свести счеты с жизнью и бросилась в Сену.

Мы уже никогда не узнаем, что толкнуло ее на отчаянный шаг: несчастная любовь или одиночество. Но полицейские детективы сняли с нее посмертную маску в надежде, что это поможет выяснить, кто она и как ее имя, а несколько десятилетий спустя эта гипсовая маска попала к одному мастеру по изготовлению игрушек, и он использовал ее как шаблон для лица первой дышащей Бетти.

Несмотря на риск, что однажды где-нибудь в школе, на фабрике или в

армии кто-то склонится над этим подобием мертвой девушки и узнает свою сестру, маму, дочь или жену, к ее губам прижимают миллионы. Поколение за поколением, миллионы чужих людей прижимаются ртом к ее синим губам утопленницы. Отныне и впредь, до скончания века, люди по всему миру будут пытаться спасти эту мертвую женщину.

Эту женщину, которой просто хотелось умереть.

Девушку, которая превратила себя в вещь.

Никто не высказал это вслух. Но этого и не нужно высказывать.

И вот в прошлом году Кора Рейнольдс приходит со своей группой в комнату здоровья. Бетти вынимают из ее синего пластмассового чемоданчика, кладут на пол. На линолеум. Протирают ей рот перекисью водорода. Это стандартная гигиеническая процедура. Предписание руководства. Директор Седлак наклоняется и кладет обе ладони Бетти на грудь. На грудину. Кто-то встает на колени и зажимает Бетти нос. Начальница резко надавливает на пластмассовую грудину. И парень, который стоит на коленях, прижавшись ртом к Беттиным резиновым губам, вдруг начинает кашлять.

Он отрывается от манекена, кашляет, садится на пятки. А потом он плюется. Прямо на линолеумный пол в комнате здоровья: тьфу. Вытирает рот тыльной стороной ладони и говорит:

– Черт, ну она и воняет.

Все остальные, кто был на занятии, столпились вокруг. Наклоняются, смотрят. И Кора Рейнольдс – как все.

А этот парень, он говорит:

– Что-то там у нее внутри... – Он закрывает рукой нос и рот. Он отворачивается в сторону, но все же косится на манекен. Он говорит: – Ну, давайте. Ударьте ее. Посильнее.

Директор Седлак наклонилась над Бетти, упершись руками ей в грудь. Ее ногти покрашены красным. Она давит на грудь манекена.

И между синими резиновыми губами надувается пузырь. Какая-то жидкость, похожая на водянистый майонез, молочно-белого цвета. Пузырь надувается. Сперва он, как жемчужина, маслянисто-серая. Потом – как шарик для пинг-понга. Потом – как бейсбольный мяч. А потом пузырь лопается. Белесые мутные брызги летят во все стороны. И да: эта штука воняет.

Сюда мог войти кто угодно. В комнату здоровья. Закрывать дверь на задвижку. Разложить раскладушку и вздремнуть в обеденный перерыв. Если у кого-то болит голова. Или живот. Здесь есть аптечка – для всех, кому нужно. Набор первой помощи. Аспирин и бинты. Заходи и бери. Без

разрешения. Здесь нет особых удобств, но есть раскладушка, раковина, чтобы вымыть руки, на стене – выключатель, чтобы зажечь свет. И синий пластмассовый чемоданчик с Бетти. На нем нет замков.

Все, кто был на занятии, дружно переворачивают Бетти на бок, и какая-то белая каша сперва капает – кап-кап-кап, – а потом и течет тонкой струйкой у нее изо рта. Стекает по розовой резиновой щеке. Часть остается на синих губах из резины и пластмассовых зубах. Но большая часть проливается на пол.

Эта кукла, теперь – французская девушка. Которая утопилась. Сама себе жертва.

Все стоят, дышат через платки или через пальцы руки, прикрывающей рот и нос. От едкой вони слезятся глаза. Все судорожно сглатывают, словно пытаются удержать в желудках свой завтрак, яичницу с беконом, кофе, овсяные хлопья с обезжиренным молоком, персиковый йогурт, творог и английские булочки.

Парень, который уже начинал делать искусственное дыхание, хватается за бутылку с перекисью водорода, набирает ее полный рот, так что аж раздуваются щеки. Он закрывает глаза и полощет рот, запрокинув голову к потолку. Потом сгибается и выплевывает всю перекись в маленькую металлическую раковину.

Все, кто был в комнате, вдыхают запах перекиси водорода, похожий на запах отбеливателя для белья, который кое-как перебивает туалетную вонь из легких Бетти. Начальница дает указания, просит принести ей набор для сбора вещественных доказательств при расследовании половых преступлений. Тампоны, стеклышки и резиновые перчатки.

Кора Рейнольдс была в этой группе. Она стояла так близко, что у нее на подошвах осталась та липкая дрянь, которую она притащила аж до своего стола. После этого случая в дверь комнаты здоровья врезали замок, а ключ дали Коре. И с тех пор, если у тебя вдруг скрутит живот, ты расписываешься на листочке, ставишь дату и время, и только потом получаешь ключ. Если у тебя болит голова, ты идешь к Коре, и она выдает тебе два аспирина.

Ребята из лаборатории, когда провели экспертизу собранных образцов, спросили: Это что, шутка такая?

Да, сказали ребята из лаборатории, эта белая слизь – однозначно сперма. И часть этой спермы – полугодичной давности. Как раз когда проводились предыдущие курсы переподготовки. Но ее слишком много, спермы. К тому же анализ ДНК показал, что там потрудились двенадцать, а может быть, даже пятнадцать разных мужчин.

Ребята из управления сказали: ага. Это была идиотская шутка. Давайте просто забудем об этом.

Люди так делают, да: превращают вещи в людей, а людей – в вещи.

Никто не утверждает, что это так прокололись сотрудники управления. Прокололись изрядно.

Вовсе не удивительно, что Кора забрала манекен домой. Как смогла, промыла ему легкие. Вымыла и расчесала его роскошные рыжие волосы. Купила новое платье для безрукого, безногого торса. Надела ему на шею нитку искусственного жемчуга. Кора всегда жалела беспомощных и незащищенных. Никогда не могла просто выбросить старую вещь на помойку. Она накрашила синие губы помадой. Ресницы – тушью. Наложила на щеки румяна. Облила Бетти духами – хорошо облила, чтобы забить неприятный запах. Нашла симпатичные клипсы. Никто бы не удивился, если бы узнал, что каждый вечер она сидит у себя на диване перед телевизором и разговаривает с манекеном.

Только Кора и Бетти. Сидят, болтают по-французски.

Никто не говорит, что Кора Рейнольдс – придурочная. Может быть, чуточку странная, вот и все.

Ребята из полицейского управления округа говорят, что, по правилам, эту старую куклу надо бы упаковать в черный пластиковый мешок и убрать куда-нибудь подальше, засунуть на верхнюю полку в шкафу в комнате для хранения вещественных доказательств. И благополучно о ней забыть. Не о Коре: о *Бетти*. Заброшенной. Тронутой гнилью. Пусть она там спокойно лежит, никому не нужная, вместе с пакетиками кокаина и травки. С пузырьками крэка и воздушными шариками, набитыми героином. С пистолетами и ножами, которые ждут своей очереди появиться на очередном суде. Все запечатанные пакеты и запаянные шарики постепенно худеют и сморщиваются, пока внутри не остается всего ничего – только чтобы хватило на обвинительный приговор по уголовному делу. Все эти вещи, отработавшие свое.

Но они нарушили правила. И позволили Коре взять куклу домой.

Никто не хотел, чтобы она состарилась в одиночестве.

Кора. Она была из тех людей, которые не способны купить всего одну плюшевую игрушку. В ее должностные обязанности входила и покупка игрушек для всех детей, которых приглашали давать показания. Которым суд назначал опекунов. Для детей, чьи родители лишены родительских прав. Для детей, которых определили в приемные семьи. В магазине игрушек Кора выбирала какую-нибудь обезьянку из огромного ящика с плюшевыми зверятами... но она казалась такой одинокой в пустой

магазинной тележке. И Кора брала ей для компании пушистенького жирафа. Потом еще слоника. Бегемота. Сову. В конце концов все игрушки из ящика перекочевывали к ней в тележку. И еще парочка – из соседнего ящика. У оставшихся звериков либо не было одного глаза, либо было оторвано ухо, либо где-нибудь разошелся шов. И набивка лезла наружу. Они были совсем никому не нужны – те, которые оставались.

Никто не знает, как сердце Кору сжималось от жалости в эти мгновения. И словно срывалось и падало вниз с высоты. Резко вниз – с самого пика самых высоких на свете «русских горок». Внутри получалась какая-то странная пустота, и от Кору оставалась одна оболочка. Просто кожистая оболочка, труба с тугими отверстиями с двух концов. Вещь.

Эти испачканные тигрята, в бахроме распустившихся ниток. Расплющенные плюшевые олени. У нее вся квартира была забита этими порванными медвежатами и совятами в пятнах грязи. А теперь там поселилась еще и Бетти. В этой своеобразной комнате для хранения вещественных доказательств.

Люди так делают, да...

Бедная-бедная Кора. Теперь она пытается резать людям языки. Заражать их паразитами. Препятствовать отправлению правосудия. Она расхищает общественную собственность. И речь не о том, чтобы прикарманить какие-нибудь канцелярские мелочи: ручки, степлеры или копирку.

Все канцелярские принадлежности закупает Кора. По пятницам она собирает у всех их контрольные карточки учета рабочего времени. По вторникам раздает зарплату. Передает в бухгалтерию отчеты о текущих расходах, для последующей компенсации. Отвечает на телефон: «Отдел охраны семьи и детства». На день рождения кого-нибудь из сотрудников она покупает имениннику торт и открытку. Это ее работа.

Никто не знал никаких проблем с Корой Рейнольдс, пока из России не прибыли девочка с мальчиком. На самом деле проблема в том, что Кора общается только с такими детьми, которых сильно обидели взрослые. Малышка с веснушками на носу и смешным хвостиком на макушке – Кора бы с ней не увиделась, если бы ее не изнасиловали.

Хулиганистый мальчик, маленький сорванец в детском комбинезоне с рогаткой в заднем кармане – Кора с ним познакомилась лишь потому, что его кто-то заставил отсасывать член. Любая беззубая детская улыбка – здесь это маска. Любая коленка, испачканная травой, – зацепка. Любой синяк – улика. Любое подмигивание, любой крик, любое хихиканье – для всего есть своя графа на бланке допроса потерпевшего. Это обязанность

Коры: следить, чтобы все бланки лежали на своих местах, чтобы все досье были в порядке – на всех детишек, на все ведущиеся расследования. До того, что случилось, Кора Рейнольдс была лучшим делопроизводителем во всем управлении.

И все же работа отдела – это всего лишь минимизация негативных последствий. Если ребенка насилуют, это необратимо. Уже ничего не исправишь. Этого джинна уже из бутылки *не выманишь*. Это уже навсегда.

Большинство этих детей, они приходят такие тихие. Напряженные. Уже постаревшие. Они больше не улыбаются.

Дети приходят сюда, и первым делом с ними проводят наглядный допрос с применением *анатомически детализированных* кукол. Это немножко не то, что *анатомические правильные* куклы, но почти все их путают. И Кора тоже. Спутала одно с другим.

Типовую анатомически *детализированную* куклу шьют из материи, наподобие плюшевых зверей. Волосы делают из пряжи.

Главная разница между этой специальной куклой и обыкновенной Тряпичной Энн состоит в анатомических деталях: Мягкий набивной пенис с мошонкой. Кружевное влагалище. Попка стянута ниткой посередине, чтобы получилось сморщенное анальное отверстие. Две пуговицы на груди обозначают соски. Эти куклы используются для того, чтобы дети показывали, что с ними сделала мама, или папа, или новый мамин сожитель.

Дети суют в куклу пальцы. Тягают ее за волосы из пряжи, поднимают за шею и трясут, пока тряпочная голова не свисает на грудь. Они бьют, лижут, кусают и обсасывают эту куклу; и это обязанность Коры – пришивать на место оторванные соски. И вшивать новые шарики в фетровую мошонку, если за нее дергали слишком сильно.

Все, что делали с самими детьми, они потом делают с этими куклами.

На этой работе случайных людей не бывает.

Нитки рвутся, и неудивительно. Ведь сколько детей, подвергшихся издевательствам, издевались над этими куклами. Сколько изнасилованных мальчишек сосали этот розовый фетровый пенис. Сколько маленьких девочек совали палец, два пальца, три пальца в это атласное влагалище. Надрывали его сверху и внизу. Отовсюду торчала набивка, выпавшие грыжи из ватина. Куклы были все грязные и заляпанные под одеждой. Липкие и вонючие. Ткань протиралась, рвалась, покрывалась шрамами новых швов.

Эти тряпичные куклы: мальчик и девочка – специально предназначенные для того, чтобы над ними все издевались.

И конечно же, Кора старалась, чтобы они сохраняли приличный вид. Чистила их, как могла. Зашивала, где нужно. Но однажды она решила найти в интернете другую пару. Новую пару.

В городе были портнихи, которые именно этим и занимались: шили крошечные влагалища, наподобие кармашков, или мошонки, похожие на кошелечки для мелочи. Тряпичных детишек в комбинезончиках и цветастых ситцевых платяицах. Но на этот раз Коре хотелось чего-нибудь более прочного, чтобы хватило надолго. Она пошла в интернет. И заказала новую пару от какого-то производителя, о котором она никогда и не слышала. Вот тогда-то она и спутала анатомически *детализированные* и *правильные*.

Ей нужны были две куклы, мальчик и девочка. Анатомически правильные. Самые недорогие. Прочные. Немаркие. Чтобы их было легко мыть.

Поисковик выдал ей две модели. Изготовленные в бывшем Советском Союзе. С гнущимися руками и ногами. Анатомически правильные. Цена – вполне подходящая, дешевле уже не нашлось. Поэтому Кора сделала заказ, соответственно покупательской политике управления.

Потом никто не спросил – ни разу, – почему она выписала эти куклы. Когда заказ принесли, огромную картонную коробку размером с картотечный шкаф на четыре ящика, когда курьер подвез ее на тележке и поставил на пол рядом со столом Кору, когда он попросил ее расписаться на бланке, вот тогда у нее и зародились сомнения: нет ли здесь какой-то ошибки?

А когда они открыли коробку и увидели, что внутри, было уже слишком поздно.

Открывали коробку Кора и один детектив из управления. Они вытащили металлические скрепки и долго копались в слоях оберточного полиэтилена с пузырьками воздуха, пока не нашли ножку. Розовую детскую ножку, пять безукоризненных пальчиков среди пенопластовых шариков и пузырчатой пленки.

Детектив покачал один пальчик на маленькой ножке. Взглянул на Кору.

– Это были самые дешевые, – сказала Кора. Она сказала: – Выбирать не приходится.

Ножка была из розовой резины, с блестящими твердыми ноготочками. Кожа гладкая, без единого пятнышка, родинки или вены. Детектив взялся за ножку и потянул. Показалась гладкая розовая коленка. Потом – розовое бедро. Потом посыпались белые шарики пенопласта. Пузырьки затрещали, и пленка раскрылась. И вот в поднятой кверху руке детектива вниз головой

висит девочка, розовая и голенькая. Ее светлые локоны подметают пол. Руки свешиваются вниз. Маленький ротик открыт, словно в безмолвном удивлении, так что видны белые зубки, маленькие, как жемчужинки, и гладкое розовое небо. Маленькая девочка в том нежном возрасте, когда дети охотятся за пасхальными яйцами, принимают первое причастие и ждут Санта-Клауса на Рождество.

Детектив держал ее за ногу, за лодыжку, а вторая нога провисла, согнувшись в колене. И между расставленных ножек было не просто анатомически правильное, а... безупречно исполненное розовое влагище. Нижние губки, более темного розового оттенка, загибались внутрь.

А в коробке, глядя на девочку снизу вверх, глядя на них на всех, еще оставался голенький маленький мальчик.

На пол выпала тоненькая брошюрка.

А потом Кора обняла девочку, обхватила двумя руками, прижала к себе ее мягкое, словно подушка, тельце и обернула его куском пленки.

Детектив улыбнулся, покачал головой, крепко зажмурился и сказал:

– Отличное приобретение,^[4] Кора.

Кора держала девочку, одной рукой прикрывая ей попку, а другой – прижимая к груди головку с белокурыми локонами. Она сказала:

– Это ошибка.

В брошюрке было сказано, что куклы сделаны из мягкого силикона, того же типа, который используются для имплантатов груди. Их можно оставить под одеялом с электрическим подогревом, и они сохраняют тепло на много часов удовольствия. Внутри у кукол – скелет из стекловолокна, со стальными суставами. Волосы на голове «вживлены» в кожу, прядка за прядкой. Волосы на лобке отсутствуют. На члене у куклы-мальчика имеется имитация крайней плоти, которую можно натягивать на головку и убирать. У куклы-девочки имеется заменяемая пластиковая девственная плевра, которую можно заказать отдельно. Обе куклы, как сказано в брошюре, оснащены тесной глоткой и тугим анальным проходом, для *энергичного орального или анального входа*.

Силикон очень пластичный и мягкий, он всегда возвращает себе изначальную форму, независимо от того, что вы делаете. Соски вытягиваются в длину, в пять раз превышающую исходную, и не рвутся. Нижние губы, мошонку и задний проход можно растягивать *на любой вкус*. Куклы, сказано в брошюре, выдержат не один год *интенсивного, необузданного удовольствия*.

При необходимости их можно промыть водой с мылом.

Не следует подвергать кукол воздействию прямых солнечных лучей,

иначе у них могут поблекнуть глаза и губы, сказано в брошюре на французском, испанском, английском, итальянском и вроде бы на китайском.

Фирма-производитель гарантирует отсутствие вкуса и запаха у силикона.

В обеденный перерыв Кора вышла купить детское платье и рубашку и брючки. Когда она вернулась к себе в кабинет, коробка была пуста. Пенопластовые шарики и оберточная пленка трескали у нее под ногами при каждом шаге. Кукол на месте не оказалось.

Она спросила диспетчера в регистратуре, может быть, тот что-то знает. Диспетчер только пожал плечами. Детектив в комнате отдыха сказал, что их, наверное, взяли для следствия. Он сказал, пожимая плечами:

– Они ведь для этого и *предназначены* ...

В коридоре она спросила еще одного детектива.

Спросила, не знает ли он, где они. Дети-куклы.

Она скрипела зубами. Она так сильно хмурилась, что у нее разболелась голова. Уши горели. Казалось, сейчас расплавятся.

Она нашла кукол в кабинете начальницы. Они сидели на диване. Улыбающиеся и голенькие. С веснушками на носу. Не стыдящиеся ничего.

Директор Седлак дергала за сосок на груди у мальчика. Двумя пальцами с темно-красными ногтями, указательным и большим, она тянула и дергала за крошечный розовый сосок. Другой рукой она гладила девочку по ногам, приговаривая:

– Черт возьми, они как настоящие.

Кора сказала, что ей очень жаль. Сказала: прошу прощения. Она наклонилась и убрала со лба мальчика прядь волос. Сказала, что она не знала. Сложила девочке руки на пластиковой груди с розовыми сосками. Положила ей ногу на ногу. Положила руки мальчика ему на колени, ладонями вверх. Куклы просто сидели и улыбались. У обеих были голубые стеклянные глаза и светлые волосы. Блестящие фарфоровые зубы.

– Вы за что извиняетесь? – спросила начальница.

За то, что зря потратила деньги из окружного фонда, сказала Кора. За то, что купила такую дорогую вещь, предварительно не проверив, что это такое. Ей казалось, что она совершает выгодную покупку. А теперь им придется еще как минимум год использовать старых тряпичных кукол. У управления нет лишних средств, а этих кукол придется уничтожить.

И директор Седлак сказала:

– Вот еще глупости. – Перебирая пальцами белокурые волосы девочки, она сказала: – Не вижу никаких проблем. – Сказала: – Вполне

можно использовать этих.

Но эти куклы, сказала Кора, они слишком реальны.

И начальница сказала:

– Они резиновые.

Силиконовые, сказала Кора.

И начальница сказала:

– Если вам от этого будет легче, считайте, что это просто презервативы на семьдесят фунтов...

В тот же день, едва Кора успела надеть на мальчика с девочкой новый наряд, детективы пошли косяком. Говорили, что им нужны куклы. Для допроса потерпевших. Для расследования. На длительное время, для сугубо секретного следственного эксперимента. На всю ночь, потому что они будут нужны завтра рано утром. На выходные. Лучше девочку, но если она уже занята, то сойдет и мальчик. К концу дня заказы на обе куклы были расписаны на месяц вперед.

Если кукла нужна была срочно, Кора предлагала воспользоваться старой тряпичной.

В большинстве случаев ей отвечали: мы подождем.

Просто какой-то наплыв новых дел. Однако никто не передал ей на хранение ни одного нового досье.

В течение всего этого месяца Кора видела мальчика с девочкой лишь на мгновение, на пару минут – пока передавала их от одного детектива другому. Потом – третьему. Четвертому. Было уже не понять, кто что сделал, но девочка возвращалась и вновь отбывала, однажды – с проколотыми ушами, потом – с пирсингом на пупке, потом – с накрашенными губами, потом – щедро политая духами. В какой-то момент мальчик вернулся с татуировкой. С шипастым терновым браслетом на икре. Потом – с сосками, проколотыми серебряными колечками. Потом – с колечком на пенисе. В какой-то момент его белокурые волосы пахли кислятиной.

Пахли, как пахнут бархатцы.

Наподобие пакетиков с марихуаной в комнате для хранения вещественных доказательств. В этой комнате, набитой пистолетами и ножами. Пакетики с марихуаной и кокаином, которые всегда весили чуточку меньше, чем должны были весить. Комната для хранения вещественных доказательств: все детективы, которые брали кукол, потом всегда заходили туда. Держа куклу-девочку под мышкой, они копались в пакетиках с вещественными доказательствами. Прятали что-то в карман.

Кора принесла начальнице счета на крупные суммы, которые

детективы передавали ей для последующей компенсации. Один счет – за номер в отеле, в ту самую ночь, когда детектив брал девочку на ночь домой, потому что она была ему нужна для завтрашнего допроса уже рано утром. Он снял номер в отеле, чтобы вести наблюдение, сказал детектив. Другой детектив, на следующую ночь: снова девочка, номер в отеле, ужин, заказанный в номер. Фильм «для взрослых» по платному кабельному каналу. Опять же, как говорил детектив, чтобы вести наблюдение.

Директор Седлак просто смотрела на Кору. А Кора стояла, склонившись над деревянным столом, и дрожала так сильно, что счета шелестели у нее в кулаке.

Начальница просто смотрела, а потом сказала:

– И что вы хотите сказать?

Это же очевидно, сказала Кора.

И начальница расхохоталась. Сидя за своим деревянным столом, она долго смеялась.

Она сказала:

– Считайте, что это такая месть, зуб за зуб.

– Все эти женщины, – говорит директор Седлак, – которые возмущаются и протестуют против журнала «Hustler», мол, порно превращает женщину в вещь... – Она говорит: – А искусственный член, это, по-вашему, что? Или донорская сперма из какой-нибудь клиники?

Есть мужчины, которым нужны лишь картинки с голыми женщинами. Но есть и женщины, которым нужен лишь член мужика. Или его сперма. Или его деньги.

У обоих полов – одинаковые проблемы с доверительными, по-настоящему близкими отношениями.

– И нечего так суетиться из-за каких-то резиновых кукол, – сказала Коре директор Седлак. – Если вам завидно, купите себе хороший вибратор.

Люди так делают, да...

Никто не предвидел, к чему все идет.

В тот же день Кора купила тюбик суперклея.

И в следующий раз, когда она передавала кукол с рук на руки, она выдавила немного клея девочке во влагалище. И еще – в рот. Обеим куклам. Чтобы склеить им губы, чтобы их языки приклеились к небу. Потом она запечатала им клеем попки. Чтобы их спасти.

А на следующий день кто-то из детективов спросил, не найдется ли у Кору лишнего лезвия? Ножа для бумаги? Перочинного ножика?

Она спросила: а зачем нужен нож?

И ей сказали:

– Ладно. Не надо. Наверняка что-то найдется в вещдоках.

А еще через день, девочку с мальчиком вернули «вскрытыми». Они были по-прежнему мягкие, но все изрезанные. Все в шрамах. Вскрытые. Распечатанные. Они по-прежнему пахли клеем, но все больше и больше – той самой слизью, что сочилась из Бетти у Кору дома, пачкая Кору диван.

Эти пятна: Корин кот обнюхивает их часами. Не облизывает, а просто нюхает. Как суперклей. Как кокаин из комнаты для хранения вещественных доказательств.

И вот тогда Кора и покупает бритвенные лезвия. Два лезвия. Три лезвия. Пять лезвий.

В следующий раз, когда девочка возвращается к Кору, Кора относит ее в туалет и усаживает на раковину. Стирает румяна со щек салфеткой. Моет и расчесывает свалявшиеся белокурые локоны. Следующий на очереди детектив уже стучится в запертую дверь уборной, а Кора все шепчет кукле:

– Мне так жаль, мне так жаль, мне так жаль... – Она говорит кукле: – Все будет хорошо. – И сует лезвие поглубже в мягкое силиконовое влагалище. В дыру, которую кто-то расковырял ножом. Запрокинув девочке голову, Кора пихает еще одно лезвие ей в горло. Третье лезвие Кора засовывает ей в попку, тоже вскрытую ножом.

Когда возвращают мальчика – просто бросают его вниз лицом ей на кресло, – Кора уносит его в туалет вместе с двумя оставшимися лезвиями.

Зуб за зуб.

На следующий день детектив входит, таща девочку за волосы. Бросает ее на пол у стола Кору, вынимает ручку, блокнот и спрашивает:

– Кто ее брал вчера?

И Кора поднимает девочку с пола, разглаживает ей волосы и называет имя. Имя, выбранное наугад. Кто-то из детективов.

Прищурившись и трясая головой, сжимая в руках ручку с блокнотом, детектив говорит:

– Вот шукин-сыш! – И видно, что две половинки его языка стянуты черной ниткой.

Детектив, вернувший мальчика, заметно хромот.

Все пять лезвий исчезли.

После этого Кора решает, что надо переговорить с одним человеком из окружной больницы.

Никто не знает, как ей удалось раздобыть образцы из лаборатории.

После этого все мужчины-сотрудники управления постоянно пощипывают себе яйца сквозь брюки. Поднимают локти на манер обезьян, чтобы почесаться под мышкой. Но это не могут быть мандавошки. Ведь

они уже сколько ни с кем не спали.

Примерно в это же время жена кого-то из детективов совершенно обалдевает, обнаружив крошечные кровоточащие точки, какие бывают, когда подцепляешь лобковую вошь. Россыпь красных перчинок на белых трусиках или на белой футболке, в тех местах, где одежда соприкасается с волосами на теле. Пятнышки крови. Может, жена находит их на трусах мужа. Может быть, на своих собственных трусиках. Они – приличные люди, выпускники колледжей, жители престижных предместий, покупатели в крупных универмагах, которые знают о мандавошках лишь понаслышке. Но теперь ей понятно, откуда взялась эта чесотка.

Жена вне себя от ярости.

И ни одна жена даже не подозревает, что это – такое же заражение, какое бывает от сиденья унитаза, только оно происходит от резиновой куклы. Муж, конечно, придумывает оправдательную историю, и ему, разумеется, верят. Но это все, что Кора сумела добыть в больнице. Спирохеты не живут на силиконе. Гепатит передается только через порезы и ранки на коже. Через кровь. Через слюну. Да, куклы – как настоящие, но они все-таки *не настоящие*.

Жены верят, но рассуждают примерно так: если сегодня ему все сойдет с рук, завтра он принесет домой герпес. Заразит и ее, и детей. Гонореей. Хламидиями. СПИДом. И они идут к Коре и спрашивают:

– С кем, интересно, мой муж крутит шашни в обеденный перерыв?

Никому из жен не придет в голову обвинять в чем-то Кору. Достаточно лишь посмотреть на нее: на эту прическу, густо политую лаком для волос, на ее жемчужные украшения, на высокие нейлоновые гольфы, на ее брючный костюм. На ее шерстяную кофту, с бумажными салфетками, заткнутыми за рукав. На тарелку с разноцветными карамельками у нее на столе. На доску объявлений у нее над столом, с припиленными картинками из комиксов «Домашний цирк».

И все же никто не говорит, что Кора – женщина непривлекательная.

А потом жена видит директора Седлак, с ее ярко-красными ногтями.

Никто не подумал ничего такого, когда начальница вызвала Кору для разговора.

Никто не думал, что дни Кору Рейнольдс сочтены.

Начальница говорит Коре, чтобы та села напротив, с той стороны огромного стола. В кабинете начальницы, с большим окном. Директор Седлак сидит, обрисованная солнечным светом, на фоне автостоянки перед управлением. Делает знак рукой, чтобы Кора придвинулась ближе.

– Мне было непросто решить, – говорит она, – что случилось: то ли

весь мой отдел дружно сошел с ума, то ли вы... несколько перестарались.

Никто не знает, как в это мгновение сердце Кору как будто сорвалось и ухнуло вниз с высоты. Она словно оцепенела, застыла. Мы все это делаем: превращаем себя в вещи. Превращаем вещи в себя.

Эти люди – миллионы людей во всем мире, – которые пытаются спасти Бетти. Может, им стоит уже прекратить заниматься всякой ерундой. Может, уже слишком поздно.

И директор Седлак говорит: кукол рвут дети. Так было всегда. Дети, с которыми обращаются плохо, истязают и мучают все, что могут. Каждая жертва найдет себе жертву. Это циклический процесс. Она говорит:

– По-моему, вам стоит взять отпуск.

Если вам от этого будет легче, считайте, что Кора Рейнольдс – это просто презерватив на сто двадцать фунтов...

Никто не высказывает это вслух. Но этого и не нужно высказывать.

Ей никто не говорит, чтобы она отправлялась домой и готовилась к самому худшему.

Если Кора хочет сохранить работу, ей надо будет вернуть куклу Бетти, которую она забрала домой. Сдать все плюшевые игрушки, которые она покупала на деньги из фондов управления. Отдать ключ от комнаты здоровья. Незамедлительно. Чтобы и комната, и анатомически правильные куклы были доступны сотрудникам в любое время. Кто первый пришел, того первого обслужили. Незамедлительно.

Представьте, что чувствует человек, который остановился на первом светофоре после того, как проехал миллионы миль на предельной скорости, без ремня безопасности. То же самое чувствовала и Кора. Смирение и усталое облегчение. Кора, просто кожистая оболочка, труба с отверстиями с двух концов. Это было ужасное ощущение, но оно как раз и подсказало план действий.

На следующий день, когда Кора пришла на работу, никто не видел, как она проскользнула в комнату для хранения вещественных доказательств. Там, где были ножи, пахнущие суперклеем и кровью, для всех, кому надо. Заходи и бери.

У ее стола уже собирается очередь. Все ждут, когда последний, кто брал, вернет куклу. Любую куклу. Они ничем не отличаются, если их положить лицом вниз.

Кора Рейнольдс, она не дура. Ее так просто не проведешь. И ее не запугаешь.

Детектив входит, держа кукол под мышкой. В одной руке – мальчик, в другой – девочка. Он кладет их на стол, и вся толпа подается вперед,

хватаясь за силиконовые ноги.

Никто не знает, кто сумасшедший, а кто нормальный.

И Кора достает пистолет, к которому так и прицеплена бирка на ниточке. Бирка с номером дела, за которым записано это вещественное доказательство. Кора указывает пистолетом на кукол и говорит:

– Берите их. И идите со мной.

На мальчике – только белые трусики с салным пятном на зад. На девочке – белая атласная комбинация, вся в засохших подтеках. Детектив сгребает кукол одной рукой и прижимает к груди. Этих детишек с их пропирсованными сосками, татуировками и мандавошками. Провонявших дымом травы и тем, что капает из дышащей Бетти.

Размахивая пистолетом, Кора выводит его в коридор.

Все, кто был у нее в кабинете, идут следом за ними. Кора ведет этого детектива, который тащит двух кукол, по коридору, мимо кабинета начальницы, мимо комнаты здоровья. В фойе. Потом – на улицу, на стоянку. К своей машине. Все детективы ждут, пока она не откроет дверцу.

Мальчик с девочкой усажены сзади. Кора давит на газ, из-под колес летит гравий. Она еще не успела выехать за ворота, а сирены уже гудят.

Никто и не думал, что Кора так хорошо подготовится. Бетти уже в машине, сидит впереди. В темных очках. Рыжие волосы повязаны шарфом. В ярко-красных губах – сигарета. Это французская девушка, восставшая из мертвых. Спасенная и пристегнутая ремнем, держащим ее резиновый торс в прямом положении.

Человек, превращенный в вещь, теперь вновь превратившийся в человека.

Искалеченные плюшевые зверюшки, несчастные тигрята и ненужные никому медвежата с пингвинами, все они выстроились на приступочке у заднего стекла. Кот лежит среди них, дремлет на солнышке. Все машут лапками: до свидания.

Кора выезжает на автостраду, задние шины с визгом заносит в сторону – лимит скорости уже превышен в два раза. За ее четырехдверным седаном уже следует целая вереница полицейских машин с красно-синими мигалками. Вертолеты. Рассерженные детективы в неприметных «штатских» машинах. Телевизионщики с разных каналов, в белых микроавтобусах с огромными цифрами на боку.

Но Кора знает: она все равно победила.

Девочка с мальчиком – у нее. У нее пистолет.

Даже если у них закончится бензин, никто не тронет ее детей.

Даже если в них будут стрелять и пробьют им шины. Кора успеет

расстрелять в упор их силиконовые тела. Она раскрошит им лица. Их соски и носы. Она ничего не оставит, вообще ничего. Мужикам будет некуда сунуть свой член. С Бетти она сделает то же самое.

А потом покончит с собой. Чтобы спасти их.

Только поймите правильно. Никто не говорит, что Кора Рейнольдс поступила правильно.

Никто не говорит, что у Кору Рейнольдс не было проблем с психикой. Но она все равно победила.

Люди так делают, да: превращают вещи в людей, а людей – в вещи. Туда – сюда. Зуб за зуб.

Если ее остановят, вот что они обнаружат у нее в машине. Искалеченные детские трупы. Мертвые – все до единого. Плюшевые зверята, пропитанные ее кровью. Все мертвые, вместе.

Но пока что у Кору залит полный бак. У нее целая сумка, набитая кокаином из комнаты для хранения вещественных доказательств – это чтобы не спать. У нее с собой запас бутербродов. Несколько бутылок воды и кот, урчащий во сне.

До канадской границы – всего пара часов езды. По скоростному шоссе.

И самое главное: у Кору Рейнольдс теперь есть семья.

Мать-Природа надевает что-то похожее на черный китель. Это то ли армейская полушинель, то ли костюм фигуристки: из черной шерсти, с двумя рядами медных пуговиц впереди. Мажоретка, затянутая в черный бархат, девушка с разрезанными ноздрями, которые держатся только на струпьях запекшейся темной крови. Она сует руки в длинные рукава и говорит Святому Без-Кишок:

– Застегнешь мне?

Она пытается пошевелить пальцами – тем, что осталось от пальцев, – и говорит:

– А то мне нечем.

Вместо пальцев – одни обрубки. Лишь указательные пальцы остались нетронутым – чтобы набирать номер на телефоне, когда она сделается знаменитой. Нажимать кнопки на банкоматах. Грядущая слава уже превращает ее из трехмерного тела в двухмерное плоское изображение.

Мать-Природа, Святой Без-Кишок, Преподобный Безбожник, мы все одеваемся в черное, готовясь нести мистера Уиттиера вниз, в подвал. Готовясь сыграть в следующей важной сцене.

И не важно, что эти похороны на самом деле лишь репетиция. Что мы – просто дублеры для настоящих похорон, которые кинозвезды сыграют перед камерами, когда нас найдут. Просто этими действиями – когда мы завернем тело мистера Уиттиера в подобие савана и отнесем его вниз для траурной церемонии – мы себе обеспечиваем общие впечатления. Одни на всех. Чтобы потом рассказать репортерам и полицейским ту же самую трагическую историю.

Трудно сказать, пахнет мистер Уиттиер или нет. Мисс Апчхи и Преподобный Безбожник таскают серебряные пакетики с испорченной едой, и за каждым пакетиком тянется шлейф зловония. Вонь такая, что не продохнуть – она словно капает и расплывается кляксами в застоявшемся воздухе. А эти двое таскают пакетики через холл к туалетам, чтобы смыть их в унитаз.

– Хорошо, когда нос постоянно заложен, – говорит Мисс Апчхи и громко шмыгает носом. – Хоть запах не чувствуется.

Смывать по пакету за раз – это еще ничего. Пока Преподобный Безбожник не пытается поспешить и не вываливает в унитаз сразу несколько. Вот тогда вонь становится невыносимой. Удушающей. Просто

убийственной. Вонь пропитывает их одежду и волосы. В первый раз, когда они попытались смыть два пакетика сразу, унитаз забился, и вода потекла наружу. Еще один засор. Вода уже вытекает в холл, превращая синий ковер в хлюпающее болото. Пакеты застряли в канализационной трубе, они впитывают в себя воду, и разбухают, как тетраззини с индейкой, убившие мистера Уиттиера, и перекрывают главную трубу, так что даже те унитазы, которые с виду вполне нормальные, все равно засоряются.

Скоро у нас не останется ни одного унитаза, который работает. Печка и нагреватель воды сломаны. Еды по-прежнему много, но она вся сгнила. Мистер Уиттиер – не самая главная наша проблема.

Как подсказывает календарь на часах Сестры Виджиланте, и, судя по темным отросшим корням Мисс Америки, мы сидим здесь почти две недели.

Закончив с последней медной пуговицей, Святой Без-Кишок целует Мать-Природу и говорит:

– Ты меня любишь?

– Приходится, – отвечает она, – нам же нужна любовная сюжетная линия.

Покойный Лорд Бомж сверкает у нее на пальце. Она вытирает рот тыльной стороной ладони и говорит:

– Слюна у тебя... на вкус просто ужас...

Святой Без-Кишок плюет себе на ладонь, потом слизывает слюну, нюхает руку и говорит:

– Чем же ужас?

– Это кетоны, – говорит миссис Кларк, ни к кому не обращаясь. Или, наоборот, ко всем.

– Кислая, – говорит Мать-Природа. – Как ароматическая свеча со вкусом лимона и авиационного клея.

– Это от голода, – говорит миссис Кларк, обвязывая сверток с телом мистера Уиттиера золоченым шелковым шнуром. – Когда организм сжигает запасы жира, концентрация ацетона в крови увеличивается.

Святой Без-Кишок нюхает свою руку, в носу хлюпают сопли.

Преподобный Безбожник поднимает руку и нюхает у себя под мышкой. Там, где темная тафта почернела от пота. Его поры хранят в себе память от слишком большого количества «Шанели № 5».

Поднимая тело и неся его вниз по ступенькам, мы только зря тратим запас ценного жира.

И все же нам следует совершить это действие скорби, говорит Сестра Виджиланте, сжимая в руках свою Библию. Когда мы отнесем мистера

Уиттиера в подвал, тело, плотно завернутое в красную бархатную занавеску из Китайской императорской галереи и обвязанное золоченым шнуром из холла, нам надо будет сказать что-нибудь проникновенное. И спеть какой-нибудь гимн. Не обязательно религиозный – что-нибудь, что хорошо поется.

Мы тянем жребий, чтобы выбрать, кто будет рыдать над усопшим.

Мы потихонечку расступаемся, чтобы открыть обзор камере Агента Краснобая. Мы говорим громко и внятно, чтобы диктофон Графа Клеветника уловил каждое слово. Все та же кассета, или карточка памяти, или мини-диск, который используют снова и снова. Запись поверх другой записи. Мы стираем наше прошлое настоящим, надеясь, что следующее мгновение будет еще более грустным, трагичным и страшным.

Все больше и больше нам нужно, чтобы все было *еще хуже*.

Мистер Уиттиер мертв уже несколько дней – или часов. Сейчас уже трудно сказать. С тех пор, как Сестра Виджиланте начала выключать-включать свет. По ночам кто-то ходит по театру, мы все слышим его громовые шаги. Великан, топающий по лестницам в темноте.

И все же нам нужно, чтобы все было *еще ужаснее*.

Для доли на рынке. Для драматического эффекта.

Нужно, чтобы все было *еще страшнее*.

Мы выносим мистера Уиттиера из его гримерки, тащим его через сцену, потом – через зрительный зал, по центральному проходу. Проходим синий бархатный холл, спускаемся вниз по лестнице – в оранжевое с золотым фойе майя.

Сестра Виджиланте говорит, что ее часы включаются и выключаются сами собой. Это классический признак присутствия привидения. Обмороженная Баронесса утверждает, что она обнаружила «холодное пятно» в готической курительной комнате. В галерее «Тысячи и одной ночи» дыхание вырывается изо рта облачками пара, и они висят в холодном воздухе над подушкой, на которой обычно сидел мистер Уиттиер. Графиня Предвидящая говорит, что это призрак Леди Бомж бродит по театру, когда выключается свет.

Директриса Отказ идет в самом конце похоронной процессии. Она говорит:

– Кто-нибудь видел Кору Рейнольдс?

Сестра Виджиланте говорит:

– А кто взял мой шар для боулинга, пусть вернет его обратно, и я *даю слово*, что не буду бить его ногами...

Миссис Кларк возглавляет процессию, поддерживает рукой

бесформенный ком – наверное, голову мистера Уиттиера. Она говорит:

– Кто-нибудь видел Мисс Америку?

Когда все закончится, здесь не будут снимать кино. Когда нас найдут, это место станет достопримечательностью. Национальным достоянием. Музеем нас.

Нет, для съемок придется делать декорации – точные копии всех помещений. Синий бархатный холл Людовика XV. Черный мохеровый египетский зал. Зеленый атласный вестибюль в стиле итальянского ренессанса. Готическую курительную комнату, сплошь обтянутую желтой кожей. Алую галерею «Тысячи и одной ночи». Оранжевое фойе майя. Красную Китайскую императорскую галерею. Комнаты разных цветов, но все – с неизменной золотой отделкой.

Не комнаты, а декорации, как сказал бы мистер Уиттиер. Мы несем его тело, завернутое в красный бархат, сквозь эти гулкие помещения, где люди становятся королями, графинями и императорами за цену входного билета.

Запертые в кабинете сразу за буфетом, который в холле, в маленькой комнатке, где стены отделаны полированной сосновой доской, а потолок скошен, потому что это помещение располагается под главной лестницей холла, в кабинете стоят шкафы, набитые отпечатанными программками и счетами, бланками для заказа билетов и перфокартами учета рабочего времени. Эти листы бумаги, они уже рассыпаются в пыль по краям. На каких-то написано: Театр «Свобода». На каких-то: Столичный театр. На одних: Водевиль-холл «Нептун». На других: Церковь Святого согласия. И еще: Храм христианского искупления. Или: Собор ангелов. Или: Столичный театр для взрослых. Или: Бурлеск-шоу «Алмаз».

Адрес у всех этих разных организаций – один и тот же.

Здесь, где люди преклоняли колени в молитве. И по колено утопали в сперме.

Все крики радости, страха, спасения – они по-прежнему здесь, захваченные внутри этих толстых бетонных стен. Их приглушенное эхо еще звучит здесь, у нас. Здесь, на наших пыльных Небесах.

Все эти истории, такие разные, закончатся нашей историей. После тысячи разных реальностей из спектаклей и фильмов, из религий и стриптизов, это здание станет – уже навсегда – нашим музеем.

Все до единой хрустальные люстры, которые Хваткий Сват называет «персиковыми деревьями». Готическая комната, которую Товарищ Злыдня называет «комнатой Франкенштейна».

Оранжевая резьба в фойе майя, Преподобный Безбожник говорит, что она яркая, как свет прожектора у сцены, что сияет сквозь шелковые

лепестки юбки-тюльпана старинного турнюра от Кристиана Лакруа...

В Китайской галерее стены затянуты красным шелком, ни разу не тронутым солнечным светом. Красным, как кровь ресторанного критика, говорит Повар Убийца.

Массивные кресла в готической курительной комнате обтянуты желтой кожей, которая тоже не видела света солнца. С тех пор, как ее сняли с коровы, говорит Недостоящее Звено.

Темно-зеленые стены в холле, обставленном в стиле итальянского ренессанса, все в черных разводах. Если как следует присмотреться, эти узоры похожи на малахит.

В египетском зале стены облеплены гипсом и папье-маше в виде резных сфинксов и пирамид. Фараонов, сидящих на троне. Остроносых шакалов. Стены покрыты рядами иероглифов. Листья искусственных пальм из черной бумаги провисают под тяжестью плесени. Над пыльными пальмами – ночное небо, выкрашенное черным, усеяно электрическими созвездиями.

Большая Медведица. Орион. Созвездия – просто истории, которые люди придумали, чтобы осмыслить ночное небо. Эти мутные звезды за тучами паутины.

Кресла обтянуты черным мохером, шершавым, как высохший мох на древесных стволах. Ковры тоже черные, хотя в центре проходов они давно стерлись до серой основы.

Отделка во всех помещениях – золотая. Золоченая краска, яркая, как неоновые трубки. Все, что есть черного в зале, все спинки кресел и кромки ковров – все окантовано ярким золотом.

Если очень-очень захотеть, это будет настоящее золото. Какой будет каждая комната – это зависит лишь от тебя. От того, во что ты веришь.

Мы, в своих сказочных шелках, бархате и запекшейся крови – мы как черные тени, движущиеся в черноте. Тусклый свет создает впечатление, что мистер Уиттиер как будто плывет по воздуху в своем красном бархатном коконе, обвязанном золоченым шнуром. Мистер Уиттиер – больше не персонаж. Он теперь реквизит. Наша марионетка. Созвездие, чтобы придумать о нем истории и сказать, что мы все понимаем.

Прикрывая лицо кружевным платком, Товарищ Злыдня говорит:

– Не понимаю, с чего бы нам плакать. – Она дышит сквозь кружево, сохранившее запах старых духов, чтобы не вдыхать эту вонь. Она говорит: – Моя героиня не будет плакать. – Она говорит: – Я поклянусь своей татуировкой, своей розой на заднице, что старик злобно меня изнасиловал.

И вот тут траурная процессия останавливается. На данный момент,

Товарищ Злыдня – жертва из жертв. А мы, все остальные – просто статисты, на вспомогательных ролях.

Миссис Кларк, выступающая во главе шествия, оборачивается и говорит:

– Что он сделал?

И Агент Краснобай говорит, из-за своей камеры:

– И меня тоже. Он меня первого изнасиловал.

Святой Без-Кишок говорит:

– Ладно, какого черта... мне он тоже заправил.

Как будто у бедного тощенького Без-Кишок осталось *достаточно* задницы, чтобы туда заправить.

И миссис Кларк говорит:

– Это совсем не смешно. Совсем.

– Да уж, – говорит ей Хваткий Сват. – Мне тоже было совсем не смешно, когда ты насильовала меня.

Герцог Вандальский трясет хвостом и говорит Хваткому Свату:

– Она тебя изнасиловала? Да ты что! И сколько ты ей *заплатил*?

И Мать-Природа смеется – брызжа кровью и засохшими струпьями.

Дьявол умер. Да здравствует Дьявол.

Вот – наши похороны Сатаны. Мистер Уиттиер, он истинный дьявол. По сравнению с тем, что он сделал, наши прошлые грехи – это будет вообще ничто. История его преступлений очистит нас всех, отполирует до девственно белого цвета жертв.

Да, мы грешили. Но против нас нагрешили больше.

И все же теперь, когда мистер Уиттиер умер, у нас появилась вакансия, которую никто не спешит занять.

Так что, в фильме мы все будем плакать и простим мистера Уиттиера под щелчки хлыста миссис Кларк.

Дьявол умер. Да здравствует Дьявол.

Нам нужно, чтобы было, кого винить.

По проходу, покрытому черным ковром, по красной Китайской галерее, вниз по синей французской лестнице – мы несем мистера Уиттиера. Через ярко-оранжевое фойе майя, где Мать-Природа убирает со лба белую прядь волос, выбившуюся из парика. Ее медные колокольчики тихонько позвякивают. Парик – нагромождение серых локонов, оставшихся после какой-то оперы. Мокрые от пота локоны падают ей на лицо, и Мать-Природа говорит:

– Еще кому-нибудь жарко?

Герцог Вандальский дышит часто и тяжело, тело мистера Уиттиера

давит ему на плечо. Он задыхается и тянет за воротник своего смокинга.

Даже красный бархатный сверток как будто промок от пота. Запах кетонов – запах авиационного клея. Это от голода.

И Преподобный Безбожник говорит:

– Конечно, тебе будет жарко. Парик у тебя надет задом наперед.

И Хваткий Сват говорит:

– Вы слышите?

Внизу, под нами, в подвале темно. Деревянная лестница – узкая. Внизу, в темноте, что-то ревет и грохочет.

Нужно, чтобы все было *таинственно*.

Нужно, чтобы было *опасно*.

– Привидение, – говорит Обмороженная Баронесса, ее рот, просто сальная складка, даже не раскрывается, а провисает.

Не привидение, а печка. Работает на полную мощность. Нагнетательный вентилятор вдувает в трубы горячий воздух. Газовая горелка пытит вовсю. Печка, которую испортил мистер Уиттиер.

Кто-то ее починил.

Где-то внизу, в темноте, кричит кот. Всего один раз.

Что-то должно случиться. И мы спускаемся вниз по лестнице, с телом мистера Уиттиера.

Мы все истекаем потом. Тратим еще больше энергии в этой новой, невозможной жаре.

Спускаясь вниз, в темноту, следом за телом, Мать-Природа говорит:

– Да что ты знаешь о том, как носить парики? – Она поднимает руки с обрубками пальцев, сверкнув бриллиантовым перстнем, и поворачивает свой серый парик, не снимая, так чтобы он был надет, как надо. Она говорит, обращаясь к Преподобному Безбожнику: – Что такой недоумок, как ты, знает о старинных нарядах от Кристиана Лакруа?

И Преподобный Безбожник говорит:

– О турнюрах Лакруа с юбкой-тюльпаном? – Он говорит: – Вот ты сейчас удивишься.

Вавилонское столпотворение

Стихи о Преподобном Безбожнике

– До книги Бытия, главы одиннадцатой, – говорит Преподобный Безбожник, – у нас не было войн.

Пока Бог не обрек нас сражаться друг с другом, на всю оставшуюся историю человечества.

Преподобный Безбожник на сцене, брови выщипаны и изогнуты в две тонкие линии; веки подведены искрящимися тенями всех цветов радуги, от красного до зеленого...

Ниже тоненьких лямок вечернего платья, обшитого красными блестками, на рельефном бицепсе правой руки красуется татуировка, череп, и надпись под ним:

«Лучше смерть, чем бесчестие».

На сцене вместо луча прожектора – кадры из фильма:

Церкви, мечети и синагоги.

Религиозные лидеры в ризах, усыпанных драгоценностями, машут, приветствуя толпы, из-за стекол бронированных лимузинов.

Преподобный Безбожник говорит:

– На равнине в земле Сеннаар люди всем миром строили башню.

Все человечество – в едином порыве к единой цели, в своей благородной мечте, которую они воплощали в реальность все вместе, в те времена, когда не было армий, оружия и битв.

И Господь опустил на них взгляд с небес и увидел растущую башню, воплощение единой мечты человечества, угрожающий вызов божественному началу.

И сказал Господь:

– Вот, один народ... и вот что начали они делать... и это только начало того, что смогут вершить они по своему разумению.

И отныне и впредь не будет им ничего неподвластного.

Его собственные слова, в Его Библии. Книга Бытия, глава одиннадцатая.

– И наш Господь Бог, – говорит Преподобный Безбожник, его голые руки и мускулистые икры испещрены черными крапинками сбритых волос, которые уже отрастают, он говорит:

– Наш всемогущий Господь так испугался, что рассеял единый народ

по всей земле, и смешал языки, чтобы отныне и впредь чада Его стали друг другу чужими.

Наполовину – женский имперсонатор, наполовину – морской пехотинец в отставке.

Весь искрящийся красными блестками, Преподобный Безбожник говорит:

– И что же, наш всемогущий Господь так не уверен в своем всемогуществе?

Господь, который настроил сынов своих друг против друга, чтобы сделать их слабыми.

Он говорит:

– И этого Бога нам полагается чтить?

Пришибленные

Рассказ Преподобного Безбожника

Вебер смотрит по сторонам, лицо у него – бесформенное и какое-то смятое, одна скула выше другой. Один глаз – просто молочно-белый шарик, вставленный в красно-черную опухоль под бровью. Его губы, губы Вебера, как будто расколоты посередине, так глубоко, что вместо двух губ у него – четыре. Во рту не осталось ни единого зуба.

Вебер обводит взглядом салон самолета, где стены обтянуты белой кожей и все отделано лакированным кленом, отполированным до зеркального блеска.

Вебер смотрит на стакан с чем-то крепким у себя в руке; лед в стакане почти не растаял под потоками воздуха из кондиционера. Он говорит, слишком громко – из-за потери слуха. Даже не говорит, а кричит:

– Где мы?

Мы на борту «Gulfstream G550», лучшего частного самолета из всех, которые дают на прокат, говорит Флинт. Потом лезет в карман, что-то выуживает двумя пальцами и протягивает Веберу через проход. Маленькую белую таблетку.

– На вот, съешь, – говорит Флинт. – И давай допивай, мы почти прилетели.

– Куда прилетели? – говорит Вебер и запивает таблетку.

Он по-прежнему озирается по сторонам, смотрит на кресла с откидными спинками, обтянутые белой кожей. На белый ковер. На кленовые столики, которые кажутся мокрыми из-за блестящего лака. На диваны из белой замши, заваленные подушками. На журналы, каждый – размером с киноафишу, под названием «Элитные путешествия», с ценой, указанной на обложке: 50 долларов. На крючки и краны в ванной, с золотым покрытием в 24 карата. На кухонный отсек, где стоит кофеварка, и свет галогенных ламп отражается слепящими бликами от свинцового хрусталя. Микроволновая печь, холодильник и водоохлаждающая машина. И все это летит на высоте 51 000 футов, со скоростью – 0,88 маха, где-то над Средиземным морем. Они все пьют виски, шотландский виски. Обстановка – милейшая. Такой у тебя больше не будет нигде. Нигде, кроме гроба.

Нос у Вебера похож на большую красную картофелину. Он

запрокидывает голову, вытряхивая из стакана последние капли, и становится видно, что у него в ноздрах. Там, внутри. Видно, что эти ноздри уже никуда не ведут. Но он говорит:

– Чем это пахнет?

И Флинт говорит, втянув носом воздух:

– Даю подсказку: *аммиачная селитра*. Есть какие-то ассоциации?

Та самая аммиачная селитра, которую их общий приятель Дженсон приготовил для них во Флориде. Дженсон, их боевой товарищ. С которым они воевали в Персидском заливе. Наш Преподобный Безбожник.

– Типа удобрение такое? – говорит Вебер.

И Флинт говорит:

– Полтонны.

Рука у Вебера трясется, и слышно, как кубика льда гремят в его пустом стакане.

Это дрожательный паралич. Болезнь Паркинсона травматического характера. Травматическая энцефалопатия, при которой происходит частичный некроз мозговой ткани. Живые нейроны замещаются омертвевшими клетками. Вследствие черепно-мозговой травмы. Ты надеваешь кудрявый рыжий парик, приклеиваешь накладные ресницы, открываешь рот под фонограмму Бетт Мидлер на Окружной ярмарке и родео в Колларисе и даешь людям возможность ударить тебя по лицу – десять баксов за один удар, – и так можно сделать вполне неплохие деньги.

В других местах, ты надеваешь кудрявый белокурый парик, кое-как втискиваешь свою задницу в облегающее платье с блестками, а ноги – в туфли на высоченных каблуках, самого большого размера, который сможешь найти. Открываешь рот под фонограмму «Evergreen» в исполнении Барбары Стрейзанд, и лучше, чтобы кто-нибудь из друзей ждал тебя на машине, чтобы потом отвезти в травмпункт. До представления надо принять парочку викадина. Причем заранее. Еще до того, как приклеишь розовые длинные ногти Барбары Стрейзанд, потому что потом ты не сможешь ухватить уже ничего мельче пивной бутылки. Принимаешь свое обезболивающее, и можно надеяться, что ты успеешь спеть обе стороны альбома «Color Me Barbra» до того, как тебя свалят по-настоящему славным ударом.

Начиналось все это как аттракцион «За пять баксов врежь клоуну в рожу». По нашему первоначальному замыслу. И это работало, и особенно – в небольших университетских городах. С каким-нибудь сельскохозяйственным колледжем. В некоторых городках никто не уходил домой без белой клоунской пудры, размазанной по костяшкам. Белой

клоунской пудры и крови.

Но вот в чем беда: все приедается. Притяжение новизны исчезает. Нанять «Gulfstream» стоит денег. Чтобы долететь до Европы, на одну только горючку уходит тридцать штук баксов. Только туда, это было бы не так уж и страшно, но ведь в агентстве проката не скажешь, что самолет тебе нужен для перелета в один конец... тебе же не нужно, чтобы они что-то там заподозрили.

Нет, стоит Веберу надеть это черное трико, и почтеннейшая публика уже исходит слюной, ждет не дождется, когда можно будет его ударить. Он кладет на лицо белила, становится за свое невидимое стекло, начинает кривляться – и наличность течет рекой. В основном в небольших университетских городах, но и на ярмарках мы зарабатывали неплохо. Даже если народ воспринимает все это как шоу менестрелей, они все равно платят деньги, чтобы ударить его по лицу. До крови.

Когда номер с клоуном-мимом себя исчерпал, мы попробовали новый аттракцион, в барах в придорожных гостиницах. «За пятьдесят баксов врежь в личико цыпочке». Девушка Флинта подвязалась на это дело. Но после первого же удара в лицо заявила:

– Нет, ребята, я – пас...

Сидя на полу среди арахисовых скорлупок, прикрывая руками нос, она, эта девушка, говорит:

– Давайте я лучше пойду в летную школу. Буду вашим пилотом. Мне действительно хочется вам помочь.

А у нас уже выстроилась целая очередь, с денежкой наготове. Наверное, полбара: разведенные отцы, брошенные бойфренды, просто парни с особо тяжелыми случаями детской психологической травмы приучения к горшку, – все ждут не дождутся, когда можно будет отвесить свой самый душевный удар.

Флинт говорит:

– Я сейчас все устрою. – Он помогает своей подруге подняться на ноги. Берет ее под локоток и ведет в женский туалет. Заходит туда вместе с ней, оборачивается в дверях и говорит, подняв руку с растопыренной пятерней: – Дайте мне пять минут.

Только-только мобилизовавшись из армии, мы не знали, как еще заработать такие деньги. Так, чтобы легально. Как говорил Флинт: пока еще не издали закона, запрещающего людям платить за то, чтобы дать тебе в морду.

И вот Флинт выходит из женского туалета, в парике своей девушки, с лицом, чисто выбритым и накрашенным, как красятся женщины. Его

рубашка расстегнута и завязана узлом под грудью, а внутрь набиты бумажные полотенца, скатанные в два больших шара. На его губы ушел, наверное, целый тюбик помады. Он говорит:

– Ладно, продолжим...

Мужики в очереди возмущаются, мол, это чистой воды надувательство: платить полсотни, чтобы дать в морду какому-то парню, переодетому бабой.

И Флинт говорит:

– Ну, пусть будет десятка...

Но народ жмет: деньги можно потратить на что-нибудь более стоящее.

И вот тогда Вебер идет к музыкальному автомату. Бросает в прорезь четвертак. Жмет на кнопки – и тут начинается волшебство. Включается музыка, и не проходит и двух секунд, как все мужики в баре издают долгий, протяжный стон.

Играет финальная песня из фильма «Титаник». В исполнении этой девушки из Канады.

И Флинт, в своем блондинистом парике, с большим клоунским ртом – Флинт встает на табурет, потом – на стол, и поет. Весь бар наблюдает за ним, и Флинт выкладывается по полной. Он поет. Водит руками вверх-вниз по бедрам. Его глаза закрыты, видны только блестящие синие тени для век. Его губы похожи на красное смазанное пятно. Он поет.

В нужный момент Вебер подает Флинту руку. И тот опирается на его руку, по-женски, продолжая двигать губами синхронно песне. Теперь все видят, что его ногти покрашены красным лаком. И Вебер шепчет ему на ухо:

– Я пять баксов скормил этому автомату. – Он помогает Флинту спуститься и подводит его в первому парню в очереди. Он говорит: – Сегодня они будут слушать одну эту песню. Весь вечер.

В тот вечер из пяти баксов, потраченных Вебером на музыкальное сопровождение, они сделали почти шесть сотен. В баре не осталось ни единого человека, чей кулак не окрасился бы косметикой с лица Флинта. Были парни, которые били его, пока у них не уставала рука, а потом снова вставали в очередь – чтобы повторить то же самое другой рукой.

Эта слезливая песенка из «Титаника», она едва не прикончила Флинта. Песенка и еще – парни с тяжелыми перстнями на пальцах.

После этого мы установили такое правило: никаких перстней и колец. И еще мы всегда проверяли, не прячет ли кто в кулаке столбик монет или свинцовое рыболовное грузило, чтобы утяжелить руку.

Кстати, из всех любителей таких развлечений, женщины – хуже всего. Бывают такие, которые не успокоятся до тех пор, пока у тебя изо рта не посыплется зубы.

Женщины – чем они больше выпьют, тем больше им нравится, нравится, нравится бить трансвестита. Зная, что это мужчина. Особенно если он лучше одет и выглядит лучше их. Пощечины мы разрешали, но запрещали царапаться.

В общем, достаточно быстро мы захватили свою нишу на этом рынке. Вебер с Флинтом начали меньше есть. Пили только облегченное пиво. В любом новом городе они подолгу разглядывали себя в зеркале: стояли боком, втянув живот, расправив плечи и выпятив задницу.

И с каждым разом, с каждым новым городом, у них у каждого как будто прибавлялось по чемодану. Для их модных платьев, для вечерних нарядов. Потом они перешли на специальные пакеты для одежды, чтобы платья не так сильно мялись. У них были пакеты для туфель и коробки для париков. У каждого – по большому набору косметики.

Дошло до того, что на эти наряды они тратили чуть ли не больше, чем зарабатывали. Но стоило только об этом заговорить, как Флинт заявлял:

– Для того чтобы сделать деньги, надо сперва их потратить.

И все это – не считая расходов на музыку. Сперва музыку ставили наобум, но потом обнаружилось, что люди охотнее лупят тебя по роже в сопровождении следующих альбомов:

«Color Me Barbra»

«Stoney End»

«The Way We Were»

«Thighs and Whispers»

«Broken Blossoms»

Или «Beaches». Да, особенно «Beaches».

Заприте Махатму Ганди в монастыре, отрежьте ему яйца, накачайте его демеролом, и он все равно врежет вам в морду, если поставить ему эту песню, «Wind Beneath Your Wings». Спросите хотя бы у Вебера. У него большой опыт.

В армии их этому не учили. Там их учили другому. Но когда возвращаешься на гражданку, как-то нигде не встречаются объявления из серии: требуются эксперты по снабжению армии, операторы военных систем наведения и дозорные. Они вернулись домой – и не нашли никакой работы. Ничего, где платили бы столько же, сколько Флинт срубал с публики, сверкая ногами в длинном разрезе, сбоку на темно-зеленом атласном вечернем платье – ногами в тончайших нейлоновых чулках,

выпирающих из золоченых сандалий. Флинт, замазывающий синяки в перерывах между песнями и ударами. С его сигаретой, измазанной красной помадой. Помадой и кровью.

Окружные ярмарки приносили хороший доход, а на втором месте, с минимальным отрывом, стояли мотоциклетные гонки. Родео – тоже неплохо. И выставки лодок. И автостоянки у павильонов, где проходили выставки охотничьего оружия. Везде находились люди, готовые платить за потеху – и платить хорошо.

Как-то вечером, по дороге обратно в мотель, уже после того, как почти весь макияж Вебера с Флинтом осыпался на асфальтобетон перед входом на Выставку охотничьего оружия и амуниции западных штатов, Вебер, сидящий на переднем сиденье, подправляет зеркало заднего вида и внимательно изучает свое лицо. Со всех сторон. А потом говорит:

– Я так долго не выдержу.

Выглядит он очень даже неплохо. Тем более что это не важно, как выглядит Вебер. Песни – гораздо важнее. Парик и помада.

– Я никогда не был, что называется, *симпатичным*, – говорит Вебер, – но я хотя бы старался выглядеть... *более или менее ничего*.

Флинт сидит за рулем, смотрит на свои руки с облезшим красным лаком на ногтях. Откусывая сломавшийся ноготь сколотыми зубами, Флинт говорит:

– Я тут подумал... Может, взять себе сценический псевдоним? – По-прежнему глядя на свои ногти, он говорит: – Как тебе *Пеппер Бекон*? Перчик с беконом?

Девушки Флинта с ними уже не было. Она активно училась в летной школе.

Оно и к лучшему. Потому что дела покатились под гору.

Например, перед тем как устроиться на стоянке перед входом на Выставку самоцветов и минералов Горных штатов, Вебер смотрит на Флинта и говорит:

– Какие-то у тебя сиськи... не великоваты ли?

Бретельки длинного платья Флинта завязаны сзади, на шее, чтобы лучше поддерживать пышный бюст. Да, сиськи действительно великоваты, но Флинт говорит, что это так кажется из-за нового платья.

А Вебер говорит:

– Нет, не кажется. Платье тут ни при чем. Они у тебя прирастали на протяжении последних четырех штатов.

– Это ты придираешься, – говорит Флинт. – Тебе просто завидно, что мои больше твоих.

И Вебер говорит, очень тихо, кривя губы в яркой помаде:

– Бывший старший сержант Флинт Стедмен, вы превращаетесь в корову с отвисшим выменем...

А потом было так: блески и волосы, выдранные из париков, полетели во все стороны. В тот вечер они не собрали ни цента. Никого не прельщало бить эти распухшие рожи, уже разбитые и расцарапанные в кровь. В разводах туши, потекшей от слез. С налитыми кровью глазами.

Теперь, глядя в прошлое, можно сказать, что эта маленькая потасовка едва не сгубила всю миссию.

Эта страна не может выиграть ни одну войну, и причина тому простая: мы все время деремся друг с другом, вместо того, чтобы драться с врагом. Так же, как и Конгресс не дает военным спокойно делать свою работу. Вечно у них какие-то разногласия. Вебер с Флинтом, они не плохие люди, просто оба – типичные представители общей массы, над которой мы так стремимся подняться. Их миссия состоит в том, чтобы разрешить эту террористическую ситуацию. Раз и навсегда. А для этого им нужны деньги. Чтобы девушка Флинта окончила летную школу. Чтобы нанять самолет. Достать наркотики – чтобы вырубить пилота, которого им предоставит прокатная компания. Все это стоит немалых денег.

Сказать по правде, сиськи у Флинта действительно приобретают устрашающие размеры.

Откинувшись в креслах из белой кожи, на высоте 51 000 футов, они летят курсом на юг, вдоль Красного моря – до Джедды, где повернут налево.

Другие ребята, которые тоже сейчас летят, каждый – к заданной цели, остается только догадываться, как они заработали свои деньги. Какой болью и мукой.

Уши у Вебера проколоты, и дырки видны до сих пор – большие, растянутые от всех этих висячих серег.

Теперь, глядя в прошлое, можно сказать, что большинство войн в истории велось из-за религий.

Это просто массированная атака, чтобы покончить со всеми войнами. Ладно, пусть не со всеми. Но с большинством.

Когда Флинт совладал со своими сиськами, они совершили турне по колледжам. По маленьким городкам, где люди пьют пиво и изнывают от скуки. К тому времени Флинт ослеп на один глаз – из-за отслоения сетчатки. Из-за множественных черепно-мозговых травм Вебер теряет слух; уже оглох на шестьдесят процентов. Врачи в травмпунктах называют это травматическими повреждениями мозга. У обоих трясутся руки, так что

когда они красят ресницы, кисточку приходится держать двумя руками. Оба уже не могут самостоятельно застегнуть молнию на платье. Шатаются даже на невысоких каблуках. Но все равно продолжают работать.

Когда придет время, когда им на хвост сядут реактивные истребители Объединенных Арабских Эмиратов, Флинт, который при своей слепоте не может управлять самолетом, все равно будет в пилотской кабине – со всеми знаниями, полученными в ВВС.

Здесь, в белом кожаном салоне «Gulfstream G550», Флинт снял ботинки – и ногти у него на ногах по-прежнему покрашены ярко-розовым лаком. От него по-прежнему пахнет «Шанелью № 5». Запах духов мешается с естественным запахом тела.

На одном из последних шоу, в Миссуле, штат Монтана, из толпы выходит девица и заявляет им, что они – грязные сволочи и мерзавцы. Что они разжигают ненависть и поощряют насилие по отношению к нетрадиционно сексуально ориентированным членам нашего общества, во всех других отношениях мирного и плюралистического...

И Вебер стоит, умолкнув на середине куплета «Button and Bows», в сочной версии Дорис Дей, а не в убогом бледном исполнении Дины Шор, он стоит в облегающем синем атласном платье без бретелек, со всей своей волосней на груди, на плечах и руках – волосы растекаются от запястья и до запястья, словно боа из черных перьев, – и он говорит этой девице:

– Так ты покупаешь удар или нет?

Флинт стоит в двух шагах от него, в начале очереди. Собирает деньги. И он говорит:

– Ага, давай. Замахнись посильнее. – Он говорит: – Для девушек – вдвое дешевле.

И эта девица, она просто смотрит на них и нервно притопывает ногой, обутой в теннисную туфлю. Губы сжаты в плотную линию и словно скошены на сторону.

Наконец она говорит:

– А вы можете «спеть» эту песню из «Титаника»?

И Флинт берет у нее десять баксов и приобнимает ее за плечи.

– Для тебя, – говорит, – мы можем играть эту песню весь вечер...

В тот вечер они и собрали недостающую сумму – до пятидесяти штук, необходимых для миссии.

Внизу уже видна изломанная, коричневая с золотым, береговая линия Саудовской Аравии. Окна в «Gulfstream» в два, в три раза больше крошечных иллюминаторов в обычных пассажирских авиалайнерах. И

когда ты выглядываешь наружу и видишь лишь море и солнце, и землю внизу, которая с такой высоты кажется просто набором смешавшихся красок, тебе почти хочется жить. Похерить всю миссию и вернуться домой, пусть даже к безрадостной и беспросветной жизни.

В баках «Gulfstream» достаточно топлива, чтобы пролететь 6 750 морских миль, даже при встречном ветре на протяжении 85 % всего полета. До их цели было всего лишь 6 701 миля, так что топлива должно было хватить, чтобы сбросить багаж, их чемоданы плюс целую гору мешков, которые Дженсон загрузил во Флориде, где им пришлось приземлиться, потому что пилоту стало дурно. Уже после того, как они принесли ему кофе. Три таблетки викадина в чашке крепкого черного кофе вызывают вполне предсказуемую реакцию у большинства людей: их мутит, у них кружится голова, в голове все плывет, как после сильной попойки. Так что они приземлились. Сгрузили пилота. Загрузили мешки. С аммиачной селитрой. Мистер Дженсон сам их таскал на спине. И там была девушка Флинта, Шейла, только что завершившая курс обучения в летной школе и готовая подняться в воздух.

Дверь в кабину пилота открыта, и видно, как Шейла снимает наушники, так что теперь они просто висят у нее на шее. Оглянувшись через плечо, она говорит:

– Только что передали по радио. Кто-то спикировал на Ватикан, на самолете, набитом удобрениями...

– Кто бы это мог быть? – говорит Вебер.

Глядя в окно, полулежа в своем откинутом кресле из белой кожи, Флинт говорит:

– У нас появилась компания. – С его стороны летят два истребителя. Флинт машет им рукой. Лица обоих пилотов видны ему в профиль. Они не машут в ответ.

Вебер смотрит на кубики льда, тающие в его пустом стакане, и говорит:

– Куда мы идем.

Шейла говорит из кабины пилота:

– Они нас сопровождают, как только мы повернули от моря в глубь материка, у Джедды. – Она опять надевает наушники.

И Флинт перегибается через проход, чтобы налить еще виски в пустой стакан, налить до краев. Он говорит:

– Даю подсказку, приятель. Мекка. Есть какие-то ассоциации? Аль-Харам? Кааба?

Шейла стучит пальцем по наушнику над одним ухом и говорит:

– Уже накрыты: Храм мормонов... штаб-квартира Национального объединения баптистов... Стена Плача и Купол над скалой... Отель «Бeverли-Хиллз»...

Да, говорит Флинт. Всеобщее разоружение не прокатило. ООН тоже ничего не смогла. И все-таки, может быть, это сработает.

В живых останется только один. Их друг Дженсон, наш Преподобный Безбожник.

Вебер говорит:

– А что в отеле «Бeverли-Хиллз»?

И Флинт допивает свой виски и говорит:

– Далай-лама...

Та девица из Миссулы, штат Монтана: Вебер взял у нее телефон, в тот вечер. А когда пришло время писать завещание, он оставил ей все, чем владел в этом мире, включая «Мустанг», припаркованный в подворотне у дома его родителей, набор инструментов «Craftsman» и четырнадцать сумок Coach с подходящими к ним туфлями и нарядами.

В тот вечер, потом, уже после того, как эта девица отдала полсотни баксов, чтобы от души приложить Вебера ногой по жопе, она смотрит на него, на его разбитые губы, на его затянутый белой пленкой незрячий глаз, заплывший так, что его почти и не видно. Он старше ее на три года, но выглядит, как ее бабка. И вот она смотрит и говорит:

– И зачем вы все это делаете?

Попивая свое облегченное пиво, Флинт смотрит на Вебера и говорит, качая головой:

– Ты, *мудила* ... – Флинт говорит. – Это же мой парик.

И Вебер снимает парик, отдирая пряди светлых волос, прилипших к запекшейся крови вокруг носа и рта. И он говорит:

– Каждому хочется сделать мир чуточку лучше.

Не каждый день был исполнен ужаса.

Хваткий Сват называл это занятие «сбором белых персиков».

Два белых дивана сдвигаются вместе, «нос к носу», прямо под «деревом». На этом острове из диванов строится «лестница» из резных золоченых столиков. Каждый столик – с тяжелой столешницей серого мрамора в розовых прожилках. Поверх этой «лестницы» наставляются стулья – на вид хрупкие, как яичная скорлупа, – чтобы подняться как можно выше. Туда, откуда тебе открывается вид на серые гнезда пропыленных париков тех, кто остался внизу, на их запрокинутые кверху лица с открытыми ртами. Туда, откуда тебе видны ямки между ключицами тех, кто остался внизу, и крутые ступеньки их ребер, исчезающие под вырезом платья или воротником.

Руки у каждого, у всех нас, замотаны окровавленными тряпками. Пустые пальцы перчаток безвольно болтаются на руках. Туфли набиты скомканными носками – на месте отсутствующих пальцев.

Мы называем себя Народным комитетом по сбережению дневного света.

Хваткий Сват снимает «персик», завернутый в бархат, чтобы предохранить руку, и передает его вниз, худосочному Святому Без-Кишок. А тот отдает его Повару Убийце, с его большим пузом, провисшим под поясом брюк.

Агент Краснобай, со своей видеокамерой, прижатой к лицу, снимает, как персик передают из рук в руки.

Самые старые персики, те, которые потемнели, – в них можно увидеть свое отражение. Хваткий Сват говорит, это из-за вольфрамовой нити. Когда по тоненькому проводку проходит электричество, он возгорается. Поэтому каждый персик наполнен инертным газом. Как правило, это аргон. Этим газом нельзя дышать, но он не дает возгораться вольфрамовой нити. Самые старые – они не наполнены вообще ничем. Там, внутри, вакуум.

Хваткий Сват, с розоватыми веснушками на щеках и на предплечьях, там, где рукава закатаны до локтя, он говорит нам:

– Точка плавления вольфрама – шесть тысяч градусов по Фаренгейту.

Если нагреть сковородку до нормальной температуры «персика», она просто расплавится. А медный пенни вообще закипит. Четыре тысячи градусов по Фаренгейту.

Вольфрамовая нить не сгорает – она испаряется, атом за атомом. Некоторые атомы отскакивают обратно от атомов аргона и вновь оседают на нити в виде крошечных кристаллов. Остальные атомы вольфрама оседают на относительно прохладной внутренней стороне стеклянного «персика».

Атомы «конденсируются», говорит Хваткий Сват. Внутренняя поверхность стекла покрывается металлической пленкой, и стекло превращается в зеркало.

Из-за «наледи» вольфрама внутри, лампочки превращаются в маленькие, круглые зеркала, в которых все отражаются толстыми. Даже щупленький Святой Без-Кишок, чьи рукава и штанины вечно парусятся вокруг костлявых отростков-конечностей.

Нет, не все наши дни были наполнены смертоубийством и пытками. Случались дни самые обыкновенные, вот такие:

Товарищ Злыдня держит персик и вертит головой, чтобы разглядеть себя со всех сторон в закругленном стекле. Пальцами свободной руки она оттягивает провисшую кожу от скулы к уху. Когда она тянет, темная впадина под скулой исчезает.

– Наверное, это звучит ужасно, – говорит Товарищ Злыдня. Она отнимает пальцы от уха, и та половина ее лица вновь обвисает затененными складками и морщинами. – Но когда я рассматривала фотографии узников концлагерей... этих людей за колючей проволокой... *этих живых скелетов* ... я всегда думала: «Эти люди могут надеть на себя что угодно».

Граф Клеветник подходит поближе и протягивает к ней руку, чтобы вобрать каждое слово в свой портативный серебряный диктофон.

Товарищ Злыдня передает персик Обмороженной Баронессе...

Которая говорит:

– Ты права. – Обмороженная Баронесса говорит: – Звучит и вправду ужасно.

И Товарищ Злыдня наклоняется к микрофону и говорит:

– Если ты это записываешь, ты законченная скотина.

Обмороженная Баронесса, с ее зубами, которые шатаются в деснах и даже как будто гремят, с ее большими белыми зубами на тонких коричневых корнях, она отдает персик Герцогу Вандальскому.

Герцогу, с его волосами, уже не собранными в хвост, а свисающими на лицо. Герцогу Вандальскому, который медленно двигает челюстями, терзая все ту же никотиновую жвачку, которую он жует уже целую вечность. Его волосы пахнут гвоздичными сигаретами.

Герцог передает персик Мисс Америке. Темные корни ее отросших высветленных волос – по ним хорошо видно, сколько времени мы уже заперты в этой ловушке. Наша бедная, беременная Мисс Америка.

Дерево над нами мигает. Когда оно выключается, в это мгновение нас просто не существует. Ничего вокруг не существует.

Но уже в следующую секунду лампочки загораются снова. Мы возвращаемся. Мы вернулись.

– Привидение, – говорит Агент Краснобай, приглушенным голосом из-за видеокамеры.

– Привидение, – повторяет Граф Клеветник в диктофон у себя в кулаке.

Любой сбой электричества, любой сквозняк, любой странный вкус или запах еды – мы обвиняем во всем привидение.

Каждый – свое.

У Агента Краснобая – это убитый частный детектив.

У Графа Клеветника – бывший актер в сериале для детей.

Медные ветви дерева. Каждая ветка изогнута и закручена, как виноградная лоза, покрытая тусклой позолотой. Ветви со стеклянными или хрустальными «листьями». Звонящий шелест, когда лезешь в самую гущу «листвы». Запах нагретой пыли на каждом «спелом» персике, который еще горит белым светом. Они слишком горячие, их не возьмешь голой рукой – только если через ткань: лоскут, оторванный от бархатной юбки или парчового жилета. Другие персики, которые «гнилые», – темные и холодные. Они глазированы пылью и затянуты белыми нитями паутины. Стеклянные и хрустальные листья, одновременно и белые, и серые, и серебристые. Если их потревожить, пошевелить, их края все еще могут сверкнуть на мгновение радужным бликом, а потом они снова теряют цвет.

Ветви, изогнутые, потускневшие, темно-коричневые. В темных дорожках высохших мышиных испражнений, похожих на зернышки черного риса.

Раскачиваясь на носках, вперед-назад, и задерживая дыхание, Хваткий Сват лезет рукой в самую гущу стеклянной листвы и обрывает персики. Бросает их вниз, еще горячие – и Недостающее Звено ловит их между двумя шелковыми подушками. Наш герой спорта, Недостающее Звено. Мистер Университетский Стипендиат, с его сросшимися бровями, густыми, как волосы на лобке. Мистер Хавбек-Чемпион, с его раздвоенным подбородком, огромным, как яйца в мошонке.

Уже после этого коротенького броска персик достаточно остывает, и его можно трогать руками. Мать-Природа берет персик с подушек и

укладывает в большую шляпную коробку со старыми париками, которую держит перед собой Мисс Апчхи, прижимая ее к животу обеими руками.

Мать-Природа, с ее смазанными узорами, нарисованными красной хной на тыльной стороне ладоней и на обрубках пальцев. Каждый раз, когда она оборачивается или кивает головой, медные колокольчики у нее на шее тихонько позвякивают. Ее волосы пахнут сандаловым деревом, пачулями и мятой.

Мисс Апчхи кашляет. Она всегда кашляет, бедная Мисс Апчхи. Ее красный распухший нос уже давно свернулся на сторону оттого, что она постоянно вытирает его рукавом. Ее выпученные глаза в алых прожилках лопнувших сосудов постоянно слезятся. Мисс Апчхи все кашляет и кашляет, согнувшись чуть ли не пополам и уперев руки в колени.

Иногда Хваткий Сват хватается за ножки стульев, за края мраморных столешниц на золоченых столиках – чтобы лестница не обвалилась.

Время от времени Графиня Предвидящая встает на цыпочки, поднимает над головой рукоятку жесткой, пыльной метлы и тычет ею в стеклянное дерево, чтобы оно повернулось, и сборщику было удобнее добраться до «спелых» персиков. До тех, что нагреты до температуры, при которой вскипает медь. И когда она встает на цыпочки и тянется вверх, становится видно, что браслет по-прежнему на ней. У нее на запястье. Датчик системы глобального спутникового слежения, условие ее досрочного освобождения.

Привидение Графини Предвидящей – это старый торговец антиквариатом, с перерезанным бритвой горлом.

С каждым «собранным» персиком дерево становится чуть темнее.

Привидение Святого Без-Кишок – абортированный младенец с двумя головами, причем оба личика – вылитый он.

Привидение Обмороженной Баронессы носит белый передник и проклиная Господа.

Время от времени Сестра Виджиланте постукивает по циферблату своих черных часов и объявляет:

– Три часа семнадцать минут и тридцать секунд до того, как стемнеет...

Привидение Сестры Виджиланте – герой с продавленной половиной лица.

Привидение Мисс Апчхи – ее собственная бабушка.

Когда стоишь так высоко, говорит Хваткий Сват, кажется, что потолок – это огромный пустынный фронт, где еще не ступала нога человека. Точно так же, как в детстве, когда ты лежишь вверх тормашками на диване

– ноги задраны на подушки, спина лежит на сиденье, а запрокинутая голова свешивается с края, – знакомая комната вдруг превращается в странное, неизвестное место. Когда ты лежишь вниз головой, у тебя под ногами простирается новый побеленный пол, а если взглянуть «вверх», там будет новый потолок, выстланный ковром и загроможденный сталактитами мебели, свисающими сверху.

Точно так же, говорит герцог Вандальский, как художник переворачивает «вверх ногами» свою картину или смотрит на ее перевернутое отражение в зеркале – чтобы взглянуть на нее по-новому. Чтобы знакомая вещь сделалась незнакомой. Чем-то, чего он не знает. Чьей-то чужой реальностью.

Точно так же, говорит Святой Без-Кишок, как извращенец переворачивает «вверх ногами» порнографическую картинку – чтобы она возбуждала его чуть подольше.

В таком ракурсе каждое дерево со стеклянными персиками и листьями крепится к земле плетеным стволом из куска толстой цепи, а корой служат чехлы из пропыленного красного бархата.

Когда дерево становится почти темным, мы перетаскиваем свою лестницу – стул за стулом, диван за диваном – к следующему дереву. Когда «сад» почти полностью опустошен, мы переходим в другую комнату.

Собранный урожай мы укладываем в шляпную коробку.

Нет, не все наши дни, проводимые в заточении, проходят под знаком ужаса и унижения.

Граф Клеветник достает свой блокнот в линейку и озвучивает, что записывает:

– Шестьдесят две рабочие лампочки. И двадцать две в запасе.

Наша последняя линия обороны. Последнее средство спасения от страшной мысли, что нам придется умирать в одиночестве, в темноте – когда все лампочки перегорят. Мир без солнца. Уцелевшие – в холоде, в крошечной тьме. Сырые обои, скользкие от налета плесени.

Никому это не нужно.

«Спелые персики», оставленные на деревьях: когда они загнивают и выключаются, ты опять строишь лестницу из мебели. Снова лезешь наверх. Ныряешь в листву из стекла и хрусталя, в этот лес потускневших медных ветвей. Где только пыль, паутина и мышьи какашки. Ныряешь туда с головой и заменяешь гнилые темные персики спелыми. Теми, которые еще горят.

Мертвый персик в руке Хваткого Свата: мы отражаемся в нем не такими, какие есть. Скорее, какими мы были. Темное стекло отражает нас

всех, только толстыми – в выпуклой, искривленной поверхности. Слой атомов вольфрама, осевших на внутренней стороне – в противоположность жемчужине. Серебряная амальгама на зеркале. Выдувное стекло, тонкое, как мыльный пузырь.

Вот миссис Кларк со своими новыми морщинками, скрытыми под вуалью, плотной, как проволочная сетка. Даже при том, что лицо у нее заострилось от голода, ее губы по-прежнему – силиконово-пухлые, словно застывшие на середине минета. Ее груди все так же налиты, но вовсе не тем, что хотелось бы высосать.

Ее напудренный белый парик сбился на сторону. Тонкая шея оплетена выпирающими сухожилиями.

Вот Недостоящее Звено с темными зарослями на щеках. Густая щетина тонет в глубоких каньонах, протянувшихся вниз от глаз.

Нужно, чтобы что-то случилось.

Что-то жуткое, страшное.

И вдруг – хрясь.

Персик разбился о пол. Россыпь стеклянных иголок. Мешанина белых осколков. Наши толстые отражения – их уже нет.

Граф Клеветник что-то там исправляет в своем блокноте и говорит:

– Двадцать одна рабочая лампочка в запасе...

Сестра Виджиланте стучит по циферблату часов у себя на руке и говорит:

– Три часа и десять минут до того, как стемнеет...

И вот тогда миссис Кларк говорит:

– Расскажи мне историю. – Она смотрит вверх, сквозь густую вуаль. Смотрит на Хваткого Свата, зарывшегося в сверкающую хрустальную листву, и произносит, шевеля силиконовыми губами: – Расскажи мне такую историю, чтобы я забыла про голод. Такую историю, которую ты еще никому не рассказывал.

Хваткий Сват выкручивает белый персик – рукой, обернутой в липкий бархатный лоскут цвета запекшейся крови, – и говорит:

– У нас в семье была шутка. – Стоя на лестнице, сложенной из стульев, на самом верху, он говорит: – Шутка, которую мои дядьки говорили лишь в сильном подпитии...

Граф Клеветник поднимает свой диктофон.

Агент Краснобай – видеокамеру.

Консультант

Стихи о Хватком Свате

– Если ты любишь девушку, – говорит Хваткий Сват, – дай ей свободу. Только потом не удивляйся, если она принесет с собой герпес...

Хваткий Сват на сцене, плечи опущены, руки засунуты глубоко в карманы спецовки.

На ботинках – засохший конский навоз.

Рубаха в клетку. Фланелевая. Вместо пуговиц – перламутровые кнопки.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма:

Кадры памятного события – свадебной церемонии. Молодожены обмениваются кольцами, целуются и выбегают из церкви под рисовый снегопад.

По лицу, извиваясь, струится картинка; за нижней губой – кашица нажеванного табака. Губа выпячивается вперед.

Хваткий Сват говорит:

– Девушка, которую я любил, считала себя достойной чего-то лучшего.

Эта девушка, ей был нужен партнер повиднее: ростом повыше, с хорошим загаром, длинными волосами и членом побольше.

И чтобы он играл на гитаре.

Когда Хваткий Сват в первый раз сделал ей предложение, она ответила: нет.

Тогда он снял мужика-проститутку по прозвищу Жеребец, обладателя, как было сказано в объявлении, длинных волос и члена толще консервной банки. И он еще пообещал выучить пару гитарных аккордов.

Жеребец познакомился с девушкой Свата как будто случайно, в церкви. Потом они встретились снова, в библиотеке.

Хваткий Сват платил ему по две сотни за встречу и аккуратно записывал его рассказы о том, как ей нравится, когда ей ласкают соски, стоя у нее за спиной. И как лучше заставить ее кончать два или даже три раза кряду.

Жеребец присылал ей букеты роз. Пел ей песни. Трахал ее на задних сиденьях автомобилей, в ваннах и душевых, клялся ей в вечной любви.

А потом – не звонил ей неделю. Две недели. Месяц.

И наконец, он как будто случайно снова столкнулся с ней в церкви.

Вот тогда он ей и объявил, Жеребец, что между ними все кончено – потому что она была слишком распутной. Чуть ли не шлюхой.

– Черт возьми, – говорит Хваткий Сват, – он назвал ее шлюхой. Вот наглый малый...

Благослови его, Боже.

Это был тайный план Хваткого Свата: чтобы его девушке разбили сердце, а он словил бы ее на отлете, обласкал и утешил.

В свою последнюю встречу с Жеребцом Сват заплатил ему пятьдесят баксов сверху, чтобы тот сделал ему минет.

Жеребец встал перед ним на коленях и отработал свои полсотни.

И теперь, когда его будущая жена испытает хорошо изученные множественные оргазмы, образ партнера у нее в голове не окажется совсем уже незнакомцем для мужа,

Хваткого Свата.

Ритуал

Рассказ Хваткого Свата

Эту шутку дядьки говорят только в сильном подпитии.

Половина шутки – звук, который они издают. Похоже на то, как откашливается человек, прочищая горло. Неприятный, режущий ухо звук. Под конец всякой семейной встречи, когда больше нечего делать, кроме как напиться, дядьки вытаскивают свои стулья в сад, под деревья. Туда, где темно и где нам их не видно.

Пока тетушки моют посуду, а кузены-кузины носятся по всему дому, дядьки сидят в саду, опрокидывают бутылки вверх дном, пьют прямо из горлышка, балансируя на двух задних ножках стульев. Слышно, как там, в темноте, кто-то из них издает этот звук: *кх-ррк*. Их не видно, но все мы знаем, что там, в темноте, он проводит рукой в воздухе перед собой. *Кх-ррк*, и все остальные дядьки смеются.

Услышав этот взрыв смеха, тетушки улыбаются и качают головами: ах, эти мужчины. Тетушки не знают шутки, но они знают, что мужики могут смеяться так громко только над вопиющей глупостью.

Кузены-кузины тоже не знают шутки, но они повторяют звук. *Кх-ррк*. Проводят рукой в воздухе и падают на пол, рыдая от смеха. Все дети так делали. Все поголовно.

Говорили: *кх-ррк*. Выкрикивали в полный голос. Волшебное слово у нас в семье, когда хочется посмеяться или кого-нибудь рассмешить.

Дядьки специально их учат. Даже самые маленькие детишки, которые едва научились ходить, они уже повторяют звук. *Кх-ррк*. Дядьки показывают, как проводить рукой в воздухе, всегда – слева направо, по горизонтали у горла.

Кузены-кузины, конечно же, спрашивают, свесившись с дядюшкиной руки и болтая ногами в воздухе. Они спрашивают, что означает этот звук. И движение рукой.

Это случилось давным-давно, говорит дядя. Когда все дядьки были молодыми и служили в армии. Во время войны. Кузены-кузины взбираются вверх по карманам дядиного пиджака: суют ногу в нижний карман, тянутся к верхнему. Как будто лезут на дерево.

Они просят: расскажи. Ну, пожалуйста.

Но дядя лишь обещает: потом. Когда подрастешь. Он хватает тебя под

мышки и забрасывает себе на плечо. И несется с тобой на плече, обгоняя других дядек, в дом: расцеловать тетушек и угоститься очередным куском пирога. А потом ты готовишь попкорн и слушаешь радио.

Это было семейным паролем. Секретом, смысл которого понимали немногие. Ритуалом, оберегавшим семью. Кузены-кузины знали только одно: это слово смешит их всех. И кроме них, его больше никто не знает.

Дядьки говорили, что этот звук – подтверждение тому, что твои самые худшие страхи, все, что есть в жизни плохого, когда-то закончится. Наверняка. Пусть сегодня все плохо, вполне может случиться, что завтра все будет опять хорошо. Если умирала корова, и все остальные коровы тоже выглядели больными и явно готовыми сдохнуть, дядьки делали так: *кх-ррк*. Если персики уже зацвели, а ночью обещали мороз, дядьки делали: *кх-ррк*. Это значило, что беда, которую ты не в силах предотвратить, пройдет сама по себе. Наверняка.

Каждый раз, когда собиралась семья, они так здоровались: *кх-ррк*. Тетушки только закатывали глаза, когда все кузены-кузины кричали друг другу это дурацкое *кх-ррк*. И проводили рукой в воздухе, слева направо по горизонтали. *Кх-ррк*. Дядьки смеялись, согнувшись чуть ли не пополам и упираясь руками в колени. *Кх-ррк*.

Иногда кто-то из тетушек, дядькиных жен, спрашивал: а что это значит? Откуда взялся этот звук? Но дядьки только качали головой. А тот, чья жена это спросила, обнимал ее за талию, целовал в щечку и говорил: солнышко, тебе лучше об этом не знать.

В то лето, когда мне исполнилось восемнадцать, один из дядек раскрыл мне секрет, наедине. И на этот раз он не смеялся.

Меня призывали в армию, и никто не мог знать, вернусь я домой или нет.

Никакой войны не было, но в армии свирепствовала холера. Болезни, несчастные случаи – от них никто не застрахован. Я собирал сумку в дорогу, мы были с дядей одни, и дядя сказал это слово: *кх-ррк*. Он сказал: Главное, помни, что даже если сегодня все плохо, вполне может случиться, что завтра все будет опять хорошо.

Собирая ту сумку, я спросил у него:

– А что это значит?

Это с последней большой войны, сказал он. Когда все дядьки служили в одном полку. Их взяли в плен и отправили в лагерь. Офицер вражеской армии заставлял их работать под угрозой расстрела. Каждый день они просыпались с мыслью, что сегодня он их убьет, и они ничего не могли с этим сделать. Каждую неделю в лагерь прибывали новые поезда с

пленными из оккупированных стран: солдатами и цыганами. Большинство этих пленных сходили с поезда лишь для того, чтобы пройти двести шагов до смерти. Дядьки оттаскивали тела в яму. Офицер, которого они ненавидели, был командиром расстрельной команды.

Дядя, который рассказывал эту историю, говорил, что расстрелы происходили каждый день, и каждый день дядьки оттаскивали мертвых в яму – дырки у них на одежде еще сочились теплой кровью, – а расстрельная команда ждала следующей партии заключенных, приговоренных к смерти. И каждый раз, когда дядьки выходили под прицел автоматов, они ждали, что офицер даст команду стрелять.

А потом, в какой-то из дней, говорит дядя: *кх-ррк*.

Это случилось. Как случается смерть. Как происходит удар судьбы.

Если среди цыган была женщина, которая нравилась офицеру, он подзывал ее к себе. После расстрела очередной партии заключенных, пока дядьки убрали тела, он приказывал этой женщине раздеться. Стоя при полном параде, в своей форме с золочеными галунами, сверкающими на солнце, в окружении солдат с автоматами, офицер заставлял женщину встать на колени и расстегивал молнию у себя на штанах. Он заставлял женщину открыть рот.

Дядьки видели это не раз: они знали, что будет дальше.

Цыганка брала его штуку в рот и сосала, сосала, сосала. Ее глаза были закрыты, и она не видела, как офицер достает нож из ножен, закрепленных сзади на ремне.

Перед самым оргазмом офицер хватал цыганку за волосы, запрокидывал ей голову и перерезал горло.

При этом всегда раздавался один и тот же звук: *кх-ррк*. Его семя еще извергалось, он отталкивал от себя обнаженное тело, пока из шеи не хлынула кровь.

Это был звук, который всегда означал конец. Последний удар судьбы. От него было не скрыться, от этого звука. Его нельзя было забыть.

И вот в какой-то из дней офицер выбрал очередную цыганку и поставил ее, голую, на колени в грязь. На виду у расстрельной команды, на виду у дядек, стоявших чуть ли не по колено в мертвых телах, офицер заставил цыганку расстегнуть ему молнию. Женщина закрыла глаза и открыла рот.

Дядьки видели это не раз: им незачем было на это смотреть, они и так знали, что будет.

Офицер схватил женщину за волосы и намотал их на кулак. Сверкнул нож, и раздался звук. Тот самый звук. Теперь – тайный код в их семье.

Сигнал, означающий: всем смеяться. Их приветствие друг другу. Цыганка упала, из перерезанной шеи хлынула кровь. Женщина кашлянула, один раз, и что-то упало в грязь. Рядом с ней, уже мертвой.

Они все смотрели, солдаты расстрельной команды, и дядьки, и офицер – и там, на земле, лежал член. Половина члена. *Кх-ррк*, и офицер отхватил свою собственную штукину, застрявшую в горле у этой женщины, теперь уже мертвой. Из расстегнутой ширинки все еще изливалась сперма, смешанная с кровью. Офицер протянул руку – к своему члену, валявшемуся в грязи. Его колени подогнулись.

Потом дядьки оттащили его тело в сторонку, чтобы похоронить. Следующий офицер, отвечавший за лагерь, был не таким уж плохим. А потом война кончилась, и дядьки вернулись домой. Сложись все иначе, этой семье могло бы и не быть. Если бы тот офицер не умер, я бы мог и не родиться.

Этот звук, их секретный семейный код, сказал мне дядя. Он означает: да, в жизни случаются страшные вещи, но иногда эти страшные вещи тебя спасают.

За окном, в персиковом саду, носились другие кузены-кузины. Тетушки на переднем крыльце лутили горох. Дядьки спорили, как лучше покрасить забор.

Может быть, тебя пошлют на войну, говорит дядя. Может так получиться, что ты умрешь от холеры.

– Или, – говорит он и проводит рукой, слева направо, чуть ниже пряжки у себя на ремне: – *Кх-ррк...*

Тело находит Сестра Виджиланте. Она спускается по лестнице в холл, из фойе балконов первого яруса, после того, как включила свет в кинопроекторной будке, и натывается на розовое колесо-тренажер Мисс Америки, зажатое в мертвенно-бледных руках.

Вот он, на крошечном экранчике видеокамеры: Герцог Вандальский, лежит у подножия лестницы, лицом в синий ковер. Рубашка из оленьей кожи выбилась из штанов, светлые волосы рассыпаны в беспорядке. В руках – розовое пластмассовое колесо. Одна половина лица расплющена, волосы слиплись от крови.

Одним претендентом на гонорар меньше.

У Сестры Виджиланте была с собой видеокамера. Мистер Уиттиер ходил в темноте с фонариком, но теперь батарейки «умерли», как он сам и как Леди Бомж. Теперь Сестра Виджиланте пользовалась подсветкой видеокамеры с ее перезаряжаемыми батареями, когда поднималась и спускалась по лестницам перед восходом и после заката.

– Субарахноидальное кровоизлияние, – говорит Сестра Виджиланте, нацелив камеру на мертвое тело. Каждое ее слово записывается. Она говорит: это наиболее распространенное последствие тяжелой черепно-мозговой травмы. Она берет крупным планом проломленный череп, внутреннее кровотечение во внешних слоях мозга.

– При оказании давления на череп в какой-то точке, – говорит она, – его содержимое начинает выпирать наружу вокруг этой точки и разрывает череп изнутри, вызывая физическое повреждение более или менее округлой формы.

Камера фиксирует острые края пролома и засохшую кровь. Голос Сестры Виджиланте говорит:

– Область *выпирания* весьма обширна...

Камера поднимается и показывает всех нас, собравшихся в холле, зовающих и щурящихся на подсветку.

Миссис Кларк смотрит на распростертое тело Герцога. Плюха его никотиновой жвачки – вместе со всеми зубами – отлетела чуть ли не на середину холла. С ее губ, закачанных силиконом, срывается тихий вскрик.

Мисс Америка говорит:

– Вот *скотина*. – Она перешагивает через тело, опускается на колени и пытается разжать окостеневшие мертвые пальцы, чтобы забрать колесо. –

Хотел согнать вес, типа он тут самый изможденный. – Она говорит: – Этот урод занимался аэробикой, чтобы выглядеть... хуже.

Мисс Америка выкручивает и пинает окостеневшие пальцы, миссис Кларк говорит:

– Трупное окоченение.

Мисс Америка перекачивает тело на бок, пытаясь выдрать свое колесо у него из рук, и тело само переваливается на спину. Теперь Герцог Вандальский лежит лицом вверх. Оно темное, как от загара, только загар у него лиловый. Везде, кроме кончика носа. Кончик носа – синюшно-белый. И низ подбородка, и середина лба.

– Трупные пятна, – говорит миссис Кларк. При остановке кровообращения кровь опускается в нижележащие отделы тела. Кроме тех точек, где лицо прижималось к коврику: там вес тела сдавил капилляры, и кровь не могла влиться внутрь.

Из-за видеокамеры Сестра Виджиланте говорит:

– А вы, я смотрю, разбираетесь в трупах...

И миссис Кларк говорит:

– Кстати, а что *вы* имели в виду под «*частичным разрывом тканей левого полушария мозга*»?

Видеокамера так и снимает тело, запись идет поверх смерти мистера Уиттиера, голос Сестры Виджиланте говорит:

– Это значит, что мозг вытекает.

Розовое колесо выскальзывает из рук Герцога, и пальцы вроде бы расслабляются. Трупное окоченение проходит, говорит миссис Кларк, когда тело начинает разлагаться.

К тому времени подошел и Агент Краснобай. Выглядит он непривычно – без камеры, когда видны оба глаза. Преподобный Безбожник стоит над телом. Мать-Природа, с ее вечным запахом пачулей. Хваткий Сват – его челюсть ходит туда-сюда, пережевывая табак, смешанный со слюной, – наклоняется, чтобы рассмотреть получше.

Хваткий Сват говорит:

– Разлагаться?

И миссис Кларк кивает, поджав свои силиконовые губы. Когда организм умирает, говорит она, он перестает вырабатывать аденозинтрифосфат, из-за чего нарушается взаимодействие между актиновыми и миозиновыми волокнами... Она говорит:

– Вы все равно не поймете.

– Вот беда, – говорит Повар Убийца. – Будь он чуть посвежее, у нас был бы роскошный завтрак.

Мать-Природа говорит:

– Ну у тебя и шуточки.

И Повар говорит:

– Вообще-то я не шутил.

Сидя на корточках рядом с телом, Хваткий Сват с вытаращенными глазами лезет в задний карман брюк.

Мать-Природа потирает ладони, зевает и говорит:

– Как тебе удастся *проснуться*?

Хваткий Сват широко открывает рот, показывает на коричневое месиво внутри и говорит:

– Жвачка... – Он достает из кармана бумажник, вынимает оттуда несколько бумажных купюр и убирает бумажник обратно в карман. – Поцелуй меня, и тоже взбодрись.

И Мать-Природа качает головой:

– Нет, спасибо.

– Девочка, – говорит Хваткий Сват, смачно сплюнув на синий ковер коричневой слюной, – тебе надо быть чуточку посексуальней, иначе тебя не захочет играть ни одна актриса. Из тех, которые звезды первой величины...

И Святой Без-Кишок уводит ее прочь.

Сестра Виджиланте выключает камеру и возвращает ее Агенту Краснобаю.

Ни к кому конкретно не общаясь, или же обращаясь ко всем, миссис Кларк говорит:

– Вы кого-нибудь подозреваете?

И агент Краснобай говорит:

– Вас.

Миссис Кларк. Она проснулась посреди ночи. Пошла к Герцогу. Он был один, упражнялся на тренажере. Работал над прессом. Она проломила ему череп. Вот и вся официальная версия.

– А вы никогда не задумывались, – говорит миссис Кларк, – что вы станете делать, когда продадите свою *прежнюю жизнь*?

И Хваткий Сват говорит, слизнув с губ слюну:

– В каком смысле? – и просовывает большие пальцы под лямки комбинезона.

– Когда вы продадите *эту* историю, – говорит миссис Кларк, – что вы станете делать? Искать новых злодеев? – Она говорит: – Так и будете до конца жизни искать кого-то, на кого можно свалить всю вину?

И Агент Краснобай улыбается и говорит:

– Расслабьтесь. Винить кого-то из *нас* – в этом нет никакого резона.

Есть *жертвы*. – Он тычет пальцем себе в грудь. – И есть *негодяи*, – говорит он, указывая на нее. – И не надо нам никаких полутонов, чтобы не сбивать зрителей с толку.

И миссис Кларк говорит:

– Я не убивала этого человека.

И Агент пожимает плечами. Вешает камеру на плечо и говорит:

– Сейчас вам явно не помешало бы немного зрительского сочувствия, но просто так вы его не добьетесь. Придется как следует потрудиться. – Направляя подсветку камеры на миссис Кларк, Агент Краснобай говорит: – Расскажите нам что-нибудь. Расскажите нам что-то действительно проникновенное, чтобы зрителям стало вас жалко, хотя бы чуть-чуть...

Ящик с кошмарами

Рассказ миссис Кларк

За день до того, как исчезнуть, Кассандра остригла себе ресницы.

Проще, чем сделать уроки: Кассандра Кларк вынимает из сумочки маленькие маникюрные ножницы, встает перед большим зеркалом в ванной и смотрит на свое отражение. Глаза полузакрыты, рот слегка приоткрыт, как это бывает, когда красишь ресницы тушью. Опершись свободной рукой о раковину, Кассандра срезает себе ресницы. Они падают в раковину, длинные, черные, ресничка к ресничке, исчезают в сливном отверстии, и она даже не смотрит на мать, на ее отражение у себя за спиной.

В ту ночь миссис Кларк слышит, как дочь поднимается еще затемно. В глухой час, когда на улицах нет машин, она спускается голая вниз, в гостиную. Не зажигая света. Скрип пружин в старом диване. Тихий скрежет и – чирк – зажигалки. Потом – вздох. И запах сигаретного дыма.

Восходит солнце, Кассандра так и сидит, голая, на диване. Занавески раздвинуты, под окном проезжают машины. В комнате холодно. Она сидит, поджав ноги и обнимая себя за плечи. В одной руке – сигарета, догоревшая до фильтра. На диванной подушке – упавший пепел. Она не спит: смотрит в пустой экран телевизора. Может быть, на свое отражение, на голую девушку в черном стекле. Волосы все в колтунах, потому что она не причесывалась. Помада двухдневной давности размазана по щекам. Тени очерчивают морщинки вокруг глаз. Зеленые глаза без ресниц кажутся тусклыми и какими-то ненастоящими, потому что она не моргает.

Ее мать говорит:

– Тебе что-то приснилось?

Миссис Кларк спросила: может быть, сделать ей тост? Миссис Кларк включает обогреватель и идет в ванную, чтобы принести Кассандре халат.

Кассандра сидит, обнимая себя за плечи в холодном сиянии рассвета; колени плотно прижаты друг к другу, грудь приподнята из-за того, как она держит руки. Хлопья серого сигаретного пепла рассыпаны по бедрам. Хлопья серого пепла запутались в волосах на лобке. Ноги напряжены, сухожилия под кожей натянуты. Она вжимается стопами в пол, и стопы легонько подрагивают, но сама она неподвижна, как статуя.

Миссис Кларк говорит:

– Ты что-нибудь помнишь? – Она говорит: – Ты была в своем новом платье... Которое черное. Мини.

Миссис Кларк набрасывает халат дочке на плечи, стараясь укутать ее поплотнее. Она говорит:

– Это было в галерее. Напротив антикварного магазина.

Кассандра, не отрываясь, смотрит на свое отражение в выключенном телевизоре. Она не моргает, халат соскальзывает с плеч, и обе грудки – снова на холоде.

И ее мать говорит: что ты видела?

– Не знаю, – говорит Кассандра. Она говорит: – Не могу сказать.

– Я сейчас принесу свои записи, – говорит миссис Кларк. Она говорит: – Кажется, я кое-что поняла.

Но когда она возвращается из спальни, держа в руке толстую папку с заметками – папка открыта, чтобы можно было просматривать записи на ходу, – когда она снова приходит в гостиную, Кассандры там уже нет.

Миссис Кларк как раз начала говорить:

– Принцип работы ящика с кошмарами заключается в том...

Но Кассандры нет в кухне, и в ванной – тоже. Ее нет в подвале. Дом у них маленький, больше ей некуда деться. Ее нет во дворе за домом, ее нет на лестнице. Халат так и валяется на диване. Ее сумка, туфли, пальто – все на местах. Чемодан лежит у нее на кровати, еще даже не собранный. Нет только Кассандры.

Сперва Кассандра сказала, что там не было ничего особенного. Согласно записям миссис Кларк, это было открытие художественной галереи.

В ее записях сказано: «Таймер случайных временных интервалов...»

В записях сказано: «Мужчина повесился...»

Все началось в тот вечер, когда во всех галереях открывались новые выставки, и в центре было полно народу: все приехали прямо с работы или после школы, все держались за руки. Моложавые пары в немарких темных нарядах, чтобы не испачкаться о сиденья такси. В дорогих украшениях, которые не наденешь в подземку. Зубы у всех – белые-белые, как будто они никогда не использовали свои зубы ни для чего, кроме улыбок.

Все рассматривали друг друга, разглядывая картины, а потом рассматривали друг друга за ужином.

Все это есть в записях миссис Кларк.

Кассандра надела свое новое черное платье. Которое мини.

В тот вечер она взяла высокий бокал с белым вином, просто чтобы его держать. Она не решалась поднимать бокал, потому что платье было без

бретелек, и она прижимала его локтями с боков. Это держало в тонусе мышцы груди. Новые мышцы, которые она обнаружила, играя в баскетбол в школе. Грудь была поднята так высоко, что ложбинка между грудей начиналась как будто у самого горла.

То платье, оно было черным. Сплошь расшитое черными блестками и бисером. Оно было как твердый панцирь черного блеска, скрывавший сочные розовые грудки. Жесткая черная раковина.

Ее руки, ее пальцы с покрашенными ногтями, сплетенные вокруг ножки бокала с вином – она держала бокал, как будто на ней были надеты наручники. Ее завитые волосы были уложены в высокую прическу, такие тяжелые и густые. Несколько локонов выбилось, но она не решалась поднять руку, чтобы их подправить. Ее голые плечи, ее рассыпающаяся прическа, ее высокие каблуки, из-за которых напряженные мышцы ног смотрятся так рельефно, а попка чуть приподнимается и слегка выпирает в том месте, где кончается длинная молния на спине.

Ее идеально покрашенные губы. Ни одного красного пятнышка на бокале, который она не решалась поднять. Под сенью длинных ресниц ее зеленые глаза кажутся еще больше. Она застыла на месте: подвижны только эти глаза.

Она стояла и улыбалась, посреди художественной галереи. Единственная из всех женщин, которая запоминалась. Кассандра Кларк, всего лишь пятнадцати лет.

Это было за три дня до того, как она исчезла.

И теперь, сидя на диване в гостиной, на месте, нагретом Кассандрой, среди пепла, оставленного Кассандрой, миссис Кларк просматривает свои записи.

Владелец галереи что-то им говорил, им и всем остальным собравшимся.

«Рэнд» – так записано у нее. Галерейщика звали Рэнд.

Он показывал им какой-то ящик на высокой трехногой подставке. На штативе. Ящик был черным, размером с допотопный фотоаппарат. Из тех, которыми надо было снимать, забравшись под черную тряпку, чтобы свет не попал на химические реактивы на стеклянной пластинке. Фотоаппарат времен Гражданской войны, когда для вспышки жгли порох. После чего оставалось облако серого едкого дыма, от которого свербило в носу. Да, именно так он и выглядел, этот ящик на трех длинных ножках.

Ящик, покрашенный в черный цвет.

– Лакированный, – сказал галерейщик.

Черный лакированный ящик, весь заляпанный жирными отпечатками.

Галерейщик улыбался жесткому панцирю в черных блестках, скрывавшему грудь Кассандры. Да, Рэнд улыбался. У него были тонкие усики, похожие на две аккуратно выщипанные бровки. И маленькая мефистофельская бородка, отчего его подбородок казался заостренным. Он был в синем деловом костюме. В одном ухе поблескивала серьга: слишком большая и слишком искусственно-яркая, она не могла быть ничем иным, кроме как настоящим бриллиантом.

Все стыки на ящике представляли собой сложный узор из подходящих друг другу деталей, рубчиков и желобков, отчего ящик казался тяжелым, как банковский сейф. Каждый шов был покрыт толстым слоем краски.

– Как маленький гроб, – заметил кто-то из присутствующих. Мужчина с длинными волосами, собранными в хвост, и жующий жвачку.

Там на ящике, с двух сторон, были бронзовые ручки. Надо взяться за обе, сказал галерейщик. Чтобы замкнуть круг. Чтобы ящик работал, как надо, ты берешься за обе ручки. Прижимаешься глазом к глазку на передней панели. Левым глазом. И смотришь внутрь.

В тот вечер в глазок посмотрело, наверное, человек сто, но ничего не случилось. Они брались за ручки и заглядывали в черный ящик, но видели лишь отражение своего собственного глаза – в темноте за маленькой стеклянной линзой. Все они слышали тихий звук. Как будто тикали часы. Медленно, как кап... кап... кап... из протекающего крана. Тихое тиканье изнутри заляпанного черного ящичка.

На ощупь ящик казался липким от слоя грязи со столькох рук.

Галерейщик поднял указательный палец. Постучал согнутым пальцем по ящичку и сказал:

– Это вроде как таймер случайных временных интервалов.

Он может тикать так целый месяц. Или всего час. Но когда тиканье прекратится, вот тогда-то и надо заглядывать в ящик.

– Вот, – сказал галерейщик, Рэнд, и указал на маленькую медную кнопку сбоку, размером с кнопку дверного звонка.

Ты берешься за ручки и ждешь. Как только тиканье умолкает, ты смотришь в глазок и нажимаешь на кнопку.

Если приподняться на цыпочки, можно было прочесть, что написано на маленькой медной табличке, прикрученной к ящичку сверху, на крышке: «Ящик с кошмарами». И имя: «Рональд Уиттиер». Медные ручки позеленели – слишком многие сжимали их в ожидании. Медная окантовка глазка потускнела от их дыхания. Черные лакированные бока посерели от жира с их кожи.

Держась за ручки, ты его чувствуешь – там, внутри. Тиканье. Таймер.

Непрестанный и ровный, как пульс.

Когда он остановится, сказал Рэнд, нажатие кнопки приведет в действие вспышку. На мгновение внутри включится свет. Один импульс света.

И что люди видят тогда, этого Рэнд не знал. Ящик попал к нему из антикварного магазина напротив, который теперь закрылся. Он простоял там девять лет, и все это время он тикал. Хозяин антикварного магазина всегда говорил покупателям, что ящик, наверное, сломан. Или это какая-то шутка.

Девять лет ящик тикал на полке, погребенный под слоем пыли. А потом внук хозяина магазина нашел его, и ящик не тикал. Внуку было девятнадцать лет. Он учился в колледже, на адвоката. Совсем молодой человек, без единого волоска на груди. Девушки целыми днями толклись в магазине и строили ему глазки. Хороший мальчик, получавший стипендию и игравший в футбол, со своим счетом в банке и собственной машиной, он подрабатывал летом у дедушки в магазине, стирал с полок пыль. Когда он наткнулся на ящик, ящик не тикал. В ожидании, наготове. Парень взялся за ручки. Нажал на кнопку и заглянул внутрь.

Его нашел дед. Вокруг его левого глаза так и остался размазанный пыльный кружок. Глаза парня смотрели куда-то в пространство. Он просто сидел на полу, в куче пыли и окурков, которые выметал. Этот внук, он не вернулся в колледж. Его машина стояла на улице, пока ее не увезли городские службы. Теперь он целыми днями сидел перед входом в магазин. Парень двадцати лет, он сидит целыми днями на тротуаре, и в дождь, и в солнце. Спросишь его что-нибудь, а в ответ он смеется. Этот парень, сейчас он уже должен был быть адвокатом, практикующим адвокатом, а вместо этого обретается в какой-то ночлежке. Общественное жилье из муниципального фонда в рамках программы по социальной защите граждан, страдающих угнетением психики и полным нервным расстройством. И дело даже не в наркотиках.

Рэнд, галерейщик, говорит:

– Просто у человека поехала крыша.

Этот парень, он теперь целыми днями сидит на кровати, и по нему ползают тараканы, заползают под штанины, под воротник. Ногти на руках и ногах отросли невероятно и похожи на длинные желтые карандаши.

Спросишь его что-нибудь: *как жизнь? Ты, вообще, что-нибудь ешь? Что ты видел?* А он в ответ только смеется. По нему ползают тараканы: целые комья копошащихся насекомых под рубашкой. Над головой у него кружат мухи.

И вот как-то утром хозяин антикварной лавки открывает свой магазин, но это как будто уже не его магазин. Там все изменилось. Словно он вдруг оказался в каком-то другом, незнакомом месте. И ящик снова не тикает. Этот всегдашний отсчет мгновений, он опять прекратился. Ящик с кошмарами ждет на полке – ждет, чтобы в него заглянули.

Хозяин запирается в магазине и никого не пускает. Все утро люди подходят и смотрят в витрину, прикрывая руками лицо с боков, чтобы разглядеть, что там внутри. В полумраке. Чтобы понять, почему магазин закрыт.

Наверное, из тех же соображений хозяин антикварного магазина мог бы и заглянуть в ящик. Чтобы понять, почему. Чтобы узнать, что случилось. Что так «прибило» молоденького парнишку, которому только недавно исполнилось двадцать и которого ждало блестящее будущее.

Все утро старый антиквар поглядывает на ящик, который не тикает.

Но вместо того, чтобы заглянуть внутрь, он чистит унитаз в подсобке. Ставит стремянку и выгребает иссохшие трупки мух из всех люстр. Полирует медь. Натирает воском дерево. Пот льет с него градом, его накрахмаленная белая рубашка вся смялась. Он делает все, что не любит.

Соседи, его постоянные клиенты, приходят и видят, что дверь заперта. Может быть, они стучатся. А потом уходят.

Ящик ждет, чтобы открыть ему свою тайну.

Кто-то из его близких, кто-то, кого он любит, все равно заглянет внутрь.

Этот старик, антиквар. Всю жизнь он работает не покладая рук. Находит хороший товар по вполне подходящим ценам. Привозит к себе в магазин, ставит на полку. Стирает пыль. Почти всю свою жизнь он проработал в этом магазине, и уже было не раз, что на каких-нибудь распродажах он покупал те же самые лампы и столики, и продавал их у себя по второму и третьему разу. Покупал вещи умерших клиентов и продавал их живым. Его магазин просто вдыхает и выдыхает те же самые вещи.

Те же самые кресла, столы, фарфоровые куклы. Кровати, бюро, всякие милые безделушки.

Которые приходят к нему и уходят.

Все утро старый антиквар поглядывает на ящик с кошмарами.

Он занимается бухгалтерией. Весь день он сидит со своим десятикнопочным калькулятором и проверяет счета. Подсчитывает и сверяет длинные столбики цифр. Отслеживает поступления и реализацию товара на бумаге: все тех же комодов и полок для шляп. Варит кофе. Варит

еще кофе. Пьет кофе, чашку за чашкой, пока не кончается весь запас молотых зерен. Чистит и моет, пока все в магазине не превращается в его отражение в полированном дереве и сверкающем стекле. Пока весь магазин не пропитывается запахом лимона и миндального масла. Запахом его пота.

Ящик ждет.

Он надевает чистую рубашку. Причесывается.

Он звонит жене и говорит, что уже много лет прячет от нее записку, у себя в машине, в жестяной коробке под запасным колесом в багажнике. Сорок лет назад, когда родилась их дочка, говорит антиквар жене, он изменял ей с одной девчонкой, которая заходила к нему в магазин в обеденный перерыв. Он говорит, что ему очень стыдно. Он просит прощения. Говорит, чтобы она не ждала его к ужину. Говорит, что он любит ее.

Ящик стоит рядом с телефоном, не тикает.

Полиция находит его на следующий день. Бухгалтерия в полном порядке. В магазине царит идеальная чистота. Антиквар взял оранжевый удлинитель и привязал его к крючку для одежды на стене в ванной. В ванной, где все отделано кафелем и где потом будет легко убраться, он обмотал удлинитель вокруг шеи – а потом просто расслабился. Сполз вниз, по стене. Его нашли уже мертвым, задушенным. Он почти сидел на кафельном полу.

На прилавке у кассы ящик вновь тикает.

Все это есть в записях Тесс Кларк.

Вот так ящик попал в галерею Рэнда. Не просто вещь, а уже вроде как и легенда, говорит Рэнд собравшимся. Ящик с кошмарами.

Антикварный магазин напротив – теперь это просто большое пустующее помещение.

И прямо тогда, в тот самый вечер, когда Рэнд демонстрировал ящик гостям, а Кассандра стояла, прижимая локти к бокам – держала платье, прямо тогда кто-то в толпе произнес:

– Он не тикает.

Ящик.

Он больше не тикал.

Люди ждали, затаив дыхание. Напряженно прислушиваясь к тишине.

И Рэнд сказал:

– Если кто хочет – пожалуйста.

– Вот так? – сказала Кассандра и отдала миссис Кларк свой бокал с белым вином. Она подняла одну руку и взялась за медную ручку с одной стороны. Она отдала Рэнду свою расшитую бисером вечернюю сумочку,

где были помада и деньги «на всякий случай». – Так надо держать? – спросила она и взялась за вторую ручку с другой стороны.

– Ну, давай, – сказал Рэнд.

Миссис Кларк была рядом, мать рядом с дочерью, немного растерянная и беспомощная, в обеих руках – по бокалу. Как бы не уронить, не пролить.

Рэнд положил руку Кассандре на шею, сзади. Просунув ладонь под мягкий завиток волос, выбившихся из прически. Положил и слегка надавил, так что шея чуть выгнулась, подбородок задрался вверх, губы приоткрылись. Держа одну руку на шее Кассандры, сжимая в другой руке ее сумочку, Рэнд сказал ей:

– Смотри в глазок.

Ящик не тикает. Он тихий-тихий, как бомба за миг до взрыва.

Кассандра широко раскрывает глаз, левый. Бровь ползет вверх, ресницы дрожат, такие длинные и объемные от черной туши. Глаз зеленый-зеленый, такой влажный и мягкий – не твердое тело, не жидкость, а нечто среднее. Она смотрит в глазок, в темноту внутри.

Люди столпились вокруг. Они ждут. Рэнд по-прежнему держит руку у нее на шее.

Ноготь, покрашенный лаком, подбирается к кнопке. Кассандра прижимает лицо к черной стенке и говорит:

– Скажите, когда нажимать.

Когда смотришь в глазок левым глазом, нужно повернуть голову чуть вправо. Ты слегка горбишься, потому что приходится наклоняться так далеко вперед. Чтобы не потерять равновесие, надо держаться за ручки двумя руками. В таком положении основной вес приходится на руки и на лицо, прижатое к стенке ящика.

Кассандра вжалась лицом в черный ящик. Она как будто целует его. Локоны, выбившиеся из прически, легонько подрагивают. Серьги сверкают, искрятся.

Палец движется к кнопке.

И ящик опять начинает тикать, тихо-тихо. Где-то там, глубоко внутри.

Что-то там происходит, но это видит одна Кассандра.

Таймер случайных временных интервалов вновь начинает отсчет. Еще на неделю, на год. На час.

Кассандра так и стоит, прижимаясь лицом к черной стенке. Она по-прежнему смотрит в глазок. Ее плечи поникли. Руки свисают, как плети.

Быстро-быстро моргая глазами, Кассандра отходит на шаг от ящика и легонько трясет головой. Она не смотрит в глаза собравшимся – она

смотрит в пол, им под ноги. Ее губы плотно сжаты. Жесткий лиф платья провисает вперед, отлепившись от голой груди без бюстгальтера. Она поднимает руку и отталкивается от ящика.

Она сбрасывает туфли на шпильках, и мышцы ног сразу теряют рельефность. Ее твердокаменные ягодицы – теперь они мягкие.

Пряди, выбившиеся из прически, закрывают лицо, как маска.

Если кто высок ростом, ему видно ее соски.

Рэнд говорит:

– Ну, чего? – Он откашливается, выдыхает с мокрым протяжным всхлипом сквозь слюни и сопли и говорит: – Что ты видела?

По-прежнему не глядя никому в глаза, по-прежнему глядя в пол, Кассандра медленно поднимает руку и вытаскивает из ушей сережки.

Рэнд протягивает ей ее сумочку, но Кассандра ее не берет. Она сует ему в руку свои сережки.

Миссис Кларк говорит:

– Что случилось?

И Кассандра говорит:

– Поедем домой.

Ящик тикает.

А через пару дней она состригла себе ресницы. Достала большой чемодан, раскрыла его на кровати и принялась складывать туда вещи: туфли, носки и белье. Складывать и вынимать. Собирать вещи и разбирать. Когда Кассандра пропала, чемодан так и остался лежать на кровати. Наполовину собранный или наполовину пустой.

Теперь у миссис Кларк остались только ее записи, толстая папка, полная предположений о том, как работает ящик с кошмарами. Скорее всего это какой-то гипноз. Внушение. Внедрение образа или мысли. Отпечаток, действующий на подсознание. Некое скрытое сообщение – напрямую в мозг. Информация, которую невозможно извлечь. До которой нельзя докопаться. Она заражает тебя, как болезнь. И все, что ты знаешь, начинает казаться неправильным. Бесполезным.

Там, в ящике, скрывается некое новое знание, которому нельзя разучиться. Новая идея, которую невозможно забыть.

Они пришли на открытие выставки, а теперь, несколько дней спустя, Кассандра пропала.

На третий день миссис Кларк едет в центр. В ту галерею. Взяв с собой папку с записями.

Галерея открыта, но свет внутри не горит. Рэнд, однако, на месте. В сером пасмурном свете, проникающем в окна, он сидит на полу, весь

усыпанный состриженными волосами. Его мефистофельской бородки больше нет. Серьги с пухлым бриллиантом – тоже.

Миссис Кларк говорит:

– Вы туда заглянули, да?

Галерейщик просто сидит на холодном бетонном полу и смотрит на свои руки.

Миссис Кларк тоже садится на пол рядом с ним и говорит:

– Посмотрите мои записки. – Она говорит: – Скажите, что я права.

Принцип работы ящика с кошмарами, говорит она, заключается в воздействии на определенные доли мозга. Его передняя стенка чуть скошена на одну сторону. Поэтому заглянуть внутрь можно лишь левым глазом. В глазке стоит выпуклая линза, как в самых обычных дверных глазках. А из-за скоса передней стенки заглянуть в глазок можно только левым глазом.

– Таким образом, – говорит миссис Кларк, – то, что ты видишь, воспринимается правым полушарием мозга.

Что бы ты там ни увидел, это воспринимается правым полушарием, отвечающим за интуицию и эмоции.

Плюс к тому, заглянуть в ящик может только один человек за раз. То, что ты переживаешь, ты переживаешь один. То, что происходит внутри ящика с кошмарами, происходит лишь для тебя одного. Это переживание нельзя разделить с другими. Для других просто нет места.

Плюс выпуклая линза: она коверкает то, что ты видишь. Она искажает.

Плюс к тому, говорит миссис Кларк, эта табличка на крышке, эта надпись – Ящик с кошмарами, – она сразу настраивает на то, что тебе будет страшно. Она создает ожидания, которые ты сам подсознательно осуществляешь.

Миссис Кларк сидит, ждет подтверждения своей правоты.

Она сидит. Наблюдает за Рэндом. Ждет, когда он моргнет.

Ящик стоит на высоком штативе над ними, тикает.

Рэнд не шевелится, только грудь слегка приподнимается и опадает: он дышит.

На столе, в дальнем углу галереи, так и лежат украшения Кассандры. Ее вечерняя сумочка, расшитая бисером.

– Нет, – говорит Рэнд. Он улыбается и говорит: – Все не так.

Таймер тикает, ведет свой отсчет, так громко – в стылой тишине.

Остается только обзванивать все больницы: не поступала ли к ним молодая девушка с зелеными глазами и без ресниц. И ты звонишь и звонишь, говорит мистер Кларк, пока тебя просто не перестают слышать.

Говорят: «Подождите, не вешайте трубку, сейчас вам ответят». Заставляют тебя отступить.

Она поднимает глаза от своей папки, набитой бумагами, от своих записей, и говорит:

– А как? Расскажите.

Антикварный магазин, который напротив, он по-прежнему пустует.

– Все было не так, – говорит Рэнд. Все еще разглядывая свои руки, он говорит: – Хотя по ощущениям – именно так.

Как-то на выходных его фирма устроила пикник для сотрудников. На его старой работе. Которую он ненавидел. Он решил пошутить и принесть вместо еды дрессированных голубей. В плетеной корзинке. Для всех это была просто очередная корзина с вином и макаронным салатом. Все утро она простояла, накрытая скатертью, чтобы на нее не светило солнце. Рэнд следил, чтобы голуби сидели тихо.

Он крошил им батон. Потихоньку пропихивал в дырочки кусочки поленты.

Все утро люди, с которыми он работал, попивали вино или минералку и говорили о корпоративных задачах и целях, об укреплении командного духа.

И вот, когда все уже поняли, что прекрасное субботнее утро потрачено зря, когда стало совсем уже не о чем говорить, вот тогда Рэнд и открыл корзину.

Люди. Эти люди, которые работали вместе. Которые виделись каждый день. Которые думали, что знают друг друга. В этом белом хаосе. В этом вихре хлопающих крыльев посреди скучного пикника, кто-то из них закричал. Кто-то упал на траву. Они закрывали лица руками. Проливая напитки, опрокидывая еду. Прямо на выходную одежду.

А потом люди поняли, что им не грозит никакая опасность. Что ничего плохого не будет. И вот тогда люди прониклись. Они в жизни не видели такой красоты. Они смотрели, застыв в изумлении, и даже не улыбались – настолько их поразило увиденное. Забыв обо всем самом важном и самом существенном в жизни, они наблюдали за белым облаком трепещущих крыльев, уносящимся в синее небо.

Голуби поднимались спиралью. И там, высоко-высоко, спираль развернулась. И птицы, натренированные в бесчисленных полетах, унеслись друг за другом туда, где был их дом. Настоящий дом.

– Вот, – говорит Рэнд, – вот что было внутри. В ящике с кошмарами.

Впечатление далеко за пределами жизни после смерти. Там, в этом ящике – подтверждение того, что мы называем подлинной жизнью. Мир,

который мы знаем, – это всего лишь сон. Подделка. Кошмар.

Стоит раз это увидеть, говорит Рэнд, и вся твоя жизнь – все, чем ты так гордишься, за что ты бьешься, о чем тревожишься, – все становится мелким, бессмысленным.

Внук, по которому ползают тараканы, старый антиквар, Кассандра с обстриженными ресницами, которая голой ушла из дома.

Все твои проблемы, все любовные приключения.

Все это – иллюзия.

– Там, в этом ящике, – говорит Рэнд, – проблеск подлинной реальности.

Они так и сидят на бетонном полу, эти двое. Солнечный свет, проникающий в окна, уличный шум – все какое-то не такое. Словно они вдруг оказались в каком-то другом, незнакомом месте. И ящик больше не тикает.

Но миссис Кларк не решилась туда заглянуть.

Еды у нас нет. Горячей воды тоже нет. И вполне может случиться, что уже очень скоро не будет и света, и мы тут останемся в темноте, и будем ходить, как слепые, пробираясь на ощупь из комнаты в комнату, натываясь руками на чьи-то чужие руки и на мягкие пятна плесени на обоях. Или ползать на четвереньках по липким коврам, и наши колени и руки покроются коркой из засохшего мышиного дерьма. А мы будем ползать по этим коврам, прикасаясь к жестким участкам на мягком ворсе, к этим пятнам с руками-ногами.

У нас опять холодно, печка вновь сломана – как и должно быть.

Время от времени слышатся крики о помощи, это кричит Святой Безкишок. Но крики тихие-тихие, как последние отголоски эха где-то совсем далеко.

Святой называет себя Народным комитетом по привлечению внимания. Целыми днями он ходит вдоль внешних стен, колотит в запертые железные двери пожарных выходов и кричит. Но колотит не кулаком, а ладонью. И кричит не особенно громко. Просто достаточно громко, чтобы потом говорить, что он делал, что мог. Мы все делали, что могли. Мы старались быть сильными, храбрыми персонажами.

Мы организовывали комитеты. Мы сохраняли спокойствие.

Мы по-прежнему страдали, вопреки проискам призрака, который пробрался в канализацию и починил туалеты. Призрак нашел плоскогубцы и включил газовый нагреватель воды, уже после того, как Товарищ Злыдня выкинула ручку вентиля. Он даже срастил провод питания стиральной машины и загрузил стираться целую гору одежды.

Для Преподобного Безбожника наш призрак – это Далай-лама. Для Графини Предвидящей – Мэрилин Монро. Или это пустое инвалидное кресло мистера Уиттиера, хромированный каркас, сияющий в его комнате.

Перед полосканием призрак добавляет в машину кондиционер для белья со смягчающим действием.

У нас почти не остается свободного времени: надо собирать лампочки, звать на помощь, уничтожать результаты труда доброго привидения. Только поддерживать печку в неработающем состоянии – это уже задача на полный рабочий день.

Но что хуже всего: у нас нет ничего, что можно было бы прописать в окончательном варианте сценария. Нам надо выглядеть так, чтобы сразу

стало понятно: эти люди страдали. Голодали, терпели лишения и боль. Нам надо молиться о том, чтобы нас спасли. Миссис Кларк должна держать нас в ежовых рукавицах.

Все идет недостаточно плохо. Даже наш голод – он не настолько силен, как хотелось бы. Сплошное разочарование.

– Нам нужно чудовище, – говорит Сестра Виджиланте, опираясь локтями на свой шар для боулинга, который лежит у нее на коленях. Она сковыривает себе ногти ножом: сует кончик ножа под ноготь, раскачивает лезвие, чтобы ноготь отошел от пальца, а потом просто сдирает его. Она говорит: – Это основа любой страшной истории: само здание должно действовать против нас.

Сдирая ноготь за ногтем, она качает головой и говорит:

– Это даже не больно, если представить, сколько стоят эти шрамы.

Это все, что мы можем сделать, чтобы не вытащить миссис Кларк из ее гримерки и не заставить ее, под угрозой смерти, мучить нас и запугивать.

Сестра Виджиланте называет себя Народным комитетом по изысканию подходящего врага.

Директриса Отказ ходит, хромая. Обе ее ступни замотаны шелковыми тряпками. У нее на ногах не осталось ни одного пальца. Ее левая рука – просто лопатка из костей и кожи, одна ладонь без единого пальца, обмотанная тканью. На правой руке – только два пальца, указательный и большой. В них зажат отрезанный палец, на ногте которого еще остался темно-красный лак.

Держа свой отрезанный палец, Директриса бродит из комнаты в комнату, из галереи «Тысячи и одной ночи» в холл, обставленный в стиле итальянского ренессанса, и бормочет:

– Иди сюда, кис-кис-кис. – Она говорит: – Кора? Иди к мамочке, Кора, мой маленький. Сейчас будем кушать...

Время от времени слышен голос Святого Без-Кишок. Он кричит тихо, как будто шепчет:

– Помогите... Кто-нибудь, помогите... пожалуйста.

Потом – тихий шлепок ладони о дверь.

Очень тихий, почти неслышный. А то вдруг кто-то стоит снаружи как раз рядом с дверью.

Директриса Отказ называет себя Народным комитетом по кормлению кота.

Мисс Апчхи и Недостающее Звено, они входят в Народный комитет по смыву оставшихся испорченных продуктов питания. К каждому пакету,

который они смывают в унитаз, они присовокупляют подушку или туфлю, чтобы канализационные трубы забились – и оставались забитыми – наверняка.

Агент Краснобай стучит в дверь миссис Кларк и говорит:

– Послушай. – Он говорит: – У тебя не получится стать здесь жертвой. Мы тебя выбрали следующей злодейкой.

Агент Краснобай называет себя Народным комитетом по обеспечению нас всех новым мерзавцем.

Лампочки «персики», которые собирает Хваткий Сват, которые он передает Обмороженной Баронессе... которые она так бережно складывает в коробку, выложенную старыми париками... под конец каждого дня, Граф Клеветник оттаскивает их в подвал и бьет о бетонный пол. Он швыряет их точно так же, как потом скажет миру, что их была миссис Кларк.

Помещения уже кажутся больше. И сумрачнее. Цвета и стены исчезают в темноте. Агент Краснобай снимает на камеру битые лампочки и ногти Сестры Виджиланте, разбросанные по полу. Одинаковые белые черепки в форме полумесяца.

Если не считать призрака, у нас все почти плохо. Почти так, как должно быть.

Призрак Сестры Виджиланте – это герой. Она говорит, что мы ненавидим героев.

– Цивилизация всегда действует лучше, – говорит Сестра Виджиланте, просовывая кончик ножа под очередной ноготь, – когда есть кто-то, кого все боятся.

Под присягой

Стихи о Сестре Виджиланте

– Один мужик подал иск на миллион долларов, – говорит Сестра Виджиланте, – из-за того, что кто-то не так на него посмотрел.

В ее первый день в качестве присяжной.

Сестра Виджиланте на сцене, прижимает к груди книгу, как щит.

Ее блузка – вся в желтых рюшках, с белым кружевом по краям.

Книга в переплете из черной кожи, на обложке оттиснуто золотом:

Библия.

Сестра Виджиланте в очках в черной оправе.

Из украшений – только браслет-оберег с позвякивающими серебряными висюльками.

Волосы выкрашены в черный. Такой же темный, как ее лакированные туфли. Как ее Библия.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма.

На стеклах очков играют яркие блики: отражения электрических стульев и виселиц.

Зернистое изображение: кинохроника о приговоренных к смертной казни – к газовой камере или расстрелу.

Там, где должны быть глаза, – глаз не видно.

Ее первый день на скамье присяжных, слушается очередное дело: мужчина, споткнувшийся о бордюр, предъявляет иск владельцу роскошной машины, на которую налетел.

Требует возместить ущерб в размере пятидесяти тысяч за собственную неуклюжесть.

– Эти горе-истцы, у которых нет ни ума, ни элементарной координации движений, – говорит Сестра Виджиланте.

Они отличались прекрасным умением *винить других*.

Другой истец требовал компенсации в сотню тысяч от домовладельца, не убравшего из своего сада за домом поливочный шланг, из-за которого тот упал и повредил лодыжку, когда убегал от полиции. А полиция гналась за ним потому, что он изнасиловал женщину.

Впрочем, к данному делу сие не относится.

Охромевший насильник хотел отсудить для себя целое состояние – за причиненные ему страдания и боль.

Там, на сцене, серебряные обереги поблескивают сквозь кружево на манжете,

Библия крепко зажата в руках, ногти покрашены желтым, того же оттенка, что и рюшки на блузке,

Сестра Виджиланте говорит, что она всегда вовремя платит налоги.

Никогда не переходит дорогу в неподобающем месте.

Сортирует свой мусор.

Ездит на работу в автобусе.

– И тогда, – говорит Сестра Виджиланте, в первый свой день на скамье присяжных, – я сказала судье:

Что-то вроде:

– Какой же херней мы тут все занимаемся.

И ее обвинили в неуважении к суду...

Гражданские сумерки

Рассказ Сестры Виджиланте

В то лето люди перестали жаловаться на цены на бензин. В то лето никто не высказывал свое «фи» по поводу сериалов, идущих по телевидению.

24 июня заход солнца был в 8:35. Гражданские сумерки закончились в 9:07. По Лъис-стрит шла женщина, вверх по крутому уклону. На отрезке между 19-й и 20-й авеню она услышала грохот. Такой звук могла издавать сваебойная машина: словно что-то тяжело топает по асфальту, и этот топот отдается в ноги, обутые в туфли на низких каблуках. Один удар каждые две-три секунды. С каждым разом – все громче, все ближе. На ее стороне улице не было никого, и женщина остановилась и вжалась в кирпичную стену отеля. Напротив, через дорогу, в дверях ярко освещенного гастрономического магазина стоял мужчина азиатской внешности и вытирал руки белым полотенцем. Где-то в темноте, между двумя фонарями, разбилось что-то стеклянное. Снова раздался удар, и на какой-то машине включилась сигнализация. Топот все приближался – что-то невидимое приближалось в ночи. Газетный автомат с грохотом завалился набок. Еще удар, говорит эта женщина, и в телефонной будке разбилось стекло, всего в трех припаркованных автомобилях от того места, где стояла она сама.

Согласно короткой заметке в газете на следующий день, ее звали Тереза Уилер. Ей было 30 лет. Она работала в нотариальной конторе.

К тому времени мужчина-азиат ушел обратно в магазин. Перевернул табличку на двери: «Закрето». Так и держа полотенце в руках, он пробежал в глубь помещения, и свет в магазине погас.

На улице стало совсем темно. Была автомобильная сигнализация. Снова раздался топот, очень громко и очень близко, так что отражение Уилер в витринном стекле задрожало. Почтовый ящик у обочины тротуара громыхнул, словно пушка, и потом еще долго дрожал, скособочившись на сторону, с вмятиной на боку. Деревянный электрический столб содрогнулся, провода колыхнулись, стукнулись друг о друга, посыпались искры – сверкающий летний фейерверк.

Ниже по улице, буквально в квартале от Уилер, взорвалась плексигласовая стенка автобусной остановки, где была подсвеченная

фотография одного известного киноактера, одетого только в исподнее.

Уилер стояла, вжавшись в кирпичную стену и пытаясь просунуть пальцы в стыки между кирпичами. Она прилепилась к стене, как плющ. Ее затылок прижимался к кирпичной кладке так плотно, что потом, когда она рассказывала полицейским свою историю, она показала им крошечную залысину в том месте, где волосы стерлись о грубый кирпич.

А потом, сказала она, ничего.

Ничего не случилось. Ничто так и не показалось на темной улице.

Сестра Виджиланте, рассказывая эту историю, по ходу дела отковыривает себе ногти ножом.

Гражданские сумерки, говорит она, это период времени от захода за горизонт верхнего края солнечного диска до того момента, пока погружение солнца под горизонт не превышает шести градусов. Эти шесть градусов равняются примерно получасу. Гражданские сумерки, говорит сестра Виджиланте, это не то, что навигационные сумерки, которые заканчиваются, когда солнце опускается на двенадцать градусов под горизонт. Астрономические сумерки заканчиваются, когда солнце опускается на восемнадцать градусов.

Сестра говорит, что это «что-то» невидимое, чуть ниже по улице от того места, где стояла Тереза Уилер, оно смяло крышу машины, стоявшей на светофоре на перекрестке с 16-й авеню. То же самое невидимое ничто снесло неоновую вывеску бара «Тропический», расшибло все световые трубки и согнуло стальную вывеску пополам, на уровне третьего этажа.

И все же рассказывать было нечего. Следствие без причины. Нечто невидимое прогрохотало по Льюис-стрит, круша и сметая все на своем пути, от 20-й авеню почти до самой реки.

29 июня, говорит Сестра Виджиланте, заход солнца был в 8:36.

Гражданские сумерки закончились в 9:08.

По словам парня, который работал кассиром в кинотеатре для взрослых «Олимпия», что-то промчалось мимо стеклянной передней панели его билетной кассы. Он не увидел, что это было. Скорее, это был просто свист воздуха, как будто мимо пронесся невидимый автобус, чудовищный выдох – так близко, что бумажные деньги на столике перед ним всколыхнулись от ветра. Просто высокий звук. Боковым зрением он заметил, что огни закусочной через улицу как будто мигнули, словно что-то закрыло собой на мгновение целый мир.

А на следующем входе, говорил этот кассир, он услышал звук. Тот самый гроыхающий звук, который описывала Тереза Уилер. Где-то в темноте залаяла собака. Тот же самый «проходящий» звук, о котором

кассир потом рассказал полиции. Звук гигантских шагов. И эта невидимая гигантская нога просвистела мимо, на расстоянии вдоха-выдоха.

1 июля люди жаловались на нехватку воды. Они ворчали, что город вновь срезал бюджет и что полиция вообще ничего не делает. Наблюдался рост уличной преступности: автомобильные кражи, граффити, вооруженные ограбления.

2 июля никто ни на что не жаловался.

2 июля заход солнца был в 8:34, гражданские сумерки закончились в 9:03.

2 июля одна женщина, выгуливавшая собаку, обнаружила тело Лоренцо Карди; одна половина его лица была просто-напросто вмята в череп. Он был мертв, говорит Сестра Виджиланте.

– Субарахноидальное кровоизлияние, – говорит она.

За миг до удара этот человек, наверное, что-то почувствовал, может быть, дуновение воздуха, что-то такое, потому что он поднял руки, прикрывая лицо. Когда обнаружили тело, обе руки были буквально вколочены в то, что осталось от его лица, глубоко-глубоко, так что ногти вошли в его собственный смятый мозг.

На улице, в промежутке между двумя фонарями, там, в темноте, слышится звук. Этот топот. Тяжелый и громкий. Второе громыхание может быть уже ближе, совсем-совсем рядом, или, еще того хуже, ты будешь следующей жертвой. Люди слышали, как оно приближается, раз, второй, все ближе и ближе, и они замирали на месте. Или они заставляли себя сделать эти три или четыре шага – левой ногой, правой, левой – до ближайшего входа в какое-нибудь помещение. Они приседали, прячась за припаркованные машины. Еще ближе, следующее ба-бах, звук удара и вой автосигнализации. Вдоль по улице, все ближе и ближе, все громче и громче. Набирая скорость.

Оно бьет из темноты, говорит Сестра Виджиланте – ба-бах – удар черной молнии.

13 июля заход солнца был в 8:33, гражданские сумерки закончились в 9:03, женщина по имени Анджела Дэвис только что вышла с работы – она работала в прачечной на Центральной улице, – и что-то невидимое ударило ее в спину и сломало позвоночник. Удар был таким сильным, что, падая, женщина потеряла обе туфли.

17 июля, когда гражданские сумерки закончились в 9:01, мужчина по имени Гленн Джейкобс вышел из автобуса и пошел по Портер-стрит в направлении 25-й авеню. Что-то невидимое ударило ему в грудь и сломало все ребра. Раздавило их, как плетеную корзину.

25 июля гражданские сумерки закончились в 8:55. В последний раз Мэри Лей Станек видели на Юнион-стрит. Она вышла на вечернюю пробежку. Станек остановилась, чтобы завязать шнурок на кроссовке и проверить пульс по часам. Она сняла бейсболку. Снова надела, уже козырьком назад, и убрала под нее свои длинные каштановые волосы.

Она свернула на запад, на Пасифик-стрит, а потом ее нашли уже мертвой. Ее лицо буквально сорвало с черепа.

– Авульсия, – говорит Сестра Виджиланте.

То, что убило Станек, с него были стерты все отпечатки пальцев. Оно было облеплено волосами и все в крови. Орудие убийства нашли под машиной, припаркованной на Второй авеню.

Согласно полицейскому протоколу, это был шар для боулинга.

Эти грязно-черные шары для боулинга, они продаются в любом магазинчике уцененных товаров по полбакса за штуку. Целые ящики этих шаров: трогай руками, ройся, выбирай. Если брать по одному шару за раз, скажем, раз в год, но по всем магазинчикам города, можно собрать их несколько сотен. Шар можно вынести даже из боулинга, причем без труда. Спрятав эту восьмифунтовую дуру под курткой. Двенадцатифунтовый шар можно засунуть в детскую коляску – едва скрытое оружие.

Полиция провела пресс-конференцию. Они вышли на автостоянку, и кто-то с силой швырнул об асфальт шар для боулинга. Шар подпрыгнул. Издав звук сваебойной машины, работающей вдалеке. Шар подпрыгнул высоко, выше человеческого роста. На асфальте следа не осталось, и если бы улица шла под уклон, сказали полицейские, шар бы продолжал прыгать, все быстрее и выше, вниз по улице, большими «шагами». Они сбросили шар из окна третьего этажа главного полицейского управления – он ударился об асфальт и подпрыгнул еще выше. Телевизионщики сняли это на камеру. В тот же вечер эпизод показали по всем каналам.

Городской совет выступил за принятие закона о раскраске шаров для боулинга. Пусть они будут ярко-розовыми. Или кислотно-желтыми, оранжевыми или зелеными – чтобы поздно ночью, в темном переулке, человек мог увидеть, как эта штука летит на него. Чтобы он успел пригнуться до того, как – ба-бах – ему расплющит лицо.

Отцы города продвигали закон, объявляющий владельцев черных шаров преступниками.

Полицейские называли это *не специфически мотивированным убийством*. Как в деле Герберта Малина, который убил десятерых человек, чтобы предотвратить землетрясения в Южной Калифорнии. Или Нормана Бернарда, который отстреливал бомжей, потому что считал, что это будет

способствовать поднятию экономики. ФБР назвало бы это *убийством по личной заинтересованности*.

Сестра Виджиланте говорит:

– В полиции думали, что убийца – их враг.

Шар для боулинга был полицейской уловкой, судачили люди. Это был отвлекающий маневр. То самое чудовище, на которое можно валить всю вину. Шар для боулинга – это было простое решение проблемы, как сделать, чтобы люди не ударились в панику.

31 июня гражданские сумерки закончились в 8:49. На Вестерн-авеню спал бездомный по имени Деррил Эрл Фитцхью. У него на лице лежала раскрытая книжка в мягкой обложке, «Чужак в чужой стране». Ему пробило грудную клетку, расплющило оба легких и разорвало сердечную мышцу.

По словам одного свидетеля, убийца выполз из залива, перевалившись через край дамбы. Другой свидетель видел чудовище со склизкой кожей: оно протискивалось наружу из дождевого водостока. Эти люди еще говорили, что характер полученных повреждений походил на последствие удара лапы гигантского ящера, передвигавшегося на задних ногах. Расплющенная грудная клетка – уже само по себе доказательство, что на жертву наступил какой-нибудь атавистический динозавр.

Что-то промчалось мимо, говорили другие люди, близко к земле, слишком быстро для зверя. Или это был взбесившийся маньяк с пятидесятифунтовым кузнечным молотом. Одна очевидица говорила, что это все кара Господня и нас «поражает» Бог из Ветхого Завета. Жертвы, прилепленные как мухи. Гигантской лапой. Черной как сама ночь. Беззвучной, невидимой. Каждый видел что-то свое.

– Важно другое, – говорит Сестра Виджиланте. – Людям нужно чудовище, в которое можно поверить.

Подлинный, страшный враг. Дьявол, от которого можно отмежеваться. Иначе останемся только мы. Мы против нас. Все против всех.

И что еще важно, говорит Сестра Виджиланте, просовывая кончик ножа под очередную ноготь: уровень преступности существенно снизился.

При таких обстоятельствах каждый мужчина становится подозреваемым. Каждая женщина – потенциальной жертвой.

Общество настороже. Как это было во время убийств в Уайт-Чепеле. Во времена Джека Потрошителя. На эти 100 дней уровень убийств снизился на 94 процента, всего до пяти проституток. Им перерезали горло. Вырвали почки, которые частично съели. Внутренности развесили по комнате на гвоздях для картин. Половые органы и утробный плод убийца

забрал в качестве сувениров. Уровень краж со взломом упал на 85 процентов. Ограблений – на 70 процентов.

Сестра Виджиланте, она говорит, что никому не хотелось стать следующей жертвой Потрошителя. Люди запирали окна. Но что самое главное: никому не хотелось, чтобы его обвинили в убийствах. Люди не выходили на улицу по ночам.

Во времена маньяка в Атланте, когда погибли 30 детей: кого-то убийца задушил, кого-то зарезал, избил до смерти и застрелил, – с точки зрения общественной безопасности в городе царило такое спокойствие, какого там никогда не знали.

Во времена Кливлендского Расчленителя. Бостонского Душителя. Чикагского Потрошителя. Маньяка с дубинкой из Талсы. Резателя из Лос-Анджелеса...

Во время этих кровавых убийств уровень преступности в каждом городе падал до минимума. За исключением немногочисленных жертв, с картинно отрубленными руками и головами, за исключением этих впечатляющих жертвоприношений, горожане наслаждались самым спокойным и безопасным периодом за всю историю существования данного города.

Во времена психопата с топором в Новом Орлеане убийца написал в местную газету «Times-Picayune» и пообещал, что в ночь на 19 марта он не убьет никого в том доме, где будет играть джаз. В ту ночь весь город гремел музыкой, и никого не убили.

– В большом городе с ограниченным полицейским бюджетом, – говорит Сестра Виджиланте, – хороший серийный убийца – это весьма эффективный способ модификации общественного поведения.

Когда по улицам бродит чудовище, когда его тень нависает над каждым, никто не жалуется на безработицу. На нехватку воды. На уличные пробки.

Когда ангел смерти ходит от двери к двери, люди держатся друг за друга. Перестают сволочиться и начинают вести себя хорошо.

На этом моменте в рассказе Сестры Виджиланте мимо проходит Директриса Отказ: она кричит со слезами в голосе, зовет кота.

Одно дело, продолжает сестра, когда убивают людей. Вот она, жертва убийства, лежит с раздробленной грудной клеткой и пытается сделать еще один вдох перед смертью, глотает воздух и стонет, растянув губы. Когда человек умирает на улице, в темноте, говорит Сестра Виджиланте, можно встать рядом с ним на колени, и никто этого не увидит. Зато ты увидишь, как стекленеют его глаза. Но убить животное – это совсем другое.

Животные, скажем собаки, они делают нас людьми. Они – доказательство нашей человечности. Другие люди: рядом с ними мы лишние. Кошка или собака, ящерица или птичка: рядом с ними мы – Бог.

Наши враги, говорит Сестра Виджиланте, это другие люди. День за днем, с утра до ночи. Люди, с которыми мы стоим в пробках. Люди, которые стоят перед нами в очереди в супермаркете. Кассиры в тех же супермаркетах, которые нас ненавидят за то, что им приходится нас обслуживать. Людям совсем не хотелось, чтобы этот убийца был человеком. Но им хотелось, чтобы умирали другие люди.

В Древнем Риме, говорит Сестра Виджиланте, в Колизее, была должность эдителя, устроителя гладиаторских игр. Для того чтобы люди оставались миролюбивыми и не поубивали друг друга, им нужны были кровавые зрелища, организацией которых и занимались эдиторы. От этого слова произошло современное «editor», редактор. Сегодня наши редакторы составляют меню из убийств, изнасилований, поджогов и вооруженных ограблений на первых страницах ежедневных газет.

Конечно, был и герой. По счастливой случайности 2 августа – заход солнца в 8:34 – он оказался на той же улице, что и 27-летняя Мария Альварес, которая как раз выходила из своего отеля, где работала ночным аудитором. Она остановилась на улице прикурить сигарету, и тут к ней подлетает какой-то парень и оттаскивает назад. В то же мгновение мимо промчалось чудовище. Этот парень спас ей жизнь. По телевизору его прославлял весь город, но в душе все его ненавидели.

Этот спаситель, герой, он был им не нужен. Какой-то кретин, спасший жизнь «не мне, а кому-то там». Людям хотелось, чтобы были жертвы. Раз в несколько дней. Кто-то, кого можно сбросить в вулкан. Очередное наше подношение слепой судьбе.

И вот как все закончилось: в один из вечеров чудовище прибило собаку. Маленькую собачку, крошечный меховой шарик на поводке. Она стояла привязанной к парковочному счетчику на Портер-стрит, стояла и лаяла на приближающийся грохот. Чем ближе был звук, тем сильнее она лаяла, эта собака.

Стекло в витрине покрылось сетью трещин и осыпалось кусочками гололомок. Чугунный пожарный гидрант покосился, на боку образовалась трещина, откуда с шипением вырвалась вода. Край подоконника взорвался фонтаном бетонной пыли. Парковочный счетчик задрожал, монеты внутри зазвенели. Знак «Стоянка запрещена», сорванный с металлического столба, грохнулся об асфальт. Столб еще гудел от невидимого удара.

Еще удар, и собачий лай оборвался.

После той ночи чудовище, похоже, пропало. Прошла неделя, но с наступлением темноты улицы по-прежнему вымирали. Прошел месяц, и редакторы нашли новые ужасы для первых полос газет. Новый вид рака. Война где-нибудь далеко.

10 сентября заход солнца был в 8:02. По окончании очередного сеанса групповой терапии Кертис Хаммонд вышел из дома 257 на Вест-Милл-стрит, где проходили занятия. Он как раз ослаблял узел на галстук, когда все и случилось. Он расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Оглядел темную улицу. Улыбнулся, подставляя лицо теплему ветерку, закрыл глаза и глубоко вдохнул через нос. Месяц назад это лицо знали все. Оно было на первых страницах газет. В теленовостях. Весь город знал этого человека. Он спас жизнь ночной аудиторши. Уберег ее от удара чудовища. От божьей кары.

Он и был тем героем, который был нам не нужен.

10 сентября гражданские сумерки закончились в 8:34, и буквально секунду спустя Кертис Хаммонд обернулся на звук. С галстуком, свободно болтающимся на шее, он прищурился, глядя в темноту. Улыбнулся, сверкнув зубами, и сказал:

– Кто здесь?

Мы находим Товарища Злыдню в фойе у балконов второго яруса. Она лежит на ковре рядом с диваном, обтянутым гобеленовой тканью. Пропыленные, серые парики обрамляют ее синюшное лицо. Парики громоздятся один на другой. Она не шевелится. Ее руки – как кости, связанные сухожилиями, внутри сморщенной плоти ее черных бархатных перчаток. Тощая шея похожа на прутья, оплетенные дряблой кожей. Ее щеки запали, закрытые глаза ввалились. Все лицо словно осело.

Она мертва.

Ее глаза: зрачки остаются такими же крошечными, как булавочные отверстия, когда Граф Клеветник поднимает ей веки, сдвинув их большим пальцем. Мы обследуем ее руки на предмет трупного окоченения, внимательно изучаем кожу – не появились ли трупные пятна, но она все еще свежая. Свежее мясо.

Теперь гонорар надо будет делить лишь на пятнадцать частей.

Граф Клеветник закрывает ей глаза.

На четырнадцать, если Мисс Апчхи так и будет кашлять. На тринадцать, если Хваткому Свату достанет смелости отрубить себе член.

Товарищ Злыдня теперь навсегда перешла в разряд персонажей второго плана, из тех, которые «в эпизодах». Очередная трагедия, о которой поведают миру оставшиеся в живых. Какой она была доброй и мужественной, теперь – когда ее больше нет. Всего лишь реквизит для нашей истории.

– Если она умерла, ее можно съесть, – говорит Мисс Америка. – Кто мертвый, тот – пища. – Она стоит на верхней ступеньке лестницы, держась за позолоченные перила. Другой рукой она держится за живот. – Она бы вас съела. – Перила поддерживают золоченые пухленькие купидоны. Мисс Америка говорит: – Она была бы не против. Даже наоборот.

И Граф Клеветник говорит:

– Переверните ее на живот, если вам так будет легче. Чтобы не видеть ее лица.

И мы ее переворачиваем, и Повар Убийца встает рядом с ней на колени и задирает в несколько приемов ее многочисленные юбки и нижние юбки, муслин и криолин, обнажая желтые хлопчатобумажные трусики, провисающие на ее плоской, бледной заднице. Он говорит:

– Вы уверены, что она умерла?

Мисс Америка наклоняется и прикладывает два пальца к ссохшейся шее Товарища Злыдни, под высоким кружевным воротником, к синюшно-белой коже.

Повар Убийца наблюдает за ней, стоя на коленях, сжимая в руке обвалочный нож, стальное лезвие длиной с палец. Другой рукой он придерживает ворох белых и серых кружев, желтый муслин, бессчетные нижние юбки и просто юбки. Он говорит, глядя на нож:

– Может, стоит его простерилизовать?

– Ты же не аппендикс ей вырезаешь, – говорит Мисс Америка, по-прежнему прижимая пальцы к синюшно-белой шее. – Если это тебя беспокоит, можно прожарить его получше. Ну, мясо...

Как те счастливицы из группы Доннера,^[5] говорит Граф Клеветник, продолжая что-то корябать в своем блокноте. Или регбисты из Южной Америки, когда их самолет совершил вынужденную аварийную посадку в Андах в 1972 году. Впрочем, им повезло больше, чем нам. На них «работала» сама погода. Было холодно. Мясо замерзло и не успевало испортиться. Когда кто-нибудь умирал, у них было время обсудить все аспекты приемлемого человеческого поведения. Тело просто закапывали в снег, пока голод не отметал любые моральные терзания.

Здесь все-таки не так холодно, как в морозилке. Даже в подвале, где лежат тела Леди Бомж, мистера Уиттиера и Герцога Вандальского, запеленутые в бархат. Если мы не съедем ее прямо сейчас, пока бактерии внутри у Товарища Злыдни не приступили к собственной трапезе, мы упустим возможность. Она начнет разлагаться и станет для нас бесполезной. И сколько бы ее ни выдерживали в микроволновой печи, это отравленное мясо будет уже непригодно в пищу.

Так что если мы будем мяться – если мы не разделаем ее прямо здесь и сейчас, на этом ковре с золотыми цветами, рядом с диваном, обтянутым гобеленовой тканью, под хрустальными бра в холле у балконов второго яруса, – завтра умрет кто-то из нас. Или послезавтра. И Повар Убийца разрежет на нас белье своим обвалочным ножом и обнажит наши тощие бедра и сморщенные плоские ягодичы синюшно-белого цвета. Посеревшие ямочки под коленями.

Кто-то из нас: просто мясо, которое скоро испортится.

На одной плоской ягодиче из-под завернувшихся трусиков выглядывает татуировка – цветущая роза. Как она и говорила, Товарищ Злыдня.

Эти регбисты, потерявшиеся в Андах. Собственно, это в их книге Повар Убийца прочел, что ягодичы срезают в первую очередь.

Мисс Америка отнимает пальцы от холодной шеи и выпрямляется. Дует на пальцы, словно согревая их своим дыханием, потом быстро-быстро трет ладонью о ладонь и прячет руки в складках юбки.

– Злыдня мертва, – говорит она.

Обмороженная Баронесса у нее за спиной идет к лестнице вниз. Ее юбка шуршит, волочась по ковру, ее голос уносится прочь вместе с ней. Она говорит:

– Пойду принесу тарелку или какое-нибудь блюдо. – Она говорит: – *Очень важно*, как подавать еду. – С тем она и уходит.

– Так, – говорит Повар Убийца. – Кто-нибудь, поддержите уже эти юбки. – Он отодвигает локтем ворох жесткой материи и юбок, которые норовят упасть вниз и мешают ему приступить к делу.

Граф Клеветник перешагивает через тело и встает над ним, широко расставив ноги, лицом к ногам трупа. К ногам в волнистых линиях вен, в белых носках до середины икры и красных туфлях на каблуках. Граф Клеветник сгребает все юбки в охапку и приседает на корточки. Вздохнув, он садится задницей на лопатки мертвой Товарища Злыдни. Его колени торчат вверх, в потолок, руки совсем потерялись в ворохе ткани и кружев. Маленький сетчатый микрофон выглядывает из кармана его рубашки. Огонек ЗАПИСЬ светится красным.

И Повар Убийца кладет одну руку на бледную ягодицу и натягивает на ней кожу. Другой рукой он проводит ножом сверху вниз. Словно рисует прямую линию на синюшно-белой заднице Товарища Злыдни – тонкую линию, которая становится все толще и четче по мере того, как нож скользит дальше. Параллельно щели между ягодицами. На белой коже разрез кажется черным, потом – черно-красным, пока алые струйки не проливаются на юбки внизу. Руки Повара Убийцы все измазаны в красной дымящейся крови. Он говорит:

– А что, у мертвых кровь *и должна* течь так сильно?

В ответ все молчат.

Раз, два, три, четыре, где-то совсем в другом месте Святой Без-Кишок шепчет:

– Помогите!

Локоть Повара Убийцы ходит вверх-вниз, пока он пилит жилистое алое месиво. Своим маленьким ножиком. Самая первая прямая линия давно потерялась в красном рагу. Поднимается пар. В холодном воздухе разливается запах крови, пропитавшей тампон, запах женской уборной. Повар Убийца прекращает пилить и поднимает руку, в которой сжимает ошметок чего-то красного. Он не смотрит на то, что держит. Его взгляд

прикован к алому пятну посреди сугроба из белых юбок. К этому большому цветку, исходящему паром – здесь, на ковре в холле у балконов второго яруса. Повар Убийца встряхивает алый ошметок у себя в руке. То, на что он не может смотреть. Кусок, истекающий темно-красным соком. Он говорит, Повар Убийца:

– Возьмите это. Кто-нибудь...

Ничья рука не протягивается вперед.

Ее роза, татуировка: вот она, в самом центре куска.

По-прежнему не глядя на эту штуку у себя в руке, Повар Убийца кричит:

– Возьмите!

Шелест сказочной парчи и атласных юбок – Обмороженная Баронесса вновь с нами. Она говорит:

– О Господи...

Под сочащийся алый ошметок подставляют тарелку, и Повар Убийца роняет его туда. Теперь, на тарелке, это уже мясо. Тонкий кусок для бифштекса. Или для отбивной котлеты. Похожий на тонкие полоски мяса, которые в витринах мясных отделов обозначены как стрип-стейки.

Локоть повара-убийцы вновь ходит вверх-вниз, рука пилит. Другой рукой он вынимает алые обрезки, кусок за куском, из красной дымящейся сердцевины этого большого белого цветка. Бумажная тарелка уже не выдерживает их тяжести и начинает сгибаться пополам. Красный сок проливается с одного края. Баронесса идет за второй тарелкой. Повар Убийца наполняет и ее тоже.

Граф Клеветник, все еще сидя верхом на теле, немного смещается и отворачивается от дымящегося алого месива. Это совсем не похоже на холодный и чистый запах мяса из супермаркета. Это запах животного, которого сбила машина, но не насмерть, и оно уползает с горячего, разогретого летним солнцем асфальта, волоча перебитые задние лапы и оставляя длинный смазанный след из дерьма и крови. Это запах новорожденного младенца сразу после рождения.

А потом тело, Товарищ Злыдня, издает тихий стон.

Тихий стон спящего человека, которому снится сон.

И Повар Убийца отшатывается. Красные капли падают с его рук. Нож так и торчит в сердцевине алого цветка – пока упавшие юбки не накрывают его волной трепетной ткани. Баронесса роняет первую бумажную тарелку, согнувшуюся под тяжестью мяса. Цветок закрывается. Граф Клеветник резко встает и отходит подальше. Мы все чуть отступаем. Стоим – смотрим. Слушаем.

Нужно, чтобы что-то случилось.

Нужно, чтобы что-то случилось.

Потом, раз, два, три, четыре, где-то совсем в другом месте Святой Без-Кишок шепчет:

– Спасите!

Его приглушенный голос, как сирена в густом тумане.

Слышно, как где-то, совсем в другом месте, Директриса Отказ зовет:

– Иди сюда... кис-кис-кис... – Ее протяжные крики срываются на рыдания, и она говорит: – Иди... к мамочке... мой малыш...

Повар Убийца разминает липкие красные пальцы, ни к чему не прикасаясь. Он смотрит на тело и говорит:

– Вы мне сказали...

И Мисс Америка выходит вперед, ее кожаные сапоги поскрипывают при каждом шаге. Она наклоняется и прижимает два пальца к синюшно-белой шее под кружевным воротником. Она говорит:

– Злыдня мертва. – Она кивает Графу Клеветнику и говорит: – Ты, наверное, выдавил воздух у нее из легких. – Мисс Америка кивает на мясо, упавшее с тарелки, теперь все обвалынное в пыли и пухе, и говорит: – Поднимите его...

Граф Клеветник включает воспроизведение записи, и голос Товарища Злыдни стонет и стонет все тем же стоном. Наш попугай. Смерть Товарища Злыдни записана поверх смерти Герцога Вандальского, записанной поверх смерти мистера Уиттиера, которая записана поверх смерти Леди Бомж.

Вероятно, Товарищ Злыдня умерла от сердечного приступа. Миссис Кларк говорит, что это бывает от недостатка тиамина, или, проще сказать, витамина В1. А может быть, это из-за нехватки калия в крови, что приводит к ослаблению мышц и, опять же, сердечному приступу. Так умерла Карен Карпентер в 1983 году: из-за остановки сердца, вызванной хронической анорексией. Когда человек просто падает замертво, говорит миссис Кларк, это явно сердечный приступ.

На самом деле никто не умирает от голода, говорит миссис Кларк. Умирают от пневмонии, вызванной недоеданием. Умирают из-за почечной недостаточности, вызванной недостатком калия. Умирают от болевого шока, когда из-за остеопороза ломаются кости. Умирают от сердечного приступа, вызванного недостатком солей в организме.

Что бы ни стало причиной смерти Товарища Злыдни, говорит миссис Кларк, именно так и умрет большинство из нас. Если мы не будем есть.

Наконец-то наш дьявол дает нам команду. Мы ужасно гордимся ею.

– Не труднее, чем снять кожу с куриной грудки, – говорит Повар

Убийца и кидает очередной кусок мяса на бумажную тарелку, пропитанную алым соком. Он говорит: – Господи Всемогуций, как мне нравятся эти ножи...

Запасной вариант

Стихи о Поваре Убийце

– Чтобы все о тебе заговорили, – говорит Повар Убийца, – всего-то и нужно, что занять ружье.

Эту простую истину он узнал рано, из теленовостей. Из газет.

На сцене – Повар Убийца, на нем штаны в черно-белую клетку, какие обычно носят только профессиональные повара.

Огромные, словно раздутые паруса, они все равно туго обтягивают его задницу.

Руки, пальцы в узорах рубцов и шрамов. Пятна от старых ожогов.

Рукава его белой рубашки закатаны, все волосы на мясистых руках спалены до локтей.

Руки и ноги такие толстые, они не сгибаются, колени и локти лишь намечают изгиб.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма:

Две идеальные руки крупным планом, чистые ногти, ладони, как пара розовых перчаток, руки снимают кожу с куриной грудки.

Лицо – как округлый экран, черты теряются в складках жира, губ не видно под кондитерской кистью усов.

Повар Убийца говорит:

– Это мой запасной вариант.

Он говорит:

– Если моя гаражная группа не получит контракт на запись...

Если никто не возьмется издать его книгу...

Если его пьеса не пойдет в театрах...

Если его пилотную серию не покажут по телевидению...

Его лицо извивается в мельтешащем движении рук:

руки знают свою работу, снимают кожицу и удаляют кости, отбивают и приправляют, панируют, и жарят, и украшают готовое блюдо, пока кусок мертвой плоти не становится произведением искусства, которое жалко есть.

Винтовка. Прицел. Подходящая цель и кортеж автомобилей.

Все, о чем он узнал ребенком, когда смотрел новости по телевизору, каждый вечер.

– После этого меня не забудут, – говорит Повар.

Его жизнь не пройдет впустую.

Он говорит:

– Это мой запасной вариант.

Верность марке

Рассказ Повара Убийцы

*Мистеру Кеннету МакАртуру
Директору по связям с общественностью
«Kutting-Blok Knife Products, Inc.»*

Дорогой мистер МакАртур,

Просто чтобы вы знали: ваша компания производит замечательные ножи. Выдающиеся ножи.

*Профессиональная кулинария – дело само по себе нелегкое, а если приходится работать с плохим ножом, то это уже не работа, а просто мучение. Тебе нужно нарезать картофель *allumette*, соломкой, причем каждая долька должна быть тоньше карандаша. Я уже не говорю про картофель фри. Возьмем для сравнения ваш изумительный проволочный резак – ломтик картофеля всего лишь в два раза толще самой проволоки. Ты зарабатываешь на жизнь, вырезая морковные *brunoisette*, а масло в кастрюле уже растопилось, и люди вопят, требуют картофель *minunette*, и при таком положении дел ты очень быстро понимаешь разницу между плохим ножом и «Kutting-Blok».*

Я могу рассказать столько историй. О том, как ваши ножи буквально спасали мне жизнь. Пошинкуйте бельгийский цикорий восемь часов подряд, и вы, вероятно, поймете, что у меня за жизнь.

И все же закон подлости действует неизменно: можно весь день тюрнировать молодую морковь, чтобы получились оранжевые шарики безупречной формы, и запороть за весь день только одну, но эта испорченная морковь непременно попадет на тарелку какого-нибудь несостоявшегося поваренка, ничтожества с дипломом об окончании кулинарных курсов, просто никчемной бумажкой, который теперь мнит себя ресторанным критиком. Какого-то дятла, который толком не знает, как надо жевать и глотать, но который напишет у себя в газете, что шеф-повар в «Chez Restaurant» не умеет тюрнировать морковь.

Или какой-нибудь дуры, которую никто не возьмет даже шляпки срезать с шампиньонов, но которая ввернет в своей жалкой статейке, что моя соломка из пастернака, она недостаточно тонкая.

Паршивые ренегаты. Ну да: выискивать мелкие просчеты других – это значительно проще, чем готовить еду самому.

Хочу, чтобы вы знали: каждый раз, когда поступает заказ на картофель по-дофински или карпаччио из говядины, кто-то у нас на кухне возносит горячую благодарственную молитву за ножи «Kutting-Blok». За их безупречную балансировку. За прокляпанные рукоятки.

Разумеется, тьфу-тьфу-тьфу, постучим по дереву, всем нам хочется меньше работать, а зарабатывать больше. Но эти изменщики, эти дешевые критики, которые полагают себя всезнайками и только и думают, как бы больнее поддеть людей, которые честно пытаются заработать себе на хлеб, снимая кожу с телячьего языка... срезая почечный жир... удаляя пленку с печенки... пока эти критики сидят в своих чистеньких кабинетах и печатают свои грязные пасквили чистенькими пальчиками... это просто неправильно.

Разумеется, это их личное мнение. Но в напечатанном виде, рядом с настоящими новостями – голодом, землетрясениями и серийными убийцами – оно смотрится в тех же масштабах.

Кто-то ворчит, что ему подали макароны недостаточно *al dente*. Как будто его мнение – это какое-нибудь форс-мажорное обстоятельство.

Это такая антиреклама. Негативное отношение гарантировано.

А я так считаю: кто может, тот делает. Кто не может, тот критикует.

Это не журналистика. Не объективное отражение фактов. Не репортаж, а осуждение.

Эти критиканы, никто из них не приготовит нормальное блюдо даже под страхом смерти.

С учетом всего вышесказанного я приступил к выполнению своего плана.

Даже если ты лучший на свете повар, работа на кухне – это медленная смерть. От миллиона крошечных ножевых порезов. От десяти тысяч мелких ожогов. Всю ночь стоишь на

ногах, на холодном бетоне. Или ходишь туда-сюда по жирному, мокрому полу. Кистевой туннельный синдром, нервический спазм из-за того, что ты только и делаешь, что шинкуешь, помешиваешь и режешь. Чистишь целое море креветок под ледяной водой. Боли в коленях и варикозные вены. Хроническое растяжение плеча и запястья. Человек, избравший карьеру приготовления безупречных фаршированных кальмаров, обрекает себя на мучения на всю жизнь. Жизнь, посвященная обжарке телячьей голени для идеального оссобуко по-милански, – это долгая, медленная смерть под пыткой.

Даже если ты непробиваемо толстокожий, все равно неприятно, когда тебя разбирают по косточкам в какой-нибудь газетенке или в интернете.

Этих онлайн-знатоков расплодилось немерено. Идут по десять центов за дюжину. Любой может заделаться в критики, был бы рот и компьютер.

Собственно, это и объединяет всех моих жертв. Хорошо, что полиция работает в каждом городе автономно, иначе они бы заметили связь между внештатным писакой в Сиэтле, студентом, писавшим обзоры в Майами, туристом со Среднего Запада, который поместил свои отзывы о поездке на каком-то там сайте, посвященном путешествиям... В выборе жертв существует система. Пока что их было шестнадцать. И у меня были причины для злости, которая копилась годами.

Нет почти никакой разницы, из чего делать филе: из кролика или из злобного недоумка, который высказался на вебсайте, что в твоём *Costatine al Finocchio* не хватает марсалы.

И спасибо ножам «Kutting-Blok». Ваши обвалочные ножи идеально справляются и с той и другой задачей, и потом не болят ни рука, ни запястье, как это бывает при использовании дешевых штампованных разделочных ножей.

То же самое можно сказать и о ваших восьмидюймовых филетировочных ножах с гнувшимся лезвием: с ними приятно работать. Что срезать пленку с говяжьей вырезки, что снять кожу с мелочной сволочи, который писал в своей жалкой статейке, что твое мясо под соусом «Веллингтон» было испорчено, потому что ты положил слишком много гусиной печени, – все получается быстро и без всяких усилий.

Легко точить, легко мыть. Ваши ножи – настоящее благословение.

Зато жертвы, когда ты встречаешься с ними лично, – одно сплошное разочарование. Хотя ты и не ждешь ничего особенного.

Для того чтобы устроить встречу, хватает одной незатейливой лести. Можно прикинуться потенциальным сексуальным партнером, который мог бы их заинтересовать. Но еще лучше назваться редактором какого-нибудь солидного журнала, который буквально мечтает о том, чтобы они с ним сотрудничали. Им пора выйти на международный уровень. Получить ту известность, какую они, безусловно, заслуживают своим редким талантом. О них узнает весь мир. Предложи им и половину всей этой бодяги, и они прибегут на встречу в любой темный проулок, какой ты им скажешь.

При личной встрече всегда выясняется, что глазки у них малюсенькие-малюсенькие. Каждый – как черный камушек, застрявший в пупке на жирном пузе. Но опять же, спасибо ножам «Kutting-Blok»: в разделанном виде, в порционных кусках, они смотрятся значительно лучше. Хорошее, свежее мясо для приготовления хорошего, вкусного блюда.

После того как ты выпотрошишь несколько сотен цесарок, тебе уже не составит труда выпотрошить и внештатного автора, написавшего в каком-нибудь путеводителе по местам развлечений, что твои пироги с эскарриолем и греческим сыром были слегка жестковаты. С 10-дюймовым французским ножом «Kutting-Blok» это ничуть не труднее, чем потрошить форель, лосося или любую другую круглую рыбу.

Странно, что в памяти остаются какие-то незначительные детали. Строишь на чью-нибудь тонкую, хрупкую лодыжку и представляешь себе эту женищину девочко-школьницей: какой она была еще до того, как заделалась в ресторанные критики. Или еще один критик: у него были блестящие коричневые ботинки, как карамельная корочка на крем-брюле.

Каждый ваш нож сделан с тем же вниманием к деталям.

С той же заботой и любовью, которую я вкладывал в приготовление каждого блюда.

И все-таки, несмотря на все предосторожности, рано или

поздно полиция меня поймает. Это лишь вопрос времени. В этой связи меня больше всего беспокоит, что общественное мнение свяжет ножи «Kutting-Blok» с серией поступков, которые люди скорее всего не поймут.

Мои предпочтения будут расценены как своего рода реклама. Вроде как Джек Потрошитель, решивший продвинуть любимую марку ножей.

Тед Банди рекомендует веревки от фирмы такой-то.

Ли Харви Освальд предпочитает винтовки от фирмы такой-то.

Скорее, антиреклама. Которая может существенно повредить вашим продажам. И особенно в преддверии рождественских праздников.

Это стандартная практика во всех центральных газетах: как только в редакцию поступает известие о какой-нибудь крупной авиакатастрофе – столкновение в воздухе, угон самолета, авария на взлетно-посадочной полосе, – они убирают из номера всю рекламу авиакомпаний. Потому что они уже знают: через несколько минут начнутся звонки из всех авиакомпаний с просьбой снять заявленную рекламу, пусть даже им и придется выплачивать полную стоимость неиспользованного рекламного места. Места, которое в последний момент заполняют бесплатными объявлениями Американского общества помощи раковым больным или людям, страдающим мышечной дистрофией. Потому что авиакомпаниям не хочется рисковать: им не нужно, чтобы их название ассоциировалось у читателя с сегодняшней катастрофой. Несколько сотен погибших. И рядом – реклама такой-то авиакомпании. Нет, лучше не надо.

Вспомним хотя так называемые «тайленоловые убийства». В 1982 году, когда семеро человек отравились насмерть, «Johnson and Johnson» объявили о том, что изымают со складов и из продажи все таблетки тайленола, что принесло корпорации убытков на 125 миллионов долларов.

Это действительно антиреклама. То, чем, собственно, и занимаются все эти критики в своих подлых обзорах, которые они публикуют исключительно для того, чтобы показать, какие они умные.

Воспоминания о всех жертвах, включая и ваши

замечательные ножи, применявшиеся при разделке, еще очень свежи. Полиции не придется долго стараться, чтобы вытянуть из меня признание, которое сделается достоянием широкой публики, с подробным перечислением, какие именно ваши ножи я использовал и для чего.

И после этого люди заговорят об «убийце с ножами от „Kutting-Blok“ или о „маньяке, предпочитавшем ножи «Kutting-Blok». Ваша компания у всех на слуху, в отличие от скромного анонимного меня. Ваши ножи покупают, их ценят за качество.

И мне бы не хотелось, чтобы мой проект повредил вашему доброму имени. Это было бы несправедливо.

Имейте в виду, что ресторанные критики практически не покупают ножей. Тьфу-тьфу-тьфу, постучим по дереву, но в данном случае симпатии производителей этого вида продукции скорее всего будут на моей стороне. На стороне героя, выходца из народа. Заранее не угадаешь.

Любое скромное денежное вспоможение, какое вы сможете мне оказать, послужит к нашей обоюдной пользе.

Чем больше я получу от вас средств, тем проще мне будет избежать ареста, и тем менее вероятно, что рядовой покупатель ножей узнает про этот печальный факт. Скромный дар в размере пяти миллионов долларов даст мне возможность уехать из страны и поселиться где-нибудь в другом месте, далеко-далеко за пределами вашей рыночной демографии. Эти деньги послужат гарантией блестящего будущего вашей компании. А мне хватит средств, чтобы получить необходимые навыки и сменить поле деятельности.

Или есть еще такой вариант: всего за миллион долларов я перейду на ножи «Sta-Sharp» – и если меня арестуют, я поклянусь, что использовал для своего проекта исключительно их низкопробные изделия...

Один миллион долларов. Вроде не так уж и много за верность марке?

Для того чтобы сделать пожертвование, дайте, пожалуйста, акцидентное объявление в ближайшем воскресном выпуске вашей местной газеты. После этого я свяжусь с вами, и мы обсудим детали. Если же объявления не будет, могут быть новые жертвы.

Спасибо, что вы приняли во внимание мою просьбу. Надеюсь

на скорый ответ.

В этом мире, где столь немногие посвящают себя производству продукции неизменно превосходного качества, ваша компания достойна всяческих похвал.

Остаюсь, как всегда, вашим верным поклонником,

Ричард Талбот.

Микроволновка за стойкой буфета в холле пищит раз, другой, третий, и подсветка внутри выключается. Повар Убийца открывает дверцу и вынимает бумажную тарелку, накрытую бумажной салфеткой. Он поднимает салфетку, и пар клубится в холодном воздухе. Длинные завитки мяса еще шкварчат и брызжутся на тарелке, исходя паром в лужицах растопленного жира.

Повар Убийца ставит тарелку на мраморный прилавок и говорит:

– Кто хочет добавки? По третьему разу?

Мы все стоим и жуем, там и тут, по всему холлу, забившись в темные альковы и ниши, устроившись в гардеробе, в будке билетера. Миссис Кларк и Мисс Америка, Обмороженная Баронесса и Граф Клеветник – все мы. Каждый держит в руке влажную бумажную тарелку. Подбородки и кончики пальцев лоснятся от жира. Стоим, жуем.

– Быстрее, пока не остыло, – говорит Повар Убийца. – Эта порция с каджунскими специями. Чтобы отбить этот цветочный запах.

То есть запах духов Товарища Злыдни, или ее ароматической соли для ванной, или, может, ее кружевного платочка. Сладкий запах, похожий на аромат роз. Повар Убийца говорит, что запах пищи определяет наши вкусовые ощущения на две трети.

Мисс Америка подходит и протягивает свою тарелку. Повар Убийца кладет в рот коричневый завиток мяса и тут же вынимает его двумя пальцами, быстро-быстро.

– Еще горячо, – говорит он и дует на свой кусок. Другой рукой он накладывает маленькие мясные завитки на тарелку Мисс Америки.

Мисс Америка уходит с полной тарелкой за гардеробную стойку и встает так, что ее почти и не видно. У нее за спиной – стена и ряды вешалок с деревянными крючками. На крючках – медные номерки.

В холле пахнет прожаренным мясом, пахнет жирным беконом, гамбургерами и горелым жиром. Мы все стоим и жуем. Никто не говорит: Может, сходить нарубить еще? Никто не говорит: надо бы завернуть, что осталось, и оттащить в подвал, пока оно не угрожает общественному здоровью...

Нет, мы просто стоим и едим, облизывая пальцы.

Каждый из нас мысленно пишет и переписывает эту сцену. Каждый изобретает, как мистер Уиттиер замучил Товарища Злыдню. И как потом ее

призрак ему отомстил.

Никто не видит, как она спускается к нам со второго яруса. Никто не слышит, как она идет по ковру. Никто даже не смотрит в ту сторону, пока она не говорит:

– У вас есть еда?

Товарищ Злыдня. В своем пышном бальном наряде феи-крестной из сказки. В нагромождении шалей и париков. Она стоит у подножия главной лестницы, ее синюшно-белые руки теряются в складках юбки. Глаза ведут в холл ее всю, глаза и нос тянут ее вперед.

– Что вы едите? – говорит она. – Я тоже хочу...

Никто не произносит ни слова. Мы все стоим с набитыми ртами. Ковыряем в зубах, вынимая застрявшие мясные волокна.

Товарищ Злыдня видит на стойке буфета дымящуюся тарелку с коричневыми завитками мяса.

Никто не пытается ей помешать.

Товарищ Злыдня проходит, пошатываясь, через синий холл. Поскальзывается на розовом мраморе. Ее юбки волочатся по полу, она хватается за край стойки и поднимается на ноги. Падает лицом на тарелку с мясом и так и стоит.

У нее за спиной, на ступенях, обтянутых синим ковром, – отпечатки кровавых следов.

Здесь призрак опять появился и снова пропал.

Нам видно только нагромождение ее серых локонов: как они ходят вверх-вниз над бумажной тарелкой на мраморной стойке. Сзади у нее на платье расплывается алое пятно, словно там распускается красный цветок. Оно все больше и больше. Потом парики поднимаются, и она вся отворачивается от пустой тарелки. Сжимая в синюшной руке последний мясной завиток, Товарищ Злыдня облизывается и говорит:

– Жесткое оно какое-то и горькое.

Нужно, чтобы кто-то что-то сказал. Что-то... доброе.

Тощий Святой Без-Кишок говорит:

– Обычно я не ем мяса, но *это* было... очень даже вкусно. – И он смотрит по сторонам.

Повар Убийца зажимивает глаза и предостерегающе поднимает ладонь, лоснящуюся от жира. Он говорит:

– Я вас предупреждаю... *не надо* критиковать мои блюда...

И мы все киваем: да. Было вкусно. У всех пустые тарелки.

Мы глотаем, не переставая жевать. Мы вылизываем свои зубы, подбирая остатки масла. Или жира.

Товарищ Злыдня идет к диванам посередине фойе холла, точно по центру, под застывшими искрами самой большой во всем театре хрустальной люстры. Она берет синюю бархатную подушку с золочеными кисточками по уголкам и кладет ее у подлокотника. Сбрасывает с себя туфли. Ее белые чулки испачканы красным. Она садится и собирается лечь на диван головой на подушку. И тут она морщится, Товарищ Злыдня. Лицо напрягается на пару секунд, но потом расслабляется. Она лезет рукой за спину, щупает себя под промокшими юбками. Наклоняется чуть вперед, словно собирается встать, и ее взгляд упирается в кровавые следы, что протянулись за ней по синему ковру, от лестницы до буфета, а оттуда уже – до дивана.

Мы все смотрим на кровь, льющуюся из ее сброшенных туфель.

Продолжая жевать – челюсть ходит по кругу, как у коровы со жвачкой, – Товарищ Злыдня смотрит на нас.

Пытается переварить эту сцену.

Потом она вынимает руку у себя из-под юбки. В руке зажат обвалочный нож Повара Убийцы. С лезвием в сгустках запекшейся крови.

Повар Убийца выходит из-за буфетной стойки. Он раскрывает ладонь, шевелит жирными пальцами и говорит:

– Отдай. Это мой.

И Товарищ Злыдня прекращает жевать. Глотает и говорит:

– Я...

Товарищ Злыдня смотрит на нож и на завиток мяса в другой руке.

На этом кусочке, там татуировка. Роза, которую она сама никогда раньше не видела. Разве что, может быть, в зеркале. Только теперь эта роза покоричневела.

Граф Клеветник облизывает тарелку, так что его лицо скрыто бумажным кругом.

Товарищ Злыдня говорит:

– Я всего лишь упала в обморок...

Она говорит:

– Я потеряла сознание... и вы сожрали мою задницу?

Она смотрит на жирную пустую тарелку, которая так и стоит на буфетной стойке, и говорит:

– Вы мне скормили мою же задницу?

Мать-Природа рыгает, прикрыв рот рукой, и говорит:

– Прошу прощения.

Повар Убийца тянется за ножом; видно, что под ногтем на большом пальце еще остался тоненький красный полукруг. Он поднимает глаза и

смотрит на тысячи крошечных отражений Товарища Злыдни, искрящихся в пыльных хрустальных висюльках на люстре. И каждая держит в руке по розе, запеченной с каджунскими специями.

Обмороженная Баронесса отворачивается, но продолжает внимательно наблюдать за своей собственной уменьшенной версией этой реальности: за отражением Товарища Злыдни в зеркале за буфетной стойкой.

У нас у каждого своя версия Товарища Злыдни. Своя история о том, что происходит. Каждый уверен, что его версия и есть реальность.

Сестра Виджиланте смотрит на часы и говорит:

– Ешьте быстрее. До темноты – всего час.

Все эти уменьшенные отражения Товарища Злыдни, они тяжело сглатывают. Их синюшно-белые щеки надуваются. Горло сжимается, словно они подавились своей собственной горькой кожей.

Каждый из нас обращает свою реальность в историю. Переваривает ее, чтобы сделать книгу. Все, что нам видится, – это готовый сценарий для фильма.

Мифология нас.

А потом, именно в нужном месте полноразмерная Товарищ Злыдня, сидящая на диване, обтянутом гобеленовой тканью, она соскальзывает на пол. Ее глаза все еще приоткрыты – смотрят вверх на хрустальную люстру. Она лежит в ворохе бархата и парчи на розовом мраморном полу. И вот тогда она и умирает. Обвалочный нож так и остался зажатым в руке. В другой руке так и остался коричневый завиток ее поджаренной задницы.

На диване расплылось красное пятно. Там, где сидела Товарищ Злыдня. Синяя бархатная подушка еще удерживает вдавленный отпечаток ее головы. Товарищу Злыдне уже не быть камерой, скрытой за камерой, скрытой за камерой. Правда о ней – она в наших руках. Она застряла у нас в зубах.

Ее голос – лишь шепот. Товарищ Злыдня говорит:

– Наверное... я это заслужила...

На перемотку уходит буквально секунда, а потом ее голос опять повторяет, из диктофона Графа Клеветника:

– ...я это заслужила... я это заслужила...

Начеку

Стихи о Товарище Злыдне

– Я лишилась девственности, – говорит Товарищ Злыдня, – через уши.
Когда была совсем маленькой, когда еще верила в Санта Клауса.

Товарищ Злыдня на сцене: стоит, уперев руки в боки, кожаные заплаты на локтях туго натянуты.

Высокие армейские ботинки со стальными носами зашнурованы до самого верха, ноги расставлены на ширину плеч.

Мешковатые камуфляжные штаны подвязаны на лодыжках.

Она наклоняется так далеко вперед, что тень подбородка падает ей на грудь, прямо на серо-зеленый жилет из комплекта армейского обмундирования.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма:

Демонстрации и пикеты, мегафоны у ртов и сами рты – как мегафоны.

Губ нет, каждый открытый рот – это сплошные зубы.

Рты распахнуты так широко, что глаза у орущих зажмурены.

– Когда суд назначил совместную опеку, – говорит Товарищ Злыдня, – мама сказала мне...

Если вдруг посреди ночи, когда ты крепко спишь у себя в кроватке, отец проберется на цыпочках к тебе в спальню, если такое случится хоть раз, сразу скажи мне об этом.

Ее мама сказала:

– Если хоть раз отец снимет с тебя пижамные штанишки и будет трогать тебя...

Сразу скажи мне об этом.

Если он вытащит из ширинки большую жирную змеюку – такую липкую, вонючую штуку – и попытается запихнуть эту гадость тебе в ротик...

Сразу скажи мне об этом.

– Но вместо этого, – говорит Товарищ Злыдня, – папа водил меня в зоопарк.

На балет. На футбольные тренировки.

И целовал перед сном.

Цветные кадры сидячих протестов, акты гражданского неповиновения, колонны демонстрантов шагают, шагают, шагают по ее лицу.

Товарищ Злыдня говорит:

– Но я всегда была начеку, всю оставшуюся жизнь.

Выскажи свои обиды

Рассказ Товарища Злыдни

Едва он уселся, мы сразу же попытались ему объяснить...

Мужчинам сюда нельзя. Эти собрания – только для женщин. Цель нашей группы – создать доверительную атмосферу, чтобы женщины чувствовали себя защищенными. Чтобы они могли говорить свободно, не опасаясь, что их осудят, что на них будут давить. Мы не пускаем сюда мужчин, потому что они подавляют женщин. Мужская энергия пугает и унижает женщин. Женщина для мужчин – либо девственница, либо шлюха. Либо мать, либо распутница.

Когда мы попросили его уйти, он, понятное дело, прикинулся дурачком. Сказал, чтобы мы называли его «Мирандой».

Мы снова пытаемся объяснить. Мы с уважением относимся к его выбору. Смена пола – решительный шаг. И усилия, которые он прилагает, чтобы выглядеть настоящей женщиной, также достойны всяческого уважения. Но, объясняем мы вежливо и тактично, это место только для женщин, которые *родились* женщинами.

Он говорит, что родился Мирандой Джойс Уильямс. Открывает свою крошечную розовую сумочку из кожи ящерицы. Вынимает водительские права. Пододвигает их к нам по столу и стучит длинным розовым ногтем по букве «Ж» в графе «Пол».

Может, правительство штата и признает его новый пол, говорим мы ему, но мы – нет. Многим женщинам, которые ходят на эти собрания, в свое время пришлось пострадать от мужчин. Многие до сих пор пытаются преодолеть свои психологические травмы и комплексы. Они боятся, что их низведут до состояния вещи. Вещи, которую можно использовать. Ему никогда этого не понять, он не родился женщиной.

Он говорит: я родилась женщиной.

Кто-то из группы говорит:

– Можешь нам показать свидетельство о рождении?

«Миранда» говорит: конечно, нет.

Кто-то еще говорит:

– А менструации у тебя есть?

И «Миранда» говорит: прямо сейчас – нет.

Он теребит свой яркий шелковый шарф, раскрашенный во все цвета

радуги. Крутит бахрому и тянет. Карикатура на женщину, которая нервничает и пытается это скрывать. Он тербит свой искрящийся шарф, сбрасывает его с плеч, так что теперь шарф висит у него на локтях. Он перебирает длинную бахрому. Сдвигает шарф сначала на одну сторону, потом – на другую. Кладет ногу на ногу. Правую поверх левой, потом – левую поверх правой. Перекладывает шубу у себя на коленях. Гладит мягкий пушистый мех. Пальцы плотно прижаты друг к другу. Яркорозовый лак на ногтях переливается и сверкает.

Его губы, туфли и сумочка, его ногти и ремешок на часах – все такое приятно розовое, прямо как дырка в заднице.

Кто-то из группы встает. Злобно сверкает глазами и говорит:

– Что за черт? – Она убирает в большую сумку свое вязание и бутылку воды и говорит: – Я всю неделю ждала этой встречи. И надо же было ему припереться и все испортить.

«Миранда» просто сидит, пряча взгляд под густыми длинными ресницами. Его глаза словно плывут в сине-зеленых озерах, обозначенных карандашом для подведения глаз. Он мажет помадой поверх помады. Растушевывает румяна поверх румян. Добавляет еще слой туши. Его блузка из жатого шелка натянута на высокой груди. Ткань как будто свисает с двух острых сосков, каждая грудь – размером примерно с его лицо. Два упругих холма над загорелой волнистой поверхностью ребер. Живот подтянутый и загорелый – жесткий мужской живот. Он весь – воплощение мужских фантазий об идеальной секс-кукле. Женщина, которой мог сделаться только мужчина.

Для группы доверия, говорит «Миранда», мы могли бы быть более отзывчивыми.

Мы просто глядим на него.

Этот глупенький мальчик. Этот «Миранда». Вот они, все мужские фантазии, оживленные во франкенштейновом монстре стереотипов. Большая грудь безупречной формы. Длинные стройные ноги, крепкие бедра. Надутые губки, лоснящиеся от помады. Розовая кожаная юбка, чересчур облегающая и короткая, предназначенная исключительно для секса. Он говорит с придыханием, как девочка-школьница или какая-нибудь старлетка. Слишком глубокие вдохи для тех шелестящих звуков, которые в итоге выходят наружу. Прямо не голос, а соблазнительный шепот, который, согласно советам журнала «Cosmopolitan», девушкам следует применять в разговоре с интересным мужчиной, чтобы тот волей-неволей придвинулся ближе.

Мы просто сидим и молчим. Никто ничего не рассказывает, никто не

делится переживаниями. Как можно быть откровенной, когда под столом прячется пенис. Даже среди репродукций работ Фриды Кало и Джорджии О'Киф... при свечах с ароматом яблока и корицы... рядом с пятнистым котом, который живет при книжном магазине.

Хорошо, говорит «Миранда». Тогда начну я.

«Миранда», с его высветленными волосами, собранными в высокую прическу, явно сделанную в салоне. Они густо забрызганы лаком и утыканы шпильками и заколками.

Вместе с «Мирандой» работает парень, в которого он влюблен по уши. Он с ним заигрывает, как может, но парень не отвечает на его пылкие чувства. Обыкновенный смазливый мальчик с приглаженными волосенками, младший менеджер по продажам, который ездит на «порше». Он женат, но «Миранда» знает, что он питает к нему интерес, пусть и чисто животного свойства. И вот как-то раз после работы, говорит «Миранда», этот парень подходит к нему и берет его...

Мы просто смотрим на него.

Парень берет «Миранду» за руку и предлагает пойти чего-нибудь выпить.

У «Миранды» тонкие изящные руки. Крепкие мышцы. Загорелая кожа. Гладкая, как пластмасса. Он хихикает. «Миранда» действительно хихикает. И закатывает глаза.

Он рассказывает, как этот парень с работы, младший менеджер по продажам, повез его в какой-то совсем темный бар, где их точно никто не заметит...

Вот он, типично мужской подход. Я, я, я... только я. И так весь вечер.

Мы приходим сюда, чтобы хоть на время избавиться от мужчин. От мужей, которые разбрасывают по дому грязные носки. Которые бьют нас и нам изменяют. От отцов, которые досаждают, что мы не родились мальчишками. От отчимов, которые нас сношают. От братьев, которые нас обижают. От начальников. От священников. Регулировщиков уличного движения и врачей.

Обычно мы не прерываем людей, когда они делятся наболевшим, но тут кто-то из группы говорит:

– Миранда?

И «Миранда» затыкается.

Мы объясняем ему, что в основе подъема самосознания лежит недовольство, которое необходимо высказывать. Кое-кто называет подобную практику «сеансом брюзжания». В коммунистическом Китае, после революции Мао, правительство поощряло людей жаловаться на

прошлое. Это считалось важной составляющей для построения новой культуры. Чем больше люди высказывали недовольства, тем мрачнее казалось прошлое. Но, изливая свои обиды, люди освобождались от горечи и могли думать о том, как изменить все к лучшему. Они брюзжали и жаловались, и таким образом истощали кошмар своих собственных страшных историй. Им становилось скучно. И только тогда они были уже в состоянии принять новую историю своей жизни. И идти дальше. Вперед.

Вот почему мы встречаемся каждую среду, в этой каморке в книжном магазине, в этой комнате без окон – за этим квадратным столом, сидя на раскладных стульях.

В Китае это называлось: «Выскажи свои обиды».

«Миранда» пожимает плечами. Он поднимает бровь, и качает головой, и говорит, что у него нет никаких страшных историй. Он вздыхает, и улыбается, и хлопает глазами.

И кто-то из группы говорит:

– Тогда уходи.

Вот оно, воплощение всех представлений мужчин об идеальной женщине-кукле, предназначенной исключительно для их удовольствия. Такое случается сплошь и рядом. Самые «красивые» женщины – все они ненастоящие. Это ответ на стремление мужчин увековечить свои извращенные стереотипы женщины. История древняя, как мир. В «Cosmopolitan» на каждой странице скрывается пенис, надо лишь знать, где искать.

«Миранда» говорит, что мы не слишком радушны.

И кто-то из группы говорит:

– Ты не женщина.

Эти собрания – только для женщин. Здесь, в задней комнате книжного магазина «Wymyn's Book Cooperative», мы себя чувствуем в безопасности. И мы не хотим, чтобы наше убежище осквернила подавляющая фаллическая ян-энергия.

Женщина – это особенное существо. Священное. У нас тут не просто какой-то клуб, куда принимают кого угодно. Нам здесь не нужны никакие инъекции эстрогенов и откровенная показуха.

«Миранда» говорит: вам надо только чуть-чуть постараться. Чуть-чуть поменять имидж. Чтобы быть красивыми.

Мужики, они просто не понимают. Быть женщиной – это не просто нарисовать лицо и натянуть высокие каблуки. Эта сексуальная мимикрия, это половое подражание – вот худшее оскорбление. Мужчина считает, что для того, чтобы стать нам сестрой, ему нужно всего лишь нарисовать губы и

отрезать член.

Кто-то встает из-за стола. Потом – кто-то еще. Они направляются к «Миранде».

И «Миранда» спрашивает: вы что собираетесь делать?

Третья женщина встает и говорит:

– Будем серьезно менять имидж.

«Миранда» достает из своей розовой сумочки баллончик со жгучим перцем. Сует в рот серебристый полицейский свисток.

Кто-то еще огибает стол и подходит вплотную к «Миранде». Его рука, сжимающая баллончик, побелела от напряжения. А потом кто-то из группы говорит:

– Покажи нам свои сиськи...

У нас в группе нет лидера. Есть только несколько правил: нельзя перебивать говорящего. Нельзя сомневаться в правдивости его слов. Все говорят по очереди, у каждого будет возможность высказаться.

Серебристый свисток падает из розовых губ «Миранды». Из его перманентно припухлых губ, накачанных коллагеновым гелем. Как у фотомодели, которая произносит: «Хрю-хрю».

«Миранда» говорит, что не надо так шутить.

Все мужики такие: им подавай все преимущества, которые есть у женщин, а мерзопакости им не нужны.

Кто-то еще говорит:

– Нет, правда. Покажи...

Мы все здесь – женщины. Можно подумать, мы раньше не видели сисек. Та, кто стоит ближе всех, тянется к верхней пуговице розовой шелковой блузки «Миранды». Блузка туго натянута у него на груди. Спереди на блузке разрез, так что виден его гладкий, плоский живот. Розовый пояс у него на юбке сделан из кожи ящерицы. По размеру этот пояс не больше собачьего ошейника.

Он бьет женщину по руке своей изящной розовой рукой. Та отступает. «Миранда» ждет пару секунд, но никто ничего не делает, и он издает тихий вздох. Потом сам расстегивает свою верхнюю пуговицу, под пристальным взглядом всей группы. Его розовые ногти расстегивают вторую пуговицу. Потом – третью. Он смотрит на нас, переводит взгляд с одной женщины на другую. И вот все пуговицы расстегнуты. Под блузкой – розовый атласный лифчик, расшитый розочками и отделанный кружевом. У «Миранды» идеальная кожа, нежно-розовая и гладкая, без единого волоска, без родинок и красных точек от укусов насекомых – все не так, как бывает на настоящей коже. Жемчужное ожерелье у него на шее опускается остроконечным

клинышком прямо в ложбинку между грудей, больше похожую на ложбинку между ягодицами.

Лифчик расстегивается спереди, и «Миранда» выжидает, держа в пальцах застежку и переводя взгляд с одной женщины на другую.

И кто-то из группы говорит:

– И сколько тебе пришлось вколоть эстрогенов, чтобы они стали такими большими?

Кто-то тихонько присвистывает. Женщины шепчутся между собой. Слишком они идеальные, эти груди. Обе – одинаковой формы и одинакового размера. Расположены именно так, как надо: не слишком близко и не слишком далеко друг от друга. Явно искусственные.

Розовые ногти щелкают застежкой. Лифчик расстегнут, но грудь остается стоять торчком, круглая и упругая. Соски указывают в потолок. Это именно такая грудь, какую выбрал бы мужик.

Та, кто стоит ближе всех, тянет руку и хватает «Миранду» за грудь. Рука сжимает упругую плоть, большой палец постукивает по соску. Она говорит:

– Девочки. Вам надо это потрогать – Господи, ну и гадость. – Рука сжимается, и разжимается, и снова сжимается на груди у «Миранды». Женщина говорит: – Как будто... я даже не знаю... сырое тесто?

«Миранда» пытается вырваться, вжимаясь спиной в спинку стула.

Но рука держит крепко, ногти вонзаются в кожу. Женщина говорит:

– Не дергайся.

Кто-то еще говорит:

– Я бы тоже хотела такие сиськи.

Наверняка силиконовые. Еще чья-то рука тянется в вырез распахнутой блузки и хватается вторую грудь, поднимает ее повыше, чтобы все видели шрамы, оставшиеся после пластической операции.

«Миранда» сидит, прижав локти к бокам. Он по-прежнему держит в руках половинки розового бюстгальтера, держит его расстегнутым. А мы смотрим. Он собирается застегнуть лифчик, собирается спрятать свое «богатство».

И та, кто держит его за сиськи, говорит:

– Подожди. Еще рано.

Его водительские права по-прежнему лежат на столе. Права с большой буквой «Ж» в графе «Пол».

Кто-то еще говорит:

– Искусственное вымя еще ничего не доказывает.

Кто-то другой говорит:

– У моего мужа они даже больше.

Чьи-то руки за спиной у «Миранды», они стаскивают шелковый шарф с его плеч, тянут вниз его блузку, пока рукава не соскальзывают. Его кожа как будто светится. Она такая же гладкая, как и жемчужины у него в сережках. Его соски – такие же розовые, как его сумочка из кожи ящерицы. Он не сопротивляется.

Кто-то швыряет блузку в дальний угол.

И кто-то еще говорит:

– А покажи нам влагалище.

И «Миранда» говорит: нет.

Это вполне очевидно. Этот жалкий мудака нас использует. Как мазохист распяляет садиста. Как преступник стремится к тому, чтобы его поймали. «Миранде» только этого и надо. Он поэтому и появился сюда. И поэтому так нарядился. Он знает, как эта короткая юбка подействует на настоящих женщин. Знает, что женщины взбесятся, глядя на эти огромные сиськи, похожие на две касавы. В данном случае «нет» означает «да». Это «нет» означает: да, пожалуйста. Оно означает: ударьте меня.

«Миранда» говорит: вы совершаете большую ошибку.

И все смеются.

Мы объясняем ему, что в основе подъема самосознания лежит принятие собственных гениталий. Иногда мы приносим на наши собрания зеркала и садимся над ними на корточки. Мы показываем друг другу свои интимные места и обсуждаем разницу между шейкой матки у девственницы и у рожавшей женщины. Мы приглашаем врачей из центров охраны женского здоровья, чтобы они нам показали, как вводить препараты для прерывания беременности через внутриматочный катетер. Да, прямо здесь, на этом самом столе. Мы вместе ходим в секс-шопы и изучаем точку G.

С небольшой помощью со стороны «Миранда» оказывается на столе. Даже теперь, когда он стоит на четвереньках, его груди – по-прежнему круглые и упругие, они не вытянулись, не провисли. Шесть дюймов «молнии», и юбка сползает с его ладной задницы. Он носит колготки, но не носит трусов: лишнее доказательство, что он – не настоящая женщина.

Женщины в группе, мы глядим друг на друга. У нас тут мужчина, который готов слушаться нас во всем. К кому-то из нас приставали с грязными домогательствами. Кого-то из нас изнасиловали. Нас всех оценивали, ощупывали сальными взглядами, раздевали глазами. Сейчас – наша очередь. И мы не знаем, с чего начать.

Кто-то снимает с него колготки, скатывает их вниз. Кто-то еще

говорит:

– Выгни спину.

Никого не удивляет, как выглядят его половые губы. Кожа вся в идеальных складочках. Влажный цветок – как работа стилиста. Прямо хоть сейчас на страницы «Playboy» или «Hustler». И все-таки плоть кажется недостаточно мягкой. И цвет – слишком бледный. Не розовый и не светло-коричневый. Рубцовая ткань. Волосы на лобке подстрижены тонкой полоской и приглажены воском. Да еще и надушены. Это совсем не похоже на то, как должно выглядеть это самое место у женщины. Чем дольше мы смотрим, тем вернее убеждаемся, что это все – ненастоящее.

Кто-то пихает в «Миранду» ключ от машины. Даже не палец. Кто-то тычет ключом в ее идеальные складочки и говорит:

– Надеюсь, ты заплатил вот за *это* не слишком много...

Кто-то еще говорит, что надо бы измерить ее глубину.

Кем бы он ни был, «Миранда» плачет. Он получил свою маленькую трагедию. Его тушь и подводка смешались с румянами и тональным кремом и текут по щекам к уголкам рта. Он почти голый. Колготки спущены до самых лодыжек. На нем остались лишь золоченые элегантные босоножки на высоченных каблуках и расстегнутый розовый лифчик, свисающий с двух сторон от груди. Его упругие круглые груди подрагивают при каждом всхлипе. Он стоит на столе, на четвереньках. Его шуба валяется на полу. Кто-то отпинал ее в угол. Светлые волосы растрепались и падают на лицо. Теперь у него есть своя страшная история.

Кто-то велит «Миранде» заткнуться. Заткнуться и лечь на спину.

Кто-то хватает его за лодыжку. Кто-то еще – за вторую лодыжку. Они выкручивают ему ноги, пока он не переворачивается на спину, со слабым вскриком. Теперь он лежит на спине, ноги разведены широко в стороны. Те две женщины из нашей группы продолжают держать его за лодыжки.

Нет, это не женщина. Это создание марсиан, которые видели земную женщину только на фотографиях в «Cosmopolitan». Мы рассматриваем его клитор, который на самом деле урезанный пенис. Кто-то рассказывает, что искусственное влагалище – это всего лишь пенис, выпотрошенный, вывернутый вовнутрь и сращенный с нижним отрезком кишки, производящим слизь – для создания необходимой глубины. Там, где должна быть шейка матки, используют кожу опустошенной мошонки.

– Безотходное производство, – говорит кто-то.

Кто-то вынимает из сумки маленький фонарик и говорит:

– Я хочу это увидеть.

Кто-то еще говорит:

– Да. Штучка явно искусственная.

Вообще-то по здравом размышлении им бы стоило просто пойти по домам. Да, свобода от предрассудков – это великая вещь. Пока она не задевает кого-то другого.

И все же каждую среду они собираются и начинают ругать всех и вся. Рассказывают, кто и как их обидел. Кого не взяли на какую работу. Кому что мешает жить. Кого раздевают глазами рабочие на стройке или помощники на автозаправке. Они только и делают, что говорят. И вот теперь, наконец, им представился случай дать сдачи.

Упражнение на укрепление командного духа.

Они спрашивают, зачем он здесь? Он что, шпион?

Согласно статистике, женщина получает всего шестьдесят центов за ту же работу, за которую мужчина получает доллар. И все эти лишние деньги он просаживает – на что?! На дорогую косметику и силиконовые сиськи. У настоящей женщины должны быть растяжки. Седые волосы. Целлюлит.

Они спрашивают, что он хотел тут найти?

Кто-то лезет в него рукой. Кто-то держит фонарик, пропихивая его глубже.

Группе хотелось бы знать, он что, думал, что здесь собирается банда невменяемых лесбиянок-мужененавистниц, которые с ходу набрасываются друг на друга и предаются разврату?

Наверное, ему горячо от лампочки, потому что он весь извивается и визжит, так что приходится держать его всем вместе. Держать его ноги раздвинутыми, чтобы было удобнее смотреть.

Кто-то спрашивает:

– И на что это похоже?

Все остальные ждут своей очереди.

«Миранда» бьется и корчится на столе, женщины наклонились над ним. Его ожерелье порвалось, жемчужины рассыпались по всей комнате. Шпильки выпали из прически. Его груди дрожат, словно два холмика желатина.

Кто-то щипает его за сосок и говорит:

– Потряси сиськами, крошка.

Кто-то еще говорит:

– Просто нам интересно, куда ты запрятала свои яйца, сучка.

Нам интересно сравнить, сопоставить. Очень даже привлекательные социополитические отношения: когда ты чувствуешь свою власть. Когда ты, полностью одетый, рассматриваешь абсолютно беспомощного голого человека, на котором надеты только украшения и босоножки на высоких

каблуках.

Две женщины, которые роются у него между ног, вдруг останавливаются.

Кто-то говорит:

– Погодите.

Та, у которой фонарик, говорит:

– Держите его крепче. – Она наклоняется еще ниже, пихая фонарик глубже. Она спрашивает у «Миранды»: – Ты этого хотел? Да?

«Миранда» разложен на столе. Он рыдает, пытаясь сдвинуть колени. Перевернуться на бок и свернуться калачиком.

«Миранда» рыдает и говорит: нет. Он говорит: не надо, пожалуйста. Он говорит: мне больно.

Ах, ему больно. Фу-ты, ну-ты, какие мы нежные. Ему, видите ли, больно.

Женщина, которая с фонариком, она копается дольше всех: смотрит, щурится, хмурит брови, крутит фонарик туда-сюда. Потом выпрямляется и говорит:

– Батарейки сели. – Она стоит, глядит сверху вниз на «Миранду», который так и лежит перед ней с раскинутыми ногами.

Женщина смотрит на стол, залитый слезами, в потеках туши, смотрит на жемчужины, рассыпанные по полу, и говорит нам: «Отпустите его». Она сглатывает слюну, глядя на тело, распростертое на столе. Потом вздыхает и говорит «Миранде»: вставай. Вставай одевайся. Одевайся и уходи. Уходи и больше не возвращайся.

– А может, он просто выключился, фонарик? – говорит кто-то и просит дать посмотреть.

И женщина убирает фонарик в сумку и говорит:

– Нет.

Кто-то спрашивает:

– Что ты видела?

Мы видели то, что хотели увидеть, говорит эта женщина. Все мы.

Женщина, у которой фонарик, она говорит:

– Что с нами случилось? – Она говорит: – Как мы дошли до *такого*?

Едва он уселся, мы сразу же попытались ему объяснить. Мужчинам сюда нельзя. Эти собрания – только для женщин. Цель нашей группы...

Для кого-то из нас ночи кажутся слишком долгими. Для кого-то – не ночи, а дни. Свет включается, когда Сестра Виджиланте решает, что солнцу пора вставать, но сегодня нас будит не рассвет, а запах. Просто мечта, а не запах. Он выманивает нас в коридор из гримерок. Мы – как ходячие зомби, которых ведет вперед собственный нос.

Директриса Отказ выходит в коридор, спотыкается, но успевает опереться о стену напротив ее открытой двери. Она стоит, держась за стену, и говорит:

– Кора? Кис-кис-кис.

Преподобный Безбожник, уже в коридоре, безуспешно пытается застегнуть молнию на своих матадорских штанах, которые еще вчера были впору.

– Это все привидение, – говорит он. – Оно делает так, чтобы наша одежда садилась.

Ожерелье из медных колокольчиков врезается в шею Матери-Природы так туго, что каждый раз, когда она сглатывает слюну, колокольчики тихо позвякивают.

– Черт, – говорит она. – Эта последняя порция Товарища Злыдни была явно лишней.

Из следующей двери выходит Недостающее Звено. Голова запрокинута так, что волосы у него в ноздрях торчат чуть ли не вертикально вверх. Он принюхивается, проходя мимо Директрисы Отказ и Преподобного Безбожника. По-прежнему принюхиваясь – его раздутые ноздри походят на две волосатых черных дыры, – он делает еще шаг к сцене, к зрительному залу за сценой.

Директриса Отказ говорит:

– Кора... – и сползает на пол.

Из другой двери выходит миссис Кларк. Она говорит:

– Сегодня нам нужно завернуть Товарища Злыдню. И отнести ее к мистеру Уиттиеру.

Лежа на полу, Директриса Отказ говорит:

– Кора...

– Да в жопу кота, – говорит Мисс Америка. Она стоит в длинном, расшитом драконами халате китайского мандарина; стоит, привалившись к дверному косяку своей гримерки. Руки, тонкие, словно паучьи лапки,

вцепились в дверную коробку. Лицо похоже на бледное пятно вокруг черной размазанной кляксы рта. Мисс Америка говорит: – У меня голова раскалывается, – и трет ладонью лицо.

Она вытряхивает из-под халата одно плечо и вытягивает из рукава тонкую белую руку-змею. Поднимает ее над головой. Кисть безвольно свисает, под мышкой чернеют отросшие волосы. Она говорит:

– Вы пощупайте мои лимфатические узлы. Они все воспалились.

Вся рука сверху донизу исполосована царапинами. Это царапины от кошачьих когтей. Мили и мили длинных красных отметин, почти вплотную друг к другу.

Приглядевшись к ее лицу, Недостающее Звено говорит:

– Что-то ты плохо выглядишь. – Он говорит: – Язык весь черный.

И Мисс Америка роняет руку и стоит, вся обмякшая, в дверном проеме. Ее распухший черный язык облизывает губы, такие же черные. Она говорит:

– Мне ужасно хотелось есть. Вчера, перед сном, я съела всю свою помаду.

Переступая через Директрису Отказ, она говорит:

– А чем это пахнет?

Пахнет сытным горячим завтраком, тостами и яичницей. Пахнет разогретым жиром. Коллективная галлюцинация, порожденная голодом. Пахнет улитками и хвостами омаров. Пахнет свежими английскими булочками.

Граф Клеветник идет следом за Недостającym Звеном, идущим следом за миссис Кларк, идущей следом за Сестрой Виджиланте. Все мы идем на запах – через сцену, по центральному проходу, к фойе.

Мисс Апчхи сморкается. Принюхивается и говорит:

– Это масло.

Пахнет горячим сливочным маслом.

В каждом театре живет привидение.

Теперь запах жира – призрак Товарища Злыдни – будет преследовать нас всякий раз, когда мы включаем микроволновку. Мы будем дышать ее запахом. Ее масляный сладковатый душок останется с нами уже навсегда.

Из других ароматов ощущается только запах восковницы: изо рта Матери-Природы, которая наелась ароматерапевтических свечей.

На середине прохода мы все замираем.

Где-то снаружи, едва различимо, стучит град. Или трещит автоматная очередь. Или там бьют в барабан.

Ураган мелких щелчков и ударов, набегающих друг на друга.

Быстрый, негромкий треск – из фойе.

Мы стоим в черном гипсовом центре египетского зала с его тусклыми, пыльными звездами, затянутыми паутиной. Держимся, чтобы не упасть, за позолоченные спинки черных кресел. Стоим, слушаем.

И автоматная очередь, буря с градом, вдруг умолкает.

Нужно, чтобы что-то случилось.

Что-то волнующее.

Поразительное.

В синем бархатном холле пищит микроволновая печь. Раз, другой, третий.

Призрак Товарища Злыдни.

По-прежнему держась рукой за свое ожерелье, Мать-Природа тяжело опускается в ближайшее кресло, обтянутое грубым черным мохером.

Святой Без-Кишок смотрит на Преподобного Безбожника, который смотрит на Хваткого Свата, который смотрит на Графа Клеветника, что-то пишущего у себя в блокноте, и тот кивает: ага. И они идут по проходу, к выходу в фойе. Все остальные – за ними. Под наблюдением видеокамеры Агента Краснобая.

Выходим из зала. В фойе – ни души. За каждым диваном и креслом прячутся тени. Дальней стены не видно: тусклого света немногих оставленных нами лампочек не хватает на все пространство. Двери туалетов распахнуты, кафельный пол влажно поблескивает, все залито водой из засорившихся унитазов. В лужах киснут размокшие комья туалетной бумаги.

Но даже сквозь вонь неисправной канализации, испорченных тетраззини с индейкой, поджаренной задницы Товарища Злыдни, все равно чувствуется запах... масла.

Сквозь дымчатое стекло в дверце микроволновки видно, что там внутри что-то есть. Оно занимает почти всю духовку. Что-то белое.

Кто-то визжит. Это Недостающее Звено. Наш волосатый человек-зверь. Он визжит, с размаху впечатывает ладони в буфетную стойку и перемахивает на ту сторону, высоко вскинув ноги. Уже за стойкой, он дергает дверцу микроволновки и хватается то, что внутри.

И снова визжит, и роняет то, что схватил.

К тому времени Обмороженная Баронесса уже перепрыгнула через стойку.

Графине Предвидящей тоже не терпится посмотреть.

Мать-Природа говорит:

– Это попкорн.

Ее колокольчики позвякивают при каждом слове.

Еще один визг из-за стойки – и что-то белое подскакивает к потолку. Руки тянутся вверх, отбивают его, как в волейболе, белый бумажный мяч – так чтобы его никто не достал. Под лучом видеокамеры он превращается в белую закрученную луну, исходящую паром.

Мисс Апчхи смеется и кашляет. Графиня Предвидящая плачет, пряча глаза под темными очками. Мы все тянемся к этому белому шару. Вдыхаем его горячий, крутящийся, маслянистый запах.

Хваткий Сват кричит:

– Нам нельзя! – Он машет руками и кричит: – Нам нельзя это есть!

Бумажный шар перелетает из рук в руки, кружится и подскакивает к потолку.

И Графиня Предвидящая кричит:

– Он прав. – Она кричит: – А вдруг нас сегодня спасут?!

Один прыжок человека-зверя, и Недостоящее Звено хватается пакет обеими руками.

Звено делает пас графине, а та, в свою очередь, – Хваткому Свату, который бежит в туалет.

Все остальные: Святой, Мисс Америка, Сестра и Баронесса, – мы все бросаемся следом, с криком и плачем. Агент Краснобай со своей камерой идет самым последним. Он говорит:

– Только вы не деритесь. Пожалуйста, не деритесь. Пожалуйста...

Граф Клеветник уже перематывает пленку, чтобы еще раз послушать барабанную дробь попкорна, который готовится в микроволновке. А потом – тихое «дзынь», возвещающее о том, что попкорн готов.

За стойкой остались лишь Повар Убийца и миссис Кларк.

Для Матери-Природы наш призрак – это Лентил, ее подруга. Для Мисс Апчхи – ее учительница по английскому, у которой был рак. Точно так же, как мы, не сговариваясь, перепортили всю еду, этим призраком может быть каждый из нас. Или даже двое или трое.

Слышно, как в туалете спускают воду. Раз, другой, третий. Нестройный хор стонов разносится эхом, отражаясь от кафельной плитки. Очередная порция воды переливается через порожек, устремляется к краю синего ковра.

Вода, где плавают комья размокшей бумаги. И хлопья попкорна. Еще один подарок от нашего доброго привидения.

По-прежнему глядя в открытую микроволновку, миссис Кларк говорит:

– Мне до сих пор как-то не верится, что мы убили ее...

По-прежнему шумно вдыхая промасленный воздух, Агент Краснобай говорит:

– Могло быть и хуже.

В потоках воды, льющейся из туалета на синий ковер, плавают волоски шерсти. Кошачьей шерсти. Тонкий ошейник из черной кожи. Какие-то хрупкие косточки.

Директриса Отказ уже вышла в фойе, следом за всеми. Она пришла как раз вовремя, чтобы увидеть маленький череп с крошечными зубами, обглоданный кем-то дочиста и извергнутый унитазом.

На ошейнике – маленькая гравированная табличка. На табличке написано: Мисс Кора.

Отвернувшись, чтобы не видеть лица Директрисы Отказ, глядя на свое отражение в зеркале за буфетной стойкой, миссис Кларк говорит:

– Что?! Что может быть хуже убийства?!

Отпуск по – американски *Стихи об Агенте Краснобай*

– Американцы принимают наркотики, – говорит Агент Краснобай, – потому что не знают, как распорядиться своим досугом.

Вот они и глотают перкодан, викодин, оксиконтин.

Агент Краснобай на сцене, видеокамера у него в руке – как маска, скрывающая половину лица.

На нем – коричневый костюм из магазина готового платья.

Коричневые ботинки.

Горчично-желтый жилет. Прямые каштановые волосы зачесаны назад.

Желтый галстук-бабочка и белоснежная выходная рубашка.

Экран его белой рубашки мерцает, пестрит узором из лиц известных актеров.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма:

инвентарная видеоопись, кадры с изображением зрительного зала.

Сплошные ряды людей, и все, как один, аплодируют – без единого звука.

Агент Краснобай стоит в позе, щадящей левую ногу;

старается, чтобы основная нагрузка приходилась на правую.

На месте одного глаза светится индикатор – ЗАПИСЬ – красная точка включенной видеокамеры.

Сбоку, вместо одного уха – встроенный микрофон.

Он слышит лишь собственный голос.

Агент Краснобай говорит:

– Американцы умеют работать, как никто другой в мире.

А также учиться и конкурировать.

Но когда дело касается отдыха – с этим у нас беда.

Какая с отдыха прибыль?! С него ничего не возьмешь.

На Олимпийских играх нет медалей для самого неторопливого.

За первое место в чемпионате мира по лени не дадут положительных рекомендаций.

Агент говорит под жужжание автофокуса:

– Мы хорошо побеждаем и умеем проигрывать – этого у нас не отнять.

Вкалывать до упада – это мы можем.

Но мы не способны уgomониться.

Забить на все и насладиться заслуженным отдыхом.

– Вместо этого, – говорит он себе под нос, – у нас есть марихуана и телевидение.

Пиво и валиум.

И медицинская страховка.

Которую мы пополняем по мере необходимости.

Калека

Рассказ Агента Краснобая

Прямо сейчас, в эту минуту, Сара Брум разглядывает свою лучшую деревянную скалку. Взвешивает в руке, проверяет, насколько она тяжелая. Как весомо она бьет по открытой ладони. Сара сдвигает бутылки и банки на полке над стиральной машиной, трясет флакончик с отбеливателем – прикидывает на слух, сколько там еще осталось.

Если бы она меня слышала, если бы стала слушать, я бы сказал ей, что, да, я ее понимаю. Пусть убивает меня.

Я бы даже сказал ей как.

Машина, которую я взял напрокат, стоит на улице, неподалеку, на расстоянии всего одной песни, если ты слушаешь радио. Может, в двух сотнях шагов, если ты в состоянии считать шаги, когда ты так напуган. Она могла бы сходить за машиной и подогнать ее сюда. Темно-красный «бьюик», теперь уже весь запыленный – от машин, проезжающих мимо по гравию. Она могла бы поставить мою машину поближе к этому сараю для инструментов, или для садового инвентаря, или где она там меня заперла.

На всякий случай, если она где-то рядом, снаружи, я кричу:

– Сара? Сара Брум?

Я кричу:

– Вы только не переживайте.

Даже запертый в этом сарае, я мог бы ее направлять. Руководить ее действиями от начала и до конца. Подсказывать ей, что и как надо делать. После того как она подгонит машину, ей надо будет найти отвертку и снять гофрированный жестяной рукав с задней стенки сушилки. Там есть такие зажимы, которыми можно закрепить его на выхлопной трубе моей машины. Эти гофрированные трубки, они хорошо тянутся. Так что длины вполне хватит. Бензина у меня много, почти полный бак. Может быть, у нее есть электродрель, чтобы просверлить пару дырок в стене сарая или в двери. Будучи женщиной, она просверлит их там, где их будет не видно.

Для нее очень важно, как выглядит место, где она живет. Для нее ее дом – это все.

– Я сам жил точно так же, – говорю я. – Я знаю ход ее мыслей.

Второй конец рукава, который пойдет в сарай, можно закрепить широким скотчем. Для того чтобы прикончить меня побыстрее, ей нужно

будет накрыть сарай полиэтиленовой пленкой и плотно прижать ее к стенам веревкой. Превратить эту пристройку в маленькую копильню. И часов через пять у нее будет 200 фунтов отменной сырокопченой колбасы.

Люди в своем большинстве убивать не умеют. Они даже курицу не забивали ни разу в жизни, не говоря уже про человека. Они даже не представляют, как это непросто.

Со своей стороны я обещаю дышать глубже.

В отчете из страховой компании сказано, что ее зовут Сара. Сара Брум, сорока девяти лет. Старший пекарь в коммерческой хлебопекарне, где проработала семнадцать лет. Она совершенно спокойно закидывала на плечо мешок с мукой, который весил, как десятилетний мальчик, распускала завязки и высыпала муку, по чуть-чуть, в тестомешалку. По ее собственным словам, в последний день на работе пол был еще влажным после вечерней уборки. И освещение было не очень хорошим. Она поскользнулась, мешок с мукой перевесил: она упала на спину и ударилась головой о стальной край стола, в результате чего потеряла память, а взамен обрела жуткие головные боли и общую слабость, которая сделала ее полностью недееспособной.

Компьютерная томография не показала вообще ничего. МР-интроскопия – ничего. Рентген – ничего. Но Сара Брум так и не вернулась на работу.

Сара Брум была замужем трижды. Детей нет. Ей выплачивают небольшое пособие, согласно закону о социальном обеспечении. Пособие по инвалидности, ежемесячно. Ей также положено 25 миллиграммов оксиконтин, для облегчения хронических болей в спине и руках, происходящих от черепно-мозговой травмы. Иногда она просит еще викодин или перкодан.

Меньше чем через три месяца после своего вынужденного увольнения, она переехала сюда, практически в чистое поле, в дом на отшибе, где нет соседей.

Прямо сейчас, в эту минуту, я сижу у нее в сарае и смотрю на свою правую ногу. Стопа вывернута пяткой вперед. Колено скорее всего сломано. Нервы и сухожилия с внутренней стороны перекрутились почти на 180 градусов. Все, что ниже колена, вообще онемело. Тут темно, я почти ничего не вижу, но пахнет коровьим дерьмом. Ощущение скользкого целлофана под задницей – это, наверное, мешки с компостом. Удобрение для сада. У стены стоят лопата, тяпка и грабли.

Бедная Сара Брум, прямо сейчас, в эту минуту, она рассматривает свои электрические инструменты. Ее тошнит при одной только мысли о том,

чтобы зарезать меня пилой. Вместо опилок из-под крутящегося лезвия полетят алые брызги крови, ошметки мяса и кости. Ну, если хватит длины шнура. Она изучает этикетки на банках с краской, с ядохимикатами от жуков и личинок, с чистящими порошками и жидкостями. Ищет череп с костями. Зеленую хмурую рожу мистера Ядовитого. Она звонит по телефону горячей линии местного центра контроля отравлений и интересуется, сколько взрослому человеку надо выпить горючей жидкости, чтобы отравиться до смерти. А когда ее спрашивают: «А вам это зачем?» – Сара тут же бросает трубку.

Откуда я это знаю... десять лет назад я развозил бочки с пивом по тавернам и барам. Это были крошечные заведения, и при них не было никакой погрузочно-разгрузочной зоны, так что мне приходилось становиться в двойную парковку. Или же останавливаться на «полосе самоубийц», между несколькими полосами интенсивного движения в обе стороны. Я выгружал бочки и таскал их на себе. Ящики с бутылочным пивом я загружал в ручную тележку и дожидался «разрывов» в потоке транспорта, чтобы перебежать через дорогу. Я никогда не укладывался в график, пока однажды, по чистой случайности, бочка не скатилась с тележки и не размазала меня по асфальту.

После этого я заимел собственный домик, не такой симпатичный, конечно, но все же. Ржавый автофургон Winnebago, который уже никуда не ездил, припаркованный у дощатого сортира в одно очко, на широкой площадке у гравиевой дороги сквозь лес. У меня был «форд пинто», старый драндулет с ручной коробкой передач – чтобы ездить в город. Пенсия по инвалидности и все свободное время на свете.

Теперь, до конца своих дней, мне надо было заботиться лишь об одном: чтобы машина была на ходу. Я ходил, постоянно накачанный викадином, так что даже простая прогулка по солнышку ощущалась не хуже сеанса массажа. Даже массажа с задрочкой.

Просто наблюдать за птицами у кормушки. За колибри. Рассыпать по земле арахис и смеяться под кайфом, глядя, как белки дерутся с бурундуками, – очень даже хорошая жизнь. Воплощение американской мечты жить без будильника. Без необходимости следить за временем и носить идиотскую сеточку для волос. Не жизнь, а мечта, когда можно просто сходить посрать, не спрашивая разрешения у какого-то там придурка-начальника.

Да, до сегодняшнего дня у Сары Брум не было никаких забот. Сиди и читай библиотечные книжки в мягких обложках. Наблюдай за колибри. Глотай свои маленькие беленькие колеса. Воплощение мечты о бессрочном

отпуске, который, предположительно, никогда не закончится.

Но вот что погано: калека ты или нет, ты должен хотя бы изображать из себя калеку. Хромать или ходить с одеревенелой шеей, чтобы все видели, что ты не можешь ее повернуть. Даже при всех волшебных обезболивающих таблетках, это притворство заканчивается плачевно. Отражается на самочувствии. Если ты долгое время прикидываешься больным, ты заболеваешь по-настоящему. Ты исправно хромаешь, а потом у тебя начинает болеть колено. Уже взаправду. Ты целыми днями сидишь, не встаешь – и превращаешься в толстого рыхлого горбуна.

Американская мечта о блаженном безделье, все это быстро надоедает. И все-таки тебе платят деньги за то, что ты инвалид. Сидишь, тупо пялишься в телевизор. Лежишь в гамаке, наблюдаешь за чертовыми зверюшками. Если ты не работаешь, ты не спишь. Дни и ночи, ты всегда полусонный и полубодряствующий, изнываешь от скуки.

Дневные телепередачи: всегда можно понять, кто их смотрит, по трем видам рекламы. Это либо клиники для алкоголиков и всякие «выведем из запоя». Либо юридические фирмы, которые прямо жаждут уладить дела по судебным искам, связанным с производственным травматизмом. Либо всякие заочные курсы с обучением «по почте», предлагающие получить диплом счетовода. Частного детектива. Или слесаря.

Если ты смотришь дневные телепередачи, вот твое новое место в жизни. Ты теперь алкоголик. Или инвалид. Или идиот. По прошествии двух-трех недель это безделье тебя достает.

Денег на путешествия нет, но копаться в земле – это не стоит вообще ни гроша. Возиться с машиной. Сажать овощи на огороде.

И вот как-то ночью, когда уже совсем стемнело, слепни и комары выются вокруг фонаря у меня на крыльце. Я в своем Winnebago, с кружкой горячего чая. Я уже принял викадин, и мне хорошо. Я отрываюсь от книги и наблюдаю за насекомыми за окном. И вот тогда раздается звук. Человеческий голос. Крик откуда-то из темноты, из леса.

Кто-то зовет на помощь. Пожалуйста. Помогите. Он упал и повредил спину. Упал с дерева, по его словам.

Посреди ночи, в лесу. Мужчина в коричневом костюме, горчично-желтом жилете и коричневых кожаных туфлях. Говорит, что он наблюдает за птицами. На шее висит бинокль. Этому учат на заочных курсах. Если вас заподозрят в чем-то нехорошем, говорите, что вы наблюдаете за птицами. Я предлагаю ему помочь донести портфель. Приобнимаю его за талию, и мы медленно ковыляем в три ноги обратно к свету на крыльце моего автофургончика.

Мы уже на подходе, и тут этот мужик видит мой дощатый сортир во дворе и спрашивает, можно ли туда заглянуть. А то ему надо сходить побольшему. Я помогаю ему войти внутрь.

Как только дверь закрывается, и пряжка его ремня глухо стучит о деревянный пол, я открываю его портфель. И вижу там кучу каких-то бумаг. И видеокамеру. Боковая панель открывается, и внутри обнаруживается кассета. Я защелкиваю панель, и камера сама включается на воспроизведение. Крошечный экран загорается.

И там, на экране, маленький человечек снимает заднее колесо с побитого старого «пинто».

Это я, меняю колеса на своей машине. Развинчиваю и закручиваю гайки, снимаю и надеваю колеса.

И ничего больше. И никаких наблюдений за птицами. После пары секунд помех на экране опять появляюсь я, моя уменьшенная версия. Я, голый до пояса, поднимаю полный баллон с пропаном. Тащу его к Winnebago, чтобы поставить его на место пустого.

Если Сара хоть чем-то похожа на меня, прямо сейчас, в эту минуту, она достает хлебный нож из ящика кухонного стола. Если она принесет мне воды, подмешав к ней викадин, может быть, я отрублюсь. Прямо сейчас она рассматривает зазубренное лезвие ножа, поднеся его близко к глазам, так что глаза съезжаются к носу. Проверяет, насколько он острый. Разрезать цыпленка на порции – это проще простого. Перерезать кому-то горло – вряд ли это намного сложнее. Может быть, она накроет мне лицо старым ненужным полотенцем, и тогда у нее получится притвориться, что я – всего лишь буханка хлеба. Что она просто режет хлеб или мясной рулет, пока она не дойдет до вены, и вот тут, пока сердце качает кровь – кровь хлынет фонтаном. Прямо сейчас, в эту минуту, она убирает нож обратно в ящик.

Вполне может быть, что у нее есть электрический нож, который ей подарили на свадьбу, полжизни назад, и которым она никогда не пользовалась. Он так и лежит в подарочной коробке с подробной инструкцией, как разделать индейку... разрезать кусок ветчины... и баранью ногу.

И ни слова о том, как расчленил детектива.

Вам стоит подумать о том, что, может быть, я хотел, чтобы меня подловили.

Меня, злого и нехорошего дядю, который шпионит за бедной Сарой Брум и ее кошачьим семейством.

Также вам стоит подумать о том, что, может быть, и ей тоже хотелось, чтобы ее подловили. Нам всем нужен доктор, который вытащит нас из

уютной утробы. Мы стенаем и плачем, но мы все равно благодарны Богу, который вытурил нас из Рая. Мы любим тех, кто нас судит. Обожаем своих врагов.

На всякий случай, если Сара Брум где-то рядом, снаружи, я кричу:

– Только, пожалуйста, не казнитесь по этому поводу...

На двери сортира снаружи нет никакого замка, закрыться можно только изнутри, так что я трижды обвязываю сооружение веревкой и закрепляю ее тройным бабушкиным узлом. Мужик внутри тужится и кряхтит, испражняясь в дыру, над которой сидит орлом. Шлепает себя, прибывает слепней и комаров, что летят из темноты; ему есть чем заняться, и он не слышит, как я завязываю тройной узел и забираю его портфель в автофургон, чтобы спокойно все рассмотреть.

В портфеле у детектива – компьютерные распечатки с именами, характером инвалидности и адресами. Вот они, люди с кистевым туннельным синдромом. С неспецифическими повреждениями мягких тканей в области поясницы. С хроническими болями в шейных позвонках. Тут же – название страховой компании, кормилицы инвалидов. Названия всех обезболивающих препаратов, которые выписывают человеку в каждом конкретном случае.

Я тоже есть в этом списке. Вот: Юджин Дентон.

Там, в портфеле, целая пачка визиток, перетянутая резинкой. На всех визитках одно и то же: Льюис Ли Орлеан, частный детектив. И номер телефона.

Я набираю указанный номер, и сотовый телефон в портфеле начинает звонить.

Снаружи кричит Льюис Ли Орлеан. Зовет меня, чтобы я помог ему открыть дверь.

Если это поможет Саре убить меня, я расскажу ей, как он кричал, детектив. Как он рыдал, закрывая лицо руками, и рассказывал мне, что у него есть жена и трое детишек. Еще совсем маленьких. Но он не носил обручального кольца, и у него в бумажнике не было никаких фотографий.

Говорят, человек чувствует, когда на него смотрят. Ощущение такое, как будто по коже ползают муравьи. Но я ничего такого не чувствовал. В тот день я возился с машиной. Переставил колеса, проверил, не сильно ли стерлись тормозные колодки. Поменял масло с зимнего 10–10 на летнее 10–40. Там, на крошечном экранчике видеокамеры, я достал из-под фургончика полную канистру с автомобильным маслом и потащил ее к машине, держа под мышкой. Я, совершенно недееспособный, травмированный на рабочем месте шофер из отдела доставки, который

клялся на суде, что я не могу даже зубы почистить нормально, потому что руки не поднимаются. Искалеченный инвалид, которому только и остается, что до конца жизни пастись на травке. Но там, на экране видеокамеры, голый по пояс – пот из подмышки стекает ручьями на канистру с маслом и расползается темно-коричневой тенью, – я мог бы сойти за циркового силача.

Жить на природе, на свежем воздухе, не переедать, хорошо высыпаться... Этот загорелый маленький человечек с рельефными мышцами – я был таким в девятнадцать лет.

Мне в жизни не было так хорошо, а этот мужик, запертый у меня в сортире, мог все это разрушить.

В случаях серьезного производственного травматизма страховые компании всегда подают апелляцию. Иногда слежка за человеком продолжается несколько лет. Для того чтобы снять пять минут четкого видео, как этот калека загружает в багажник пикапа тяжеленную почвофрезу. Запись показывают на суде, и вот оно: дело закрыто. Инвалидность снимается. Истец считал себя обеспеченным на всю жизнь: недолгое денежное пособие каждый месяц, бесплатное медобслуживание, плюс викадин, перкоцет и оксиконтин в необходимых количествах, чтобы ему было хорошо до конца дней. Но ответчик поставил запись – загрузка почвофрезы в багажник, – и все, лафа кончилась.

Ему сорок пять, может быть, пятьдесят, и его обвиняют в мошенничестве со страховкой. И тут – без шансов. Теперь придется пахать всю оставшуюся жизнь, за минимальную зарплату. Никакого пособия по безработице. Ни секунды свободного времени, пока ему не исполнится шестьдесят с чем-то, когда можно будет выйти на пенсию.

Прямо сейчас, в эту минуту, даже пожизненное заключение за убийство кажется Саре Брум очень заманчивым по сравнению с тем, чтобы лишиться машины и дома, отдать все свои сбережения в счет поимущественного налога и оказаться на улице.

Когда я был на ее месте, у меня была только коробка с четырьмя ядовитыми «бомбами» от насекомых. У меня под фургончиком обнаружилось осиное гнездо. В инструкции на каждом баллончике было сказано, что перед употреблением его надо встряхнуть, а потом отломить кончик на тонкой насадке сверху. Из «бомбы» повалит ядовитый дым, и будет валить, пока весь не выйдет.

Там было написано, что эта штука убивает все живое.

Бедный детектив. Я пододвинул к сортиру стремянку и сбросил все четыре «бомбы» в вестовую трубу. Потом зажал трубу рукой, чтобы не

было утечки. И вот я стою на стремянке, этакий, бля, Адольф Гитлер, и слушаю, как мой детектив задыхается от ядовитого газа, кашляет и умоляет меня его выпустить. Он там давится жидкой блевотиной; я слышу, как вязкая масса изливается на дощатый пол – меня самого чуть не стошнило от этих звуков. От серного запаха распыленной отравы и вони его рвотных масс. «Бомбы» внутри продолжали шипеть, а потом струйки белого дыма повалили из всех щелей, из всех дырочек, где были забиты гвозди. Отдававший бензином дым рвался наружу со всех сторон, пока детектив бился о дверь и о стены, пытаюсь выбраться из сортира. Набивал синяки на руках, под подкладными плечами своего дорогого коричневого костюма. Тратил силы.

Нога болит жутко. Я сижу в этом сарае, жду, когда Сара Брум разрешит все проблемы в моем лице. Я мог бы ей столько всего рассказать. О том, что средство от насекомых только вызвало тошноту у обоих. О том, каковы ощущения, когда бьешь человека по голове гаечным ключом. Первые десять-двенадцать ударов не дают никаких результатов, кроме малоприятного красного месива из волос и разорванной кожи. Даже если держать ключ двумя руками, все равно у тебя не получится проломить кость с первого раза. А гаечный ключ очень быстро становится скользким от крови, и надо пойти и найти что-то чистое, чтобы закончить работу.

Даже если я не был нетрудоспособным до того, как убить этого мистера Льюиса Ли Орлеана, когда все закончилось, я точно стал инвалидом. Убивать человека – работа нелегкая. Нелегкая и грязная. Нелегкая, грязная и очень шумная, потому что жертва вопит во весь голос, причем смысла в ее словах – не больше, чем в реве коровы на бойне.

Насколько я понимаю, даже если бы я не прибил своего мистера Любопытного Детектива, его бы прикончила долгая холодная ночь. Слепни и болевой шок от перелома ноги. Мертвый – он мертвый, а это значит, что мы оба отмучились. Ну, почти.

Даже если бы меня не прищучили, после убийства детектива у меня как-то отбило охоту изображать из себя инвалида. Теперь я знал, что за мной наблюдают, я видел список. Пройдет время, и они отрядят другого детектива, чтобы шпионить за мной.

Отсюда вывод: если не можешь побить врага, переходи на его сторону.

По ящику как раз прошла очередная реклама заочных курсов, и я позвонил по указанному телефону. Там учат, как вести слежку за подозреваемым. Как рыться в мусорных баках в поисках вещественных доказательств. Через полтора месяца мне прислали диплом частного детектива. После этого у меня появился свой собственный список

халаявщиков, за которыми следовало проследить. Провести свое собственное небольшое расследование с ДПСК, то есть документальными подтверждениями скрытой камерой, как я это называю.

Работа, в общем, несложная. Проявляешь находчивость и «сдаешь» своих же коллег-инвалидов. В большинстве случаев тебе даже не нужно являться в суд. Просто сдаешь свой отчет, предъявляешь квитанции и чеки за мотель, взятую напрокат машину и еду в ресторанах – и тебе присылают по почте чек. Возмещение расходов плюс комиссионные.

Но вернемся к госпоже Брум. Первые пять дней напряженной работы не принесли никаких результатов. Когда ты непрестанно следишь за объектом, чтобы снять ДПСК, ты с ним как-то сродняешься. Ходишь за ним неотвязно. На почту, в библиотеку, в бакалейную лавку. Даже если она целый день не выходит из трейлера, занавесила окна и смотрит телик, я все равно наблюдаю: прячусь в своей взятой напрокат машине, припаркованной неподалеку – лежу на переднем сиденье, пристроив подушку к дверце с пассажирской стороны. Чтобы видеть, что происходит. Даже если не происходит вообще ничего.

Объект наблюдения, он как родной.

Весь день, с полудня до вечера, я просидел на корточках, прячась в кустах на холме за трейлером Сары Брум и прихлопывая комаров. Наблюдал за ней через видеоискатель камеры; ждал подходящего случая, чтобы нажать кнопку ЗАПИСЬ. Саре всего-то и нужно было, что наклониться и подхватить белый баллон с пропаном. Пять минут записи, как она разгружает большие пакеты с кошачьей едой из багажника своего старого драндулета с открывающейся вверх задней дверью – и дело сделано. Оставалось лишь сдать машину и улететь домой следующим рейсом.

Разумеется, я сижу у нее в сарае, потому что споткнулся и упал. Она нашла меня на холме, когда уже стемнело, и комары совершенно взбесились. Это было гораздо хуже, чем все, что может со мной сотворить сама Сара: пулевые и ножевые ранения – это ничто по сравнению с их укусами. Пришлось звать на помощь, и она подняла меня на ноги, приобняла за талию и дотащила досюда чуть ли не на себе. Уложила меня в сарае. Сказала, чтобы передохнуть. Пару минут.

Никто и не утверждает, что я отличаюсь особенной оригинальностью. Я говорю ей, что наблюдаю за птицами. Эти края знамениты своей популяцией хохлатых ржанок. И синезобых фазанов, у которых как раз сейчас брачный сезон.

Она берет мою видеокамеру, открывает экран для просмотра и

говорит:

– Ой как интересно. А можно мне посмотреть?

Камера тихонько жужжит, потом раздается щелчок, и на панели мигает красный огонек ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ. Сара глядит на экран, улыбается. Она накачалась таблетками, и ей хорошо.

Я говорю: нет. Тянусь за камерой, чтобы отнять. Но слишком резко. Я говорю ей: нет. Слишком громко.

И Сара Брум пятится от меня и поднимает камеру повыше, так чтобы я не достал. Отсвет экрана лежит у нее на лице, словно мерцающий свет свечи; она улыбается и продолжает смотреть.

Она продолжает смотреть, но лицо у нее меняется, улыбка стирается, уголки рта ползут вниз, щеки западают.

Там, на экране, отснятые материалы. Сара Брум таскает мешки с компостом, скользкие белые пластиковые мешки с коровьим навозом. На каждом мешке отпечатано черными буквами: «Вес: 50 фунтов».

Она по-прежнему глядит на экран. Смотрит не отрываясь. Лицо напряженное, словно все мышцы собрались в тугий комок точно посередине. Брови. Губы. Вот они, эти злосчастные пять минут, которые положат конец ее жизни, и она это знает. Мое коротенькое ДПСК, которое снова вернет ее в рабство «синих воротничков».

Может быть, ее больная спина вдруг поправилась. Может быть, она притворялась с самого начала. Но одно очевидно: она – никакой не инвалид. С такими ручищами, как у нее, она могла бы выступать в каком-нибудь шоу с номером «Силовая борьба с крокодилами».

Сара Брум, я просто хочу, чтобы ты знала, как я тебя понимаю. Прямо сейчас, в эту минуту, когда ты читаешь инструкцию на коробке с крысиным ядом, хочу сказать тебе вот что: эта первая неделя, когда я был инвалидом, абсолютно беспомощным и ни на что не способным – она была самой лучшей за всю мою взрослую жизнь.

Вот она, мечта всех фермеров. Всех железнодорожных кондукторов и официанток, которые хоть раз в жизни брали недельный отпуск, чтобы пожить на природе в кемпинге; в один прекрасный, удачный день товарный поезд слишком быстро влетит в поворот и сойдет с рельсов, или ты поскользнешься на пролитом молочном коктейле, и все – можно жить полной жизнью, поселившись поблизости от какой-нибудь безымянной гравиевой дороги. Счастливым калекой.

Это, может быть, не совсем то, что называют «хорошей жизнью», но это «вполне неплохая жизнь». Стиральная машина с сушилкой на крытом деревянном помосте рядом с трейлером. Сплошной металл в облупившейся

краске, в волдырях и нарывах ржавчины.

Если бы она меня слышала, если бы она стала слушать, я бы сказал Саре Брум, где именно располагается сонная артерия. И куда лучше бить молотком по голове, чтобы наверняка.

Нет, Сара Брум просто просит меня подождать пять минут. Она выходит, а я остаюсь в сарае. Закрывается дверь. Слышно, как щелкает висячий замок.

Прямо сейчас, в эту минуту, она точит нож. Перебирает свою одежду, брюки и блузки, джинсы и свитера, ищет вещи, которые больше не будет носить.

Я жду ее, я кричу ей, что все хорошо. Что ей не надо себя казнить. То, что она сейчас делает, это правильно. Я кричу ей, что это единственный способ покончить со всем этим раз и навсегда.

* * *

Стоя за стойкой буфета в холле, Агент Краснобай говорит:

– Но она поступила умнее, эта Сара Брум.

Вместо того чтобы его убивать, она записала на видеокамеру его признание. Всю историю. Про убийство Льюиса Ли Орлеана. А потом спрятала кассету и отвезла его в больницу.

– Вот это я называю счастливым концом... – говорит нам Агент Краснобай.

Есть истории, сказал бы вам мистер Уиттиер, которые ты рассказываешь и тем самым используешь. А есть истории, которые используют тебя.

Мисс Америка держится за живот обеими руками, забравшись с ногами на желтое кресло в готической курительной комнате; сидит на корточках и раскачивается взад-вперед, ее плечи укутаны шалью. Непонятно, то ли это так вырос ее живот, то ли на ней слишком много всего надето. Она раскачивается взад-вперед, ее руки расчерчены красными линиями воспаленных следов от кошачьих когтей. Она говорит:

– Знаете, что такое ЦМВ, цитомегаловирус? Вирусное заболевание, смертельно опасное для беременных. И его переносят кошки.

– Если тебе неудобно насчет кота, – говорит Недостоящее Звено, – так тебе и надо.

Держась за живот и раскачиваясь взад-вперед, Мисс Америка говорит:

– Вопрос стоял так: либо я, либо кот...

Мы все сидим во «Франкенштейновой комнате» перед камином из желтого с красным стекла. Сидим и присматриваемся друг к другу. Берем на заметку. Запоминаем все жесты, все реплики диалога. Ведем запись каждого мига, каждого события, каждого проявления чувств – поверх предыдущих.

Сидя в желтом кожаном кресле, Недостоящее Звено оборачивается к Графине Предвидящей, которая сидит в кресле рядом, и говорит:

– Ну а ты здесь какими судьбами? Что натворила, кого убила?

Все старательно делают вид, будто не понимают, что он имеет в виду.

Каждому хочется быть камерой. Не объектом.

– Похоже, мы все от чего-то скрываемся, – говорит Недостоящее Звено. С его длинным носом, густыми сросшимися бровями, нависающим лбом, с этой его бородищей, он говорит: – А с чего бы еще люди вдруг добровольно поедут в какое-то незнакомое место, с каким-то там мистером Уиттиером, о котором они ничего не знают?

На желтых шелковых обоях, между высокими узкими окнами с витражами, за которыми – вечные сумерки в 15 ватт, на желтых обоях Святой Без-Кишок рисует палочки, ведет счет дням. Сколько их там прошло. Держа пастельный мелок двумя пальцами, указательным и большим – других на руке не осталось, – он рисует по палочке на каждый

день, когда Сестра Виджиланте включает свет.

На полу из плотно подогнанных каменных плиток Агент Краснобай катает розовое колесо-тренажер, пытаясь сбросить еще больше веса.

Печка сломана – снова. Нагреватель воды тоже сломан. Унитазы забиты попкорном идохлым котом. Стиральная машина и сушилка щетинятся вырванными и обрезанными проводами.

Народ писает в миски и потом выливает все это в раковину. Или же приподнимает юбки и по-быстрому писает где-нибудь в уголке, в большом зале.

Мы, в своих сказочных париках и бархатных нарядах, кое-как убиваем время в этих холодных чертогах, где каждый звук отражается эхом, где все провоняло мочой и потом. В точности как родовитые вельможи при королевском дворе пару веков назад. Все эти дворцы и замки, такие чистые и элегантные в теперешних киноверсиях, на самом деле – если вдруг кто не знает, там плохо пахло и было холодно.

По словам Повара Убийцы, кухни во французских замках располагались так далеко от королевской столовой, что еда успевала остыть, пока ее доставляли к столу. Поэтому французы и изобрели этот свой миллион густых соусов и подливок – в качестве «одеяла», сохраняющего тепло. Чтобы блюда к столу подавались горячими.

Мы нашли все предметы в нашей игре «найди и собери»: шар для боулинга, колесо-тренажер, кота.

– Человечность определяется не по тому, как мы обращаемся с другими людьми, – говорит Недостояющее Звено. Растирая пальцем слой кошачьей шерсти у себя на рукаве, он говорит: – Человечность определяется по тому, как мы обращаемся с животными.

Он смотрит на Сестру Виджиланте, которая смотрит на часы у себя на руке.

В мире, где права человека ценятся, как никогда за всю историю... В мире, где общий уровень жизни достиг наивысшей отметки... в культурной традиции, где каждый несет ответственность за свою жизнь – здесь, говорит Недостояющее Звено, животные быстро становятся последними настоящими жертвами. Единственными рабами и добычей.

– Животные, – говорит Недостояющее Звено, – это наше мерило для определения человека.

Если не станет животных, не будет уже никакой человечности.

В мире, где есть только люди, люди не будут значить вообще ничего...

– Может, они только поэтому и не поубивали друг друга, эти люди на вилле Диодати, в дождливые дни, когда им приходилось безвылазно сидеть

в доме, – говорит Недостающее Звено.

У них были собаки, кошки, лошади и обезьяны, и поэтому они и вели себя по-человечески.

Глядя на Мисс Америку, с ее воспаленными красными глазами и разгоряченным, мокрым от пота лицом, Недостающее Звено говорит о том, что в будущем люди станут устраивать демонстрации протеста под окнами больниц – с плакатами, на которых будут изображены улыбающиеся младенцы, эти люди, они станут ругаться и плевать в будущих матерей – в этом жалком, презренном, перенаселенном мире, говорит Звено.

– Эти люди будут с остервенением ругать тех немногих эгоистичных женщин, которым все еще хочется рожать детей...

В этом мире будущего, в мире, который снаружи, животные останутся лишь в зоопарках и в кино. Все, что не есть человек, превратится во вкусовые добавки к пище: курица, говядина, свинина, баранина или рыба.

Мисс Америка держится за живот и говорит:

– Но мне надо нормально питаться.

– Если не станет животных, – говорит Недостающее Звено, – люди останутся, да. Но человечности уже не будет.

Глядя на свое кольцо, подаренное женихом в честь помолвки, на огромный бриллиант Леди Бомж, который сверкает теперь на ее тонком пальце, Мать-Природа говорит:

– То, что ты говорил о выступлениях против детей... это так мерзко. В духе Товарища Злыдни.

Четвертого призрака этого места.

– Согласен, – говорит Святой Без-Кишок, глядя на Мать-Природу. – Дети это... прекрасно.

Мать-Природа и Святой – наша любовная линия сюжета.

Недостающее Звено поднимает руки, встряхивает рукава.

Прижимает к вискам указательные пальцы и говорит:

– Тогда я выхожу с ней на связь.

На потустороннюю связь с Товарищем Злыдней. И с мистером Уиттиером, который вещает устами Недостающего Звена и говорит, что людям необходимо признать и принять дикую, животную сторону своей натуры. Нам нужны выходы для рефлексов: бежать и драться. Надо как-то реализовывать эти умения, которым мы научились за тысячу поколений. Если мы подавляем в себе потребность делать больно и испытывать боль, если мы отрицаем ее и позволяем всей этой нереализованной боли копиться в себе, вот тогда и начинаются войны. Серийные убийства. Стрельба в школьных классах.

– Ты хочешь сказать, мы воюем, – уточняет Святой Без-Кишок, – из-за того, что у нас низкая сопротивляемость к скуке?

И Недостающее Звено говорит:

– Мы воюем из-за того, что отрицаем эту низкую сопротивляемость.

Агент Краснобай снимает на камеру Графа Клеветника, который записывает на диктофон Недостающее Звено, мы все пытаемся отыскать какие-то выразительные детали, чтобы потом передать их актеру, на съемочной площадке, когда-нибудь. Детали, благодаря которым наша версия правды станет более реальной.

Мисс Америка лезет рукой под юбки, ее невидящий взгляд устремлен в одну точку, вниз, на ковер. Она шарит рукой под слоями юбок, и на мгновение ее дыхание замирает.

Когда она вынимает руку, ее пальцы влажно блестят. Они испачканы чем-то прозрачным. Не кровью. Мисс Америка нюхает свою руку и хмурится. Кожа на лбу собирается глубокими морщинками.

Бедная Директриса Отказ уже не плачет. Слезы кончились давным-давно. С той минуты она просто сидит и смотрит на Мисс Америку. Ходит за ней повсюду, из комнаты в комнату. Ждет.

– У тебя заражение, бактериальная инфекция, – говорит Недостающее Звено, глядя на царапины на руках Мисс Америки. – *Bartonella bacterium*, бартонелла, воспаление лимфатических узлов. – Он делает паузу, чтобы люди успели записать. Он произносит по буквам: – Б-А-Р-Т-О... – пока Граф Клеветник чиркает ручкой у себя в блокноте.

– И если я не ошибаюсь, – говорит Звено, принохиваясь, – у тебя только что отошли воды...

Мисс Апчхи кашляет в кулачок, после чего настает тишина, в которой скрип ручки, пишущей по бумаге, кажется громким, как грохот грома.

Директриса Отказ смотрит на мокрую руку Мисс Америки.

Каждый из нас: камера, скрытая за камерой, скрытой за камерой.

Страхивая кошачью шерсть с рукавов, не поднимая глаз, Недостающее Звено говорит:

– В народе эту болезнь называют «кошачьи царапки».

– У меня мигрень, – говорит Мисс Америка и вытирает мокрые пальцы о шаль. Сгребает в охапку свои многочисленные юбки и встает с кресла, вернее, почти падает. Зябко кутается в шаль, прикрывая исцарапанную шею. Уже на пути к лестнице Мисс Америка говорит: – Я иду к себе.

Все сиденье ее кресла потемнело. Намокло. От воды, не от крови.

Когда Мисс Америка исчезает из виду, спустившись по лестнице,

только тогда Директриса Отказ сдвигается с места.

Едва Мисс Америка исчезает из виду, Директриса Отказ идет следом за ней.

А мы все наблюдаем, записываем. Как Директриса идет, приподняв длинную юбку своего форменного наряда а-ля Клара Бартон, с белым фартуком, красным крестом на груди и складчатой шапочкой медсестры, пришпиленной к парику. Ее руки так крепко вцепились в ткань юбки, что кажутся синеватыми. Подбородок прижат к груди. Хмурый взгляд исподлобья.

Губы сжаты так плотно, что на стиснутых челюстях образовались заметные желваки. Директриса Отказ направляется следом за Мисс Америкой, почти беззвучно. Не громче, чем скрип наших ручек, пишущих по бумаге.

Мы все сидим, ждем истошного вопля.

Нужно, чтобы что-то случилось.

Что-то смачное, что-то мерзкое.

Мифология нас – только минус один претендент на гонорар.

Агент Краснобай, весь мокрый от пота, тяжело опускается на пол, ложится на бок, дышит неровно и сбивчиво. У него под кафтаном – широкие гаремные шаровары. Парик надвинут низко на лоб – для тепла. Он говорит, обращаясь к Недостояющему Звену:

– В плане проверки твоей теории... – Агент Краснобай говорит: – Что ты натворил, кого убил?

Эволюция

Стихи о Недостающем Звене

– Чем ты займешься сегодня? – спрашивает Недостающее Звено. – Что ты сделаешь, чтобы оправдать свое существование?

Чтобы оправдать эту гору из мертвых животных и предков, на вершине которой – ты.

Недостающее Звено на сцене: злобный взгляд исподлобья, желтые глаза глядят из глубокой тени под нависающим лбом.

Глаза и нос словно вытеснены на маленькую полянку, небольшую открытую местность между кустистыми зарослями бровей и чащобой его бороды.

Руки свисают почти до колен, на костяшках пальцев – черный каракуль щетины.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма: Проекция любительской киносъемки, в которой чудовище, покрытое рыжим мехом, ростом с всадника в седле, с вытянутой, заостренной макушкой, убегает из кадра.

Берег реки в ясный, солнечный день, на заднем плане – сосновый лес.

Это чудовище из киносъемки перекрывает фигуру Недостающего Звена, рыжие мохнатые груди болтаются на бегу, она оборачивается и смотрит.

Недостающее Звено говорит там, на сцене:

– Ты живешь лишь потому, что умер кто-то другой.

Кто-то жил, а потом умер, чтобы ты мог родиться и жить.

Эта гора мертвецов, они возносят тебя к свету солнца.

Недостающее Звено говорит:

– Все их стремления, вся их энергия, вся сила, которую они накопили...

Как ты ими распорядишься?

Как воспользуешься этим даром?

Кожаные ботинки, жареные цыплята, воины, павшие в битвах, будут лишь бесполезной трагедией, если ты не воспользуешься этим даром и бесцельно растратишь его, тупо пялясь в телевизор. За рулем в уличной пробке. В ожидании авиарейса.

– Как ты воспользуешься этим даром? – спрашивает Недостающее

Звено.

Как ты докажешь, им, всем существам, которые были здесь до тебя, что их рождение, их труды и их смерть были все-таки не напрасны?

Диссертация

Рассказ Недостаяющего Звена

Как оказалось, это было не настоящее свидание.

Ну да, было пиво. И вполне симпатичная девушка. И бильярд в баре. И музыка в музыкальном автомате. Пара гамбургеров с яичницей, жареная картошка. Самая «свиданческая» еда.

Рановато, конечно, после смерти Лайзы. Но было приятно. Куда-нибудь выйти.

И все же эта новая девушка – она вообще не отводит взгляд. Ни разу не посмотрела на телевизор над баром, где идет футбол. Не забила ни одного шара, потому что не смотрит на шар, по которому надо бить. Ее глаза, они как будто пишут под диктовку. Стенографируют. Фотографируют.

– Ты слышал про эту погибшую девочку? – спрашивает она. – Она была из резервации, да? – Она говорит: – Ты ее знал?

Кедровые панели на стенах бара прокоптились от сигаретного дыма. На полу – толстый слой опилок, чтобы впитывать плевики пережеванного табака. Мерцающие рождественские гирлянды растянуты под черным потолком. Красные, синие, желтые огоньки. Оранжевые и зеленые. Некоторые огоньки мигают. В таких барах все можно: прийти с собакой или с оружием. Никто ничего не скажет.

И все же это скорее интервью, чем свидание.

Даже когда эта девушка констатирует факт, это звучит как вопрос:

– А ты знаешь, – говорит она, – что святой Андрей и святой Варфоломей пытались обратить в христианскую веру великана с песьей головой? – Она даже не смотрит, куда посылает шар, она продолжает вздохнуть: – Католическая церковь описывает великана как огромного человека 12 футов ростом, с песьей мордой, львиной гривой и зубами, как кабаньи клыки.

Конечно, она промахивается, но не прекращает бубнить: бу-бу-бу.

– А ты слышал такое итальянское выражение: *lupa maniera*? – говорит она.

Нагнувшись над бильярдным столом, она не попадает по очередному легкому шару, по шару № 2, который стоит на прямой линии к угловой лузе. Она говорит без умолку, без передышки:

– А ты слышал о Гандильонах? Была такая семья, во Франции. – Она

говорит: – В 1584 году их всех сожгли на костре...

Эта девушка, Менди Как-ее-там, она появилась в университетском городке пару месяцев назад, наверное, с рождественских каникул. Короткие юбки, сапожки на шпильках, острых, как заточенный карандаш. Здесь такие не купишь. Поначалу она в основном обреталась на факультете антропологии. Кажется, в аспирантуре. Была ассистентом преподавателя по «Народам мира», и вот тогда, собственно, и начались эти гляделки. Потом она стала интересоваться программой предварительных юридических курсов на факультете английского языка. Каждый день она там. Каждый день говорит: «Привет». Наблюдает. Шпионит. Глаза фотографируют. Берут на заметку.

Знакомьтесь: Менди Как-ее-там, тайный агент.

Так продолжалось весь зимний семестр, и вот на этой неделе она говорит:

– Может, сходим куда-нибудь перекусить?

Она угощает. И все же даже при гамбургерах, рождественских гирляндах и пиве, это никакое не свидание.

Теперь, запоров шестой шар, она говорит:

– В антропологии я явно сильнее, чем в бильярде. – Натирая кий мелом, она говорит: – Знаешь слово «*varulf*»? А про такого Жиля Трюдо? Он был проводником генерала Лафайетта во время Войны за независимость. – Все еще натирая кий кубиком синего мела, Менди Как-ее-там говорит: – Или вот еще, французское слово: *loup-garou*?

И все это время ее глаза смотрят. Оценивают, наблюдают. В ожидании реакции. В поисках ответа.

Она хочет встречаться – но это в ней говорит антрополог. Она приехала сюда из Нью-Йорка, прилетела в такую даль, исключительно для того, чтобы познакомиться с мужиками из резервации чивлахов. Да, это расизм, говорит она.

– Но это *хороший* расизм. Меня возбуждают чивлахи...

Менди Как-ее-там подается вперед, наклонившись над нашими гамбургерами, ставит локти на стол, подпирает рукой подбородок. Водит свободной рукой по столу, следуя за какой-то невидимой линией на сальной поверхности. Она говорит, что мужчины из племени чивлахов, они все на одно лицо.

– У них на лице – большой член с яйцами, – говорит она.

Она имеет в виду, что у мужчин из племени чивлахов, у всех квадратные подбородки, выпирающие далеко вперед. Подбородки раздвоены так глубоко, что это и вправду похоже на яйца в мошонке.

Мужчинам-чивлахам всегда надо бриться, даже когда они только-только побрились.

Эта вечная темная щетина, Менди Как-ее-там называет ее: «Небритость за пять минут».

У мужчин из резервации чивлахов всего одна бровь, то есть, наверное, их две, но они соединяются в сплошную кустистую полосу жестких черных волос, наподобие лобковых, которая проходит через все лицо, от уха до уха.

А между этими черными зарослями над глазами и щетинистым подбородком красуется пресловутый чивлахский нос. Длинный, мясистый, как будто вечно распухший нос, похожий на член в состоянии мягкой эрекции. Кончик носа свисает, закрывая рот. Свисает почти до самого подбородка, этой небритой второй мошонки.

– Эти брови скрывают глаза, – говорит Менди. – А нос закрывает губы.

Когда ты встречаешь мужчину из племени чивлахов, первое, что бросается в глаза: лобковые волосы, огромный член в состоянии полуэрекции и волосатые яйца.

– Как Николас Кейдж, – говорит она, – только лучше. Как член с яйцами.

Она ест жареную картошку и говорит:

– Настоящий критерий мужской привлекательности.

Она солит картошку. Весь наш столик усыпан солью, как белым песком. Она расплачивается карточкой «American Express» такого цвета, какого бармен в жизни не видел. Титановой или урановой.

Она приехала сюда писать диссертацию. В Манхэттене, среди всех этих хихикающих аспирантов антропологического факультета, невозможно нормально работать над такой необычной темой. Ее научные руководители посоветовали ей заняться «полевой практикой». По ее предмету, криптозоологии. Изучение вымерших или легендарных животных, типа снежного человека, Лох-Несского чудовища, вампиров, суррейской пумы, человека-мотылька, Дьявола Джерси. Животных, которые, может быть, существуют на самом деле, а может, и нет. Это один из ее консультантов предложил ей поехать сюда, посетить резервацию чивлахов, изучить их культуру и провести небольшое исследование «на месте». Собрать фактические материалы для своей диссертации. Материалы по делу.

Ее глаза мечутся, наблюдают. Проверяют реакцию. Ждут подтверждения.

– Господи, – говорит она и закатывает глаза, вроде как показать, что она шутит. Хотя, наверное, не шутит. – Меня послушать, так прямо вторая

Маргарет Мид, да?

Она собиралась *пожить* в резервации. Снять дом или что-нибудь в этом роде. Ее папа с мамой, оба врачи, и им хочется, чтобы она воплотила свою мечту, чтобы она занималась тем, что ей нравится – а не так, как они, – сколько бы им это ни стоило. Даже рассказывая о себе, Менди Как-ее-там задает вопросы. Даже рассказывая о своих папе с мамой, она говорит:

– Почему же они не меняют профессию? Им же плохо, да?

Каждая ее фраза завершается знаком вопроса.

Ее глаза, серые или голубые, а потом вдруг – серебристые, они по-прежнему наблюдают. Она кусает свой гамбургер, хотя он, наверное, давно остыл. Как будто ешь что-то мертвое.

Она говорит:

– Эта девочка, которая погибла...

А потом:

– Как ты думаешь, что с ней случилось?

Ее диссертация посвящена таинственным существам, волосатым великанам, которые присутствуют во всех мифологиях по всему миру. В Каскадных горах у Сиэтла их называют *сиэйтик*. В Европе – *альма*. В Азии – *йети*. В Калифорнии – *омаха*. В Канаде – *сасквотч*. В Шотландии – *фирлиат-мор*, знаменитый «серый человек», который живет на горе Бен-Макдуи. В Тибете – *метох-кангми*, или «ужасный снежный человек».

Все это – просто разные названия. А волосатые великаны – одни и те же. Живут в лесах или в горах. Иногда их видят путешественники и лесорубы. Иногда их удается сфотографировать. Но еще не было случая, чтобы кого-то из них поймали.

Общекультурный феномен, как она это называет.

Она говорит:

– Мне очень не нравится общий термин: «Большая нога».

Все эти легенды родились независимо друг от друга, но все они говорят об огромных, лохматых чудовищах, от которых жутко воняет. Как правило, эти чудовища застенчивы и пугливы, но если их спровоцировать, могут напасть. Был случай, в 1924 году, когда шахтеры на Тихоокеанском северо-западе увидели животное, похожее на гориллу, и стали в него стрелять. А ночью их домик на горе Сент-Хеленс окружила целая стая этих гигантских «горилл» и забросала его камнями. В 1967 году один лесоруб в Орегоне наблюдал, как какое-то огромное волосатое существо ворочало камни весом чуть ли не в тонну, вырывало их из промерзшей земли и ело сусликов, забравшихся под валуны, чтобы впасть в зимнюю спячку.

Главный довод в пользу того, что этих монстров не существует: что до сих пор ни одного не поймали. И не нашли мертвым. Притом что сейчас столько народу бродит по диким краям, уж кто-то мог бы словить хотя бы одного заваливающего снежного человека.

Бармен подходит к столику, спрашивает, кто хочет выпить еще? И Менди Как-ее-там умолкает, как будто то, что она говорит, это страшная государственная тайна. Она говорит бармену:

– Запиши на мой счет.

Когда он уходит, она продолжает:

– Знаешь такое уэльское слово: *gerulfos*?

Она говорит:

– Ты не против? – Она запускает обе руки в свою сумку, стоящую на стуле рядом, и достает блокнот, перехваченный резинкой. – Мои записи, – говорит она, снимает резинку и надевает ее себе на руку, чтобы не потерять.

– Ты слышал про расу людей, которых древние греки называли *кинокефалами*? – Она зачитывает из блокнота: – А про *вурволаков*? *Асвангов*? *Кадехо*?

Это – ее второй «пунктик».

– Все эти названия... – говорит она, тыча пальцем в раскрытый блокнот. – Люди по всему миру в них верят, уже не одну тысячу лет.

Во всех языках мира есть слово для обозначения *вервульфов* и прочих оборотней.

И везде они злые, и все их боятся.

На Гаити, говорит она, беременные женщины очень боятся, что вервульф съест новорожденного младенца, и поэтому будущие матери пьют горький кофе, мешая его с бензином.купаются в отваре из чеснока, мускатного ореха, шнит-лука и кофе. Для того чтобы кровь младенца стала невкусной, и никто из местных вервульфов на него не позарился.

И вот тут Менди Как-ее-там делает смелое предположение, чему, собственно, и посвящена ее диссертация.

Снежные люди и оборотни, говорит она, это один и тот же феномен. Ученым не удалось найти ни одного мертвого снежного человека, потому что снежные люди превращаются обратно в нормальных. Эти чудовища – такие же люди. Они меняют свой облик всего лишь на несколько часов или дней в году. Отрачивают шерсть. Впадают в неистовство, как *берсеркеры*, то есть древнескандинавские воины, которые специально вводили себя в состояние боевой ярости. Их тело меняется, увеличивается в размерах, и им нужен простор. Поэтому они и уходят в леса или в горы.

– Вроде как, – говорит она, – менструальный цикл у женщин.

Она говорит:

– У мужчин тоже есть эти циклы. Ну, у самцов животных. Например, у слонов. Раз примерно в полгода у них начинается гон. В это время они словно впадают в безумие. От них несет тестостероном. Их уши и гениталии меняют форму, а сами они злые, как сто чертей.

Лососи, говорит она, когда поднимаются вверх по течению во время нереста, тоже сами на себя не похожи: у них меняется цвет, челюсти деформируются, – как будто это вообще другая рыба. Или кузнечики, когда превращаются в саранчу. Их тела изменяют размер и форму.

– Согласно моей теории, – говорит она, – этот ген снежного человека связан либо с *гипертрихозом*, либо с родом *гигантопитеков*, крупных человекообразных обезьян, которые, как считается, вымерли полмиллиона лет назад.

Эта мисс Как-ее-там, она строчит, словно из пулемета: паф-паф-паф.

Впрочем, парням приходилось выслушивать бред и похуже, в надежде на перепихон.

Первый термин, объясняет она, *гипертрихоз*, это наследственная болезнь, когда человек страдает избыточным оволосением. Волосы растут по всему телу, буквально из каждой поры; людям с такой повышенной волосатостью остается лишь выступать в цирке. Второе умное слово, *гигантопитек*, обозначает гигантскую обезьяну 12 футов ростом, обнаруженную в 1934 году неким доктором Кенигсвальдом в ходе исследований огромного ископаемого зуба. Гигантопитеков считают предками человека.

Стуча пальцем по раскрытому блокноту, Менди Как-ее-там говорит:

– Как вы думаете, почему отпечатки следов, – она стучит пальцем, – сфотографированные Эриком Шиптоном на Эвересте в 1951 году, – она стучит пальцем, – точно такие же, один в один, как следы, сфотографированные на горе Бен-Макдуи в Шотландии, – она стучит пальцем, – и следы, найденные Бобом Гимлином в Северной Калифорнии в 1967-м?

Потому что все эти лохматые чудища, по всему миру, состоят в тесном родстве.

Согласно ее теории, по всему миру разбросаны изолированные группы людей, в хромосомах которых содержится «ген превращения», из-за которого они обращаются в волосатых чудовищ, в определенный период репродуктивного цикла. Эти люди живут изолированно, в глухих, отдаленных местах, потому что, понятное дело, никому не хочется

превратиться в огромного лохматого полузверя посреди, скажем, Чикаго. Или Диснейленда.

– Или, – говорит она, – в самолете, во время трансатлантического перелета, где-то на полпути между Сиэтлом и Лондоном...

Она имеет в виду случай месячной давности. Когда пассажирский авиалайнер разбился неподалеку от Северного полюса. Последнее, что пилот успел передать по рации: что что-то ломится к нему в кабину. Срывает дверь. Стальную, пуленепробиваемую, взрывостойкую дверь в пилотскую кабину. Последнее, что было записано на бортовом регистраторе, в черном ящике – крики, рычание и вопли пилота: «Что это? Что происходит? Вы кто?..»

Федеральное управление гражданской авиации утверждает, что на борту самолета не могло быть никакого оружия, будь то холодного или же огнестрельного, и бомб. Пронести их туда было физически невозможно.

Управление внутренней безопасности предполагает, что авария произошла по вине единственного террориста, принявшего ударную дозу какого-то непонятного наркотика. Этот наркотик и наделил его или ее сверхчеловеческой силой.

Среди погибших пассажиров, говорит Менди Как-ее-там, была тринадцатилетняя девочка из резервации чивлахов.

– Эта девочка направлялась... – она листает блокнот, – в Шотландию.

Согласно ее теории, племя чивлахов решило отправить девочку за море незадолго до наступления половой зрелости. Чтобы она познакомилась и, может быть, вышла замуж за кого-нибудь из парней из общины Бен-Макдуи. Где, согласно традиции, великаны, покрытые серым мехом, бродят по склонам на высоте 4000 футов.

Менди Как-ее-там, она просто кладезь теорий. В Нью-Йоркской публичной библиотеке содержится одна из самых больших в стране коллекций оккультной литературы, говорит она, потому что когда-то библиотекой владел ведьминский ковен.

Менди Как-ее-там говорит, что у амишей есть специальные книги, где записаны имена всех до единого членов секты, из всех амишских общин на земле. Вроде как книги учета «своих». Чтобы амиши, когда эмигрируют или просто переезжают в другое место, могли бы поселиться среди своих, жить со своими и заключать браки между собой.

– И почему бы не предположить, что и у снежных людей есть похожие книги учета? – говорит она.

Ученым не удалось найти ни одного мертвого снежного человека, потому что смена облика – явление временное. И поэтому во всех

культурах, на протяжении всей истории, были поверья об оборотнях.

Существует фрагмент любительской киносъемки, сделанной человеком по имени Роджер Паттерсон в 1967 году. Ему удалось заснять странное, покрытое мехом существо, которое ходит на двух ногах. Женщину с заостренной макушкой, громадной грудью и пышной задницей. Ее лицо, грудь и задница, все ее тело было покрыто лохматыми рыжевато-каштановыми волосами.

Этот коротенький фильм, длиной всего в пару минут, который одни называют подделкой, а другие – неоспоримым доказательством существования снежных людей: может быть, это всего лишь чья-то тетушка Тилли, у которой начался брачный период. И вот она бродит по лесу, кушает ягоды и жуков и просто пытается держаться подальше от людных мест, пока она не превратится обратно в нормальную женщину.

– Бедная женщина, – говорит Менди. – Представляешь, как это «приятно», когда миллионы людей видят тебя заснятой на пленку в голом виде, в самый разгар критических дней «повышенной лохматости»?

Вполне вероятно, что каждый раз, когда этот фрагмент показывают по телику, родственники этой женщины зовут ее в гостиную и подшучивают над ней.

– То, что кажется чудищем всем остальным, – говорит Менди, – для племени чивлахов это всего лишь невинные кадры домашнего видео.

Она умолкает на пару секунд, выжидает. Может быть, ждет реакции. Смеха или вздоха. Нервного подергивания щеки.

Что касается этой девочки, в самолете, говорит Менди Как-ее-там, представляешь, что она пережила. Съела весь самолетный обед, но все равно не наелась. Она не помнит, чтобы ей когда-нибудь было так голодно. Она просит у стюардессы добавки: закусок, объедков, чего угодно. А потом понимает, что сейчас произойдет. До этой минуты она только слышала рассказы о том, как мама с папой уходят на пару ночей в леса и едят там оленей, лососей и скунсов – все, что удастся поймать. Они уходят в леса, а потом возвращаются домой, совершенно без сил, а мама, может быть, и беременной. И вот эта девочка бежит в туалет, чтобы спрятаться там, но туалет занят. Она стоит в проходе, под дверью туалета, и ее гложет кошмарный голод. Когда дверь наконец открывается, мужчина, который выходит, говорит: «Прошу прощения», – но все, уже поздно. То, что стоит перед дверью, это уже не человек. Это голод во плоти. И это вообще непонятно что толкает его обратно в крошечную пластиковую кабинку и запирается с ним внутри. Мужчина даже не успевает закричать, как это «оно», которое было тринадцатилетней девочкой, вгрызается ему в горло и

вырывает зубами большой кусок мяса.

Она ест и ест. Срывает с него одежду, как будто чистит апельсин, чтобы добраться до сочной мякоти.

Пока пассажиры в салоне дремлют после обеда, она ест и ест. Ест и растет. А потом, может быть, кто-нибудь из стюардесс замечает, что из-под запертой двери туалета медленно вытекает кровь. Может быть, стюардесса стучит в дверь и спрашивает, все ли в порядке. Или, может быть, эта чивлахская девочка ест, ест и ест, и никак не может наесться.

То, что выходит из туалета, все в крови с головы до ног, оно еще не закончило кушать. Можно сказать, оно еще даже и не приступало. Оно влетает в салон, где все спят и поэтому свет приглушен, и идет по проходу, как будто вдоль буфетной стойки: хватает, откусывает, жует – чью-то щеку, кусок плеча. Его желтым голодным глазам этот набитый людьми самолет, наверное, представлялся большой коробкой шоколадных конфет.

Такой летучий шведский стол: ешь что хочешь и сколько хочешь.

Последнее, что пилот успел передать по радиации, до того, как дверь его кабины сорвали с петель: «Помогите. Спасите. Кто-то ест мой экипаж...»

Менди Как-ее-там умолкает, ее глаза – почти абсолютно круглые. Она хватается рукой за грудь, пытается отдышаться. Ее дыхание не поспевает за ее болтовней. У нее изо рта пахнет пивом.

Дверь открывается, и в бар входит компания каких-то парней, одетых во все оранжевое. Оранжевые свитера. Оранжевые жилеты. Оранжевые куртки. Спортивная команда. Нет, дорожные рабочие. В телевизоре над барной стойкой идет реклама: приходите служить в военно-морских силах.

– Представляешь? – говорит Менди.

Что будет, если она сумеет найти подтверждения своим догадкам. Если окажется, что такое племя действительно существует. А если кто-то решит, что эта их племенная особенность представляет опасность для общества? Если целый народ превратится в глазах остальных в эквивалент оружия массового уничтожения? Правительство обяжет всех носителей этого тайного гена принимать лекарства для подавления превращений? ООН введет карантин безопасности и изолирует всех потенциальных оборотней? В резервациях? В концлагерях? Или их всех окольцуют браслетами с радиопередатчиками, типа как лесники «маркируют» опасных медведей гризли, чтобы можно было следить за всеми их передвижениями.

– Это лишь вопрос времени, – говорит она, – пока ФБР не начнет расследование и не придет в резервацию, правильно?

В первую же неделю после приезда сюда она поехала в резервацию и попыталась поговорить с людьми. Она хотела пожить там, снять дом,

понаблюдать за повседневной жизнью чивлахов. Познакомиться с их культурой, понять, чем они зарабатывают на жизнь. Собрать устные предания племени, узнать их историю. Она приехала в резервацию с диктофоном и кассетами на пятьсот часов записи. Но никто не захотел с ней поговорить. В резервации не было свободных домов, квартир или комнат, которые сдавались бы внаем. Она не пробыла в резервации и часа, как местный шериф поставил ее в известность, что там действует что-то похожее на комендантский час, и ей надо уехать из резервации до заката. А поскольку дорога длинная, то ей лучше выехать прямо сейчас.

Ее просто вышвырнули оттуда.

– Понимаешь, в чем дело, – говорит Менди Как-ее-там, – все это можно было бы предотвратить. Я бы смогла.

Обжорное бешенство этой девочки. Авиакатастрофу. ФБР будет здесь через несколько дней. А потом – концлагеря. Этнические чистки.

После этого она обреталась в местном университете, пытаясь «подцепить» кого-нибудь из парней-чивлахов. И вот, подцепила. И теперь задает вопросы и ждет. Но ждет не ответов. А бурных аплодисментов. Ждет подтверждения своей правоты.

Это слово, которое она называла, «*varulf*», это «оборотень» по-шведски. «*Loup-garou*» по-французски. Тот человек, Жиль Трюдо, проводник генерала Лафайетта, это был первый оборотень, упомянутый в американской истории.

– Скажи мне, что я права, – говорит она, – и я попробую вам помочь.

Если ФБР доберется сюда, говорит она, эта история уже никогда не дойдет до широкой публики. Все носители подозрительного гена просто исчезнут, по распоряжению правительства. Их всех изолируют. Ради общественной безопасности. Или случится какое-нибудь официально одобренное несчастье, которое разом разрешит проблему. Не геноцид; то есть не официально. Но иной раз правительству приходилось поступать жестко, если на то была уважительная причина: например, заразить племя оспой или переселить их в какую-нибудь отдаленную резервацию. Да, не во всех племенах были носители гена снежного человека, но как это можно было бы определить сто лет назад? А правительство не могло рисковать.

– Скажи мне, что я права, – говорит Менди Как-ее-там, – и я устрою вам выступление на утреннем телешоу «Сегодня».

Может быть, даже в Блоке А...

Она сделает так, чтобы люди узнали. История вызовет общественное сочувствие. Может быть, даже удастся привлечь «Международную амнистию». Это может стать следующей великой битвой за гражданские

права. Только в глобальном масштабе. Менди Как-ее-там говорит, что она уже идентифицировала остальные, разбросанные по всему миру общины, племена и группы вероятных носителей ее умозрительного гена, из-за которого и происходит превращение в чудовищ. У нее изо рта пахнет пивом, она произносит «чудовищ» достаточно громко, так что оранжевые ребята, дорожные рабочие, оборачиваются в нашу сторону.

Сколько в мире таких общин, сколько там мужиков: кадри кого хочешь. Даже если она обломается на этом свидании, рано или поздно найдется кто-то, кто скажет ей то, что она хочет услышать.

Что оборотни и снежные люди действительно существуют. И что он – и то, и другое.

Парням приходилось выслушивать бред и похуже, в надежде на перепихон.

Даже парням-чивлахам с их порнолицами.

Даже мне. Но я говорю ей:

– Эту тринадцатилетнюю девочку звали Лайза. – Я говорю: – Она была моей младшей сестрой.

– Оральный секс, – говорит Менди Как-ее-там, – *вполне* допустим...

Надо быть идиотом, чтобы не отвезти ее к себе домой, в резервацию. Может быть, познакомить с народом. Со всей проклятой семейкой.

И, поднимаясь из-за стола, я говорю ей:

– Ты сможешь попасть в резервацию – прямо сейчас, – но сперва мне нужно позвонить.

В примерке у Мисс Америки, где серый бетон и ничем не прикрытые трубы, миссис Кларк стоит на коленях у двухъярусной кровати и говорит, что многие женщины мечтают иметь ребенка и представляют, как это будет, но мечта и реальность, они не всегда совпадают.

Мы, все остальные, стоим в коридоре. Подглядываем и подслушиваем. Боимся пропустить какое-нибудь ключевое событие. Боимся, что нам придется узнать о нем лишь с чужих слов.

Мисс Америка лежит на кровати, свернувшись калачиком, смотрит в серую бетонную стену. В этом эпизоде у нее роль без слов.

Миссис Кларк стоит рядом с ней на коленях, ее огромные груди лежат на краешке кровати. Она говорит:

– Помнишь мою дочку, Кассандру?

Девочку, которая заглянула в ящик с кошмарами.

Которая обстригла себе ресницы, а потом пропала.

– После того как она пропала, я в первый раз наткнулась на объявление мистера Уиттиера, – говорит мисс Кларк. – Листок лежал, как закладка, в книжке, в спальне Кассандры. И там, на листке, моя дочь написала: *«Писательский семинар в полном уединении: Оставь привычную жизнь на три месяца»*.

Миссис Кларк говорит:

– Я знаю, что мистер Уиттиер делал это и раньше.

И Кассандра была здесь – запертая в этом здании – в прошлый раз.

Дети, говорит она. Когда они маленькие, они верят всему, что ты им рассказываешь о мире. Мама для них – это и мировая энциклопедия, и альманах, и словарь, и Библия, все вместе. А потом они достигают определенного возраста, и все меняется, словно по волшебству. На прямо противоположное. Теперь ты для них либо лгуня, либо дура, либо злейший враг.

Мы все записываем, голос мисс Кларк еле слышен из-за скрипа ручек по бумаге. Мы аккуратно записываем: *либо лгуня, либо дура*.

Из диктофона Графа Клеветника слышно:

– ...либо злейший враг.

Миссис Кларк знает только, что после того, как Кассандра исчезла на целых три месяца, ее нашли. Полиция нашла Кассандру.

Стоя на коленях у кровати Мисс Америки, она говорит:

– Я согласилась помогать мистеру Уиттиеру, потому что хотела узнать, что случилось с моим ребенком... – Миссис Кларк говорит: – Мне хотелось узнать, но она никогда бы мне не рассказала...

Пропавший ребенок

Рассказ миссис Кларк

Через три месяца после того, как пропала Кассандра Кларк, она вернулась домой. Пришла пешком. Один человек, проживающий за городом, рано утром ехал на работу в город и увидел, как вдоль скоростного шоссе идет, прихрамывая, молодая девушка, причем почти голая. Из одежды на ней были только туфли, темные перчатки и набедренная повязка из темной ткани. И еще – что-то похожее на детский слюнявчик или черный платок, повязанный на шее и свисавший вперед, на грудь. Пока человек разворачивался и звонил в полицию, уже совсем рассвело, и стало видно, что девушка была полностью голой.

Ее перчатки и туфли, платок и набедренная повязка – это была засохшая кровь. Толстый слой черной крови, кишевший черными мухами. Мухи облепили ее, как густой черный мех.

Голова у девушки, вся в шрамах и струпьях, была обрита почти наголо. Причем волосы как будто не сбрили, а соскоблили тупым предметом. Осталось лишь несколько прядей коротких волос за ушами и на макушке.

Она хромала, потому что на правой ноге у нее не хватало двух пальцев.

Слюнявчик, засохшая кровь у нее на груди, этот мех из гудящих мух – врачи в отделении экстренной помощи счистили его спиртом и обнаружили, что у нее на груди играли в крестики нолики, причем и ходы, и поле вырезали ножом. Выиграл тот, кто ставил крестики.

Когда ей очистили руки, оказалось, что на обеих руках не хватает мизинцев. На всех остальных пальцах были вырваны ногти: вырваны с мясом, так что кончики пальцев распухли и стали багровыми.

Ее кожа под коркой засохшей крови была синюшно-белого цвета. Лицо так исхудало, что на нем остались одни костяные наросты: нос, подбородок и скулы. Глаза и щеки запали, кожа на висках как будто провисла глубокими вмятинами.

За белыми занавесками в палате экстренной помощи миссис Кларк перегнулась через хромированные поручни на кровати дочери и сказала:

– Моя девочка, моя хорошая... кто это сделал?

Кассандра рассмеялась и посмотрела на иголки капельниц, вколотые ей в руки, на прозрачные трубки, по которым ей в вены вливались

лекарства. Она сказала:

– Врачи.

Нет, уточнила миссис Кларк, кто отрезал ей пальцы?

И Кассандра посмотрела на мать и сказала:

– Думаешь, я бы позволила это сделать кому-то еще? – Она перестала смеяться и сказала: – Я сделала это сама. – И больше Кассандра уже не смеялась. С тех пор – ни разу.

Полиция нашла улики, сказала миссис Кларк. Стенки влагалища Кассандры были утыканы деревянными щепками, тонкими, как иголки. Такие же щепки были и в заднем проходе. Судебные медики достали осколки стекла из порезов у нее на груди и руках. Миссис Кларк сказала своей дочке, что молчание – это не лучший вариант.

Полиции нужно знать все подробности, которые она сможет вспомнить.

В полиции сказали, что тот, кто это сделал, непременно похитит следующую жертву. И если Кассандра не сможет справиться со своим страхом и не поможет им в этом расследовании, ее обидчика никогда не найдут.

В окно лился солнечный свет, Кассандра сидела в кровати, опираясь спиной о подушки, и наблюдала за птицами, парившими в голубом небе.

Ее пальцы и грудь были обмотаны белыми бинтами. Рука, державшая карандаш, двигалась лишь для того, чтобы зарисовать птиц, паривших в небе. Альбом лежал у нее на коленях.

Миссис Кларк сказала:

– Кассандра, солнышко? Надо рассказать полиции все.

Если это поможет, в больницу может прийти гипнотизер.

Следователь принесет *анатомически детализированных* кукол для наглядной беседы.

Кассандра по-прежнему наблюдала за птицами. И зарисовывала их в альбоме.

Миссис Кларк сказала:

– Кассандра? – и прикоснулась к перебинтованной руке дочери.

И Кассандра взглянула на мать и сказала:

– Этого больше не повторится. – Снова глядя на птиц, Кассандра сказала: – По крайней мере со мной...

Она сказала:

– Я была жертвой себя самой.

Снаружи, на автостоянке, телевизионщики готовились к спутниковой трансляции; на крыше каждого микроавтобуса стояла «тарелка». Ждали

только сигнала от ведущего в студии. Корреспонденты «с места событий» вертели в руках микрофоны и совали в уши наушники обратной связи.

В течение трех месяцев в городе, где они жили, все было оклеено объявлениями «Пропала девочка». Там была фотография Кассандры Кларк в форме капитана команды болельщиц. На фотографии она улыбалась и трясла светлыми волосами. В течение трех месяцев полиция допрашивала детей из ее школы. Детективы опрашивали людей, работавших на автобусной станции, на вокзале, в аэропорту. По местному телевидению и по радио передавали сообщения с перечислением примет пропавшей: вес 110 фунтов, рост пять футов шесть дюймов, зеленые глаза, светлые волосы до плеч.

Собаки-ищейки обнюхали ее юбку для выступлений в команде болельщиц и взяли след, который привел их к скамейке на автобусной остановке.

Сотрудники службы спасения на катерах провели все озера, пруды и реки вокруг города, на расстоянии дня езды.

Ясновидящие и гадалки звонили и сообщали, что девочка жива и здорова. Она сбежала с возлюбленным и вышла замуж. Или ее убили, и закопали тело. Или ее продали в белое рабство, и тайком увезли из страны – в гарем какого-то там нефтяного магната. Или она поменяла пол, и скоро вернется домой, только мальчиком. Или ее держат взаперти, в каком-то дворце или замке, вместе с другими людьми, которых она раньше не знала и которые все калечат себя. Эта последняя ясновидящая написала пять слов на листочке бумаге и послала листок миссис Кларк. Там было написано корявым почерком, дрожащей рукой:

Писательский семинар в полном уединении.

Через три месяца все желтые ленточки, которые люди привязывали к антеннам своих машин, поблекли почти до белого.

Никто не прислушивался к ясновидящим, их было слишком много.

Каждый раз, когда полиция находила тело молоденькой девушки, которое нельзя было опознать: сожженное, разложившееся или изувеченное до полной неузнаваемости, – у миссис Кларк замирало сердце, пока анализ ДНК или снимки зубов не показывали, что это не Кассандра.

К началу третьего месяца Кассандра Кларк улыбалась и встряхивала волосами уже на молочных пакетах. Всенощные бдения и молебны давно прекратились. Только фонд вознаграждения, учрежденный в местном отделении банка, еще вызывал какой-то интерес к этому делу.

А потом – чудо из чудес – ее нашли. Бредущую вдоль шоссе, в голом виде.

Там, в больнице, ее кожа казалась лиловой от синяков. Голова была обрита наголо. На пластмассовом браслетике у нее на запястье было написано: К. Кларк.

У нее взяли мазки на клетки пениса – медицинский эксперт сказал, что они, эти клетки, продолговатой формы, в отличие от круглых клеток влагалища. У нее взяли мазки на сперму. Полицейские детективы прошлись маленьким пылесосом по ее голове, рукам и ногам, чтобы проверить, нет ли там клеток чужой кожи. Они нашли волокна синего бархата, красного шелка, черного мохера. У нее взяли мазок изо рта: посев для выращивания ДНК в чашке Петри.

Полицейские психологи приходили к Кассандре в больницу, подолгу сидели у ее кровати и объясняли, как это важно, чтобы Кассандра выговорила. Не держала в себе свою боль. Высказала все обиды.

Телевизионщики, работники радио, корреспонденты из газет и журналов дежурили на автостоянке; снимали свои репортажи на фоне окна больничной палаты Кассандры. Кто-то снимал, как другие снимают еще других, которые снимают ее окно. Чтобы показать, в какой это все превратилось цирк, словно это была истина в последней инстанции.

Когда медсестра приносила снотворное, Кассандра качала головой: нет, не надо. Она закрывала глаза и сразу же засыпала.

Когда стало ясно, что Кассандра не заговорит, полиция «взялась» за миссис Кларк. Они объяснили ей, сколько стоит налогоплательщикам это расследование. Детективы качали головой и говорили о том, как их все это бесит, потому что нельзя так подводить людей, ведь они не жалеют ни времени, ни сил, чтобы расследовать это дело, и действительно искренне переживают за девочку, которой на всех наплевать: и на семью, и на общество, и на власти, – ее не волнует, что маме больно, и что ее упрямое молчание затрудняет работу следствия. Люди плакали, люди тревожились, люди молились, чтобы с ней все было хорошо. Люди ненавидят этого мерзавца, который над ней измывался; им хочется, чтобы его поймали и предали суду. После такого широкого общественного участия и всех усилий по розыску, люди заслужили хотя бы того, чтобы к ним отнеслись с пониманием. Они заслужили, чтобы она рассказала им, как все было. Чтобы она рассказала, глотая слезы, как этот мерзавец резал ей пальцы. Корябал ножом ее грудь. Пихал деревянную палку ей в задний проход.

А Кассандра Кларк просто молча смотрела на детективов, выстроившихся у ее кровати. Все их взгляды, вся их ненависть и злость были направлены на нее, потому что она не давала им другой цели. Самого что ни на есть настоящего дьявола. Злодея, которого им так отчаянно

хочется заполучить.

Окружной прокурор грозился привлечь Кассандру к суду за препятствование отправлению правосудия.

Ее мать, миссис Кларк, тоже была среди этих пристальных лиц.

Кассандра лишь улыбается и говорит:

– Неужели вы не понимаете, что у вас у каждого – тяжкая наркозависимость от конфликтов? – Она говорит: – Это мой счастливый конец. – Снова глядя в окно на птиц, парящих в голубом небе, она говорит: – Я себя чувствую просто отлично.

Она попросила, чтобы ей в палату поставили аквариум с золотой рыбкой. Когда ей принесли аквариум, она часами наблюдала за рыбкой и зарисовывала ее в альбоме. Точно так же, как ее мать смотрела по вечерам телевизор: все программы подряд, весь вечер.

Когда миссис Кларк навещала Кассандру в последний раз, дочь оторвалась от созерцания рыбки всего на пару секунд, только чтобы сказать:

– Теперь я уже не такая, как ты. – Она сказала: – Мне не нужно хвалиться тем, как мне больно...

И после этого Тесс Кларк перестала ходить в больницу.

Мисс Америка кричит у себя в гримерке.

Она лежит на кровати: юбки задраны вверх, чулки спущены вниз.

Мисс Америка кричит:

– Не отдавайте ей моего ребенка, этой ведьме...

Стоя на коленях у ее кровати, стирая пот у нее со лба,

Графиня Предвидящая говорит:

– Это еще не ребенок. Пока что – нет.

Мисс Америка снова кричит, но теперь – без слов.

В коридоре, за дверью ее гримерки, пахнет кровью и говном. Это – впервые за несколько дней или даже недель, когда кто-то из нас сходил по большому.

Это Кора Рейнольдс. Кот, превратившийся в запах. В дерьмо.

– Она там, она ждет, – говорит Мисс Америка и тяжело дышит, кусая свой сжатый кулак. Боль заставляет ее подтянуть колени к груди. Она ложится на бок, свернувшись калачиком среди смятых простыней и одеял.

– Она ждет моего ребенка, – говорит Мисс Америка. Ее подушка сереет от слез.

– Это не ребенок, – говорит Графиня Предвидящая. Окунает тряпочку в воду, выжимает ее и стирает пот с лица Мисс Америки. Она говорит: – Давай я тебе кое-что расскажу.

Вытирая лицо Мисс Америки влажной тряпкой, она говорит:

– Ты знаешь, что у Мэрилин Монро было два выкидыша?

И Мисс Америка умолкает, слушает.

И мы в своих комнатах тоже слушаем, держа наготове бумажки и ручки. Наши уши и диктофоны прикинули к трубам отопления.

Из коридора, под дверью в гримерную Мисс Америки, Директриса Отказ, одетая в свою форму сестры милосердия, кричит:

– Еще не пора кипятить воду?

И стоя на коленях у кровати Мисс Америки, Графиня Предвидящая говорит:

– Да, пожалуйста.

Директриса Отказ, в своем белом чепце медсестры, заглядывает в открытую дверь и говорит:

– Повар Убийца спрашивает... морковку сразу класть или потом?

Мисс Америка кричит.

И Графиня Предвидящая орет на Директрису:

– Если это такая шутка, то она *не смешная* ...

Невидимая морковь, обеды истории Святого Без-Кишок.

Из коридора Повар Убийца кричит:

– Успокойся. Конечно же, это шутка. – Он говорит: – У нас *нет* ни картошки, ни морковки...

Близорукие

Стихи о Графине Предвидящей

– Это датчик системы глобального спутникового слежения, – говорит Графиня Предвидящая, потрянув рукой с пластиковым браслетом.

Одно из условий ее недавнего досрочного освобождения.

Графиня Предвидящая на сцене, укутана сетью черного кружева шали. На голове – чалма из синего бархата.

На каждом пальце – по перстню с камнями разных цветов.

Чалма заколота шпилькой с черным отполированным камнем: ониксом, или гагатом, или сардониксом – из тех, что полностью поглощают свет. Не отражают вообще ничего.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма:

Призраки умерших кинозвезд, остатки электронного излучения, сто лет назад отраженного от их фигур.

Электроны, прошедшие сквозь слой целлулоидной пленки, изменившие химическую природу оксида серебра, запечатлевшие образы: гонки на колесницах, Робин Гуд, Грета Гарбо.

– Радар, – говорит Графиня. – Система глобального слежения. Рентгенография...

Лет двести назад за подобные штучки тебя бы сожгли на костре.

Сто лет назад над тобой посмеялись бы. Назвали бы выдумщицей или дурой.

Даже сегодня, если ты умеешь предсказывать будущее или читать прошлое по знакам, недоступным для большинства...

В конце концов ты окажешься в тюрьме или в дурдоме.

Человечество всегда будет наказывать тех немногих, кто обладает особым даром, которого нет у всех остальных, и поэтому они никогда не признают его настоящим.

Психиатр на слушании дела о досрочном освобождении определил ее преступление как «Острый психоз, вызванный нервным перенапряжением».

«Единичный случай нетипичного характера».

В состоянии аффекта.

Больше этого не повторится.

Никогда, ни за что.

Постучите по дереву.

К тому моменту она отсидела четыре года из присужденных двадцати.

Мужа вместе с детьми уже не было на горизонте.

Лет через двести, когда все, что она предвидела, прочла и узнала, когда все это сбудется, к тому времени от Графини останется только тюремный номер.

Уголовное дело.

Пепел сожженной ведьмы.

Всему есть предел^[6]

Рассказ Графини Предвидящей

Клер Аптон звонит из туалета в антикварной лавке. Она заперлась в кабинке, ее голос отражается гулким эхом от стен и пола. Она спрашивает у мужа: трудно ли вскрыть видеокамеру наблюдения? Чтобы забрать кассету с записью, говорит она и начинает плакать.

За прошедшую неделю Клер заходила в этот магазинчик три или даже четыре раза. Здесь, в магазине, такие порядки: сумку надо оставлять на кассе при входе. И пальто, если там есть глубокие большие карманы. И зонтик тоже – потому что в нем можно спрятать всякую мелочь: украшения, расчески, маленькие безделушки. На прилавке у кассы стоит серая картонка, на которой написано черным фломастером: «Нам не нравится, когда у нас воруют!»

Когда Клер пришла сюда в первый раз, она сказала, сдавая пальто:

– Я не воровка.

Старик за кассой смерил ее пристальным взглядом. Щелкнул языком и сказал:

– А почему вы должны быть исключением?

За каждый сданный предмет он выдал Клер половинку игровой карты. Туз червей – за сумку. Девятку трюф – за пальто. Тройку пик – за зонтик.

Старик внимательно изучил руки Клер, ее нагрудные карманы и колготки – на предмет подозрительных выпуклостей, выдающих украденные товары. На стене за прилавком развешены маленькие таблички с настоятельной просьбой не воровать в магазине. Видеокамеры наблюдают за каждым проходом, каждым поворотом. Картинка выводится на мониторы у кассы, чтобы кассир все видел.

Да, он все видит: каждое ее движение – все у него на мониторах, в черно-белом изображении. Ему все известно: где находится Клер в каждый отдельный момент времени. К чему она прикасается, что берет в руки.

Антикварная лавка представляла собой кооператив, где несколько мелких торговцев выставляли свои товары под одной крышей. В тот день в магазине работал только кассир, а Клер была единственной покупательницей. Магазин был огромным, как супермаркет, но помещение было разбито на много маленьких магазинчиков. Повсюду на стенах висели

часы: своеобразные звуковые обои, сплошное *тик-так*. Там было столько всего. Бронзовые кубки, потускневшие до темно-оранжевого оттенка. Потрескавшиеся, искривленные кожаные туфли. Вазочки для конфет из граненого стекла. Книги, покрытые серым пушком плесени. Плетеные кресла-качалки и корзины для пикников. Соломенные шляпки.

На картонной карточке, приклеенной к одной из полок, было написано: «Приятно посмотреть, просто восторг – подержать в руках, но если вы это сломаете, значит, вы это КУПИЛИ!»

На другой карточке было написано: «Посмотрел? Потрогал? Сломал? ПОКУПАЙ!»

На третьей: «Сломали здесь... ЗАБИРАЙТЕ ДОМОЙ!»

Даже под пристальным наблюдением видеокамер Клер рассматривала магазин как зоопарк старых вещей, на которых лежит отпечаток их бывших владельцев. Как музей, где можно потрогать любой экспонат.

По словам Клер, все, что когда-либо отражалось в зеркале, остается в стекле навсегда. Наслоения образов. Все, что когда-либо отражалось в елочном шарике или в серебряном подносе... Клер говорит, что она может это увидеть. Любая зеркальная поверхность – это экстрасенсорный фотоальбом или кадры домашнего видео, запечатлевшие все, что происходило вокруг. Клер может часами бродить по рядам в антикварной лавке, прикасаться к предметам на полках, читать их, как другие читают книги. В поисках прошлого, заключенного в старых вещах.

– Это наука, – говорит миссис Аптон. – Она называется *психометрия*.

Клер не советует вам покупать этот нож с серебряной рукояткой, потому что в его лезвии до сих пор отражается искаженное криком лицо жертвы убийства – она это видит. Она видит кровь на перчатке полицейского, когда он убирает руку с пробитой груди трупа. Клер видит сумрачную комнату для хранения вещественных доказательств. Потом – зал суда. Судью в черной мантии. Долгую стирку в теплой мыльной воде. Потом – полицейский аукцион. Все это до сих пор отражается в лезвии. И вот – следующее отражение. Здесь и сейчас. Ты стоишь в антикварной лавке и хочешь купить этот нож. Он тебе нравится, он красивый. Ты не знаешь его историю.

– Все красивые вещи, которые здесь продаются, – сказала бы Клер, – они попали сюда потому, что они никому не нужны. Никто не хочет держать их в доме.

А если никто не хочет держать в доме красивую, старинную вещь, на то должна быть причина. Страшная причина.

Под пристальным наблюдением видеокамер, установленных по всему

магазину, Клер могла бы много чего рассказать о наблюдении.

Когда Клер вернулась на кассу, чтобы забрать сданные вещи, она отдала кассиру три карты, разрезанные пополам. Туза червей. Девятку треф. Тройку пик.

Старик за кассой сказал:

– Вы что-нибудь выбирали? Хотели купить?

Он отдает ей сумку и кивает на экран монитора. Подтверждение тому, что он все время за ней наблюдал и видел, как она трогала все подряд.

И вот тут она видит: за спиной у кассира, в застекленном шкафчике за прилавком, заставленном перечницами, солонками и фарфоровыми наперстками, в окружении дешевой бижутерии стоит большая стеклянная банка, наполненная мутно-белой жидкостью. И внутри этой жидкой дымки – крошечный кулачок. Четыре согнутых пальчика касаются стекла.

Клер показывает на шкаф и говорит:

– А это что?

Старик оборачивается и смотрит. Снимает связку ключей с крючка на стене за прилавком и отпирает шкафчик. Протянув руку над бижутерией и наперстками, он говорит:

– А что это, по-вашему?

Клер не знает. Она знает только, что эта штука излучает невыносимую энергию.

Старик переносит банку на прилавок, грязно-белая жидкость плещется внутри. Белая пластмассовая крышка плотно закручена и закреплена красно-белым полосатым скотчем. Старик ставит локоть на прилавок и подносит банку поближе к лицу Клер. Он медленно крутит банку в руке, проворачивая запястье, и Клер видит маленький темный глаз, который глядит на нее из белесой мути. Глаз и абрис крошечного носика.

А уже в следующую секунду глаз исчезает, вновь погружается в мутную жидкость.

– Догадайтесь, – говорит старик. Он говорит: – В жизни не догадаетесь. – Он поднимает банку повыше, чтобы Клер увидела дно, к которому прижата маленькая серая попка.

Старик говорит:

– Ну что, сдаетесь?

Он ставит банку на прилавок. На белой пластмассовой крышке наклеена маленькая бумажка. На бумажке напечатано черным: «Больница Седарс-Синай». Под этой надписью идет другая, от руки, красными чернилами. Но чернила расплылись, так что прочесть, что написано,

невозможно. Какие-то слова. Может быть, дата. Просто красное смазанное пятно.

Клер смотрит на банку и качает головой.

Она видит в стеклянном боку отражение прошлого, несколько десятилетий назад: комната, отделанная зеленой кафельной плиткой. Женщина с босыми ногами, широко разведенными в стороны и задранными кверху. Женщина в гинекологическом кресле, накрытая синей тканью. Лица не видно под кислородной маской. Но зато видны светлые, почти белые волосы. Волосы уже отрасли, и у корней они темные.

– Оно настоящее, – говорит старик. – Мы провели анализ ДНК, сравнили с подлинными волосами. Все сходится.

В интернете все еще можно купить ее волосы, говорит старик. Прядки выцветших волос.

– Вы, поджигательницы бюстгалтеров,^[7] – говорит старик, – вообще не считаете это ребенком. Для вас это так, просто ткань. Ненужный внутренний орган типа аппендикса.

Читая стекло, наложения отражений, Клер видит лампу на столике у кровати. Телефон. Пузырек с таблетками, которые «строго по рецепту».

– Чьи волосы? – спрашивает она.

И старик говорит:

– Мэрилин Монро. – Он говорит: – Если вас это интересует, оно стоит недорого.

Это кинореликвия, говорит старик. Священная реликвия. Наподобие святых мощей. Грааль среди памятных вещей от кинематографа. Это гораздо ценнее рубиновых туфелек из «Волшебника страны Оз» или санок «Rosebud», таинственного «розового бутона» из «Гражданина Кейна». Это ребенок Монро, которого она потеряла на съемках «Некоторые любят погорячее»,^[8] когда Билли Уайлдер заставлял ее бежать по вокзальному перрону, дубль за дублем, на высоких каблуках.

Старик пожимает плечами:

– Мне его продал один мужик. Он мне все рассказал. Как она умерла на самом деле.

Клер Аптон молча смотрит на банку. Смотрит фильм из старых отражений в закругленном стеклянном боку.

Памятный сувенир. Реликвия наподобие мумифицированной руки святого, помещенной в хрустальный ковчег в каком-нибудь итальянском соборе. Предмет поклонения, как святые мощи. Как прядь волос. А с другой стороны, это маленький человечек, мертвый. Девочка или мальчик.

Ребенок, который мог бы спасти Монро жизнь.

Старик говорит:

– В интернете у всего есть свой денежный эквивалент.

Мужчина, который продал ему эту банку, сказал, что Монро убили. Она сама напросилась. Летом 1962 года ее сняли со съемок «Всему есть предел». Джордж Кьюкор был очень ей недоволен, ругал ее матерными словами, а больших чинов со студии разозлило, что она умотала со съемок, чтобы петь на приеме по поводу дня рождения Кеннеди. Ее собственный день рождения прошел незамеченным. Ей исполнилось тридцать шесть. Клан Кеннеди не желал иметь с ней ничего общего. Она потихоньку старела, и у нее не было никого, ничего. Карьера закончилась, внимание публики захватила Лиз Тейлор.

– И она затевает большую игру, – говорит старик. – Ведь она умная девочка, самая умная.

Монро заручается поддержкой журнала «Life», и они публикуют большую статью о ней. Она уговаривает Дина Мартина отменить съемки «Всему есть предел», когда студия отдает ее роль Ли Ремик. И она приглашает к себе представителей всех киностудий, владеющих фильмами, в которых она снималась. На встречу «в тесном кругу» у нее дома, в Брендвуде. В самом тесном кругу: только самые верхушки айсбергов, от каждой кинокомпании.

– У такой умной девочки, – говорит старик, – всегда должен быть под рукой пистолет. Для самозащиты.

И вот все шишки от киноиндустрии сидят у нее за столом; Монро пьет шампанское и сообщает собравшимся, что она решила покончить с собой. Если ей не вернут роль в последнем фильме, если с ней не подпишут новый контракт на миллион долларов, она наестся таблеток и умрет от передозировки. Проще простого.

– Но больших киновоссов на испуг просто так не возьмешь, – говорит старик.

Эти акулы, они уже выжали из нее все, что можно. Сняли сливки и разлили по бидонам. Монро стареет, она уже надоела зрителю. Если она покончит с собой, все фильмы с ее участием, которые хранятся у них в закромах, превратятся в подлинную золотую жилу. И они говорят ей: давайте, милая, давайте.

– Парень, который продал мне эту банку, – говорит старик, – он узнал это от человека, который был на той встрече.

Монро уже опьянела. Драконы от киноиндустрии сидят на своих стульях. Она получила их благословение. Которое, должно быть, разбило

ей сердце.

– А потом, – говорит старик, – она выдает им свой главный козырь.

Она говорит, что изменит свое завещание. Да, ее доля участия в прибыли вообще никакая, но она все-таки кое-что получает с каждого повторного показа своих старых фильмов. Эти фильмы, хранящиеся в запасниках: когда-нибудь их купят телекомпании. И будут покупать права на показ вновь и вновь – особенно если она покончит с собой. Она это знает. И они это знают.

Мертвая, она навсегда останется привлекательной и сексуальной. Ее будут любить всегда: ее образ, которым владеют кинокомпании. Эти старые фильмы, они как деньги в банке. То есть были бы как деньги в банке, если бы не одно обстоятельство...

Старик говорит:

– Ее завещание, ее заповедь.

Она учредит фонд Мэрилин Монро. И завещает ему все деньги, которые ей причитаются с повторных показов. Все эти деньги, до последнего пенни, будут распределяться по организациям, которые она назовет. Ку-клукс-клан. Американская нацистская партия. Северо-американская ассоциация мужской однополый любви.

– Может, в то время некоторых из этих организаций еще не существовало, – говорит старик, – но общий смысл вам понятен.

Когда американские зрители узнают, что несколько центов (а то и все десять) с каждого проданного билета на ее фильмы уходят к нацистам... Вот тогда все и закончится. Никаких кассовых сборов. Никаких спонсоров на телевидении. Эти фильмы с ее участием, они не будут стоить вообще ничего. Ее фотографии в голом виде не будут стоить ни цента. Мэрилин Монро превратится в американскую леди Гитлер.

– Она создала свой образ, сказала она большим боссам со студий. И она же его и разрушит, – говорит старик.

Банка стоит на прилавке. Клер, наконец, отрывается от созерцания и говорит:

– Сколько вы за нее хотите?

Старик посмотрел на часы у себя на руке. Сказал, что он в жизни бы не стал продавать эту вещь, но он уже старый. Ему охота уйти на покой, а не сидеть целыми днями за кассой, пока нечистые на руку покупатели свободно обкрадывают магазин.

– Сколько? – сказала Клер, вынимая из сумочки кошелек затянутой в перчатку рукой.

И старик сказал:

– Двадцать тысяч долларов...

Сейчас половина шестого, а магазин закрывается в шесть.

– Хлоралгидрат, – сказал ей старик.

Снотворные капли. Вот так он ее и убил, этот парень. В тот вечер, в августе, она наелась снотворного и была уже сонная. Он просто вылил ей в горло содержимое пузырька. Конечно, на вскрытии у нее в печени обнаружили «Микки Финн»,^[9] но все сказали, что эту штуку ей присылают из Мексики. Даже врач, который выписывал ей рецепты, сказал, что из Мексики. Даже он сказал: самоубийство.

Двадцать тысяч долларов.

И Клер сказала:

– Надо подумать. – По-прежнему глядя на белую муть внутри банки, она отошла от прилавка. – Мне нужно...

Старик протянул руку, как бы пытаясь схватить ее сумку, пальто и зонтик. Если она собирается бродить по торговому залу, вещи надо оставить на кассе.

Клер отдала ему вещи и даже не взяла игральные карты.

Клер Аптон, которая смотрит на отполированный кубок и видит в нем отражение молодого мужчины: он улыбается, на лице поблескивают бисеринки пота, в руках – теннисная ракетка или клюшка для гольфа. Она видит, как он растолстел, обзавелся женой и детьми. После этого кубок не отражает вообще ничего, кроме внутренней стенки картонной коробки. Потом другой молодой человек вынимает его из коробки. Сын того, первого.

Но эта банка – она как бомба, готовая взорваться. Орудие убийства, которое пытается сделать признание. Достаточно лишь прикоснуться к ней пальцем, и ты почувствуешь толчок. Удар током. Что-то похожее на предостережение.

Пока она бродит по магазину, старик наблюдает за ней по мониторам.

В темных стеклах старых солнцезащитных очков она видит мужчину, который валит на землю какую-то женщину и пинками раздвигает ей ноги.

В позолоченном тюбике старой помады она видит лицо, обтянутое черным чулком. Две руки душат кого-то, лежащего в постели. Потом те же самые руки сгребают с комода ключи, кошелек и мелочь. Рядом с помадой. Молчаливым свидетелем.

Клер Аптон и старый кассир, они одни в магазине, в полумраке, среди подушек из пожелтевшего кружева. Вышитых гарусом кухонных полотенец. Простеганных прихваток. Наборов щеток-кисточек из серебристого металла, потускневшего до темно-коричневого цвета.

Оленьих голов с раскидистыми рогами.

В стальном лезвии опасной бритвы, в ее тяжелой витой хромированной рукоятке, Клер видит отражение своего будущего.

Там, среди стаканчиков и помазков из конского волоса. Высоких и узких витражных окон. Вечерних сумочек, расшитых бисером.

Они одни в магазине, с нерожденным ребенком Мэрилин Монро. Одни в этом музее вещей, которые никому не нужны. В этом сумрачном месте, где все испачкано отражениями чего-то страшного.

Пересказывая все это, сейчас, в туалетной кабинке, Клер говорит о том, как она взяла бритву, а потом еще долго ходила по магазину, то и дело поглядывая на лезвие: отражает оно или нет ту же самую сцену?

Пересказывая все это сейчас, в туалетной кабинке, Клер говорит, что это очень непросто – быть одаренным экстрасенсом.

На самом деле быть мужем Клер – тоже очень непросто. Например, вы пошли ужинать в ресторан, ты ей что-то рассказываешь, она вроде бы слушает, а потом ее вдруг пробивает неудержимая дрожь. Она прикрывает глаза рукой и отворачивается от тебя. Все еще дрожа, она поглядывает на тебя в щелочку между пальцами. А чуть погодя она тяжело вздыхает, подносит руку ко рту, и кусает костяшки пальцев, и смотрит на тебя в упор, но молчит.

А когда ты ее спрашиваешь, что случилось...

Клер отвечает:

– Тебе лучше не знать. Это так страшно.

Но если ты будешь настаивать: расскажи...

Клер ответит:

– Пообещай мне одну вещь. Пообещай, что в ближайшие три года ты будешь держаться подальше от всех машин...

Беда в том, что Клер знает, что она тоже может ошибаться. Чтобы перепроверить себя, она берет серебряный портсигар, отполированный до зеркального блеска. И в нем отражается ее будущее: она сама с бритвой в руке.

Уже под самое закрытие она возвращается к кассе. Старик как раз переворачивает табличку на двери. Было «Открыто», а стало «Закрыто». Он уже опустил жалюзи на витрине. В витрине – рюмочки для яиц. Покрывала и халаты из синели. Флакончики для духов в виде южных красавиц в юбках на кринолине. Мертвые бабочки в рамочках под стеклом. Ржавые птичьи клетки. Старые железнодорожные фонари с красными или зелеными стеклышками. Сложенные шелковые веера. Теперь никто не заглянет внутрь с улицы.

Старый кассир говорит:

– Ну, что надумали?

Банка уже вернулась на место: стоит в запертом застекленном шкафу за кассой. Сквозь белую муть виден лишь темный глазик и крошечное ушко.

Пока старик рассказывал Клер об убийстве Монро, она увидела кое-что еще. Искаженное отражение в закругленном стеклянном боку: мужчина просовывает в чужой рот маленький пузырек. Голова катается по подушке. Мужчина вытирает чужие губы рукавом рубашки. Его взгляд останавливается на столике у кровати. Телефон, лампа, банка.

Там, в видении Клер, лицо мужчины придвинулось ближе. Две руки потянулись к банке, такие большие руки. Они взяли банку и обернули ее темнотой.

Это лицо, отраженное в стеклянном боку, это лицо старика-кассира. Только без морщин. Да, это он. Только с густыми каштановыми волосами.

Банка стоит в шкафу за прилавком и буквально пульсирует энергией. Светится силой. Священная реликвия, которая пытается рассказать Клер что-то важное. Капсула времени: история из прошлого, заключенная в стеклянную емкость. Более притягательная, чем самые лучшие сериалы. Более честная, чем самый длинный документальный фильм. Первоисточник истории. Настоящее действующее лицо. Ребенок, который ждал столько лет и дождался Клер. Она спасет его. Она услышит.

Под пристальным наблюдением видеокамер Клер поднимает руку с опасной бритвой. Она говорит:

– Я хочу взять вот это, но тут нет цены...

Старик перегибается через прилавок, чтобы присмотреться внимательнее.

Снаружи, на улице, нет ни души. На мониторе системы видеонаблюдения: весь магазин, все проходы и повороты. Там тоже нет ни души.

На мониторе: старик отлетает назад, спиной – в стеклянную дверцу шкафа, стекло разбивается, и старик тяжело оседает на пол, весь в крови и осколках. Банка наклоняется, падает и разбивается.

Сейчас Клер Аптон звонит мужу из туалетной кабинки. Она говорит:

– Это была кукла. Пластмассовый пупс.

Ее сумка, пальто и зонтик забрызганы красным и липким.

Она спрашивает у мужа по телефону:

– Понимаешь, что это значит?

И снова спрашивает, как лучше всего уничтожить запись с камеры

видеонаблюдения.

Обмороженная Баронесса наклоняется над кроватью, держа в обеих руках миску с чем-то горячим и жидким, и говорит:

– Без морковки. И без картошки. На, выпей.

И Мисс Америка, свернувшись калачиком на кровати, под пристальным взглядом видеокамеры, говорит:

– Нет. – Она смотрит на нас, столпившихся в коридоре за дверью, и на Директрису Отказ в том числе, а потом отворачивается к бетонной стене и говорит: – Я знаю, что это...

Обмороженная Баронесса говорит:

– У тебя все еще идет кровь.

Заглянув в комнату, Директриса Отказ говорит:

– Тебе надо что-нибудь съесть, а иначе умрешь.

– Тогда дайте мне умереть, – говорит Мисс Америка, уткнувшись лицом в подушку.

Мы все собрались в коридоре. Слушаем. Запоминаем. Записываем.

Мы – очевидцы.

Камера, скрытая за камерой, скрытой за камерой.

Обмороженная Баронесса наклоняется еще ниже. Со своим супом. В струйках пара, поднимающихся из миски, ее обезображенные губы отражаются в мерцающем слое горячего жира, который плавает на поверхности. Баронесса говорит:

– Но мы не хотим, чтобы ты умерла.

По-прежнему глядя на стену, Мисс Америка говорит:

– С каких это пор? Так у вас будет на одного претендента на гонорар меньше.

– Мы не хотим, чтобы ты умерла, – говорит Преподобный Безбожник из коридора за дверью, – потому что у нас нет холодильника.

Мисс Америка поворачивается и смотрит на миску горячего супа. Смотрит на лица, маячащие в дверях. Мы стиснули зубы и ждем. Исходя слюной.

Мисс Америка говорит:

– Холодильника?

И Преподобный Безбожник стучит кулаком себе по лбу, как стучат в дверь, и говорит:

– Эй, кто-нибудь дома? – Он говорит: – Нам нужно, чтобы ты

оставалась живой, пока мы все снова не проголодаемся.

Ее ребенок пошел на первое. Мисс Америка пойдет на второе. А кто на десерт – будет видно.

Диктофон в руке Графа Клеветника готов записать ее следующий крик поверх предыдущего. Видеокамера Агента Краснобая готова заснять очередной кульминационный момент в развитии сюжета, затерев все, что было до этого.

Но вместо того чтобы кричать, Мисс Америка спрашивает: вот так все и будет? Голос пронзительный и дрожащий, как птичья трель. Вот так все и будет: одно ужасное событие за другим, до конца – пока мы все не умрем?

– Нет, – говорит Директриса Отказ. Счищая кошачью шерсть с рукава, она говорит: – Только некоторые.

И Мисс Америка говорит, что она имеет в виду не только здесь и сейчас, в этом Музее нас. Она имеет в виду жизнь в целом. Везде и всегда – люди только и делают, что пожирают друг друга? Уничтожают других людей?

И Директриса Отказ говорит:

– Я знаю, что ты имеешь в виду.

Граф Клеветник все записывает в блокнот. Мы все киваем.

Мифология нас.

Держа в руках миску с супом, глядя на свое отражение в пленке горячего жира, Обмороженная Баронесса говорит:

– Я работала в ресторане, в горах.

Она зачерпывает суп ложкой и подносит ложку ко рту Мисс Америки.

– Ешь, – говорит Баронесса. – А я расскажу тебе, как я лишилась губ...

Отпущение грехов

Стихи об Обмороженной Баронессе

– Даже если Бог не прощает нас, – говорит Обмороженная Баронесса, – мы-то можем его простить.

Мы должны проявить себя выше Бога.

Лучше, великодушнее.

Баронесса на сцене: «заболевание десен», объясняет она всем тем, кто слишком долго пялится на ее лицо – на то, что осталось от ее лица.

Вместо губ – только рваная рана, густо замазанная красной помадой.

Зубы – как желтые призраки каждой выпитой чашки кофе, каждой выкуренной сигареты.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма: взвихренное марево снежной пурги.

Среди синих крапинок тени всех форм и размеров не найти двух одинаковых.

Она вся утеплилась, закуталась, завернулась.

Волосы убраны под вязаную шапочку.

Но ей уже никогда не согреться.

Стоя на сцене, Обмороженная Баронесса говорит:

– Мы должны простить Бога...

За то, что он сотворил нас низкорослыми. Толстыми. Нищими.

Мы должны простить Бога за раннее облысение.

За кистозный фиброз. За подростковую лейкемию.

Мы должны простить Богу его безразличие по отношению к нам – забытому Богом научному эксперименту, брошенному обрастать плесенью.

К золотым рыбкам Господа, оставленным в аквариуме без присмотра, вынужденным подбирать со дна свое собственное дерьмо, чтобы не умереть с голоду.

Рукой в теплой варежке Баронесса указывает на свое лицо.

Она говорит:

– Люди...

Люди предполагают, что когда-то она была бесподобно красивой.

Потому что сейчас она так... безобразна.

Людям нужна справедливость. Им нужно, чтобы одно уравновешивало другое.

Люди предполагают, что это рак. И что, наверное, она сама виновата.
Раз с ней такое случилось, наверное, она это заслужила.

И она говорит им:

– Пользуйтесь зубной нитью. Ради Бога, перед тем как ложиться спать, всегда чистите зубы нитью.

И каждый вечер, перед тем как ложиться спать, Баронесса прощает других.

Она прощает себя.

И прощает Бога за все те несчастья, которые просто случаются...

Просто случаются.

Кипящие ключи

Рассказ Обмороженной Баронессы

– Февральскими вечерами, – частенько говаривала мисс Лерой, – всякий пьяный водитель был просто благословением.

Каждая пара, решившая устроить повторный медовый месяц, чтобы подправить семейную жизнь. Люди, засыпавшие за рулем. Любой, кто съезжал с шоссе, чтобы выпить стаканчик – для мисс Лерой это был кто-то, кого, может быть, и удастся уговорить снять номер в гостинице. Это входило в ее обязанности: уговаривать. Чтобы люди заказывали себе выпить, потом – еще и еще, пока им волей-неволей не приходилось остаться на ночь.

Разумеется, иногда ты себя чувствуешь как в ловушке. Но чаще, как сказала бы мисс Лерой, ты просто миришься с тем, с чем скорее всего будешь жить до конца своих дней.

Номера в их гостинице – не самые лучшие, да. Расшатанные железные кровати дребезжат на стыках. Винты и гайки еле держатся. Все матрасы – бугорчатые, как холмистая местность. Подушки плоские. Простыни чистые, но вода здесь, в горах, очень жесткая. Стираешь в этой воде белье, и ткань, пропитавшаяся минералами, становится шершавой наподобие наждачной бумаги и пахнет серой.

И самое главное неудобство: общая ванная и туалет, в конце коридора. Большинство людей не берут в путешествие банный халат, а это значит, что для того, чтобы просто сходить пописать, надо полностью одеваться. А утром ты принимаешь ванну в стылом чугунном корыте на львиных ножках, и вода явственно отдает серой.

Ей в удовольствие забалтывать этих февральских странников, постепенно подгонять их к краю обрыва. Сначала она выключает музыку. Где-то за час до того, как начать говорить, она постепенно приглушает звук, по чуть-чуть каждые десять минут, пока Гленн Кэмпбелл окончательно не умолкает. Когда шум машин на шоссе сходит на нет, она убавляет мощность батарей отопления. Дергает за веревочки, выключая неоновую рекламу пива в окнах. Если в камине горел огонь, мисс Лерой дает ему выгореть до конца.

И все это время она обхаживает посетителей, подгоняет их к краю. Интересуется, какие у них планы. В феврале здесь, в Уайт-Ривере, нечего

делать. Разве что на лыжах кататься. Если вы привезли свои. Мисс Лерой умолкает, дает гостям время ухватиться за эту идею. Как правило, они все предлагают одно и то же.

А если нет, тогда мисс Лерой упоминает походы к кипящим ключам.

Вехи ее крестного пути. Она разворачивает перед слушателями карту своей истории. Проводит их по всем дорогам. Сначала описывает себя, какой она была полжизни назад, в двадцать лет, когда училась в колледже. На летних каникулах она приехала сюда, в Уайт-Ривер, и упростила хозяина гостиницы взять ее на работу на лето. По тем временам это была не работа, а просто мечта: барменшей в гостиничном баре.

Трудно представить, что мисс Лерой была стройной. Стройной, худенькой, с крепкими белоснежно-белыми зубами. До того, как у нее начали «отходить» десны. До того, как зубы стали такими, какие они теперь, с обнажившимися коричневыми корнями, похожие на морковки, которые выталкивают друг друга из земли, если их посадить слишком близко. Трудно представить, что когда-то она голосовала за демократов. И что ей даже нравились другие люди. Мисс Лерой, без темных усиков над верхней губой. Трудно представить, что мальчишки из колледжа часами ждали в очереди, чтобы ей заправить.

Когда человек рассказывает о себе вот такие смешные и грустные вещи, это располагает.

Людям кажется, что она говорит с ними искренне.

И люди слушают.

А теперь, говорит мисс Лерой, если ее обнять, вы если что и почувствуете, то только косточки ее бюстгалтера.

Походы к кипящим ключам, говорит она, это когда молодые люди собираются большой толпой и идут на опасный «аварийный» склон Уайт-Ривера. Берут с собой пиво и виски и находят горячий источник. Температура воды в большинстве этих источников – от 150 до 200 градусов, круглый год. На такой высоте вода закипает при 198 градусах по Фаренгейту. Даже зимой, на дне глубокой ледяной ямы, в окружении высоких сугробов, вода в этих ключах такая горячая, что в ней можно свариться заживо.

Нет, в смысле медведей, здесь не опасно. Здесь нет ни волков, ни койотов, ни рысей. Чуть вниз по реке, на расстоянии одного щелчка одометра, одной песни по радио, если ехать по шоссе на машине, там – да, там владельцам мотелей приходится запираť на замок мусорные баки. Там на снегу – сплошные отпечатки лап. По ночам невозможно заснуть из-за волков, воющих на луну. Но здесь снег девственно-чистый. И по ночам

здесь всегда тихо, даже в полнолуние.

Вверх по реке путешественнику следует опасаться лишь одного: как бы не обвариться до смерти. Городские ребята, которые бросают колледж и устраиваются на работу в Уайт-Ривере, иногда остаются тут на пару лет. Они знают, какие ключи безопасны и где их найти. Эти сведения передаются здесь «из поколения в поколение». Но есть места, куда лучше не ходить: туда, где горячие источники скрыты под тонкой корочкой кальция или спекшегося известняка, и если на нее наступить, она сразу провалится, и ты провалишься вместе с ней – прямо в крутой кипяток.

С этими кипящими ключами связано несколько жутких историй. Сто лет назад некая миссис Лестер Банок из Кристалл-Фолз, Пенсильвания, пошла прогуляться к источникам и остановилась протереть запотевшие очки. Ветер переменился, так что горячий пар летел ей прямо в глаза. Один неверный шаг – и она сошла с тропы. Еще один неверный шаг – и она не удержала равновесия и села прямо в кипящую воду. Пытаясь подняться, она упала вперед, лицом в воду. Проходившие мимо люди услышали ее крики и дотащили ее до гостиницы.

Шериф, отвезший ее в город, реквизирует из гостиничной кухни все, которое было, оливковое масло. Вся обмазанная маслом и обернутая чистыми простынями, она умерла в больнице через три дня. И все это время она кричала.

А совсем недавно, три года назад, молоденький мальчик из Парк-Сити, Вайоминг, приехал к источникам на машине. Из машины выпрыгнула овчарка и тут же рванула купаться: прыгнула в самый центр горячего озера и, разумеется, обварилась. Другие туристы только кусали костяшки пальцев. Они говорили тому пареньку: не надо. Но он нырнул за собакой.

Он вынырнул на поверхность всего один раз. Его глаза были как два вареных яйца. Они уже ничего не видели. Ему пытались помочь, но к нему невозможно было прикоснуться, а потом он ушел под воду и – все.

Его вылавливали из воды все лето: собирали сетями, наподобие того, как из бассейна вычищают листья и мертвых жуков. Как снимают жир с мясного бульона.

В гостиничном баре, мисс Лерой сделает паузу, чтобы люди представили себе это зрелище. Куски вареного тела плавают в горячей воде все лето: кусочки светло-коричневого мяса, брызжащиеся жиром.

Мисс Лерой выкурит сигарету.

А потом, словно она это вспомнила только сейчас, она скажет:

– Олсон Рид. – Скажет и рассмеется. Как будто она не думает об этом всегда, каждый час, каждую минуту, когда не спит, мисс Лерой скажет: –

Жалко, что вы не застали Олсона Рида.

Толстого, целомудренного и безгрешного Олсона Рида.

Он был поваром в ресторане: рыхлый, жирный, с бледной, белесой кожей и большими, налитыми кровью губами, похожими на красную рыбу в суси – на его липком и белом, как рис, лице. Он любил наблюдать за горячими ключами. Мог целый день простоять на коленях у какого-нибудь ключа, наблюдая за бурлящей коричневой пеной, обжигающей, как кислота.

Один неверный шаг. Ступишь куда-нибудь не туда, соскользнешь не с того бока сугроба – и горячая вода сделает с тобой то же самое, что Олсон делал с едой.

Лосось на пару. Куриный суп с клецками. Яйца вкрутую.

Готовя еду в кухне гостиничного ресторана, Олсон распевал гимны, причем так громко, что его было слышно в столовой. Олсон, такой огромный в своем белом переднике, завязки которого врезались в толстый слой жира на его необъятной талии, он сидел в баре и читал свою Библию почти в полной темноте. Вдыхая запахи пива и сигаретного дыма, которыми пропах темно-красный ковер. Если Олсон садился с тобой за стол в комнате отдыха, где обедал персонал, он неизменно склонял голову на грудь и произносил краткое невнятное благословение над своим сэндвичем с колбасой.

«Товарищество» и «братство» – это были его любимые слова.

В тот вечер, когда Олсон Рид застал в кладовой мисс Лерой, целующуюся с коридорным, бывшим студентом факультета свободных искусств, отчисленным из нью-йоркского университета, он принялся им выговаривать, что это все – от лукавого, и что поцелуи суть первый шаг на пути к блуду. Шлепая своими мясистыми красными губами, Олсон Рид говорил всем и каждому, что он бережет себя для супружеской жизни, хотя на самом деле все объяснялось гораздо проще: никто не хотел за такого замуж.

Уайт-Ривер для Олсона Рида был райским садом, подтверждением тому, что Создатель проделал замечательную работу.

Олсон наблюдал за горячими ключами, за кипящими гейзерами и озерцами дымящейся грязи, они привлекали его точно так же, как всякого ревностного христианина привлекает идея Ада. Потому что во всяком райском саду должен быть свой змей-искуситель. Он наблюдал за кипящей водой, как она брызжется и клубится паром, точно так же, как он выглядывал через окошко заказов и подглядывал за официантками в ресторане.

Когда у Олсона был выходной, он брал с собой Библию и шел бродить по лесам, в облаках пара и серном тумане. Он распевал «Изумительную благодать» и «Ближе, Господь, к Тебе», но только пятые или шестые куплеты, никому неизвестные и такие странные, что вполне можно было подумать, что он сочинил их сам. Олсон сходил с дощатой дорожки и, пройдя по спекшейся тонкой корочке кальция, которая образуется по тому же принципу, что и лед на воде, преклонял колени у самого края бурлящего, вонючего озера. И вот так, на коленях, он молился Господу вслух, в полный голос, испрашивая божественного благословения для себя и прощения заблудшему коридорному. Он молился своему Богу, Всемогущему Господу, Создателю небес, Земли и всего сущего в мире. Он молился за бессмертную душу каждого помощника официанта, поименно. Перечислял грехи каждой горничной из отеля. Голос Олсона возносился к небесам вместе с паром, он молился за Лайзу, которая носит слишком короткие юбки и ублажает орально всякого постояльца, который готов расстаться с двадцатидолларовой купюрой. Туристы с детьми стояли поодаль, на безопасной дощатой дорожке, и им было слышно, как Олсон молит Господа проявить милосердие к официантам Эвану и Лео, которые погрязли в распутстве и каждую ночь совершают греховный акт содомии. Заливаясь слезами, Олсон кричал в полный голос, вымаливая прощение для Дьюи и Бадди, которые, пока моют посуду, нюхают клей из плотного бумажного пакета.

Там, у самых врат Ада, Олсон выкрикивал обличения, обращаясь к деревьям и небу. Вечером, по окончании работы, он делал свой ежедневный доклад Господу Богу: кричал о твоих грехах звездам, таким поразительно ярким, что они просто сливались друг с другом на ночном небе. Он умолял Господа о милосердии – для других. Для тебя.

Да, Олсона Рида здесь не любили. Сплетников никто не любит.

Они все знали эти истории. Про женщину, обернутую в оливковое масло. Про парня с собакой, которые оба сварились заживо. Но Олсон слушал эти истории с особенным интересом; его глаза сверкали, как два леденца. Это было подтверждение тому, что так мило и дорого его сердцу. Вот она, самая главная истина. Доказательство, что Бог все видит. От Бога не спрячешься. Если ты сделал что-то не то, этого уже не исправишь. После смерти мы станем гореть в аду, и нам будет так больно, что мы пожалеем, что нельзя умереть еще раз. Мы проведем вечность в мучениях, в некоем потустороннем пространстве, и никто в целом мире не захочет поменяться с нами местами.

Здесь мисс Лерой снова делает паузу. Прикурит новую сигарету.

Нальет вам еще пива.

Есть такие истории, скажет она, которые быстро изнашиваются, если их часто рассказывать. С каждым разом их драматизм потихонечку выгорает, они звучат все глупее и бледнее. А есть истории, которые изнашивают тебя. Чем чаще ты их рассказываешь, тем сильнее они становятся. Эти истории напоминают тебе, каким ты был идиотом. Был, есть и будешь.

Есть истории, говорит мисс Лерой, рассказывать которые равносильно самоубийству.

Здесь мисс Лерой постарается сделать так, чтобы слушатели слегка заскучили. Она расскажет о том, что вода, нагретая до температуры 158 градусов по Фаренгейту, вызывает ожог третьей степени за секунду.

Типовой горячий источник в Уайт-Ривере – это скважина, которая открывается в маленький прудик, обрамленный по краю коркой из кристаллизовавшихся минералов. Средняя температура воды – 205 градусов по Фаренгейту.

Одна секунда в такой воде – и носки придется снимать уже вместе со ступнями. Вареная кожа на руках прилипнет к первому же предмету, к которому ты прикоснешься, и снимется так же легко, как перчатка.

Организм пытается спасти себя сам, сгоняя жидкость к месту ожога, чтобы остудить жар. Ты обливаешься потом; обезвоживание происходит быстрее, чем при самом тяжелом поносе. При такой обширной потере жидкости кровяное давление падает. С тобой случается шок. Все жизненно важные органы начинают отказывать один за другим.

Ожоги бывают первой, второй, третьей и четвертой степени. Они бывают поверхностными и глубокими, ограниченными и обширными. При поверхностных ожогах, или ожогах первой степени кожа краснеет, но не покрывается волдырями. Это похоже на солнечные ожоги, когда верхний, отмерший слой кожи шелушится и «облезает». При глубоких ожогах третьей степени кожа проваривается насквозь и становится сухой и белой, как кожа на пальце, когда ты, вынимая пирог из горячей духовки, задеваешь костяшкой нагревательный элемент. При ожогах четвертой степени происходит омертвление не только кожи, но и подлежащих тканей: мышц, сухожилий и прочего.

Для определения размера ожога врачи используют «правило девяти». Голова – это девять процентов всей кожи тела. Каждая рука – девять процентов. Каждая нога – восемнадцать процентов. Спина и передняя часть туловища – по восемнадцать процентов каждая. Один процент – шея, и получается сто процентов.

Один глоток такой горячей воды вызывает обширный отек гортани, и как следствие – смерть от удушья. Горло распухает, воздух не может проникнуть в легкие, и ты умираешь.

Мисс Лерой рассказывает об этом, как будто читает стихи. Скелетизация. Сокращение кожи. Гипокалиемия. Все судебно-медицинские следственные критерии: преимущества современной судебной экспертизы над старомодными методами коронеров. Непонятные длинные слова, которые уводят слушателей к безопасным абстракциям. Маленькая передышка, перерыв в повествовании, прежде чем мисс Лерой перейдет к самому худшему.

Можно всю жизнь строить стену из фактов между собой и реальностью.

И вот однажды, в один из таких февральских вечеров, больше, чем полжизни назад, мисс Лерой и Олсон, повар, остались в гостинице совсем одни. Накануне, за день до этого, был сильный снегопад, глубина нового снежного покрова составила три фута, и снегоуборочные машины еще не добрались до гостиницы.

И вот, как обычно по вечерам, Олсон Рид берет свою Библию и идет по сугробам к лесу. Тогда здесь еще были койоты. И пумы. Распевая «Изумительную благодать» и ни разу не повторяя один и тот же куплет на протяжении целой мили, Олсон уходит в ночь, белая фигура на белом снегу.

Две полосы шоссе № 17 скрылись под снегом. Неоновый указатель: «Гостиница» – горит зеленым на железном столбе на заасфальтированной площадке перед входом. Мир снаружи, как и в любой зимний вечер – сплошная чернота, слабо подсвеченная лунным светом. Лес за гостиницей – черные силуэты сосен, тянущихся к темному небу.

Молодая и стройная мисс Лерой и думать забыла об Олсоне. Она не задумывалась о том, как далеко он ушел, пока не услышала волчий вой. Она рассматривала свои зубы в отполированном до зеркального блеска лезвии ножа для масла: какие они у нее ровненькие и белые. Она уже привыкла, что Олсон орет каждый вечер на улице. Привыкла к его голосу, который выкрикивал ее имя, а потом называл некий грех, действительный или воображаемый. Она курила сигареты, Олсон вопил в лесу. Она танцевала. Олсон просил Господа Бога простить ей ее прегрешения.

Сейчас, когда мисс Лерой рассказывает об этом, вам непременно захочется, чтобы она досказала историю до конца. Как она оказалась в ловушке, в этой гостинице – душа, пойманная в чистилище. Никто не приезжает в Уайт-Ривер с намерением остаться здесь на всю жизнь. Черт,

говорит мисс Лерой, в жизни есть вещи похуже смерти.

Есть вещи похуже автомобильной аварии, когда у тебя нет денег на то, чтобы отремонтировать машину. Есть вещи похуже сломанной оси. Когда ты молод. И остаешься работать барменшей в гостиничном баре, в какой-нибудь Богом забытой дыре, до конца своих дней.

И вот, больше, чем полжизни назад, мисс Лерой слышит волчий вой. Лай койотов. Она слышит, как Олсон кричит. Не ее имя, не какое-то там преступление, а просто кричит. Она идет к боковой двери. Выходит наружу, прислушивается.

Еще до того, как она видит Олсона, она чувствует его запах. Запах горячего завтрака, запах бекона, который жарят на холоде. Запах бекона или колбасного фарша, нарезанного толстыми ломтями и поджаренного до хрустящей корочки в своем собственном жире.

В этом месте ее истории всегда включается электрический настенный обогреватель. В тот самый миг, когда в помещении становится максимально холодно. Мисс Лерой знает это мгновение. Она чувствует, как тонкие волоски над ее верхней губой встают дыбом. Она знает, когда сделать паузу. Пара секунд тишины, а потом – пшшш – дуновение теплого воздуха из обогревателя. Вентилятор издает тихий стон, который постепенно становится громче. Мисс Лерой заранее позаботилась о том, чтобы в баре было темно. Обогреватель включается, вентилятор натужно стонет, и люди всегда поднимают глаза. И видят лишь собственное отражение в темном окне. Видят и не узнают себя. Как будто снаружи на них глядит бледная маска, испещренная черными дырами. Рот – зияющая дыра. Глаза – две черных дыры, напряженно глядящих в ночь.

Машины, припаркованные снаружи, – они как будто за сотни студеных миль. В такой темноте даже парковочная площадка под окнами кажется недостижимой.

Лицо Олсона Рида, когда его нашла мисс Лерой, его шея и голова, эти последние десять процентов общей площади кожи остались нетронутыми. Они были даже красивыми, по сравнению со всем остальным его телом, с обваренной, облезающей кожей.

Он все еще кричал. Как будто звездам было не наплевать. Это вареное нечто – то, что осталось от Олсона Рида, – оно как-то двигалось вдоль замерзшей Уайт-Ривер, Белой реки, спотыкаясь на каждом шагу, его колени дрожали, подгибались и расплзались на части.

То, что двигалось вдоль реки, это был уже не весь Олсон. Его ноги ниже колен были проварены до костей и тащились за ним по изломанному льду. Их уже не было, ног. Сперва слезла кожа, потом отломились кости,

кровь сварилась и даже не вытекала наружу, она не тянулась за ним алым следом. За ним тянулся лишь след его собственного жира. Его тело было таким горячим, что под ним таял снег.

Этот парень из Парк-Сити, штат Вайоминг, тот самый парень, который прыгнул в горячий источник, чтобы спасти свою собаку. Говорят, что, когда его вытащили из воды, его руки отламывались, сустав за суставом, но он был еще жив. Кожа на голове слезла, обнажив белый череп, но он был еще в сознании.

Поверхность горячего озерца плевалась расплавленным жиром, в воздухе над водой искрились крошечные радуги, жир плавал на поверхности.

Собака того парня сварилась до состояния меховой шубы, повторяющей форму собачьего тела, ее кости были уже идеально выварены и сложились в глубокий геометрический центр мира. Последние слова того парня: «Все, пиздец. Меня уже не спасти, да?»

Вот таким мисс Лерой и нашла Олсона Рида в тот вечер. Только все было гораздо хуже.

Снег у него за спиной, снег повсюду вокруг, был весь залит слюной.

В темноте у него за спиной горел целый рой желтых глаз. Снег был утрамбован до состояния льда, весь в отпечатках койотовых лап. Весь в волчьих следах. Повсюду вокруг, в темноте – длинные морды диких собак. Черные звериные губы, оскал белых зубов. Они хватали зубами лохмотья белых Олсоновых штанов, изодранные в клочья штанины, которые еще дымились от жара того, что сварилось заживо внутри.

Еще один удар сердца, и желтые глаза исчезли, и то, что осталось от Олсона, – то и осталось. Снег, взбитый задними лапами, еще искрился в ночном воздухе.

Они остались вдвоем, мисс Лерой и Олсон Рид, в теплом облаке запаха поджаренного бекона. Олсон буквально пульсировал жаром – огромный живой запеченный картофель, погружавшийся все глубже и глубже в тающий снег. Его кожа была словно кожица жареной курицы – сморщенная хрустящая корочка, только дряблая и скользкая поверх сведенных, проваренных мышц на горячих костях.

Его руки вцепились в руки мисс Лерой, а когда она попыталась вырваться, его кожа сползла. Его вареные руки прилипли к ее рукам, как при сильном морозе губы прилипают к железному столбику на детской площадке. Когда она попыталась вырваться, его пальцы растрескались до кости, и наружу не вытекло ни единой капельки крови, потому что она вся сварилась, и он закричал и еще крепче вцепился в руки мисс Лерой.

Он был слишком тяжелым, она не смогла его сдвинуть. Погруженного так глубоко в снег.

Он прилепился к ней намертво, она не могла от него оторваться, а дверь в ресторан была всего в двадцати шагах – в двадцати отпечатках следов на снегу. Дверь была открыта, столики были уже накрыты для следующей трапезы. Мисс Лерой видела, как в огромном камине в обеденном зале горит огонь. Да, она его видела, но огонь был слишком далеко, чтобы она чувствовала тепло. Она загребала ногами, пиналась, пыталась тащить Олсона, но снег был слишком глубоким.

Она решила остаться, не тратить силы. Она надеялась, что Олсон скоро умрет. Она молила Господа Бога, чтобы тот поскорее прикончил Олсона, пока она не замерзла насмерть. С темной опушки леса за ними пристально наблюдали волки, сверкая желтыми глазами. Черные силуэты сосен вонзались в ночное небо. Звезды сливались друг с другом.

В ту ночь Олсон Рид рассказал ей историю. Свою персональную историю с привидениями.

Когда мы умираем, мы умираем с историей на устах. С такой историей, которую можно поведать лишь незнакомому человеку, в каком-нибудь уединенном месте, в обитой войлоком палате полуночи. Эта история – самая важная. Мы годами ее репетируем, про себя, но никогда никому не рассказываем. Эта история – наш личный призрак. Она возвращает людей из мертвых. Лишь на мгновение. Так, заглянуть в гости. Любая история – чей-то призрак. Эта история – призрак Олсона.

Растапливая во рту снег, мисс Лерой плевалась водой в жирные красные губы Олсона, в его лицо – единственное место, к которому она могла прикоснуться без риска прилипнуть. Стоя рядом с ним на коленях. Первый шаг на пути к блюду. Этот поцелуй, это мгновение, для которого Олсон себя берег.

Почти всю жизнь она хранила в себе то, что он кричал в ту ночь. Она никому не рассказывала об этом. И это было тяжелой ношей. Сейчас она рассказывает всем и каждому, но легче от этого не становится.

Это сваренное существо у Белой реки, оно кричало:

– Ты зачем это сделала?

Оно кричало:

– Что сделал я?

– Волки, – говорит мисс Лерой и смеется. Теперь их здесь нет. Теперь – нет.

То, от чего умер Олсон, называется миоглобинурия. При сильных ожогах обожженные мышцы выделяют белок миоглобулин. При таком

мощном притоке белка в кровь почки уже не справляются. Токсины не выводятся из крови, происходит самоотравление организма. Называется почечная недостаточность. Миоглобинурия. Когда мисс Лерой говорит эти слова, она словно колдунья, произносящая заклинания. Слова – как заклятие. Магическая формула.

Это долгая смерть. Занимает всю ночь.

Утром к гостинице пробилась снегоочистительная машина. Водитель нашел их: Олсона Рида – мертвым, мисс Лерой – спящей. От того, что она целую ночь растапливала во рту снег, ее десны покрылись белыми пятнами. Обморожение. Мертвые руки Рида по-прежнему сжимали руки мисс Лерой, защищая ее пальцы. Теплые, как перчатки. В течение нескольких недель с обмороженных десен у основания каждого зуба сходила кожа, мягкие серые лоскуточки вокруг коричневых корней, пока ее зубы не стали выглядеть, как сейчас. Пока у нее не стало обеих губ.

Десквамация отмершей ткани. Еще одно волшебное заклинание.

Там, в лесах, нет ничего, говорит мисс Лерой. Ничего злобного или страшного. Только грустное и одинокое. Олсон Рид, который до сих пор не знает, что он сделал не так. Не знает, где он оступился. Там все пронизано грустью и одиночеством – настолько, что даже койоты и волки ушли из этой части Уайт-Ривера.

По-настоящему страшные истории – они такие. Они отзываются эхом у нас в душе, где затаился первобытный страх. Они пробуждают в нас некий, казалось бы, напрочь забытый ужас. Что-то, что, как нам нравится думать, мы давно переросли. Но оно никуда не ушло и по-прежнему пугает нас до полусмерти. До слез. Что-то, что, как мы надеялись, давно зажило.

Они рассеяны в каждой ночи. Эти вечные странники, которых нельзя спасти и которые не могут умереть. Слышно, как они кричат по ночам – здесь, на этой стороне Уайт-Ривер.

Иногда, февральскими вечерами, в воздухе все еще носится запах горячего жира. Поджаренного бекона. Олсон Рид не чувствует своих ног, которые рвут на куски острые зубы. Его истошные крики разносятся в темноте. Его пальцы цепляются за снег, и звери уносят его по кускам в темноту.

По словам миссис Кларк, человек, когда спит, в среднем сжигает 65 калорий в час. И 77 калорий – когда бодрствует. При ходьбе, даже неспешным прогулочным шагом, ты сжигаешь 200. Лишь для того, чтобы поддерживать жизнь, тебе нужно съесть 1650 калорий в день.

Организм способен «отложить про запас» всего лишь 1200 калорий углеводов – большинство из них в печени. Лишь для того, чтобы поддерживать жизнь, мы сжигаем весь запас калорий меньше, чем за день. После этого организм начинает сжигать жиры. Потом – мышцы.

При этом кровь наполняется кетонами. Содержание ацетоновых соединений в крови увеличивается, и у тебя появляется запах изо рта. Твой пот пахнет авиационным клеем.

Печень, селезенка и почки сжимаются и атрофируются. Тонкая кишка разбухает от неупотребления и наполняется слизью. На стенках толстой кишки образуются язвы.

Когда человек голодает, его печень перерабатывает мышечную ткань в глюкозу, чтобы поддерживать жизнеспособность мозга. Сперва возникают «голодные боли», но потом они проходят. Остается лишь чувство усталости. И полной растерянности. На каком-то этапе ты просто перестаешь замечать окружающий мир. Перестаешь следить за собой.

Когда ты сжигаешь от 70 до 94 процентов жира и 20 процентов мышц, ты умираешь.

Как правило, все это занимает 61 день.

– Моя дочь Кассандра, – говорит миссис Кларк, – она так и не рассказала мне, что случилось.

Почти все, что мы знаем о голодной смерти, говорит миссис Кларк, мы узнаем из телерепортажей о заключенных в Северной Ирландии, объявивших голодовку.

Иногда у голодающего человека кожа становится бледно-голубой. Иногда – темно-коричневой. Треть всех голодающих пухнет от голода – но пухнут лишь те, у кого бледная кожа.

На стене готической курительной комнаты Святой Без-Кишок отсчитал уже сорок дней. Сорок черточек карандашом.

Наш история, наш героический эпос «из жизни», наше повествование о том, как мы выстояли перед лицом жесточайших мучений и пыток... теперь мы будем делить гонорар лишь на тринадцать частей. Теперь, когда

Мисс Америка умерла от потери крови.

Большинство из нас перестало пытаться испортить печку после того, как ее чинит призрак. Но мы все равно не стираем одежду. Случаются дни, когда мы просто лежим одетые на кроватях, у себя в гримерках за сценой, от включения света до выключения. И каждый из нас мысленно пересказывает себе нашу историю.

Если у нас есть какие-то силы, мы можем дойти до Повара Убийцы и попросить у него нож, чтобы соскоблить волосы с головы. Еще одно унижение, которому нас подверг мистер Уиттиер. Еще один способ сделать наши фотографии «после» еще ужаснее, чем фотографии «до», которые сейчас наклеены на столбы и напечатаны на молочных пакетах.

Преподобный Безбожник отламывает ножку от стула и запихивает ее себе в задний проход, чтобы полиция потом обнаружила там занозы. Хорошая мысль, поданная Кассандрой, дочерью миссис Кларк.

С наступлением темноты мы слышим шаги. Скрип дверей. Шаги здешних призраков. Мистера Уиттиера. Леди Бомж. Товарища Злыдни и Мисс Америки.

После того, что призрак сотворил с Герцогом Вандальским, мы все запираемся в комнатах с наступлением темноты. Никто не ходит по зданию в одиночку, только парами или втроем. Чтобы рядом всегда кто-то был, чтобы остаться в живых. Каждый носит с собой один из ножей Повара Убийцы.

После того как Кассандру выписали из больницы, говорит миссис Кларк, она так и не набрала свой обычный вес. Вырванные ногти выросли снова, но она никогда их не красила. Волосы отросли, но теперь Кассандра ничего с ними не делала, только мыла и причесывала. Она их не красила, не собирала, не укладывала в прическу. Разумеется, недостающие зубы снова не выросли.

Она носила размер: никакой. Бедер не было. Грудь тоже. Только колени, плечи и скулы, как у заключенных из лагеря смерти. Кассандра могла бы носить что угодно, но ходила лишь в длинных платьях, которых у нее было три штуки, и она их меняла, но кроме них ничего не носила. Никаких украшений. Никакого макияжа. Она была уже настолько *не здесь*, что ее мог бы убить один кусочек испорченной колбасы. Горстка снотворных таблеток, подмешанных в овсяную кашу. Если бы она стала есть.

Но, конечно же, миссис Кларк отвела дочь к стоматологу. Заплатила большие деньги за хороший зубной протез. Предложила Кассандре деньги на имплантаты. На операцию по увеличению иссохшей груди. Миссис

Кларк внимательно изучила литературу по нервной анорексии.

Она лгала своей дочери. Говорила, что та замечательно выглядит. Такая вся худенькая и стройная. Кассандра почти не выходила из дома, и ее кожа так и оставалась бледно-голубой.

Кассандра ходила только из дома в школу и из школы домой. В школе с ней никто не разговаривал. Все говорили о ней: с каждой четвертью истории о ее мучениях становились все ужаснее и ужаснее. Даже учителя давали волю своему нездоровому воображению. Соседи подходили к миссис Кларк на улице, гладили ее по руке и выражали сочувствие. Как будто Кассандру нашли мертвой.

Все люди, которые принимали участие в судьбе Кассандры, которые искали ее с собаками, перестали донимать миссис Кларк требованиями подробностей. Им надоело, что миссис Кларк отвечала им одно и то же:

– Я не знаю. Не знаю. *Не знаю* ...

Когда Кассандра вернулась в школу, она стала учиться значительно лучше, если судить по оценкам. Она не пробовалась на пост капитана команды болельщиц. Не играла в футбол или баскетбол. Она не делала вообще ничего, только читала и присутствовала на уроках. Наблюдала за птицами в небе. За своей рыбкой в аквариуме.

Она не носила зубной протез, несмотря на все уговоры и даже угрозы матери – миссис Кларк грозила себя изувечить. Она могла затушить сигарету себе об руку, а дочь просто смотрела на это. Вдыхая запах.

Кассандра слушала, да. Просто слушала и все. Когда миссис Кларк умоляла, кричала и просила Кассандру: *пожалуйста*, попытайся быть красивой. Общайся с людьми. Поговори со своим психологом. Вернись к жизни. Что угодно. Кассандра внимательно слушала. Но не более того.

– Моя родная дочь, – говорит миссис Кларк, – но дружелюбия в ней было не больше, чем в комнатном растении.

Девочка-робот, которая окончила школу на одни пятерки, но не пошла на выпускной. Она не встречалась с мальчиками. У нее не было подруг. Живой ящик с кошмарами, который все тикает и тикает, где-то на полке. На самом верху.

– Она просто сидела, целыми днями, – говорит миссис Кларк. – Как сидят в церкви.

Молчаливая. С очень прямой спиной. И сияющими глазами. Но она никогда не пела; ни разу не рассказала о том, что творится у нее в голове. Кассандра лишь наблюдала и слушала. Это была уже не та девочка, которую знала миссис Кларк, ее мать. Это был кто-то другой. Статуя, глядящая со стены за алтарем. Статуя в соборе, вырезанная из камня

тысячу лет назад. Где-то в Европе. Статуя, которая знала, что ее изваял Леонардо да Винчи. Вот так Кассандра смотрела на людей.

Миссис Кларк говорит, уже сейчас:

– Это сводило меня с ума.

Иногда ей казалось, что она живет с роботом. Или с бомбой. Иногда она целыми днями не отходила от телефона – ждала, что сейчас им позвонит какой-нибудь псих или лидер секты. Позвонит и попросит позвать Кассандру. Иногда миссис Кларк, ложась спать, клала нож под подушку и запирала дверь спальни.

Никто не знал, во что превратилась эта молчаливая девочка. Она прошла через что-то такое, что никто не мог даже представить. Пережила столько боли и ужаса, что ей даже не нужно об этом рассказывать. Ей уже не нужны никакие трагедии, радость и боль.

Можно было войти в гостиную, включить телевизор, съесть целую миску попкорна и только потом заметить, что она сидит рядом с тобой на диване.

Да, это было действительно страшно. Она была страшной. Кассандра.

Как-то за ужином, они были в кухне вдвоем, миссис Кларк спросила у дочери: а ты помнишь ящик с кошмарами? Тот вечер в галерее – он как-то связан с твоим исчезновением?

И Кассандра сказала:

– Тогда я поняла, что хочу стать писателем.

После этого миссис Кларк не смогла заснуть. Ей хотелось, чтобы дочь уехала из дома. В колледж. В армию. В монастырь. Куда угодно. Лишь бы ее не было рядом.

И однажды миссис Кларк позвонила в полицию и сказала, что ее дочь пропала.

Конечно, она осмотрела весь дом. Миссис Кларк знала, что Кассандра умела сливаться с обоями или с полосками на обивке дивана. Но она и вправду исчезла.

При всех этих поблекших желтых ленточках, которые до сих пор трепыхались на антеннах автомобилей у всех и каждого, Кассандра Кларк снова пропала.

Кассандра

Еще один рассказ миссис Кларк

Если есть способ мириться с работой, которую ты ненавидишь... Миссис Кларк говорит, что для этого надо найти работу, которая тебе нравится еще меньше.

Когда у тебя есть задача, которая действительно устрашает, все остальное покажется сущим пустяком. Кстати, вот еще одна причина, почему Дьявола надо иметь под рукой. По сравнению с таким соседством все мелкие бесы кажутся вполне... сносными. Еще один пример, как миссис Кларк развивает теории мистера Уиттиера.

Мы любим трагедию. Мы обожаем конфликты. Нам нужен Дьявол, а если Дьявола нет, мы создаем его сами.

Это не хорошо и не плохо. Это просто способ существования человека. Они так устроены, люди. Рыбки плавают. Птички летают.

Когда дочь пропала во второй раз, миссис Кларк взяла ватные шарики и бутыл с минеральным маслом и смазала все швы между кафельной плиткой в ванной. Это заняло почти все выходные.

Она тщательно вытерла пыль с каждой рейки жалюзи.

Вся эта скучная домашняя работа, сейчас она стала почти терпимой – по сравнению с телефонным звонком, который мог раздаться в любую минуту. Со звонком из полиции, когда миссис Кларк сообщат, что они нашли тело. Или, что еще хуже, что они нашли Кассандру живой.

Девочку-робота, которая целыми днями сидит у окна и рисует в альбоме голубых соек. Или наблюдает за этой чертовой рыбкой, которая плавает кругами в своем аквариуме.

Эту... чужую девочку, у которой не хватает пальцев на руках и ногах.

Миссис Кларк не знала, что полиция уже нашла Кассандру. Один бойскаут из младшей дружины пошел гулять в лес и вышел оттуда, задумчивый и молчаливый. Притихший под грузом своего открытия, своего секрета. Он прошел вдоль ручья по каньону, перелез через камни, у которых вода собралась в маленькое озерцо. Мальчик искал у камней ямку побольше, где могла быть форель. Снизу камни заросли зеленым мхом, ветви деревьев сплелись над водой. И в их густой тени лежала Кассандра Кларк. На боку. Подложив обе ладони под щеку. Как будто она просто спала. Кассандра, голая на постели из мягкого мха, под пологом листьев

боярышника.

Мальчик-бойскаут рассказывает о своей находке кому-то из взрослых, и тот вызывает шерифа. Еще засветло целый отряд детективов прошел вдоль ручья по тому каньону. Вечером они все вернулись с работы домой, и никто из того отряда не стал рассказывать дома о том, что они видели там, в лесу.

Никто из них не звонит миссис Кларк. Она дома, она ждет звонка. Переворачивает все матрасы, какие есть. Моет окна на втором этаже. Стирает пыль с плинтусов. Любая работа по дому, даже самая противная, самая скучная, за какую не хочется браться вообще никогда, – это все равно лучше, чем просто ждать. Миссис Кларк чистит камин. Телефон всегда рядом – она может взять трубку после первого же звонка.

Когда Кассандра пропала снова, никто не привязывал ленточки ни к чему. Никто не ходил по домам в поисках пропавшей девочки. Не зажигал молитвенных свечей. Ясновидящие не звонили.

Даже телевизионщики не приехали ни разу, пока миссис Кларк мыла и чистила.

Кассандра прождала еще одну ночь в том каньоне, на другой стороне ручья, примерно на середине каменистого склона, вдалеке от лесничих троп. На тропинке не было никаких следов, а босые ноги Кассандры были чистыми, как будто ее принесли сюда на руках.

К тому времени было поздно измерять содержание калия в ее внутриглазной жидкости. Ее руки сгибались, значит, она была мертвой уже больше двух дней. Трупное окоченение наступило и прошло.

Этот первый отряд детективов, они повесили микрофон на ветвях боярышника. Точно так же, как микрофон устанавливают на могиле жертвы убийства, сразу после похорон. Потому что убийца почти всегда возвращается к своей жертве. Ему нужно выговориться, ему нужно рассказывать свою историю, пока она не износится, пока от нее не останется ничего.

Но есть и такие истории, которые изнашивают тебя.

Для убийцы единственный человек, которому можно рискнуть рассказать о своем преступлении, – его жертва.

Кассандра на ложе из мягкого мха. Нависающий над ней микрофон, подсоединенный к записывающему устройству и передатчику. Помощник шерифа с приемником затаился среди камней на другой стороне каньона. Достаточно далеко, чтобы он мог бить на себе комаров, не опасаясь выдать себя. На голове у него – наушники. Он сидит на земле, кишасей муравьями. Все время слушает.

В наушниках поют птицы. Дует ветер.

Поразительно, сколько убийц возвращается к жертве, чтобы с ней попрощаться. Что-то они между собой разделили, убийца и жертва, и убийца приходит к могиле убитого им человека, чтобы поговорить о добрых старых временах.

Каждому нужен кто-то, кто его выслушает.

В наушниках у помощника шерифа жужжат мухи, прилетевшие отложить яйца по влажному краешку Кассандриных век, на ее приоткрытых синих губах. Мухи откладывают яйца у нее в носу и в заднем проходе.

Миссис Кларк дома, на кухне. Она отодвинула от стены холодильник, чтобы пропылесосить спираль компрессора.

Кассандра на ложе из мха. Ее кровь собралась в нижележащих отделах тела, и поэтому те части тела, которые видны, лицо, грудь и руки, кажутся выкрашенными белым. Глаза открыты, они липкие и сухие – насекомые высосали всю влагу. Ее светлые волосы. Золотистые и густые – но тусклые, как состриженные мертвые волосы на полу в парикмахерской.

Клетки переваривают сами себя, все еще пытаются функционировать. В отчаянных поисках пищи внутренние ферменты пожирают оболочки клеток, и желтое вещество, содержащееся внутри каждой клетки, вытекает наружу. Бледная кожа Кассандры уже начала провисать. Сморщенная кожа у нее на руках похожа на мешковатые хлопчатобумажные перчатки, которые явно ей велики.

Ее кожа покрыта пупырышками, которых не сосчитать. Они похожи на шрамы от мелких порезов. И каждая пупырышка движется, копошится между кожей и мышцами. Каждая пупырышка – эта личинка мухи. Они пробивают себе дорогу под кожей, питаются подкожно-жировой клетчаткой. Все ее тело, ее руки и ноги – это сплошные созвездия движущихся узелков.

В наушниках у помощника шерифа жужжание мух сменяется хрустом личинок, пробирающихся вперед по укусу за раз.

Мисс Кларк дома, всего в одном шаге от молчащего телефона, разбирает елочные игрушки на пыльном чердаке: что-то выкидывает, что-то укладывает обратно в коробку. Аккуратно подписывает все коробки.

Бактерии в легких Кассандры, бактерии в кишечнике, во рту и в носу, они размножаются и размножаются – в отсутствие белых кровяных телец, которые могли бы их остановить. Они пожирают подкожно-жировую клетчатку и желтый белок, вытекающий из разорванных клеток. Их число возрастает настолько стремительно, что ее бледный живот начинает вздуваться. Плечи выгибает назад. Ноги раскидываются широко-широко.

Живот, переполненный газами, раздувается до предела, как у беременной. Там, внутри – целая вселенная из бактерий, которые кормятся и размножаются.

Ее язык распухает, челюсти раскрываются под давлением, и язык вываливается изо рта, и торчит между губами, раздутыми, точно велосипедные шины. Бактерии пробиваются вверх по гортани, в черепную коробку, где мозг – мягкая пища.

Миссис Кларк дома, переходит из комнаты в комнату, носит с собой телефон, оттирает стены, моет стеклянные люстры, в которых полно мертвых мух.

Пройдет еще день, и мозг Кассандры запузырится и потечет красно-коричневой жижой из носа и ушей. Мягкая масса полезет наружу из запавших глазниц, куда провалились глазные яблоки.

Микрофон чутко улавливает этот звук. Представьте себе треск попкорна в микроволновой печи. Представьте, как вы садитесь в горячую ванну с пеной, и с каким звуком лопаются пузырьки. Представьте себе стук дождя по асфальту во внутреннем дворике. Град, барабаниющий по крыше автомобиля. Этот звук издают личинки, теперь уже толстые, как зернышки белого риса. Микрофон ловит звук рвущейся ткани и что-то похожее на стон: это рвется кожа Кассандры, и опадают ее раздутые внутренности.

Появляются плотоядные жуки. Сороки и мыши. Птицы щебечут в лесу, каждая трель – яркая, как разноцветные огоньки. Дятел слушает, склонив голову набок, как в коре копошатся жучки. Он стучит клювом по дереву.

Кожа провисает, ложится складками поверх костей, размягченные внутренности вытекают из тела Кассандры. Впитываются в землю. И остается лишь кожа и кости, в лужице ее собственных разжиженных тканей.

В наушниках у помощника шерифа мыши с хрустом едят жуков. Змеи глотают визжащих мышей. Каждому хочется быть последним звеном в пищевой цепочке.

Миссис Кларк дома, разобрала все бумаги в комнате дочери, в ящиках ее стола. Письма на плотной розовой бумаге. Старые открытки ко дню рождения. И листок, вырванный из разлинованного блокнота, на котором написано карандашом, Кассандриным почерком:

Писательский семинар в полном уединении: Оставь привычную жизнь на три месяца...

Золотую рыбку миссис Кларк спустила в унитаз, еще живую. Потом надела пальто.

В ту ночь в наушниках у помощника шерифа прозвучал женский

голос:

– Так вот где ты пропадала? На этом *писательском семинаре*? Это там тебя так истязали?

Это был голос миссис Кларк, и она говорила:

– Мне очень жаль, но лучше бы ты так и осталась пропавшей без вести. Когда ты вернулась, это была уже не ты. – Она говорила: – Когда тебя не было, я любила тебя сильнее...

И сейчас, когда миссис Кларк рассказывает нам все это в синем бархатном холле, она говорит:

– Я воспользовалась снотворным. – Она сидит на ступеньках, где-то на середине большой синей лестницы. Она говорит: – Когда я увидела микрофон, я сразу сбежала оттуда.

В ту ночь в каньоне она уже слышала, как помощник шерифа ломится сквозь кустарник, чтобы ее задержать.

Она не вернулась в свой чистый дом. Вся работа, которую она так ненавидела, была уже сделана.

У нее ничего не осталось, только пальто и сумка. Она позвонила по телефону, указанному в записке Кассандры. Она встретилась с мистером Уиттиером, а потом – с нами, со всеми.

Миссис Кларк смотрит на наши руки и ноги, обмотанные тряпьем, на наши спутанные волосы и впалые щеки, и говорит:

– Я не была для него... никем. Я никогда не любила Уиттиера.

Миссис Кларк говорит:

– Мне просто хотелось узнать, что случилось с моей дочерью.

На самом деле это мистер Уиттиер убил ее девочку.

Она говорит:

– Мне хотелось узнать *почему*.

Хваткий Сват один в холле, обставленном в стиле итальянского ренессанса. Там мы его и находим. Целыми днями, когда горит свет, он стоит в одиночестве перед длинным столом из темного дерева. Ширинка расстегнута. В руке – мясницкий нож. В глазах: рубить или не рубить?

Кх-ррк — тот самый звук из семейного ритуала.

Подтверждение тому, что твои самые худшие страхи, все, что есть в жизни плохого, когда-то закончится. Пусть сегодня все плохо, вполне может случиться, что завтра все будет опять хорошо.

Хваткий Сват больше не просит нас сделать тот самый решающий взмах ножом. С чего бы нам вдруг помогать ему, чтобы он получил ведущую роль? Нет, если он хочет себя изувечить – пусть увечит. Но сам.

Ножки стола сделаны в виде шаров самых разных размеров, поставленных друг на друга. Шары, которые соприкасаются с полом и со столешницей, они размером с яблоко. Шары посередине – размером с арбуз. Все четыре ножки – того же сально-черного цвета. Длинный и узкий, как гроб, стол кажется вырезанным из черного воска. Длинный, плоский и засаленный настолько, что в нем уже не отражается ничего.

Хваткий Сват, как всегда, стоит у стола, держа нож наготове. Подбородок прижат к груди. Глаза наблюдают за членом, который выглядывает из расстегнутой ширинки, точно так же, как кот наблюдает за мышинной норкой.

Стены в холле, обставленном в стиле итальянского ренессанса, затянуты атласом, таким же блекло-зеленым, как и в тот, невообразимо далекий день, когда мы впервые вошли в это здание. Сто лет назад. Зеленый атлас выглядит влажным. И скользким. Тонкие полосы позолоты украшают резные спинки кресел, фигурные плинтуса и светильники с электрическими свечами на зеленых атласных стенах.

В неглубоких нишах в стене, тоже затянутых зеленым атласом, стоят изваяния, изображающие обнаженных людей, мускулистых мужчин и грудастых женщин, которые из-за этой своей мускулистости и грудастости кажутся попросту жирными. Эти статуи, чуть выше среднего роста взрослого человека, стоят на гипсовых пьедесталах, раскрашенных черным с зеленым, под малахит. Одни держат в руках копья и щиты. Другие просто стоят, выпятив зад: ноги вместе, спина слегка выгнута. Их ноги и задницы все заляпаны отпечатками грязных рук и покрыты белыми шрамами в тех

местах, где гипс царапали и ковыряли ногтями. Но не выше талии. Выше просто не дотянуться.

Мы поднимаемся по лестнице из Китайской императорской галереи, переходим из красного в зеленое, и сегодня наш Хваткий Сват уже полностью вывалил член из штанов.

Задыхаясь и кашляя, держась рукой за грудь, Преподобный Безбожник говорит:

– Они уже рядом, люди... они нас спасут... они там, снаружи. Их слышно.

Агент Краснобай говорит из-за камеры:

– Если ты его режешь, то режь *сейчас*.

И, сжимая в руке большой нож, Хваткий Сват говорит:

– Что?

Бедный наш Хваткий Сват. По сравнению со всем остальным: с его выпученными глазами, большим носом, ввалившимися щеками, – его член смотрится просто огромным, как у статуи. Сват – единственный из всех нас, кто остался нетронутым, неискалеченным. Он такой грязный, что прямо липнет к рубашке с изнанки. Кожа на тощих руках туго натянута и как будто вся в трещинах. Это набухшие вены выпирают наружу, оплетая все руки. Вены на лбу – словно толстые синие черви. Сухожилия на шее дергаются и выпирают, натягивая кожу.

– Эти люди, снаружи, – говорит Недостающее Звено, его губы скрываются под мясистым кончиком носа, где-то там, в большой волосатой мошонке его подбородка. Он говорит: – Они сверлят замок. Уже очень скоро мы все сделаемся *знаменитыми*.

То есть мы все – кроме Хваткого Свата, у которого нет ни единого шрама, никаких видимых признаков, что с ним что-то делали, кроме как не кормили.

Столешница, на которой лежит его член с серой головкой, вся изрублена мясницким ножом. Тренировочные удары. Каждый – под новым углом. Разрубленная древесина размокла от нашей крови. Древесная каша, разбитая в щепки, засыхает на полу.

Наши уши и пальцы съел кот. Мисс Америка съела кота. Мы съели Мисс Америку и ее ребенка. Законченная пищевая цепочка.

Каждому хочется быть самым последним звеном в этой цепи.

Камерой, скрытой за камерой, которая скрыта за камерой.

Граф Клеветник поднимает руку, шевелит тремя оставшимися пальцами, измазанными в крови. Все ногти содраны, их нет. Он говорит:

– Давай быстрее. Мне нужен нож. – Он говорит: – Я еще успеваю

слегка приумножить свои страдания.

Повар Убийца падает в золоченое кресло и сбрасывает ботинки. Хватает носок за мысок и тянет, тянет, и тянет, пока носок не соскальзывает с ноги. Сперва – один, потом – второй. Повар Убийца смотрит на пальцы у себя на ногах и говорит:

– Я первый. А то что-то их у меня многовато, пальцев.

Бедный наш Хваткий Сват. Стоит, прижимаясь к краю черного стола, с членом, вываленным на столешницу. Он говорит:

– Не торопите меня. – Его лоб весь мокрый от пота. Он говорит: – Вы, ребята, уже пострадали. Теперь моя очередь.

– Так давай уже, *пострадай*, – говорит Повар и шевелит пальцами на руках. Какие еще у него остались. – Или верни мне мой нож. Это *мой* нож... – Он стоит перед Хватким Сватом, протянув руку.

Граф подходит поближе к столу, держа в руке диктофон. Маленький сетчатый микрофон уже готов записать поверх прошлых трагедий звук рубящего удара. Граф Клеветник говорит:

– Будь мужчиной.

Он говорит:

– Это твой *последний шанс*. Будь мужчиной и отдрочи уже этот член.

Недостающее Звено: рубашка расстегнута на груди, грудь – сплошные заросли черных волос и торчащие ребра. Он говорит:

– Когда дверь откроют, мы уже ничего не успеем. – Он говорит: – Так что *поторопись*.

И Хваткий Сват глядит на свое отражение в лезвии большого ножа. Потом протягивает нож Преподобному Безбожнику и говорит:

– Ты мне не поможешь?

Преподобный берет нож. Держит его обеими руками, с размаху рубит воздух.

Хваткий Сват вздыхает. Глубокий вдох, выдох. Он еще теснее прижимается к столу.

– Только не говори мне когда. Просто руби и все, – говорит Хваткий Сват.

И Преподобный говорит:

– А ты потом не забудь. – Он говорит: – Я согласился на это *исключительно* в плане дружеской услуги. Потому что ты сам попросил.

Хваткий Сват закрывает глаза. Закидывает руки за голову, сплетает пальцы.

А потом... а потом: *Кх-ррк*. Нож вонзается в черную древесину. Стол дрожит и гудит, что-то быстро проскальзывает по столешнице и падает на

пол, с той стороны. Что-то смазано-розовое, подгоняемое горячим гейзером крови. Хваткий Сват подается вперед, из его расстегнутой ширинки хлещет алая кровь, он подается вперед, тянет руку, чтобы поймать эту штуку, которая улетела. А потом у него подгибаются колени.

Его руки вцепляются в край стола, но пальцы соскальзывают. Он ударяется подбородком о стол. Слышно, как клацают зубы. А уже в следующую секунду оба лежат под столом: и Хваткий Сват, и его пенис. Оба – всего лишь серое мясо.

Бедный наш Хваткий Сват, теперь – всего лишь реквизит, который мы можем использовать для нашей истории. Наша новая марионетка. Его семейная история про лагеря смерти с минетом, теперь это наша история.

Недостающее Звено ныряет под стол. Потом выпрямляется. Держит на открытой ладони серый отрезанный член. Кусок сморщенной кожи, натруженной сменой размера и формы при каждой эрекции. Обыкновенное розоватое мясо с отрезанного конца...

– Чур, мое, – говорит Звено и нюхает мясо у себя в руке, раз, другой, третий, почти касаясь его носом. Потом пожимает плечами и говорит: – Ладно, сойдет и так. А то что бы мы ни приготовили в этой микроволновке, теперь у всего вкус попкорна...

Даже Звено понимает, что если он съест отрубленный член мертвеца, это гарантированно обеспечит ему приглашение на любое вечернее ток-шоу, в самое лучшее эфирное время. Просто, чтобы он описал, каково это на вкус. Потом его пригласят рекламировать соусы для барбекю и кетчупы. Потом выйдет его собственная кулинарная книга. Потом – экстремальные радио-шоу. Потом – телеигры в дневное время, до конца жизни.

А все остальные – безвинные жертвы, пострадавшие от рук злодея, – они предъявят обрубки пальцев, чтобы доказать, что они страдали, а их сочтут совершенно неинтересными, да еще обвинят в дурном вкусе.

Мисс Апчи поднимает руки, как будто пытается остановить несущийся на нее грузовик. Она говорит:

– Нет, так нельзя.

Наши зрители, обнаженные статуи, наблюдают за нами из своих зеленых атласных ниш.

– А спорим, можно, – говорит Недостающее Звено, запрокидывает голову к зеленому потолку и широко раскрывает рот. Вытянув руку над головой, он роняет себе на язык мясистый шарик. И глотает его целиком.

Потом глотает еще раз, и его глаза вылезают из орбит. Он глотает еще раз, и его волосатое лицо раздувается и краснеет. Теперь глаза крепко зажмурены под единственной бровью. По багровым щекам текут слезы, он

хватается руками за горло. Недостающее Звено держится руками за горло, не дышит. Делает шаг вперед, неуклюже, как монстр Франкенштейна. Потом – еще шаг. И еще.

Рот открыт широко-широко, его губы и зубы оборотня произносят слова, но без звука. Он падает на колени на залитый кровью зеленый ковер. Руки сжимаются в кулаки. Он бьет себя по животу, со всей силы. Все, что он делает – плач, удары и просьбы о помощи, – все происходит беззвучно.

Графу Клеветнику нечего записать на диктофон, кроме последних слов Звена: «А спорим, можно».

Недостающее Звено заваливается набок. Падает и лежит, не издавая ни звука. Глаза по-прежнему крепко зажмурены. Кулаки по-прежнему вдавлены в живот.

Повар Убийца смотрит на Графа, который смотрит на Мисс Апчхи, которая шмыгает носом и говорит:

– Люди, которые пришли нас спасать, может быть, они помогут ему...

И преподобный Безбожник качает головой.

Сейчас, в эту самую минуту, там, внизу, никто не сверлит замок входной двери. Никто не пришел нас спасать. Мы солгали Хваткому Свату, потому что нам надоело смотреть, как он играет с ножичком.

Минус еще два претендента на гонорар. Теперь нас осталось одиннадцать.

Хромая на обе ноги, придерживая свои пышные юбки двумя руками, к нам поднимается Обмороженная Баронесса. Улыбается своими розовыми губами, которых нет. А потом уже не улыбается – когда видит Хваткого Свата, лежащего на полу. Его одежда почти вся пропиталась кровью. А рядом с ним – Недостающее Звено с посеревшим лицом. Глаза зажмурены намертво, как это бывает при трупном окоченении.

Шевеля сальной складкой на месте несуществующих губ, Баронесса говорит:

– Кто из вас, сволочей, убил Хваткого Свата?

Никто, отвечаем мы. Это он сам. Он очень долго готовился и все-таки отхватил себе член.

А бедняга Звено задохнулся, пытаясь проглотить отрезанный член, не жуя.

Недостающее Звено – последнее звено в этой пищевой цепочке. Ну, то есть последнее, если не считать микробов и бактерий, о которых рассказывала миссис Кларк. Которые питались ее дочерью.

Мы уже представляем себе, как эта сцена будет звучать по радио. Мы уже думаем, можно ли произнести слово «пенис» в телепередаче. Одна эта

сцена, в ней больше правды, чем в большинстве книг о настоящих событиях из жизни, и мы при этом присутствовали, только мы. Генеральная репетиция «вживую». Репетиция эпизода, в котором кто-нибудь из кинозвезд задохнется, подавившись отрезанным членом другого актера.

Смерть от удушья, с чужим пенисом в горле – за одну эту сцену тебе дадут «Оскара».

И это видели только мы, и, может быть, Баронесса.

Только у нас своя версия произошедшего: мы скажем, что пенис Хваткому Свату отрезала миссис Кларк и заставила Звено съесть его целиком. Правда – это так просто, когда все согласны, кого винить.

– Очень не хочется портить вам удовольствие, – говорит Обмороженная Баронесса, – но нам нужен новый злодей.

Дьявол умер – нам нужен новый.

Баронесса подходит к столу, берется двумя руками за рукоятку ножа и вытаскивает его из раскромсанной столешницы. Она говорит, что кто-то убил миссис Кларк.

– Не знаю, кто это был, – говорит Баронесса, – но он сейчас явно не мучается от голода.

Убийца съел почти всю ее левую ногу. Все остальное лежит у нее в примерке, за сценой. С пропоротым животом.

Повар Убийца грозит кулаком Графу Клеветнику и говорит:

– Ах ты жадный *мудак*, идиот.

И Граф говорит:

– Погоди. – Он говорит: – Послушай...

Мы все умолкаем, и становится слышно, как урчит в животе у Графа. У него в животе рычит и пинается призрак сваренного в супе ребенка Мисс Америки. Значит, это не он.

И все-таки миссис Кларк... наша дьяволица с кнутом и пыточными тисками для пальцев, она мертва. То, что осталось от нашей злодейки, – теперь это просто обеды.

Теперь наша первоочередная задача – выбрать нового дьявола.

Но сперва мы пообедаем.

И как раз за обедом Мисс Апчхи громко сморкается. Шмыгает носом, кашляет и говорит, что ей нужно нам кое-что рассказать, очень нужно...

На все случаи жизни

Стихи о Мисс Апчхи

– Моя бабушка зарабатывала на жизнь, – говорит Мисс Апчхи, – формулируя фразу «Я тебя люблю».

Во всевозможных ее вариантах. Для тех, кто не мог сделать этого сам.

Мисс Апчхи на сцене, из-под отворотов на рукавах ее свитера выбиваются клочки и обрывки грязных салфеток.

Бумажных салфеток в желтых разводах и засохших комках выделений из носа.

Под носом блестят сопли и кровь, глаза, все в молниях красных прожилок, сочатся слезами, стекающими по щекам.

На сцене вместо луча прожектора – фрагменты из фильма: сцена из больничного сериала, где лаборанты и доктора в белых халатах держат в руках пробирки – они ищут лекарство.

В промежутках между кашлем и шмыганьем носом, Мисс Апчхи говорит:

– До самой смерти бабушка изобретала, как еще можно сказать: «С днем рождения».

Или: «Примите мои самые искренние соболезнования»,

Или: «Поздравляю». Или: «Мы все гордимся тобой!»

И еще: «Счастливого Рождества».

Ее бабушка знала самые разные способы, как сказать:

«Поздравляем вас с годовщиной».

«С днем Отца» и

«С днем Матери» – Специалист из компании готовых открыток.

В промежутках между высмаркиванием и заталкиванием салфеток обратно в рукав, она говорит:

– Моя бабушка составляла формулировки фраз, для которых у других людей не хватало слов.

Но каждое «С днем рождения», каждое поздравление она составляла, представляя себе Мисс Апчхи.

Свою идеальную целевую аудиторию.

Коллекция этих открыток – она как банковский счет, как доверительный фонд, как наследство для внучки, наилучшие пожелания на будущее.

Чтобы, когда она отойдет в мир иной, Мисс Апчихи могла выбрать подходящее «Я тебя люблю» или «С днем святого Валентина» для любого конкретного случая в далеком будущем.

Чтобы хватило надолго-надолго вперед.

– И все-таки, – говорит Мисс Апчихи, – осталась одна открытка, один особенный случай, который бабушка упустила из виду.

Должна быть такая открытка, в которой говорилось бы:

Прости.

Я не хотела тебя убивать.

Пожалуйста, бабушка.

Прости меня.

Злые духи

Рассказ Мисс Апчихи

Включается интерком. Сперва из крошечного динамика вырывается треск помех, а потом – громкий женский голос:

– Хорошие новости, подруга.

Это Ширли, из ночной охраны. Ее голос в динамике говорит:

– Есть все шансы, что ты поимеешь зажигательный секс уже в этой жизни...

Он поступил на этой неделе, говорит Ширли. Еще один переносчик вируса Кигана первого типа. Этот новый парень, он бессимптомный, и, что еще лучше, у него просто огромный член.

Ширли, самая лучшая ее подруга, насколько это вообще возможно в таком месте.

Знаете про того мальчика, который жил внутри пластикового пузыря, потому что у него вообще не было иммунитета... так вот, здесь, в этом месте, все с точностью до наоборот. Люди, которые живут на Колумбия-Айленд, его постоянные обитатели – все, как один, переносчики смертельно опасных заболеваний, способных убить все население мира. Они носят в себе заразу. Вирусы. Бактерии. Паразитов.

И я в том числе.

Люди в правительстве, да и в самой больнице называют это место Сиротским приютом. Так говорит Ширли. Его называют Сиротским приютом, потому что – если ты здесь оказался – твоя семья вся мертва. Так же есть вероятность, что мертвы все твои учителя. И друзья. Все, с кем ты общался, они мертвы, и их убил ты.

Правительство в панике, они не знают, что делать. Конечно, можно было бы просто убить всех переносчиков вирусов – ради защиты общественных интересов – но эти люди, они же не виноваты. Поэтому правительство делает вид, что можно будет найти лекарство. Зараженных людей держат на карантине, на острове. Раз в неделю у них берут кровь на анализ. Им меняют постельное белье раз в неделю и кормят три раза в день.

Каждую каплю их мочи стерилизуют озоном, а потом облучают. Каждый твой выдох проходит через систему фильтров и прогревается ультрафиолетовым светом, прежде чем воздух, которым ты дышишь,

поступает обратно во внешний мир. Обитатели Колумбия-Айленд, у них не бывает простуды и насморка. Они не общаются с больными людьми, их никто не заражает гриппом. За исключением того, что они сами содержат в себе заразу, способную вызвать глобальную пандемию, это самые здоровые люди на свете. Здоровее никто не встречал.

И желательно, чтобы не встретил впредь.

Выполнение этой задачи возложено на сотрудников военно-морского госпиталя.

Почти все, что я знаю, я знаю от Ширли, моей ночной «надзирательницы». Ширли говорит, что жизнь взаперти здесь, на острове, это не так уж и плохо. Она говорит, что людям в большом мире приходится много работать, причем каждый день, и они все равно не получают и половины того, чего хотят.

Ширли советует мне заказать набор термобигуди. Чтобы слегка причупуриться. Для моего нового будущего жениха. Для этого нового паря с вирусом Кигана первого типа.

Тут все просто: подходишь к компьютеру и печатаешь список, чего тебе нужно. Если бюджет позволяет, оно – твое. Главная сложность – когда ты заказываешь много-много всего. Книги. Диски с музыкой. Фильмы на DVD. Тебе их приносят, но после того, как ты к ним прикоснешься, все, считай, что они отравлены. И самая главная сложность: как их сжечь до стерильного пепла.

Ширли придумала, как решить эту проблему. Она просит заказывать то, чего хочется *ей самой*. Ширли любит всякое старье. Элвиса Пресли. Бадди Холли. Я включаю все это в список, и когда приносят заказ, Ширли забирает все эту фигню себе. Все тихо-мирно. И все довольны. И комната не загромождается токсичным хламом.

Сотрудники военно-морского госпиталя говорят, что не могут включить в статью расходов книги поэзии. Вся информация открыта, согласно Закону о свободе информации, и если кто-то из службы общественного контроля увидит в списке заказов что-нибудь вроде «Листьев травы», может подняться такая буча, что всем чертям станет тошно. Так что Ширли покупает мне книги из своего кармана. А я с ней расплачиваюсь дисками Элвиса, которые заказываю якобы для себя и которые мне не нужны. Ширли любит меня просвещать. Почти каждый вечер она рассказывает мне о том, что сейчас происходит в мире: кто какую страну бомбит, и как зовут нового мальчика из рок-звезд, от которого млеют все девочки.

А мне интересно совсем другое: то, о чем Ширли мне не расскажет. То,

о чем я уже начала забывать – например, об ощущении дождя на коже. И то, о чем я вообще никогда не знала – например, что такое целоваться взасос?

Мы разговариваем через интерком. Это значит, что когда ты говоришь, надо нажимать на кнопку, а когда слушаешь, кнопку надо отпускать. Даже теперь, когда я пытаюсь представить себе лицо Ширли, мне представляется только крошечный динамик, затянутый сеткой, на стене у кровати.

Ширли все время спрашивает, как я здесь оказалась.

И я говорю ей: из-за папиной гениальной идеи.

Ширли вечно меня донимает, чтобы я брила ноги. Чтобы я заказала себе горизонтальный солярий. Чтобы тренировалась на моем велотренажере, проезжая по тысячи миль в никуда. Ширли мне говорит, ее голос в динамике говорит:

– Эту штуку теряешь всего один раз.

Мне двадцать два, и я все еще девушка. И до сегодняшнего дня все шло к тому, что так и останусь девственницей.

И все-таки в плане общественной жизни я не сказать, чтобы совсем уже «тормоз». Обитатели острова смотрят телевизор. У них есть интернет. Разумеется, ты не можешь общаться по интернету. Ты можешь сидеть в любом чате, читать все мессаги, но не можешь участвовать в разговоре. Можешь читать все посты на форумах, но сам ответить не можешь. Потому что само твое существование – это большая тайна. На уровне национальной безопасности.

И Ширли, ее голос в динамике говорит:

– Так что там была за идея у твоего старика, из-за которой ты здесь оказалась?

Это случилось в школе, в выпускном классе. Люди, которые меня окружали, начали умирать. Точно так же, как умерли мои родители. За десять лет до того.

Моя учительница английского, мисс Фрасур, читает в классе мое сочинение и хвалит меня перед всеми, а на следующий день приходит на урок в темных очках. Говорит, что свет режет глаза. Жует таблетку аспирина со вкусом апельсина, из тех, которые школьная медсестра дает девочкам во время месячных. Вместо того чтобы вести урок, мисс Фрасур выключает свет и ставит нам фильм под названием «Как свежевать и разделывать туши животных, убитых на охоте». Даже не цветной. Просто это – единственный фильм под кинопроектор, который нашелся в аудиовидеокомнате.

В тот день мисс Фрасур пришла в школу в последний раз.

Больше мы ее не видели.

На следующий день половина ребят из моего класса обращаются к медсестре, просят тот самый аспирин со вкусом апельсина. Вместо урока английского нас загоняют в библиотеку на час самостоятельных занятий. Половина ребят из класса говорят, что не могут читать, потому что им трудно сосредоточиться. Спрятавшись за книжными шкафами, я разрешаю мальчику по имени Реймон поцеловать меня в губы. Пока он твердит мне, что я красивая, я разрешаю ему держать руку у меня под рубашкой.

На следующий день Реймон не приходит в школу.

На третий день моя бабушка идет в поликлинику при больнице: у нее начались жуткие головные боли, так что темнеет в глазах, и все, что ее окружает, как будто обведено черным ободком. Кажется, она слепнет. Я не иду в школу, провожаю бабушку к врачу, жду в приемной. Сажусь на пластмассовом стуле, читаю старый журнал «National Geographic», вокруг сидят бабушки-дедушки, мамы с плачущими младенцами, и тут в комнату входит дяденька с каталкой для перевозки больных. На нем белый комбинезон и марлевая хирургическая маска.

Волосы у него всклокочены, торчат во все стороны. Он говорит из-под марлевой маски, чтобы мы все покинули помещение. Они срочно эвакуируют это крыло больницы. Я подхожу к нему, спрашиваю, все ли нормально с бабушкой, и он, этот дядька, хватает меня за руку. На нем латексные перчатки. Пока бабушки-дедушки и мамы с плачущими детьми бегут по коридору, огибая каталку, этот дядька держит меня за руку, не дает уйти. Спрашивает, не я ли Лайза Нунен, семнадцати лет, проживающая по адресу: Вест-Крествуд-драйв, 3438.

Он, этот дядька, берет с каталки синий сверток в прозрачном пластиковом пакете. Внутри – синий цельный комбинезон с рукавами, сплошной нейлон и винил, с молниями впереди и на спине.

Я снова спрашиваю про бабушку.

Дядька встряхивает комбинезон и говорит: надевай. Когда наденешь, пойдем к твоей бабушке, в отделение интенсивной терапии. Этот комбинезон, объясняет он, необходим для бабушкиной защиты. Он держит комбинезон за плечи, чтобы мне было удобнее в него влезть. Три слоя винила, причем каждый застегивается на отдельную молнию. Прямо в комбинезон вшиты носки и перчатки. Голову закрывает колпак-капюшон с окошком из прозрачного пластика, чтобы все было видно. Самая последняя, внешняя молния застегивается на спине и закрывается на замочек, так что тебя запирают внутри, и без посторонней помощи ты эту штуку уже не снимешь.

Когда я снимаю свои теннисные туфли, дядька берет их рукой в латексной перчатке и убирает в пакет.

В школе ходили слухи, что мисс Фрасур сделали компьютерную томографию и обнаружили у нее в мозгу опухоль. Размером с лимон, с какой-то желтой жидкостью внутри. И эта опухоль, по слухам, еще растет.

Перед тем как я натягиваю капюшон, дядька дает мне маленькую голубую таблетку и говорит, что надо держать ее под языком, пока она полностью не растворится.

На вкус она сладкая, таблетка. Такая сладкая, что рот наполняется слюной, которую мне приходится проглотить.

Он, этот дяденька, говорит, чтобы я легла на каталку. Головой на белую бумажную подушку. И мы поедем к бабушке.

Я спрашиваю, что будет с бабушкой? Она растила меня с восьми лет. Это мамина мама, и, когда умерли мама с папой, она проехала через всю страну, чтобы забрать меня к себе. Я уже легла на каталку, и дяденька в хирургической маске повез меня по коридору. Двери были открыты, и было видно, что все палаты пустуют. Простыни сняты. На матрасах остались вмятины от тел больных, которые лежали на этих кроватях. В каких-то палатах работали телевизоры. В каких-то палатах на тумбочках у кроватей стояли подносы с обедом, от томатного супа еще поднимался пар.

Дядька катил каталку так быстро, что плитка на потолке сливалась в смазанное пятно, и мне пришлось закрыть глаза, чтобы меня не стошнило.

В динамиках системы больничного радиовещания повторяли одно и то же:

– Режим тревоги: оранжевый. Восточное крыло, второй этаж... Режим тревоги: оранжевый. Восточное крыло, второй этаж...

А я все глотала слюну с приторно-сладким вкусом той голубой таблетки.

Эта маленькая таблетка, говорит Ширли, две таких – это смертельная доза.

Очнулась я уже здесь, в этой комнате с видом на Пьюджет-Саунд. С этим большим телевизором, с этой чистенькой ванной, отделанной бежевой плиткой. С интеркомом на стене у кровати. Сюда привезли кое-что из моей одежды и музыки, из дома. Все было сложено в большие коробки, обернутые в целлофан. Наверное, за мной наблюдали через камеру, потому что, как только я села на кровати, интерком сразу сказал:

– С добрым утром.

Бабушка умерла. Реймон умер. Мисс Фрасур, моя учительница английского, умерла. Это случилось четыре Рождества назад, но с тем же

успехом это мог быть и повтор старой черно-белой телепередачи, которую я смотрела сто лет назад.

В Сиротском приюте теряется ощущение времени. По документам, мне сейчас двадцать два года. Вполне взрослая девушка, мне уже можно пить пиво, а я целовалась всего один раз, с мертвым мальчиком.

Один, два, три дня – и жизнь закончилась. Я даже не окончила школу.

Вирус Кигана первого типа может накапливаться в организме годами, а потом наступает такой момент, когда ты заражаешь других людей. И не жди, что тебе предоставят адвоката. Или омбудсмана. Или специалиста, который бы изучил твоё дело и признал, что ты остро нуждаешься в моральной поддержке. Все кончается здесь, на Колумбия-Айленд, где тебя поселяют в приличную комнату, как в хорошей гостинице, скажем в «Рамаде» или «Шератоне», но уже до конца жизни. Та же самая комната. С тем же самым видом. Та же самая ванная. Еда прямо в номер. Кабельное телевидение. Коричневое покрывало. Две подушки. Одно кресло с откидной спинкой.

Эти люди, запертые здесь навсегда, они ни в чем не виноваты. Если они и сделали что-то не так, то только одно. Сели рядом не с тем человеком в самолете. Долго ехали в лифте с кем-то, с кем не обмолвились ни единым словом – а потом просто не умерли. Существует немало способов, как провести жизнь взаперти. Здесь, на маленьком острове посреди Пьюджет-Саунд, штат Вашингтон, в военно-морском госпитале Колумбия-Айленд.

Большинство обитателей Приюта, они поступили сюда в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. Здешний главврач, доктор Шумахер, говорит, что мы сами заразились еще в детстве, и долгие годы вирус никак себя не проявлял, а просто накапливался в организме. И как только его концентрация достигла некоей критической массы, люди, нас окружавшие, начали умирать.

Когда Центры контроля вирусных заболеваний фиксируют случаи множественных смертей, тебя вычисляют, упаковывают в трехслойный виниловый комбинезон и привозят на остров, где тебе предстоит оставаться до конца жизни.

У каждого обитателя Колумбия-Айленд – своя собственная зараза, говорит Ширли. Уникальный убийственный вирус. Смертоносные паразиты или бактерии. Вот почему их всех держат в строгой изоляции. Чтобы они не поубивали друг друга.

И все-таки, говорит Ширли, им обеспечивают все удобства. Зимой работает отопление. Летом – кондиционер. Их хорошо кормят, готовят специально для них. Рыба и овощи. Мороженое. «Клубные» сандвичи. Все,

что позволяет бюджет.

В августе, в самую жаркую пору, говорит Ширли, она уже страшно довольна, что работает здесь – из-за одного только кондиционера.

Ширли называет всех обитателей Приюта «дойными коровами крови». В комнате каждого пациента из стены под зеркалом торчат две длинные резиновые руки – две перчатки из плотной пуленепробиваемой резины. Раз в два-три дня за зеркалом зажигается свет, и становится видно, что там сидит лаборант, он или она сует руки в перчатки в стене и берет у тебя кровь для анализа; пробирка с кровью помещается в маленький переходный шлюз, и ее забирают туда, на ту сторону.

Когда зажигается свет, когда зеркало у тебя на стене превращается в смотровое окно, становится видно камеру, которая всегда на «посту». Всегда наблюдает. Записывает каждое твое движение.

Помимо прочего, в должностные обязанности Ширли входит выводить дойных коров на прогулку.

Раз в два-три дня коровам разрешают надеть герметичные комбинезоны. Внутри этого комбинезона-скафандра пахнет припудренным латексом. Срываешь цветок или ложишься на травку – и чувствуешь только латекс. Под закрытым наглухо капюшоном слышен лишь звук твоего собственного дыхания. Обитатели приюта кидают друг другу тарелку фрисби и всегда знают, сколько у них остается минут, пока Ширли не загонит их всех обратно. Они ни на миг не забывают о снайперах с винтовками, которые следят за ними на случай, если кто-нибудь из обитателей Приюта бросится в воду и попытается совершить побег. В этом костюме-скафандре с автономной системой подачи кислорода можно спокойно пройти по дну Пьюджет-Саунд до самого Сиэтла. Наблюдая за тем, как у тебя над головой проплывают темно-синие силуэты больших кораблей.

Если вам интересно, как я оттуда сбежала...

– После той долгой подводной прогулки, – говорит Мисс Апчхи, – у меня что-то случилось с носовыми пазухами. – И она вытирает нос рукавом.

Там, на больничной лужайке на Колумбия-Айленд, они кидают друг другу тарелку фрисби. В своих мешковатых синих комбинезонах они похожи на компанию плюшевых зверей. Все ярко-синие, с головы до ног. Все обливаются потом под несколькими слоями латекса и прорезиненного нейлона. Бегают, ловят тарелку под прицелом снайперских винтовок. Звучит не особенно весело, но все равно хочется плакать, когда время прогулки кончается, и надо опять возвращаться к себе, в эту комнату, где

тебе предстоит провести целую жизнь в одиночестве.

Среди обитателей Приюта есть молодая девчонка с зелеными глазами. И парень – с карими. Когда на всех надеты синие скафандры, видны только глаза. Этот парень с карими глазами, говорит Ширли, и есть тот самый новенький с вирусом Кигана первого типа.

Тот самый новенький с большим членом. Ширли видела. Через одностороннее зеркало.

Ширли говорит, что в следующий раз, когда я буду общаться с доктором Шумахером, мне стоит спросить у него насчет учреждения программы «разведения и размножения». Может, у нас с этим парнем родятся дети с иммунитетом к вирусу Кигана первого типа. Хотя существует опасность, что у нас с ним разные подвиды вируса, и мы просто убьем друг друга.

Или у нас родится здоровый ребенок... и мы убьем его своей заразой.

– погоди, – говорит Ширли. – Не торопись. Не думай о детях. Не думай о смерти. – Она говорит, что сейчас самое главное – это моя дефлорация.

Мы, вдвоем с этим парнем, запертые в одной комнате. Оба – девственники. Видеокамера за зеркалом – наблюдает. Врачи надеются, что мы выродим панацею, которую правительство сможет запатентовать. Эти хитрые дяди из компании, производящей лекарственные препараты. И все же, если появится лекарство, это будет хорошо.

И секс. Секс – это тоже хорошо.

Ширли говорит, что неплохо было бы устроить танцы для обитателей Приюта, но вы только представьте себе эти синие мешковатые комбинезоны, которые жмутся друг к другу и покачиваются под музыку... не самое приятное зрелище.

Когда мы общаемся с доктором Шумахером, я говорю мало. Как это видится мне, у меня не так много воспоминаний, чтобы растрачивать их впустую. Мои самые лучшие воспоминания: как я спасаю планету от злобных пришельцев или убегаю на моторном катере от сексапильных русских шпионов. Но это не настоящие воспоминания. Это из фильмов. Я забываю о том, что девчонка, которая все это переживала, – актриса.

У меня в комнате висит плакат: «Занят делом = счастлив».

Ширли говорит, что такой же плакат висит в комнате каждого из обитателей Приюта. Комнаты освещаются специальными лампами полного спектра, которые воспроизводят естественный солнечный свет, чтобы в коже вырабатывался витамин D и чтобы у нас было бодрое настроение. Ширли говорит, что официально наши комнаты называются «номерами». Я,

например, живу в «номере 6-В». По всем документам я прохожу как «пациент 6-В».

Информация об обитателях Приюта, говорит Ширли, используется для целого ряда параллельных исследований. Например, как обеспечить нормальные условия существования людей в изолированных космических колониях.

Да, случается, что Ширли выдает очень полезные сведения.

– Представь себе, – говорит Ширли, – что ты – космонавт, живущий в гостинице «Рамада» на планете, которая находится всего в шести милях к юго-западу от Сиэтла.

Ширли, ее голос из интеркома по вечерам... она спросит меня об отце, о его гениальной задумке, из-за которой я тут оказалась. Потом Ширли опустит кнопку со своей стороны и будет ждать моего ответа.

Отец не учился в университете, но зато он умел делать деньги. Он знал ребят, которые дожидались, когда ты уедешь из дома на все выходные, а потом заявлялись к тебе во двор с целой бригадой рабочих и спиливали двухсотлетнее ореховое дерево. Обрубали все ветки, а ствол аккуратно распиливали на части. Прямо там, во дворе у тебя перед домом. Соседям они говорили, что их нанял ты. К тому времени, когда ты возвращался домой, твое дерево уже давно обреталось, срубленное, обработанное и высушенное, на какой-нибудь фабрике за дюжину штатов отсюда. Вполне может быть, что оно к тому времени уже превратилось в предмет мебели.

Это и есть та самая предприимчивость, которая до усрачки пугает людей с университетским дипломом.

У отца были карты. Карты с захороненными сокровищами, как он их называл.

Эти карты с сокровищами остались с 1930-х годов, со времен Великой Депрессии. Была такая организация, Управление общественных работ. Они нанимали людей, чтобы те ездили по стране и вели перепись всех заброшенных кладбищ, во всех штатах. Во всех. Это было такое время, когда большинство этих маленьких кладбищ шли под снос или впадали в забвение под щебеночно-асфальтовым покрытием. Эти старые кладбища пионеров – все, что еще оставалось от городов, исчезнувших с карт больше ста лет назад. Быстро выросшие города, стены которых давно раскрошились, а пыль унес ветер. Деревянные города, сгоревшие дотла во время лесного пожара. Поселения у истощенных золотых приисков. У закрытых железнодорожных веток. Их давно уже нет. Остались только кладбища: заросшие сорняками участки с опрокинутыми надгробиями. Папины карты с сокровищами – это были карты УОР с указаниями, где

находится каждый такой участок, сколько там могил и какие надгробные камни.

Каждое лето, во время школьных каникул, мы с папой ездили по старым кладбищам, обозначенным на картах. В Вайоминг или Монтану, в пустыню или в горы, где исчез целый город. Скажем, Новый Киган, штат Монтана, от которого не осталось вообще ничего, кроме древних надгробий. А за эти надгробия магазины садовых товаров в больших городах давали хорошие деньги. В Сиэтле или Денвере. В Сан-Франциско или Лос-Анджелесе. За гранитных ангелов ручной работы. Или спящих собачек, или овечек из белого мрамора. Людям нравится украшать свои новенькие сады чем-нибудь древним, замшелым, старинным. Чтобы всем сразу было понятно, что это не просто так милый садик. Чтобы показать всем и каждому, что тут живут люди с деньгами, и деньги были у них всегда.

Там, в Новом Кигане, не осталось ни одного надгробия, на котором можно было бы хоть что-то прочесть.

– Крем для бритья, – объяснил мне папа. – Крем для бритья или мел. Идиоты. Кладбищенские уроды.

Он объяснил, что люди, которым нравится гулять по заброшенным кладбищам и читать надписи на памятниках – едва различимые надписи, стертые временем и кислотными дождями, – наносят на надгробие слой крема для бритья. Излишки крема «сбрасывают» картонкой, а в выгравированных знаках он остается. Белые буквы и цифры легко читать, их удобно фотографировать. Но вот в чем гадство: в креме для бритья содержится стеариновая кислота. Понятно, что никому не приходит в голову вымыть после себя испачканное надгробие. И кислота разъедает камень. Другие любители кладбищенской экзотики натирают надгробия мелом; при этом поблекшая эпитафия выделяется на белом фоне чуть более темным цветом. Меловая пыль, то есть раскрошенный гипс, забивается в невидимые трещинки в камне. И в следующий раз, когда идет дождь... гипсовая пыль намокает и разбухает, увеличиваясь в размерах в два раза. Точно так же, как древние египтяне расщепляли каменные блоки для пирамид при помощи деревянных клиньев, разбухшая меловая пыль медленно разрывает поверхность каменного надгробия.

Эти упоминания про стеариновую кислоту, гипс и египетские пирамиды, они доказывают, что мой папа был не идиот.

Он говорил мне, что все эти кладбищенские исследователи, исполненные самых благих намерений, в конце концов, уничтожили то, что, по их утверждениям, они так любили.

И все-таки там мне было хорошо, в эти последние летние дни, вдвоем с папой, на том холме, где раньше был город под названием Новый Киган, штат Монтана. Жаркое солнце обжигало высохшую траву. В траве были ящерицы, такие коричневые. Которые, если поймать их за хвост, оставят хвост у тебя в руке.

Если бы мы смогли прочитать надписи на надгробиях, мы бы узнали, что почти все население города умерло в один месяц. Это была первая вспышка смертей того, что потом назовут вирусом Кигана. Вирусная опухоль мозга, которая вырастает буквально за несколько дней.

Папа продал целую партию ангелов и овечек магазину садовых товаров в Денвере. По дороге домой он уже жевал аспирин и едва удерживал руль нашего грузовичка. Папа и мама умерли в больнице еще до того, как приехала бабушка.

После этого все успокоилось на десять лет. До тех пор, пока в мозге мисс Фрасур не обнаружили опухоль размером с лимон. Пока вирус у меня в крови не достиг критической массы, и я не стала заразной.

В наше время меня не могут просто убить. И не знают, как вылечить. Все, что власти могут со мной сделать – изолировать в Приюте, в рамках мер по борьбе со стихийными бедствиями.

Этот новенький парень, который с большим членом... я знала, что он должен чувствовать. Потому что я чувствовала то же самое, когда меня привезли сюда. У него никого не осталось. Родные умерли. Друзья тоже умерли. Может быть, полшколы умерло – если он пользовался популярностью. Он целыми днями сидит один, у себя в комнате. Ему страшно. Но он все же надеется, что врачи найдут обещанное лекарство.

Я могла бы ему подсказать, что и как. Ввести в курс дела. Успокоить его. Помочь приспособиться к жизни в Сиротском приюте.

В тот последний хороший день моей жизни мы с папой доехали до Денвера, штат Колорадо, где он знал один магазинчик, торгующий всякими антикварными штуками для украшения сада. Чугунными оленями и бетонными птичьими купальнями, сплошь заросшими мхом. Почти все, что там продавалось, – это были краденые вещи. Хозяин магазина расплатился с отцом наличными и помог ему сгрузить ангелов с грузовичка. У хозяина был маленький сын, который вышел из дома и встал на дорожке, наблюдая за тем, как они разгружают машину.

Мы с Ширли общаемся по интеркому, и сейчас я нажму кнопку и спрошу про этого нового парня... у него, случайно, не рыжие волосы, такие кудрявые? А глаза – карие?

Он примерно моего возраста? Я спрошу: он откуда? Не из Денвера? И

чем занимались его родители, которые умерли? Может быть, у них был магазин всяких старинных штукун для сада?

Призрачий огонек – наш единственный свет. Костер в непроглядной ночи. Наш последний шанс. Голая лампочка на столбе в центре сцены. Клапан сброса давления. Для безопасности. Чтобы старый театр с газовым освещением не взорвался. По старинной театральной традиции, ночью на сцене всегда оставляют свет – отпугивать привидений, чтобы никому из них не пришло в голову поселиться в здании.

Мы сидим вокруг этого огонька, те из нас, кто остался. Сидим на сцене, откуда видны золоченые контуры кресел в зале, медные ограждения, змеящиеся по переднему краю балконов, облака паутины, затянувшие мертвое небо электрической ночи.

В темных комнатах позади других комнат лежат мертвые Хваткий Сват и Недостающие Звено. В холле, отделанном в стиле итальянского ренессанса. В самом нижнем подвале гниют тела мистера Уиттиера и Товарища Злыдни, Леди Бомж и Герцога Вандальского. Мисс Америка и миссис Кларк – у себя в гримерках за сценой. Их клетки переваривают друг друга, превращаясь в желтую белковую жижу. В кишках и легких плодятся бактерии. Животы раздуваются.

То есть нас остается всего одиннадцать.

Мы сидим в круге света.

В нашем мире, где есть только люди и нет человечности.

Агент Краснобай потихоньку ходил по комнатам, добывая оставшиеся лапочки. Графиня Предвидящая и Директриса Отказ занимались тем же самым.

Каждый из нас был уверен, что он такой один. Каждому из нас хотелось, чтобы в нашем мире стало немножко темнее. Но только – немножко. Никто не знал, что та же самая мысль пришла в голову и другим тоже. Жертвы собственной низкой сопротивляемости к скуке. Жертвы самих себя. Может быть, это все из-за голода. Может быть, это своеобразная форма голодного бреда. Но вот все, что осталось.

Последняя лампочка. *Призрачий* огонек.

Этот свет не дает тепла, и мы сидим, все укутанные в пальто и бушлаты, в шубы и махровые халаты. Шеи гнутся под тяжестью париков, громоздящихся друг на друга, и шляп с полями, которые еле проходят в дверь. Мы ждем. Мы готовы.

Когда распахнется входная дверь, мы все сделаемся знаменитыми.

Когда провернется замок, и дверь откроется с натужным скрипом, а потом кто-то защелкает выключателем, пытаюсь зажечь свет, у нас уже будет готова история на продажу. Наши скулы узников лагеря смерти будут готовы для съемки крупным планом.

Мы расскажем, как мистер Уиттиер и миссис Кларк заманили нас сюда обманом. Они заперли нас в этом здании и держали в заложниках. Они нас запугивали, заставляли писать. Книги, стихи и сценарии. А когда мы не стали писать, они принялись нас истязать. Они морили нас голодом.

Мы сидим скрестив ноги, на дощатой сцене, и даже не можем пошевелиться под слоями бархата и простеганного твида, которые не дают нам замерзнуть. Все силы уходят на то, чтобы повторять нашу историю друг другу: как миссис Кларк выдрала из Мисс Америки ее нерожденного ребенка и сварила его на глазах умирающей матери. Как мистер Уиттиер повалил Хваткого Свата на пол и отрубил ему пенис. А потом мистер Уиттиер зарезал миссис Кларк и так обожрался ее ногой, что у него разорвало живот. Мы тренируемся. Учимся произносить без запинки «перитонит». Мы бормочем себе под нос: *паховая грыжа*. И еще: *тюрнировка моркови*.

Вот так оба злодея отдали концы, бросив нас умирать от голода.

Карандаш Святого Без-Кишок оставил немало отметин на стене. Эти резкие черточки на стене – его единственный шедевр. Домовладелец, сотрудник риэлторской фирмы, кто-нибудь должен прийти и проверить, что тут происходит. Может быть, кто-то из службы энергоснабжения придет отключить электричество за неуплату.

В тишине даже щелчок выключателя прозвучит, словно выстрел.

Тихий щелчок заставляет нас всех обернуться. Скрежет металла о металл – мы все оборачиваемся на звук. Туда, в направлении кулис. В направлении боковой двери.

Пронзительный скрип, и темнота как будто взрывается.

При таком ярком свете, после того, как мы столько времени провели в темноте, мы вообще не различаем цветов. Только черный и белый. Только сияющие силуэты, на которые приходится жмуриться.

Такой ослепительно яркий свет, гораздо ярче любой лампочки.

Свет режет глаза.

Это не боковая дверь. Свет, изливающийся на сцену – как плотный луч восходящего солнца, откуда-то сверху. И мы жмуримся, и закрываем глаза руками, чтобы спастись от этого луча. Этот новый день, он такой солнечный, такой светлый, что наши длинные тени ложатся на сцену у нас за спиной. Тени горбятся и сжимаются поверх бурых засохших подтеков

воды на старом киноэкране.

Там, на экране, видны силуэты наших накренившихся париков. Наши тела кажутся такими угловатыми и худосочными, что Товарищ Злыдня сказала бы про нас, что мы можем носить *что угодно*.

Это кинопроектор без пленки, его лампа светит на нас. Огромный прожектор. Яркий, как луч маяка. Это солнце сияет почти из полуночи, на задней стене кинозала.

И все же никто из нас не в состоянии встать на ноги. Остается лишь пригибать головы и отводить глаза.

Свет кинопроектора такой яркий, что кажется, будто *призрачий* огонек перегорел. Сделался бледным, как свечка на деньрожденьевском торте в ясный солнечный день.

– Опять наш призрак, – говорит Обмороженная Баронесса.

Двухголовый ребенок Святого Без-Кишок.

Старик-антиквар Графини Предвидящей.

Частный детектив Агента Краснобая, отравленный газом и забитый молотком.

Мисс Апчхи зевает и говорит:

– Тоже хорошая сцена для нашей истории.

Как попкорн. Как печка, которую опять починили. Как наша одежда, которую постирали и высушили. Всякое сверхъестественное явление, всякое чудо – это просто еще один спецэффект.

Святой Без-Кишок говорит, повернувшись к Матери-Природе:

– Слушай, раз мы с тобой все-таки любовный сюжет... может, заделаешь мне ноги?

Агент Краснобай говорит:

– Когда мы выйдем отсюда, я заторчу на месяц, не меньше...

Преподобный Безбожник говорит:

– А я сожгу всякую церковь, которая мне попадется...

Каждый из нас, просто ком тканей, волос и меха.

Директриса Отказ говорит:

– Я поставлю Коре Рейнольдс надгробие...

Слова отражаются эхом от стен, с той стороны слепящего света, на который так больно смотреть. Далекие отзвуки:

– ...надгробие... надгробие...

Каждому хочется, чтобы последнее слово осталось за ним.

Граф Клеветник чуть отматывает кассету и проигрывает слова: «Надгробие... надгробие...». И эхо, записанное на пленке, вновь отражается эхом. Эхо эха от эха.

Эхо носится по пространству, пока голос издалека, с той стороны горящего солнца, не произносит:

– Вы играете перед пустым залом.

Это голос с того света. То же самое, как в нашей истории о том, как Товарищ Злыдня восстала из мертвых, и спустилась по лестнице в холл, и потребовала кусок своей собственной татуировки. В слепящем свете никто не видит, как наш призрак идет по центральному проходу. Никто не слышит, как он идет к сцене по черной ковровой дорожке. Никто не может понять, что именно движется к нам в этом ярком сиянии, пока тот же голос не повторяет:

– Вы играете перед пустым залом.

Это наш старый подросток, трясущийся мистер Уиттиер. Наш умирающий панк-скейтбордист. Наш маленький дьявол в старческих пятнах.

Он идет. Труп в теннисных туфлях. На сморщенной шее лежит петля – дужка наушников плеера.

– Вы послушайте сами себя, – говорит он, качая головой. Те немногие волосы, которые еще остались, болтаются из стороны в сторону. Он говорит: – Чем вы тут занимаетесь? Только и делаете, что рассказываете друг другу свои истории. Превращаете прошлое в рассказ, чтобы доказать всем свою правоту.

Сестра Виджиланте назвала бы это нашей *культурой вины*.

Ничто не меняется, говорит он. Еще одна группа, которая была тут до нас, у них все закончилось тем же самым. Люди буквально влюбляются в свою боль, они просто не в состоянии ее бросить. Как и истории, которые они рассказывают. Мы сами себя загоняем в ловушку.

Есть истории, которые быстро изнашиваются, если их часто рассказывать. А есть истории... и мистер Уиттиер указывает на нас, ходячих скелетов.

– Когда мы рассказываем историю о чем-то, что с нами случилось, для нас это способ переварить случившееся, – говорит мистер Уиттиер. – Способ переварить нашу жизнь. Наши переживания.

Так говорит мистер Уиттиер. Мальчик, который умирает от старости.

Для призрака он выглядит очень даже неплохо. Жидкие волосы на черепушке причесаны. Галстук аккуратно завязан. Ногти чистые, дрожащие белые полумесяцы. Он весь такой взрослый, такой солидный.

– Вы перевариваете и усваиваете свою жизнь, обращая ее в истории, – говорит он. – Точно так же, как этот театр, похоже, переваривает людей. – Он указывает на пятно на ковре, темное, липкое, заплесневелое пятно с

руками и ногами.

Есть события, которые вы не можете переварить, – и они вас отравляют. Самое дурное, что было в жизни, то, о чем никогда никому не расскажешь – эти мгновения, они как порча. Гниль, разлагающая вас изнутри. И вы так и будете гнить, до конца. Пока не превратитесь во влажную тень Кассандры на земле. Утопленные в своей собственной желтой белковой слизи.

Но истории, которые вы можете переварить, которые вы можете рассказать... вы в состоянии взять под контроль эти мгновения из прошлого. Придать им форму, тщательно их обработать. Одолеть их, создать шедевр. И употребить их с пользой для себя.

Эти истории так же важны, как пища.

Эти истории можно использовать для того, чтобы рассмешить других. Или заставить их плакать. Или вызвать у них тошноту. Или же напугать. Сделать так, чтобы люди почувствовали то же самое, что и вы. Истощить эти мгновения из прошлого – и для других, и для себя. Пока эти мгновения не умрут. Употребленные. Переваренные. Усвоенные.

Это – наш способ сожрать все дерьмо, что случается в жизни.

Так говорит мистер Уиттиер.

Глядя на мистера Уиттиера, Графиня Предвидящая говорит:

– Сатана.

Слово тихонько шипит, как змея.

С уст Сестры Виджиланте, сжимающей Библию, срывается:

– Дьявол...

И мистер Уиттиер только вздыхает и говорит:

– Как же мы любим, когда у нас есть злодеи-враги...

– На, держи, – говорит Повар Убийца и бросает нож. Нож с грохотом пролетает через всю сцену и останавливается у самых носок черных туфель мистера Уиттиера.

Повар говорит:

– Оставь на нем отпечатки пальцев. Когда нас спасут, ты станешь самым ненавидимым человеком в Америке.

– Вношу поправку, приятель, – говорит мистер Уиттиер. – Самым ненавидимым *несовершеннолетним преступником* ...

– Ты должен узнать этот нож, – говорит Агент Краснобай. Его камера лежит на полу рядом с ним, такая тяжелая, что он не в силах ее поднять.

На запястье Графини Предвидящей уже нет пластикового браслета с датчиком системы слежения. Она так исхудала от голода, что браслет соскользнул с руки. Графиня Предвидящая говорит:

– Этим ножом ты меня искалечил.

– И разрезал мне ноздри, – говорит Мать-Природа и запрокидывает голову, чтобы показать свои шрамы в корке запекшейся крови. Ей приходится сжимать руку в кулак, чтобы бриллиант Леди Бомж не соскользнул с исхудающего пальца.

И мистер Уиттиер переводит взгляд с ее изуродованного носа на руки Графа Клеветника, обмотанные окровавленными тряпками, и дальше – на круг зарубцевавшейся ткани на месте недостающего уха Преподобного Безбожника. Громко хлопает ладонью о ладонь и говорит:

– А у меня для вас новость, хорошая новость... ваши три месяца истекли. – Он достает из кармана ключ. – Так что, все свободны. Можете расходиться.

Но замок забит зубчиком от пластмассовой вилки. Так что ключ все равно не войдет.

– Вчера вечером, – говорит мистер Уиттиер, помахивая ключом, – ваше дружественное привидение починило замок. Уверяю вас, он прекрасно работает.

Мы все по-прежнему сидим на сцене, кое-кто просто приклеился к доскам собственной засохшей кровью. Наша одежда: платья, сутаны и бриджи для верховой езды, – намертво прилипла к сцене.

Мистер Уиттиер наклоняется над Мисс Апчхи и подает ей руку. Он говорит:

– «И над всем безраздельно воцарились Мрак, Гибель и Красная смерть»... – Он шевелит пальцами, мол, давай бери руку, и говорит: – Ну что, пойдём?

Но Мисс Апчхи не берет его руку. Она говорит:

– Но мы же видели, как ты умер...

И мистер Уиттиер говорит:

– Вы видели, как умирало немало людей.

Тетразини с индейкой разорвало его изнутри. Он умер с истошными воплями. Мы завернули его тело в красный бархат и оттащили в подвал. Он умер.

– Не совсем, – говорит мистер Уиттиер. С помощью миссис Кларк он разыграл свою смерть, чтобы понаблюдать за тем, как события развиваются своим чередом. Он ничего не делал, лишь наблюдал – последняя камера – он не вмешался даже тогда, когда миссис Кларк умерла, пыряя себя ножом, чтобы вызвать сочувствие – только она малость перестаралась. Даже когда Директриса Отказ нашла тело и съела половину ноги. Он лишь наблюдал.

Директриса Отказ поднимает голову. Она рыгает и говорит:

– Он прав.

Мистер Уиттиер вновь галантно склоняется над Мисс Апчхи, предлагая ей руку. Он говорит:

– Я могу дать тебе всю любовь, которой тебе не хватает. Если тебя не смущает наша разница в возрасте.

Ей двадцать два. Ему тринадцать – через месяц будет четырнадцать.

Граф Клеветник говорит:

– Нет, *ты* нас не спасешь. Мы останемся здесь, пока нас не найдут.

Так было и будет всегда, говорит мистер Уиттиер. По той же самой причине дети детей детей наших детей всегда будут воевать друг с другом. Болезни и голод, они никуда не исчезнут. Потому что мы любим боль, нашу боль. Мы любим, когда все плохо. Но мы никогда не признаемся в этом.

Мисс Апчхи тянет руку к руке Уиттиера.

И Мать-Природа говорит:

– Не будь идиоткой. – Из-под груди тряпья и волос она говорит: – Он знает, что ты инфицирована этим... мозговым вирусом. – Она смеется, медные колокольчики у нее на шее звенят, струпья летят во все стороны. Она говорит: – Неужели ты веришь, что он действительно тебя любит?

Мисс Апчхи смотрит на Мать-Природу, на Святого Без-Кишок, на протянутую руку мистера Уиттиера.

– У тебя нет выбора, – говорит ей мистер Уиттиер. – Если хочешь быть любимой.

И Святой Без-Кишок говорит:

– Он тебя не любит. – У Святого на лице остались только глаза и зубы. Он говорит: – Просто Уиттиеру хочется уничтожить весь мир.

По-прежнему предлагая руку Мисс Апчхи, мистер Уиттиер трясет ключами в другой руке и говорит:

– Ну что, мы идем?

Только если мы сможем простить других. За то, что они сделали с нами...

Если мы сможем простить себя. За то, что мы сделали с другими...

Если мы сможем освободиться от наших историй. О том, как мы были злодеями и жертвами...

Только тогда у нас, может быть, и получится спасти мир.

Но мы по-прежнему сидим на сцене, ждем, когда нас спасут. Пока мы еще жертвы, пока есть надежда, что нас найдут, когда мы еще мучаемся и страдаем.

Мистер Уиттиер качает головой и щелкает языком. Он говорит:

– А, по-моему, это не так уж и плохо: остаться последними двумя

людьми на Земле. – Он берет руку Мисс Апчи, крепко сжимает безвольные пальцы. Он говорит: – Почему мир не может закончиться так же, как начинался? – И он помогает Мисс Апчи подняться на ноги.

Доказательство

Еще одни стихи о мистере Уиттиере

– Как бы вы жили? – спрашивает мистер Уиттиер.

Если бы знали, что смерти нет.

Мистер Уиттиер на сцене. Стоит, распрямившись, опираясь на обе ноги. Не сутулится.

Не трясется.

Дужка наушников обвивает петлей его шею, оттуда доносятся звуки ударных и бас-гитары.

Ноги обуты в кроссовки, шнурки не завязаны, одна нога отбивает ритм.

На сцене вместо фрагментов из фильма – яркий круг от луча прожектора, никакая проекция старой истории не скрывает его лица.

Луч света сияет так ярко, что разглаживает все морщины. стирает старческие пятна на коже.

И мы, наблюдающие за ним, мы все – дети Божьи, взятые им в заложники, чтобы Бог проявил Себя.

Чтобы принудить Господа к действию.

И если мы страдаем в должной мере, если кто-то из нас умрет... если Уиттиер будет нас истязать, будет морить нас голодом, может, тогда наша ненависть к нему станет сильнее самой смерти, и мы вернемся сюда из загробного мира, ища отмщения.

Если бы мы умирали в муках, проклиная ненавистного мистера Уиттиера... это он сам так хотел: чтобы потом мы вернулись.

Призраки, пришедшие отомстить.

Чтобы он получил доказательство, что есть жизнь после смерти.

Наши призраки, наша живучая ненависть, они подтвердили бы смерть самой Смерти.

Он, наконец, объяснил, для чего мы ему были нужны: мы были здесь лишь для того, чтобы страдать и страдать, без конца, страдать и умирать. Чтобы создать ему призрака – и побыстрее.

Чтобы утешить этого умирающего старика Уиттиера – прежде, чем он умрет сам.

Таков был его истинный замысел.

Склонившись над нами, он говорит:

– Если бы смерть была только паузой для того, чтобы уйти со сцены, сменить костюм и вернуться в качестве нового действующего лица...

Бросились бы вы ей навстречу? Или решили бы не спешить?

Если бы жизнь была всего лишь баскетбольным матчем или пьесой с концом и началом, когда участники действия, закончив играть, сразу готовятся к новому матчу, к новой постановке...

Как бы вы стали жить, доподлинно зная, что смерти нет?

Держа ключ двумя пальцами, мистер Уиттиер говорит:

– Можете оставаться здесь.

Но когда вы умрете, вернитесь обратно, хотя бы на миг.

Скажите мне. Спасите меня. Докажите, что вечная жизнь существует.

Спасите нас всех, пожалуйста, вернитесь и дайте знать.

Пусть – не мне, а кому-то другому,

Но только вернитесь, скажите.

Чтобы на Земле, наконец, воцарился мир.

Пусть у каждого будет свой призрак.

Старомодный подход

Рассказ мистера Уиттиера

В последний раз, когда они всем семейством отправились в отпуск, Евин папа согнал всех в машину и сказал, чтобы они устраивались поудобнее. Путешествие займет часа два, может быть, больше.

Они набрали закусок. Сырный попкорн, банки с содовой, чипсы с соусом барбекю. Евин брат, Ларри, и сама Ева устроились на заднем сиденье вместе с их бостонским терьером по кличке Риски. Отец, сидевший за рулем, повернул ключ зажигания. Включил вентилятор на максимум и открыл все окна. Трейси, Евина будущая бывшая мачеха, сидевшая на пассажирском сиденье впереди, сказала:

– Эй, ребята, послушайте, что тут пишут...

Трейси помахала правительственной брошюрой под названием «Эмигрировать – это здорово». Она открыла брошюру, согнула обложку и принялась читать вслух:

– Гемоглобин, содержащийся в крови, – читала она, – переносит молекулы кислорода из легких к клеткам сердца и мозга.

Примерно полгода назад все до единого граждане получили такую брошюру по почте, от главного врача Службы здравоохранения. Трейси сбросила туфли и положила босые ноги на переднюю панель. Она продолжала читать:

– Собственно, гемоглобин очень «охотно» соединяется с оксидом углерода. – Она вроде как подражала маленькой девочке: произносила слова так, как будто язык с трудом помещался у нее во рту. Трейси читала: – Когда вы вдыхаете автомобильные выхлопы, все больше и больше гемоглобина у вас в крови соединяется с оксидом углерода, образуя так называемый карбоксигемоглобин.

Ларри кормил Риски сырным попкорном, и все сиденье между ним и сестрой было усыпано ярко-оранжевой крошкой.

Отец включил радио и спросил:

– Послушаем музыку? – Взглянув на Ларри в зеркало заднего вида, он сказал: – Что ты делаешь? Хочешь, чтобы собаку стошнило?

– Замечательно, – сказал Ларри, скармливая Риски очередную штучку ярко-оранжевого попкорна. – Последнее, что я увижу, это дверь гаража изнутри, а последнее, что услышу – что-нибудь из «The Carpenters».

Но слушать было нечего. Радио смолкло неделю назад.

Бедный Ларри, бедный гот-рокер Ларри с его зловещим черным макияжем, размазанным по белому напудренному лицу, с его черными ногтями и длинными редкими волосами, выкрашенными в черный цвет. По сравнению с настоящими мертвецами, глаза которых выклевали птицы, по сравнению с трупами, чьи губы облезли, обнажив большие мертвые зубы, по сравнению с подлинной смертью, Ларри был как грустный клоун.

Бедный Ларри, он заперся у себя в комнате и не выходит несколько дней после той последней статьи в «Newsweek». Статьи, озаглавленной: «Быть мертвым – теперь это модно!». Заглавными буквами, жирным шрифтом.

Все эти годы Ларри и его группа одевались, как зомби или вампиры, в черный бархат и волочащиеся по земле лохмотья, они гуляли по кладбищам по ночам, обвешавшись четками вместо цепей и завернувшись в черные плащи, и оказалось, что все напрасно. Столько усилий – насмарку. Теперь эмигрировали уже все. Даже недалекие, ограниченные домохозяйки. Даже набожные старушки, божьи одуванчики. Адвокаты в дорогах, добротных костюмах.

В последнем номере «Time» центральная статья называлась: «Смерть – это новая жизнь».

И вот бедный Ларри сидит в машине, с Евой, отцом и Трейси. Всей семьей, включая собаку, в четырехдверном «бьюике», в гараже рядом с их домом в пригороде. Они все вдыхают угарный газ и едят сырный попкорн.

Трейси продолжает читать:

– По мере того как содержание свободного гемоглобина в крови уменьшается, клетки перестают получать кислород, задыхаются и отмирают.

Некоторые телеканалы еще работали, но по ним крутили лишь видеозапись, переданную на Землю участниками космической экспедиции на Венеру.

Собственно, все с нее и началось, с этой дурацкой космической программы. Высадка людей на Венеру. Члены экспедиции передали на Землю фрагменты видеосъемки, на которых поверхность планеты представлялась подлинным райским садом. Несчастный случай не был результатом повреждения изоляционных панелей, или испорченных уплотнительных колец, или ошибки пилота. Это был никакой не случай. Просто члены команды решили не раскрывать посадочные парашюты. Все случилось стремительно, как метеор. Обшивка космического корабля загорелась. На экране пошли помехи, и все – *Конец*.

Точно так же, как Вторая мировая война подарила миру шариковую ручку, эта космическая программа предоставила нам доказательства бессмертия души. То, что мы называли планетой Земля, – оказалось, что это всего лишь перерабатывающий завод, через который должны пройти все человеческие души. Всего лишь этап в некоем процессе очистки. Наподобие нефтеперерабатывающего комплекса, где нефть превращают в бензин и керосин. После того как людские души пройдут обработку на Земле, все мы переродимся на планете Венера.

На этом огромном заводе по совершенствованию людских душ, Земля представляет собой что-то вроде полировочного барабана. Наподобие того, который используют для шлифовки камней. Души людей поступают сюда, чтобы стереть друг о друга острые углы. Мы все должны обрести безупречную гладкость, пройдя сквозь конфликты и боль всех мастей. Сквозь все стадии шлифовки. В этом нет ничего *плохого*. Это не страдания, это *эрозия*. Всего лишь этап очистительного процесса. Очень важный этап.

Да, это звучит как бред сумасшедшего, но были фрагменты видеосъемки, переданные на Землю экипажем космического корабля, который намеренно вызвал аварию при посадке.

Эти фрагменты крутили по телевизору, по всем каналам. И ничего, кроме них. Пока посадочный модуль спускался все ниже и ниже к Венере, погружаясь в слой облаков, окружавший планету, космонавты передавали на Землю кадры чудесного мира, где люди и звери существуют в согласии и дружбе, и все улыбаются так лучезарно, что их лица буквально сияют. На этих кадрах, которые космонавты передавали на Землю, все были юными, все до единого. Вся планета была райским садом. Леса, океаны, цветущие луга и высокие горы – везде и всегда была только весна, сообщало правительство.

После этого космонавты решили не раскрывать парашюты. Их посадочный модуль разбился – ба-бах! – о поверхность Венеры, где были цветы и чистые озера. И все, что осталось: несколько минут размытой, зернистой видеозаписи, которую члены космической экспедиции успели передать на Землю. На этих кадрах все люди были как фотомодели в искрящихся нарядах из научно-фантастического будущего. Мужчины и женщины со стройными ногами и длинными волосами, возлежавшие на ступенях мраморных храмов и вкушавшие сочный виноград.

Это был рай, только с сексом и выпивкой; рай, где Бог разрешал людям все.

Это был мир, где все Десять заповедей читались: Веселись. Веселись. Веселись.

– Первые симптомы отравления угарным газом: головная боль и тошнота, – продолжает читать Трейси. – И учащенное сердцебиение, так как сердце пытается снабдить кислородом умирающий мозг.

Евин брат, Ларри, он так и не свыкся с мыслью о вечной жизни.

У Ларри была своя группа, она называлась «Фабрика оптовой смерти». У него была девушка, Джессика. Из самых ярых фанаток группы. Они с Джессикой набивали друг другу татуировки швейной иглой, которую макали в черные чернила. Они были такими продвинутыми, Ларри с Джессикой. Всегда – на пике. На самом краю самых крайностей. А потом смерть превратилась в мейнстрим. Только теперь это было не самоубийство. Теперь это называлось «эмиграцией». Разлагающиеся тела мертвых – это были уже не трупы. Эти вонючие груды гниющего мяса на тротуарах вокруг высотных зданий, на автобусных остановках, повсюду – теперь их называли «багажом». Который выбрасывали за ненадобностью.

Точно так же, как раньше всем виделся новый год. Как некая линия, начерченная на песке. Некое новое начало, которое никогда не случалось на самом деле. Так людям виделась эмиграция, но только если эмигрируют все.

Это было реальное доказательство жизни после смерти. Согласно подсчетам правительства, ни много ни мало один миллион семьсот шестьдесят тысяч сорок две человеческие души уже освободились и теперь живут на планете Венере, где вечный праздник. А остальным представителям человеческого рода придется прожить на Земле еще не один жизненный срок, исполненный страданий и боли, прежде чем их души очистятся в достаточной для эмиграции мере.

Крутятся в Большом Полировочном Барабане.

А потом правительство осенило:

Если все люди умрут одновременно, некому будет рожать детей, а значит, души уже не смогут переродиться на Земле.

Если человечество вымрет полностью, тогда мы все эмигрируем на Венеру. Независимо от степени просветления.

Но... если останется хоть одна пара, способная родить ребенка, рождение этого ребенка вновь призовет душу на Землю. И все может начаться заново.

Еще несколько дней назад по телевидению передавали документальные репортажи о том, как активисты эмиграционного движения расправляются с теми, кто еще не созрел для великого переселения. Как отряды Эмиграционного содействия – люди, одетые в белое, с белыми автоматами в руках – подвергают принудительной

эмиграции целые поселения «отказников». Как бомбят целые города, чтобы переместить их упертых жителей на новый этап очищения. Никто не позволил бы, чтобы горстка каких-то дремучих придурков, размахивающих своей Библией, удержала бы всех остальных на Земле, на этой старой и грязной планете, устаревшей, немодной и явно далекой от совершенства, тем более когда нам всем не терпится совершить большой шаг вперед на пути духовной эволюции. Поэтому всех упорствующих отравили – для их же блага. Дикие африканские племена изничтожили нервно-паралитическим газом. Китай забросали ядерными бомбами.

Мы «толкали» им фторид и всеобщую грамотность, мы могли подтолкнуть эмиграцию.

Если останется хоть одна пара упертых придурков, вполне может так получиться, что ты станешь их грязным невежественным ребенком. Если останется хотя бы одно жалкое племя с рисовых полей «третьего мира», твоя бесценная душа может снова вернуться на Землю – чтобы прихлопывать мух и давиться прогорклой кашей с крысиным дерьмом под их жарким азиатским солнцем.

Да, разумеется, это был большой риск. Переселить всех на Венеру, всех вместе. Но теперь, когда смерть умерла, человечеству было нечего терять.

Таков был заголовок центральной статьи в последнем номере «New York Times»: «Смерть умерла».

USA Today назвала это: «Смерть самой смерти».

Смерть развенчали. Как Санта-Клауса. Или Зубную фею.

Жизнь осталась единственной альтернативой... но теперь жизнь казалась бесконечной... бессрочной... вечной... ловушкой.

Ларри и его девушка, Джессика, собирались сбежать. Спрятаться. Теперь, когда смерть превратилась в мейнстрим, Ларри с Джессикой хотели остаться в живых. Просто из чувства противоречия. Это будет их бунт. У них будут дети. Целая куча детей. Они обломают духовную эволюцию всему человечеству. А потом предки Джессики подсунули ей за завтраком молоко, куда подмешали отраву для муравьев. И все. *Конец.*

После этого Ларри каждый день ездил в город и собирал обезболивающие препараты в брошенных аптеках. Принимать викадин и бить стекла в витринах, говорил Ларри, для него это вполне достаточное просветление. Он угонял машины, и разъезжал по заброшенным китайским лавкам, и возвращался домой под вечер, весь обдолбанный и присыпанный белым тальком из взорвавшихся пневмоподушек.

Ларри говорил, что ему хотелось попробовать все, исчерпать этот мир

до конца, прежде чем перебираться в следующий.

Ева, его младшая сестра, не раз говорила ему, что пора повзрослеть; что Джессика была не последней чумной фанаткой гот-рока.

А Ларри только смотрел на нее, обдолбанный вусмерть, и моргал, словно в замедленной съемке, и отвечал:

– Вот именно, Ева. Джесси была последней...

Бедный Ларри.

Вот почему, когда отец сказал, что пора отправляться, Ларри только пожал плечами и забрался в машину. Уселся на заднем сиденье, держа на коленях Риски, их бостонского терьера. Он не стал пристегивать ремень безопасности. Они же не собирались куда-то ехать. По крайней мере в физическом смысле.

Это был духовный нью-эйджевый эквивалент всякой идеи, призванной спасти мир. От метрической системы мер до евро. До прививок против полиомиелита... Христианства... Рефлексологии... Эсперанто...

И момент для воплощения этой идеи был самый что ни на есть подходящий. Загрязнение окружающей среды, перенаселенность, войны, болезни, политическая коррупция, сексуальные извращения, наркомания, убийства... да, все это было и раньше, но тогда еще не было телевидения, заострявшего наше внимание на этих проблемах. А теперь телевидение появилось. Постоянное напоминание. Культура жалоб и всеобщего недовольства. Все не так, все не так, все не так... Большинство людей никогда бы этого не признали, но они всю свою жизнь только и делали, что брюзжали. С первых же мгновений своего появления на свет. Как только их голова высунулась наружу и по глазам резанул яркий свет родительной палаты, все сразу стало не так. Им больше уже никогда не было так хорошо и уютно, как прежде.

Одни только усилия, которые мы прилагаем, чтобы поддерживать жизнь в этом дурацком физическом теле, одни только поиски пищи, готовка, мытье посуды, сохранение тела в тепле, содержание его в чистоте, душ, сон, прогулки, кишечные отправления, выросшие волосы – это прямо-таки непосильный труд.

Сидя в машине, под вентилятором, задувающим дым ей в лицо, Трейси читает:

– Сердцебиение учащается, глаза закрываются. Вы теряете сознание...

Евин отец познакомился с Трейси в тренажерном зале. Они стали тренироваться вместе и подготовили парное выступление по бодибилдингу. Заняли первое место на каких-то там соревнованиях и поженились, отпраздновав таким образом свою победу. Единственная причина, почему

мы не эмигрировали гораздо раньше: они все еще находились на пике соревновательной формы. Они так замечательно выглядели, ощущали в себе столько силы – как никогда. И им было не очень приятно узнать, что обладать телом – даже таким безупречным телом, с накачанной мускулатурой и всего лишь двумя процентами жира, – теперь это как ездить на муле, когда все человечество гоняет на реактивных самолетах. Как дымовые сигналы по сравнению с сотовым телефоном.

Трейси по-прежнему занималась на велотренажере, почти каждый день. Совершенно одна, в огромном пустом спортзале, она крутила педали под музыку диско и выкрикивала ободряющие замечания группе по аэробике, которой там уже не было. В зале тяжелой атлетики Евин отец работал со штангой и качался на силовых тренажерах, но ставил не самую большую нагрузку, поскольку он был там один, и никто его не видел. И что еще хуже, не осталось уже никого, с кем папа и Трейси могли бы соревноваться. Никого, перед кем можно было бы себя показать. Никого, кого можно было бы победить.

Евин папа любил повторять одну шутку: сколько нужно бодибилдеров, чтобы вкрутить лампочку?

Ответ: четыре. Один вкручивает лампочку, а трое стоят, наблюдают и говорят: «Да, дружище, ты в *офигительной* форме!»

В случае с папой и Трейси, им нужно было не меньше нескольких сотен зрителей, которые бы им аплодировали и смотрели, как они принимают на сцене различные позы, играя мышцами. И все же нельзя было не согласиться, что человеческое тело – пусть даже самое что ни на есть идеальное, усовершенствованное витаминами, коллагеном и силиконом, – теперь безнадежно устарело.

Но вот что забавно: Евин папа любил повторять еще и такую фразу: «Если все пойдут прыгать с моста, ты что, сиганешь вместе за всеми?»

Эксперты сделали вывод, что сейчас, впервые в истории, у нас есть все условия, необходимые для массовой эмиграции. Космические исследования предоставили нам доказательство, что загробная жизнь существует. У нас были все нужные средства массовой информации, чтобы об этом узнал весь мир. У нас было оружие массового уничтожения, чтобы осуществить всеобщую эмиграцию.

Если все человечество не исчезнет, и будут какие-то следующие поколения, они не будут знать того, что знали мы. У них не будет тех инструментов, которые были у нас – благодаря которым мы осуществили массовую эмиграцию. Они будут влачить свое жалкое существование, питаясь крысиным дерьмом и даже не ведая о том, что мы все могли бы

жить на Венере, в сплошных удовольствиях и неге.

Разумеется, многие выступали за то, чтобы «убедить» всех противников эмиграции, попросту закидав их ядерными бомбами, но одна лишь операция по уничтожению полудиких племен на всех островах южной части Тихого океана полностью опустошила наши ядерные арсеналы. Радиация распространялась не так, как на это надеялись. В Австралии настала ядерная зима, но продержалась всего пару месяцев. Прошли сильные ливни, рыба в море подохла, однако мерзавка-погода вкуче с приливами и отливами быстро нейтрализовала всю нашу отраву. Весь эмиграционный потенциал был растрочен впустую, поскольку все население Австралии, на сто процентов, с самого начала поддерживало эмиграцию.

Весь наш нервно-паралитический газ и бактериологическое оружие, все наши бомбы, ядерные и обычные – они себя не оправдали. Мы даже и не приблизились к тому, чтобы истребить все человечество. Люди прятались в пещерах. Разъезжали верхом на верблюдах по безбрежным пустыням. И все эти отсталые в развитии идиоты могли, сколько угодно, сношаться. Сперматозоид оплодотворяет яйцеклетку, и твою душу притягивает обратно, и ей снова приходится отбывать очередной утомительный срок, пожизненно. Есть, спать, обгорать на солнце. На Земле – планете обид. На планете конфликтов. На планете боли.

Главной, наиболее приоритетной целью отрядов Эмиграционного содействия с их чистыми белыми автоматами были несогласные женщины в возрасте от четырнадцати до тридцати пяти. За ними шли все остальные женщины: цель, вторая по значимости. На третьем месте стояли отказники-мужчины. Если у обряженных в белое поборников эмиграции заканчивались патроны, они оставляли в живых мужчин и старух, неспособных к деторождению – чтобы те состарились и эмигрировали естественным способом.

Трейси, которая относилась к первоочередной категории целей, всегда боялась, что ее могут пристрелить по дороге в спортзал. Но большинство отрядов ЭС действовали за городом или в горах – в глухих местах, где могли спрятаться люди, не желающие эмигрировать и способные иметь детей.

Горстка каких-нибудь идиотов могла загубить тебе всю духовную эволюцию. Это было бы несправедливо.

Все остальные, миллионы душ – они уже веселились на грандиозном празднестве. На видео, переданном с Венеры, мелькали лица известных людей, которые достаточно пострадали на Земле, и им было уже не

нужно возвращаться сюда и проживать еще одну жизнь. Там были Грейс Келли и Джим Моррисон. Джеки Кеннеди и Джон Леннон. Курт Кобейн. Это те, кого Ева узнала. Они все были там, на большой вечеринке, счастливые и молодые – навечно.

Среди покойных знаменитостей бродили вымершие животные: странствующие голуби, утконосы, гигантские дронты.

В теленовостях постоянно рассказывали о том, кто из известных людей только что эмигрировал. Их превозносили, ими восхищались. Если даже они, эти люди, кинозвезды и знаменитые рок-музыканты, смогли эмигрировать ради блага всего человечества... эти люди, у которых здесь было все: деньги, слава, талант... если смогли они, значит, смогут и все остальные.

В последнем номере журнала «People» была большая статья под названием: «Круиз в никуда». Несколько тысяч красивых, хорошо одетых людей – модельеров и супермоделей, магнатов программного обеспечения и профессиональных спортсменов, – сели на круизный лайнер «Королева Мария II» и пустились через Атлантический океан курсом на север, в поисках подходящего айсберга, чтобы впилиться в него на полном ходу.

Авиалайнеры бились о вершины гор.

Туристические автобусы срывались со скал в океан.

Здесь, в США, многие покупали себе специальный набор «В добрый путь». Их продавали в универмагах «Wal-Mart» и сети аптек «Rite Aid». В наборы первого поколения входили барбитураты, упакованные в пластиковый пакет. Пакеты надевались на голову и затягивались на шее шнурком. Потом появились жевательные таблетки с цианидом, со вкусом вишни. Многие эмигрировали прямо посреди магазина – не заплатив за набор, – и администрации «Wal-Mart» пришлось убрать эти наборы на кассу, вместе с сигаретами, так чтобы люди сначала платили и только потом получали покупку. Каждые две-три минуты в торговом зале звучало обращение к покупателям, в котором их призывали проявить вежливость по отношению к другим покупателям и администрации универмага и не эмигрировать, находясь на территории магазина... Большое спасибо.

В самом начале некоторые пытались «продвинуть» метод, который они называли французским. Идея была такая: надо стерилизовать всех и каждого. Сперва предлагалось сделать всем хирургическую операцию, но это заняло бы слишком много времени. Потом родилась мысль облучать детородные органы направленной радиацией. Но к тому времени все врачи уже эмигрировали. Врачи ушли в первых рядах. Да, смерть была их врагом, но куда им без смерти? Без смерти им плохо. Им попросту нечего делать. А

в отсутствие врачей людей облучали вахтеры и дворники. Люди получали ожоги. Потом вышла из строя система энергоснабжения. *Конец.*

К тому времени все красивые, модные люди уже эмигрировали, с шиком приняв цианид, растворенный в шампанском, на гламурных тусовках «Bon Voyage». Они брались за руки и прыгали с крыш небоскребов, прямо с террас роскошных пентхаусов. Люди, которые и так уже малость пресытились жизнью: кинозвезды, известные музыканты, прославленные спортсмены. Супермодели и миллиардеры от программного обеспечения, они ушли еще в первую неделю.

Каждый день Евин папа возвращался домой с работы и рассказывал, кто еще из сотрудников его фирмы ушел навсегда. И кто из соседей. Это было понятно сразу. Трава на лужайках у их домов явно требовала подстрижки. Газеты и письма копились на крыльце. Шторы в их окнах всегда оставались задернутыми, свет никогда не включался, и, проходя мимо дома, ты чувствовал густой сладковатый запах, как будто внутри гнили какие-то фрукты или мясо. Воздух буквально гудел от жужжания черных мух.

Таким был дом Фринков, который рядом с их домом. И дом напротив.

В первые две-три недели это было даже прикольно: Ларри уматывал в город и играл на электрогитаре перед пустым залом на сцене Гражданского театра. Ева бродила по пустынному торговому центру и брала что хотела, как у себя дома. Школа закрылась, и уже никогда – никогда – не откроется снова.

Но их отец... было видно, что он уже потерял интерес к Трейси. Их отец никогда не был силен в отношениях с женщинами по окончании первого романтического периода. В обычных условиях он начинал активно «ходить налево». Находил себе новую подругу из сослуживиц. Но сейчас он просто сидел перед теликом и смотрел запись, переданную с Венеры; смотрел очень внимательно, чуть ли не касаясь носом экрана, и особенно в тех местах, где можно было различить людей, этих красивых людей, которые все были как фотомодели, ходили голыми, валялись вповалку в траве или сплетались телами в длинные гирлянды. Слизывали друг с друга капли красного вина. И трахались, не опасаясь залета, нехороших болезней и Божьего гнева.

Трейси составляла список тех знаменитостей, с кем ей хотелось бы подружиться, когда их семейство окажется на Венере. На первом месте в этом списке стояла мать Тереза.

Теперь даже любящие мамы поторапливали детишек и орали на них, чтобы те побыстрее допивали свое отравленное молоко, потому что хватит

сидеть на жопе, давно пора перейти к следующей стадии духовной эволюции. Жизнь и смерть превратились в этапы, которые следовало миновать как можно скорее, наподобие того, как учителя гонят детишек из класса в класс, вплоть до выпускных экзаменов – независимо от того, чему они научились, а чему не научились. Большие гонки. Бешеная погоня за просветлением.

И вот, уже сидя в машине, Трейси читает охрипшим от дыма голосом:

– Когда начинается отмирание клеток сердечных клапанов, главные камеры сердца, называемые *желудочками*, начинают сбоить и уже не могут гнать кровь по телу...

Она кашляет и читает:

– Без притока крови мозг прекращает свою жизнедеятельность. Вы эмигрируете за считанные минуты. – Трейси захлопывает брошюрку. *Конец.*

Евин отец говорит:

– Прощай, планета Земля.

И Риски, бостонский терьер, облевывает все сиденье сырным попкорном.

Запах собачьей блевотины и чавканье Риски, который тут же все это съедает, – они гораздо противнее угарного газа.

Ларри глядит на сестру, вокруг его глаз размазана черная тушь. Он моргает, как будто в замедленной съемке, и говорит:

– Ева, выведи своего пса из машины. Пусть проблется на улице.

Если вдруг Ева вернется, а их уже здесь не будет, говорит ей отец, там, на кухне, лежит набор «В добрый путь». Он говорит, чтобы Ева не слишком задерживалась. Они будут ждать ее там, на большом празднике.

Евина будущая бывшая мачеха говорит:

– Не держи дверь открытой, чтобы не выпустить дым. – Трейси говорит: – Я хочу эмигрировать, а не остаться debilкой с повредившимися мозгами.

– А они разве еще не уже? – говорит Ева и выводит собаку во двор. Там по-прежнему светит солнце. Птицы вьют гнезда. Птицы – глупые, они не знают, что эта планета вышла из моды. По розам ползают пчелы, забираются в самую сердцевину цветов. Пчелы тоже не знают, что их мир устарел.

На разделочном столе рядом с раковиной на кухне лежит набор «В добрый путь», целая упаковка таблеток цианида. С новым, лимонным, вкусом. Для всей семьи. На картонной коробочке нарисован пустой желудок. Рядом – часы, которые отсчитывают три минуты. А потом твоя

нарисованная душа проснется в мире сплошных удовольствий. На следующей планете. На новом витке эволюции.

Ева выдавливает одну таблетку, ярко-желтый приплюснутый шарик с нарисованной на нем красной радостной рожицей. Даже если красный краситель токсичен, это уже никого не волнует. Ева выдавливает все таблетки. Все восемь пилюлек. Относит их в ванную и спускает в унитаз.

Машина там, в гараже, все гудит. Встав на пластмассовый стул, Ева заглядывает в окно. Ей видны головы тех, кто в машине. Папа. Будущая бывшая мачеха. Брат.

Риски нюхает щель под гаражной дверью, нюхает едкие испарения, сочащиеся изнутри. Ева кричит ему: фу. Она зовет его на лужайку, на солнышко. Все вокруг – тихо-тихо, только птицы щебечут и пчелы гудят, а их задний двор уже выглядит малость запущенным. И траву на лужайке явно бы не помешало постричь. Теперь, когда на дороге нет ни единой машины, в небе – ни одного самолета, когда все газонокосилки молчат, птичье пение кажется таким же громким, каким раньше был шум уличного движения.

Ева ложится в траву, задирает рубашку и подставляет живот теплему свету солнца. Она закрывает глаза и медленно водит пальцем вокруг пупка.

Риски лает. Один раз, другой.

И чей-то голос говорит:

– Привет.

Над забором, разделяющим их двор и соседний, возникает лицо. Светлые волосы, розовые прыщи. Это Адам, мальчишка из Евиной школы. Из тех времен, когда школы еще не закрылись. Адам привстает на носки и закидывает на забор локти. Положив подбородок на руки, Адам говорит:

– Ты слышала, что случилось с девушкой твоего брата?

Ева закрывает глаза и говорит:

– Звучит дико, я понимаю, но я скучаю по Смерти...

Адам перекидывает одну ногу через забор и говорит:

– Твои предки чего, эмигрируют?

В гараже, двигатель заведенной машины чихает, и один из цилиндров не попадает в такт. Словно сердце пропускает один удар. Сердечный желудочек дает сбой. Сквозь стекло видно, как внутри гаража клубится серый дым. Двигатель снова чихает и вдруг умолкает. Внутри – все неподвижно. Вся Евина семья, теперь это просто багаж, выброшенный за ненадобностью.

Лежа в траве, на солнышке, чувствуя, как ее кожа натягивается и краснеет, Ева говорит:

– Бедный Ларри.

Она по-прежнему водит пальцем вокруг пупка.

Риски подходит к забору и смотрит, как Адам перелезает на эту сторону. Мальчик наклоняется, чтобы погладить собаку. Почесав Риски под подбородком, Адам говорит:

– Ты им сказала, что у нас будет маленький?

И Ева молчит. Ева не открывает глаз.

Адам говорит:

– Если от нас пойдет новый человеческий род, наши предки *ужасно* рассердятся...

Солнце почти в зените. То, что похоже на шум машин, – это ветер, носящийся по опустевшим дворам.

Материальные блага уже никому не нужны. Деньги превратились в бумажки. Положение в обществе никого не волнует.

Еще три месяца будет лето. О еде беспокоиться нечего: тут столько консервов, что хватит на сто лет вперед. То есть если ее не застрелят автоматчики из службы Эмиграционного содействия. Она же приоритетная цель. Первоочередной категории. *Конец*.

Ева открывает глаза и смотрит на белую точку на голубом горизонте. Утренняя звезда. Венера.

– Если этот ребенок родится, – говорит Ева, – я надеюсь, что это будет... Трейси.

Мистер Уиттиер ведет Мисс Апчхи к двери. К миру, который снаружи. Они идут к двери, вдвоем. Держась за руки. Вот он, наш мир без дьявола, наша вилла Диодати без чудовища, на которого можно свалить всю вину. Мистер Уиттиер приоткрывает входную дверь, совсем немножко – чтобы в здание проник луч настоящего света солнца. Яркая прорезь – полная противоположность той черной щели, которая встретила нас по прибытии.

Мисс Апчхи так же, как и Кассандра Кларк, – невеста мистера Уиттиера. Та единственная, кого он хочет спасти.

Прожектор перегорел. Или он просто горел так долго, с таким накалом – и что-то *трагическое* происходило все время, что-то *ужасное*, что-то *волнующее* и *захватывающее*, все время, – что сработал автоматический выключатель питания.

Обмороженная Баронесса спит в своем ворохе тряпок и кружев; сально-розовые губы, которых нет, шевелятся во сне. Граф Клеветник тоже бормочет во сне, проигрывая в голове эпизоды из нашей истории.

Мы все похожи на спящих, или на впавших в прострацию, или на грезящих наяву. Каждый бормочет, что мы ни в чем не виноваты. Мы – жертвы. Чего только с нами не делали, но мы сами не делали ничего.

Только Святой Без-Кишок с Матерью-Природой перешептываются друг с другом. Святой то и дело поглядывает на приоткрытую дверь, на трещину яркого света в сумраке. Мистер Уиттиер и Мисс Апчхи – их темные силуэты, обведенные контуром света, растворяются в ярком сиянии солнца.

А мы, все остальные, растворяемся в наших костюмах, в ворсинках ковра, в досках пола.

Мать-Природа все повторяет, как будто у нее заело пластинку:

– Остановите их... остановите их...

А что, говорит ей Святой Без-Кишок, это будет вполне подходящий счастливый конец. Двое юных влюбленных выходят из тьмы к свету нового дня. Они приведут помощь и спасут всю группу. Эти двое, они могут быть жертвами и героями.

Но Мать-Природа лишь шепчет:

– Пока еще рано.

Надо выждать еще немного. Они молодые, они могут позволить себе подождать, пока не умрет еще несколько человек.

Вполне может так получиться, что Мать-Природа и Святой Без-Кишок переживут старого мистера Уиттиера и больную Мисс Апчхи.

Стоит лишь посмотреть на всех остальных: сразу видно, что Агент Краснобай и Повар Убийца не протянут и дня. Грудь Обмороженной Баронессы, затянутая парчой, уже не вздымается и не опадает, ее губы, которых нет, посинели. Выщипанные брови Безбожника больше не отрастают.

Да, еще рано. Ведь чем дольше они смогут выждать, тем меньше останется претендентов на гонорар.

И вполне может так получиться, что Матери-Природе и Святому Без-Кишок достанется все. Все деньги. Вся слава. Вся жалость.

– Или мы тоже умрем, – говорит Святой Без-Кишок. Его штанины и низ рубашки, приклеенные к сцене засохшей кровью, натягиваются и рвутся. Святой Без-Кишок поднимается на ноги и говорит: – Я пошел.

Не сейчас, говорит Мать-Природа. Цедит сквозь зубы.

Святой Без-Кишок делает шаг и спотыкается. Ноги подкашиваются, и он падает на четвереньки. Он ползет к приоткрытой двери и говорит:

– Как мне их остановить?

Мать-Природа хватается за ногу и говорит:

– погоди. – Она прикасается к точкам удовольствия у него на стопе, и от этого прикосновения глаза у Святого закатываются, а потом она отпускает его и говорит: – Помоги мне...

Они ползут к двери, обозначенной солнечным светом. Там, где луч света касается бетонного пола, пол ощутимо нагрелся. Они ползут, зажмурив глаза, ослепленные ярким сиянием. Они пробираются к двери на ощупь, ориентируясь по теплой дорожке, считывая руками эту тепловую азбуку Брайля, пока не находят дверной косяк – теми пальцами, которые еще остались. Они находят свет солнца – кожей губ и век.

Небо над переулком – узкая голубая полоска. Там прячут птицы. И плывут облака. Птицы и облака, которые не паутина. В ослепительной синеве, которая не бархат и не краска.

Святой Без-Кишок говорит, выглядывая наружу:

– Я знаю, где мы. – Скосив глаза, он говорит: – Они все еще здесь. – Он показывает пальцем и говорит: – Мисс Апчхи, подожди...

Мать-Природа мертвой хваткой вцепилась в его рубашку и пояс штанов. Он ползет дальше, вперед. Он говорит:

– Пожалуйста, подожди.

Он уже наполовину снаружи; ползет по асфальту, по битому стеклу и разбросанному по всему переулку мусору, такому прекрасному, теплomu

мусору, нагретому лучами настоящего солнца. Святой Без-Кишок говорит:

– Подожди!

Две фигуры бредут, пошатываясь, к выходу из переуллка: девушка еще близко, а старик – уже почти в квартале отсюда. Он поднимает руку, и к нему подъезжает такси.

Святой кричит:

– Мисс Апчхи!

Он кричит:

– Подожди!

Мисс Апчхи оборачивается к нему.

А потом... а потом... *Кх-ррк!*

Нож, который лежал на полу, нож, брошенный мистеру Уиттиеру Поваром Убийцей, Мать-Природа его подняла.

Теперь нож торчит из груди Мисс Апчхи, он еще содрогается при каждом ударе сердца, но с каждым разом все слабее и слабее. Мать-Природа и Святой Без-Кишок волокут Мисс Апчхи внутрь. Назад, в темноту.

Нож подрагивает все слабее и слабее. Они кое-как поднимаются на ноги и закрывают дверь. Металлическая дверь скрипит. Полоска неба становится все у же и у же, и, в конце концов, не остается вообще ничего: ни птиц, ни облаков, ни пронзительной синевы.

Мистер Уиттиер кричит им снаружи: стойте!

Его голос все ближе и ближе.

Нож уже почти не дрожит.

И Мать-Природа говорит:

– Я же сказала: «Еще не время».

А потом нож замирает. И это несчастное создание, которое вечно чихало, кашляло и шмыгало носом, смерти которого мы ждали с самого первого дня – Мисс Апчхи, наконец, умирает.

Святой Без-Кишок держит дверь. Замок открывается с той стороны. Ручка дергается. Святой запирает замок, и его вновь открывают.

Святой запирает замок и кричит:

– Нет.

И замок открывается, с той стороны.

Снова здесь, в холоде и темноте, Мать-Природа вытаскивает липкий нож из груди Мисс Апчхи. Потом сует кончик ножа в замок и ломает лезвие.

Замок испорчен. Нож тоже испорчен. Бедная-бедная Мисс Апчхи с ее красными, вечно слезящимися глазами и сопливым носом, теперь она лишь

реквизит в нашей истории. Человек, превратившийся в вещь. Как будто ты распорол тряпичную куклу с каким-нибудь глупым, дурацким именем, а внутри: Настоящие потроха, настоящие легкие, живое сердце и кровь. Много горячей и липкой крови.

Теперь претендентов на эту историю стало еще меньше.

На историю о том, что с нами сделали.

Мы все еще здесь. Сидим, сбившись в сумрачный кружок, вокруг *призрачьего* огонька.

Голос мистера Уиттиера, его истошные вопли доносятся с той стороны. Его кулаки бьются в стальную дверь. Он хочет войти сюда, внутрь. Ему не хочется умирать одному.

Мы все еще ждем, повторяя нашу историю в Музее нас.

Это наша перманентная генеральная репетиция.

Как мистер Уиттиер запер нас в этом здании. Как он нас истязал, морил голодом. Убивал.

Мы заучиваем свои роли: Мифологию нас.

И уже очень скоро, буквально на днях, сюда придут люди. Они нас спасут. Люди нас выслушают. И полюбят. В один прекрасный, солнечный день, уже очень скоро, нас полюбит весь мир.

notes

Примечания

Виджиланте – Vigilante – член «комитета бдительности», добровольной общественной организации, из тех, что создавались в Америке во второй половине XIX века, когда добропорядочные граждане объединялись для утверждения «закона и порядка». Такие комитеты брали на себя полномочия законной власти до ее установления в районах Фронттира. В более поздний период такие объединения действовали в поселках скотоводов и старателей на Дальнем Западе, где часто не было суда, тюрьмы и шерифа. В большинстве случаев разбирательство дел в комитетах напоминало суд, и по их приговору толпа избивала, порола кнутами или казнила осужденного. Нередко толпа чинила самосуд над осужденным законным судом, но скрывшимся от правосудия преступником. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Рольфинг – комплексная система массажа, вызывающего структурные изменения в теле пациента. Назван по имени его изобретателя, американского биохимика и физиотерапевта Иды Рольф (1896–1979). Рэйки – здесь: метод нетрадиционной медицины, основанный на работе с универсальной жизненной энергией, заключенной в теле человека.

Кокопелли – древний мифический персонаж американских индейцев, которому посвящено множество произведений национального искусства индейцев. Его часто изображали в виде горбуна, играющего на дудочке. Кокопелли считался богом плодородия и странствующим проказником, учинявшим различные шалости.

Здесь игра слов. В оригинале автор употребляет слово *procurement*, которое в английском языке имеет значения: «приобретение, покупка; снабжение; *сводничество*». Детектив намекает именно на это последнее значение.

Группа Доннера – группа из 87 переселенцев из Иллинойса под предводительством Джорджа Доннера, отрезанных от мира снегами в горах Сьерра-Невада на севере Калифорнии зимой 1846–1847 гг. Когда у них закончились запасы пищи, и 40 человек, в том числе 39 детей, умерли от голода, оставшиеся в живых стали есть трупы погибших. – *Примеч. пер.*

Название этого рассказа повторяет название последнего фильма Мэрилин Монро «Something's Got to Give», который так и не был закончен. У нас это название переводят как «Что-то непременно случится». Встречается и такой вариант: «Получить свое».

«Поджигательницы бюстгалтеров» (bra-burners) – историческая реальность американской жизни. Некоторые активистки движения за права женщин рассматривали бюстгалтер как деталь одежды, которая унижает женщину, потому что женщина носит бюстгалтер, чтобы нравиться мужчинам. Следуя примеру мужчин, публично сжигавших призывные повестки во время войны во Вьетнаме в 1970-х годах, некоторые активистки осуществили акт публичного сожжения своих бюстгалтеров. Сейчас это выражение употребляется в переносном смысле, в значении «воинствующая феминистка, активистка женского движения».

В русском прокате: «В джазе только девушки».

Микки Финн – Mickey Finn – своеобразный «коктейль», когда в крепкий спиртной напиток добавляют хлоралгидрат. Получается сильнодействующее одурманивающее средство, способное «вырубить» человека с одной порции.